

2020 №3

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ | CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Дворянчиков Н.В.

Рецензия на монографию П.П. Серкова «Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования)».....2-4

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И., Сундукова В.В.

Психологические особенности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы.....5-19

Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В., Гончаренко А.В.

Профессиональное самоотношение и адаптация сотрудников уголовно-исполнительной системы.....20-35

Котенева А.В.

Смысло-жизненные ориентации и биопсихологический возраст сотрудников уголовно-исполнительной системы.....36-51

Ibrahim Abdelrahim Ibrahim Humaida

Prevalence of Borderline Personality Disorder and its Tendency to Sex Offending Among Inmates in Omdurman Jail (Sudan).....52-62

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Бамбуров К.А., Луковцева З.В.

К вопросу о методических проблемах психологического обследования лиц, ранее освидетельствованных в состоянии опьянения.....63-72

Kaja Glomb

Does eyewitness guess or recognize? Bootstrapping face and object identification accuracy.....73-85

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ | PSYCHOLOGY OF DEVIANANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.

Креативность и девиантность: современное состояние проблемы в психологии.....86-107

Корсаков К.В.

Суицид в фокусе криминологической науки.....108-119

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | INTERDISCIPLINARY STUDIES

Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д.

Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть 1).....120-142

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.

Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории.....143-157

ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ | LEGAL PSYCHOLOGY

Протасова И.Н., Сычев О.А., Аношкин И.В.

Ценностные и моральные основы правового нигилизма молодежи.....158-173

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Шульга Т.И., Дворянчиков Н.В.

Представления подростков о девиантном поведении.....174-188

Миронова О.И.

Психологические особенности молодых людей, вовлеченных в религиозные и культовые организации через интернет-пространство.....189-210

Григорьева А.А., Усова Л.Е.

Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и рисков употребления психоактивных веществ у подростков.....211-223

Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В., Ростокинский А.В., Калиновская В.С.

Исследование особенностей молодежного вандализма и выработка инструментария его профилактики.....224-234

Нуцкова Е.В., Бадмаева В.Д.

Последствия сексуального насилия и злоупотребления в отношении несовершеннолетних: гендерная специфика.....235-247

Сыроквашина К.В.

Психологический анализ в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о самоубийстве несовершеннолетних: алгоритм, факторы, основные элементы.....248-259

CONTENT:

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Dvoryanchikov N.V.

Review of Monograf by P.P. Serkov «Legal Relationship (Morality of modern Legal regulation)».....2-4

THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I., Sundukova V.V.

Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their Sentences in Confinement Institutions.....5-19

Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V., Goncharenko A.V.

Professional Self-esteem and Adaptation of the Penitentiary System Staff 20-35

Koteneva A.V.

The life-meaning Orientations and Biopsychological Age of Correctional Officials 36-51

Ibrahim Abdelrahim Ibrahim Humaida

Prevalence of Borderline Personality Disorder and its Tendency to Sex Offending Among Inmates in Omdurman Jail (Sudan).....52-62

FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Bamburov K.A., Lukovtseva Z.V.

On the Question of Procedural Issues of Psychological Examination of Individuals Previously Examined and Found to be Intoxicated with Alcohol.....63-72

Kaja Glomb

Does eyewitness guess or recognize? Bootstrapping face and object identification accuracy.....73-85

PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Meshkova N.V., Enikolopov S.N.

Creativity and Deviance: The Present State of the Problem in Psychology 86-107

Korsakov K.V.

Suicide in the Focus of Criminology 108-119

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Bovina I.B., Bovin B.G., Tikhonova A.D.

Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part I).....120-142

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.

Living in a digital society: from the point of view of one social psychological perspective 143-157

LEGAL PSYCHOLOGY

Protasova I.N., Sychev O.A., Anoshkin I.V.

Values-related and Moral Foundations of legal Nihilism of Youth 158-173

JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Shulga T.I., Dvoryanchikov N.V.

Adolescents' Perceptions of Deviant Behavior 174-188

Mironova O.I.

Psychological Characteristics of Young People Involved in Religious and Cult Organizations via the Internet Space 189-210

Grigoryeva A.A., Usova L.E.

Relationship between propensity to victim behavior and the risks of substance use in adolescents 211-223

Nikolaeva Y.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V., Rostokinskiy A. V., Kalinovskaya V.S.

Research of Features Of Youth Vandalism And Development of Its Prevention Tools 224-234

Nutskova E.V., Badmaeva V.D.

Consequences of Sexual Violence and Abuse On Minors: Gender Specifics 235-247

Syrovkashina K.V.

Psychological analysis in the framework of the comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in cases of juvenile suicide: algorithm, factors, main elements.....248-259

Уважаемые читатели!

Представляем Вашему вниманию третий номер нашего журнала «Психология и право» за 2020 год. В данном номере особое внимание уделено материалам по пенитенциарной психологии и практике исполнения наказаний. При этом акцент сделан на изучение личностных особенностей и деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Содержание статей отражает многообразие направлений исследований юридической психологии в контексте глобальных процессов, происходящих как в мировом сообществе, так и в нашей стране.

В этом контексте представляет особый интерес теоретико-аналитическое исследование трансформаций, которые происходят с человеком в цифровом обществе.

К глобальным проблемам, вызывающим особое беспокойство, относится проблема терроризма, радикализации социальных ценностей. В разделе «Междисциплинарные исследования» раскрыт один из механизмов вовлечения людей в радикальные организации и показаны психологические возможности противодействия терроризму.

Читатель найдет также статьи, в которых анализируются закономерности проявления правовой психологии, в частности, ценности и моральные основы правового нигилизма; сравнительный анализ психологических особенностей суицидентов и лиц, склонных к совершению преступлений. Несомненно, у специалистов вызовут интерес статьи по судебной и клинической психологии в юридическом контексте. Раскрыты методологические подходы психологического обследования лиц, ранее освидетельствованных в состоянии опьянения.

Новые виды преступлений, прежде всего мошеннического характера, актуализировали проблему креативности и девиантности. Ведущие специалисты по изучению данных вопросов поделятся результатами своего исследования.

Опубликован ряд статей по ювенальной юридической психологии. И хотя данный термин не всеми разделяется, но, несомненно, что представленные в разделе материалы исследований об особенностях личности несовершеннолетних правонарушителей и профилактике таких форм девиантного поведения как вандализм, употребление психоактивных веществ – привлекут внимание ученых и практиков.

Уважаемые читатели, редколлегия журнала и авторы статей, как всегда, стремились, чтобы номер был содержательным, актуальным, отражал потребности практиков и ученых. Надеемся, что в данном номере Вы нашли материалы, которые соответствуют Вашим ожиданиям и профессиональным интересам.

Искренне ваша,
Редакция журнала «Психология и право»

Рецензия на монографию П.П. Серкова «Правоотношение (Нравственность современного правового регулирувания)»

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Для цитаты: *Дворянчиков Н.В.* Рецензия на монографию П.П. Серкова «Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования)» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 2–4.

Review of Monograf by P.P. Serkov «Legal Relationship (Morality of Modern Legal Regulation)»

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

For citation: Dvoryanchikov N.V. Review of monograf by P.P. Serkov «Legal Relationship (Morality of Modern Legal Regulation)». *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 2–4. (In Russ.).

Юридическая психология является относительно молодой отраслью науки. На этапе ее становления велись дискуссии – является ли она разделом психологии или права? На сегодняшний день вопрос, казалось бы, решен: общепринято представление о юридической психологии как составной части психологической науки, тесно связанной с деятельностью правоохранительных органов, что легитимировано паспортом специальности ВАК (19.00.04), активным функционированием факультета юридической психологии и соответствующих кафедр во многих вузах, издание учебной и научной литературы.

Однако в 2017 году в нашем журнале была опубликована статья В.М. Позднякова[1], в которой отмечалось, что в области правовой идеологии и политики, а также при внесении инноваций в законодательство по-прежнему доминирует правовая догматика или прямое заимствование зарубежного опыта, а психологические реалии учитываются фрагментарно. В связи с этим он предлагал развивать такую междисциплинарную науку как *психологическая юриспруденция*.

Своеобразным ответом на этот вызов времени представляется издание монографии[3]

доктора юридических наук П.П. Серкова, признанного теоретика права и одновременно практикующего судьи.

Книга посвящена категории правоотношения, которая интегрирует, по мнению автора, все современное правовое регулирование. Правоотношение связывает идейное содержание правовых норм и субъективную устремленность на материализацию соответствующих потребностей и целей людей. Проблема правоотношения, которая считалась давно решенной в отечественной социологии права, сначала переосмысливается П.П. Серковым в чисто юридическом плане[4]. Но дальше автор задается вопросом: а может ли само существование правовых норм определять конкретные взаимоотношения между людьми и их взаимодействия? Здесь уместно вспомнить мысли С.Л. Рубинштейна о соотношении социальных и психологических явлений. Сущность человека — совокупность общественных отношений. Вскрыть этот аспект человека и в науке об обществе выделить его в этом качестве — это чрезвычайно важно и необходимо. Но превращение этой понятийной характеристики человека в определенной системе отношений (преимущественно конкретно-социальной) в исчерпывающую и единственную характеристику человека — это неправомерная трактовка[2]. Человек в правовых действиях руководствуется не только и не столько страхом принуждения, а собственными представлениями о справедливости, о выборе между добром и злом, о собственном сотворении добра и зла. Отсюда логично обращение автора к категориям нравственности и морали, которые существуют в сознании каждого человека. Этот момент для юридических психологов представляется самым интересным и корреспондирует с проблематикой морального и правового сознания субъекта. К сожалению, необходимо признать, что эта область знаний в юридической психологии находится в тени активно разрабатываемых проблем криминальной, судебной и пенитенциарной психологии: особенно огорчителен дефицит эмпирических исследований.

Между тем, представления о справедливости (как воздающей за прегрешения или нарушения закона, так и процессуальной при принятии решений о вознаграждении и наказании), о соотношении личных прав и обязанностей, об отношении к государственному принуждению к выполнению правовых норм являются психологическим базисом правоотношений между людьми. Кроме знания законов и отношения к ним важнейшим компонентом реальных правоотношений выступает и осознанная регуляция собственного правового поведения: соотнесение своих действий с идейным содержанием правовых норм.

Книга П.П. Серкова не проста для чтения, особенно для специалистов, далеких от юридической науки. Однако для юридических психологов она представляет несомненный интерес, особенно ее третья глава, в которой обсуждаются ценностные аспекты правового регулирования, соотношение правовой теории и правовой действительности, нравственные начала и перспективы юридической науки, а правосознание и правопонимание рассматриваются как категории правовой действительности.

Украшает издание и тройное предисловие, в котором взгляд на монографию представлен глазами теоретика правового регулирования (В.Н. Синюков), историка правового регулирования (И.А. Исаев) и психолога (Ф.С. Сафуанов).

Представляется, что в ответ на вызов в необходимости психологической юриспруденции мы, психологи, получаем ответный вызов. Он заключается в необходимости более эффективной разработки проблем морального и правового сознания, регуляции реального поведения человека нормами права, свободного морального выбора, нравственного и

Дворянчиков Н.В.
Рецензия на монографию П.П. Серкова
«Правоотношение (Нравственность современного
правового регулирования)»
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 2–4.

Dvoryanchikov N.V.
Book Review of Monograph by P.P. Serkov «Legal
Relationship (Morality of modern Legal regulation)»
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp.2–4.

правомерного поведения под влиянием не принуждения (государством, значимым авторитетом, социальной ролью и т.п.), а совести и представлений не только о своих правах, но и обязанностях.

В заключение хочется напомнить снова слова С.Л. Рубинштейна о том, что проблема свободы людей выступает в трех аспектах: как самоопределение, как свобода человека в общественной жизни (свобода личности и общественное принуждение) и как контроль сознания над стихией собственных влечений.

Литература

1. Поздняков В.М. Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 206–219. doi:10.17759/psylaw.2017070117
2. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 332 с.
3. Серков П.П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования). М.: Норма, 2020. 688 с.
4. Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): в 3 ч. М.: Норма, 2018.

References

1. Pozdnyakov V.M. Psikhologicheskaya yurisprudentsiya kak mezhdistsiplinarnaya nauka i oblast' psikhopraktiki [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pravo. 2017. Tom 7. № 1. pp. 206–219. doi:10.17759/psylaw.2017070117.
2. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 332 p.
3. Serkov P.P. Pravootnoshenie (Nravstvennost' sovremennogo pravovogo regulirovaniya). Moscow: Norma, 2020. 688 p.
4. Serkov P.P. Pravootnoshenie (Teoriya i praktika sovremennogo pravovogo regulirovaniya): v 3 ch. Moscow: Norma, 2018.

Информация об авторах

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Information about the authors

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Получена 15.07.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 15.07.2020
Accepted 07.09.2020

Психологические особенности преступников- коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы

Сочивко Д.В.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9926-8610>, e-mail: sochivo@mail.ru

Ганишина И.С.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Сундукова В.В.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9774-5740>, e-mail: vika.sundukova94@mail.ru

В статье рассмотрены психологические особенности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы. Установлено, что им присущи внимательность, настойчивость при достижении лично-значимых целей, непрямолнейность в общении, макиавеллизм, ярко выраженная изворотливость, хитрость, коварство, цинизм, отчужденность, эмоциональная холодность, пренебрежение морально-нравственными нормами, склонность к манипулированию другими людьми, потребность в достижении высокого социального статуса, доминировании над окружающими. Проведенное нами в местах лишения свободы эмпирическое исследование позволило выявить шестифакторную структуру личности преступника-коррупционера. С помощью кластерного анализа у осужденных преступников-коррупционеров был диагностирован коррупционный тип личности. Представителей этого типа отличает, с одной стороны, ярко выраженный фактор власти, с другой — низкая адекватность самооценки.

Ключевые слова: места лишения свободы, коррупционные преступления, осужденные за коррупционные преступления, психологические особенности преступников-коррупционеров.

Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.,
Сундукова В.В.
Психологические особенности преступников-
коррупционеров, отбывающих наказания в местах
лишения свободы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19.

Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.,
Sundukova V.V.
Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their
Sentences in Confinement Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19.

Для цитаты: Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И., Сундукова В.В. Психологические особенности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19. DOI:10.17759/psylaw.2020100301

Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their Sentences in Confinement Institutions

Dmitry V. Sochivko

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service (the Academy of Federal Penitentiary Service), Ryazan, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9926-8610>, e-mail: sochivo@mail.ru

Irina S. Ganishina

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service (the Academy of Federal Penitentiary Service), Ryazan, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Victiria V. Sundukova

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service (the Academy of Federal Penitentiary Service), Ryazan, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9774-5740>, e-mail: vika.sundukova94@mail.ru

The article discusses the psychological make-up of corrupt officials serving their prison sentences in confinement institutions. We established that they are distinguished by the following qualities: attentiveness and persistence in attaining their personally significant goals, lack of straightforwardness in communication, machiavellism, distinct deviousness, slyness, insidiousness, cynicism, estrangement, emotional indifference, disregard for moral and ethical standards, tendency to manipulate and need to dominate others, aspiration for high social standing. The empirical study that we conducted in the places of imprisonment helped us to reveal the six-factor personality structure of a corrupt official. By the usage of cluster analysis the corrupted officials have been diagnosed to be of the venal personality type. On the one hand, individuals of this type are distinguished by the pronounced domination factor, on the other hand, the adequacy of their self-appraisal is low.

Keywords: confinement institutions, imprisonment institutions, corruption offences, convicted of corruption offences, psychological make-up of corrupted officials.

Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.,
Сундукова В.В.
Психологические особенности преступников-
коррупционеров, отбывающих наказания в местах
лишения свободы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19.

Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.,
Sundukova V.V.
Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their
Sentences in Confinement Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19.

For citation: Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I., Sundukova V.V. Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their Sentences in Confinement Institutions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19. DOI:10.17759/psylaw.2020100301 (In Russ.).

Введение

В настоящее время в местах лишения свободы отбывают наказания большое количество преступников-коррупционеров. Анализ статистических данных за 2018 год доказывает неуклонный рост численности коррупционных преступлений в России: в 2018 г. выявлено 3171 фактов получения взятки, в 2017 г. — 2251 (+ 140%).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [16] одной из основных угроз признает преступления коррупционной направленности. Поэтому к числу приоритетных направлений государственной политики относится поиск новых инновационных стратегий противодействия коррупции. Особую роль в этой работе приобретают психологические исследования прикладного характера, направленные на совершенствование системы противодействия коррупции и затрагивающие изучение личности преступника-коррупционера [1; 6; 10; 17; 19; 21; 22].

Особенности личности коррупционера достаточно подробно освещены в трудах Ю.М. Антоняна (2004) [2], М.М. Решетникова (2008) [18], Е.Ю. Стрижова (2009) [20], А.Л. Журавлева (2012) [11,12], А.В. Юревич (2012) [11; 12], Д.А. Китова [11; 12], А.А. Балашова (2011) [4], В.П. Шорникова (2011) [4], Е.Е. Гавриной (2011, 2016) [4; 7; 8], О.В. Ванновской [5] (2018), М.В. Кроза (2018, 2019) [13; 14], Н.А. Ратиновой (2018, 2019) [13; 14]. Спектр личностных качеств, присущих преступнику-коррупционеру достаточно широк. Учеными составлены обобщенные личностные характеристики коррупционеров, к ним относятся негативное отношение к закону, жажда наживы, пренебрежение социальными нормами, сознательное искажение морально-нравственных устоев общества, игнорирование негативных последствий коррупции.

Исследуя психологические особенности преступников-коррупционеров, М.В. Кроз и Н.А. Ратинова (2018, 2019) пришли к выводу о том, что коррупционеры обладают прагматичностью, ориентированы на достижение успеха, настойчивы, стремятся к материальному достатку и получению удовольствия, склонны к оправданию собственных действий и поступков [13;14].

По данным Е.Н. Богданова (2013) и В.Г. Зазыкина (2013), личность преступника-коррупционера характеризуется доминированием материальных ценностей и интересов, безнравственностью, наглостью и цинизмом, презрительным отношением к общепринятым нормам морали, эгоистичностью и доминированием двойных стандартов в системе нормативной регуляции поведения. Авторы отмечают, что коррупционеры весьма проницательны, так как обладают специфически развитой системой рефлексии [3].

По данным Стрижова Е.Ю. (2009), в личности преступника существуют внутренние и внешние нравственно-психологические детерминанты, побуждающие его к совершению коррупционных преступлений и мошенничества: склонность к манипулированию другими людьми для получения личной выгоды; ценность самовозвышения; эгоистическая отчужденность [18]. Исследуя нравственно-психологические свойства личности

Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.,
Сундукова В.В.
Психологические особенности преступников-
коррупционеров, отбывающих наказания в местах
лишения свободы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19.

Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.,
Sundukova V.V.
Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their
Sentences in Confinement Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19.

преступников-коррупционеров, О.Р. Абрамовская и А.В. Майоров (2012) пришли к выводу, что для них характерны такие качества, как корыстолюбие, властность, неуважение к закону и пренебрежение обязанностью соблюдать его [1]. Н.Н. Магомедов (2013) считает, что к существенным характеристикам коррупционеров следует отнести безответственность, продажность, аморальность, цинизм, стойкую корыстную ориентацию [15].

Проведенный нами теоретический анализ исследуемой проблемы позволил выявить некоторые психологические особенности преступников-коррупционеров, знание которых необходимо для организации психопрофилактической и психокоррекционной работы. Однако исследование психологических особенностей личности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы, а также попытка построить их кластерную типологию и выявить психологические особенности, детерминирующие их личность, до настоящего времени не проводились.

Структура и методы исследования

Эмпирическое исследование психологических особенностей преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы, осуществлялось нами в 2019 г. на базе исправительных учреждений УФСИН России по Ульяновской и Брянской областям. В исследовании приняли участие 40 осужденных мужчин в возрасте от 28 до 50 лет.

С целью выявления психологических особенностей преступников-коррупционеров мы применили сравнительный анализ двух групп осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы: 1-я группа — осужденные, совершившие коррупционные преступления (экспериментальная группа); 2-я группа — осужденные за корыстно-насильственные преступления (контрольная группа).

Эмпирическое исследование осуществлялось нами в четыре этапа.

На первом этапе были сформированы две независимые выборки: осужденные за коррупционные преступления, осужденные за корыстно-насильственные преступления. В первую группу вошли лица мужского пола, осужденные по статьям 293 УК РФ (халатность); 160 УК РФ (присвоение или растрата); 292 УК РФ (служебный подлог); 290 УК РФ (получение взятки); 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями); 291 УК РФ (дача взятки); 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). Вторую группу составили осужденные за корыстно-насильственные преступления: статья 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера), статья 105 УК РФ (убийство), статья 126 УК РФ (похищение человека из корыстных побуждений), статья 111 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью); статья 131 УК РФ (изнасилование).

На втором этапе в каждой из выборок было проведено эмпирическое исследование. В качестве психодиагностического инструментария использовались «16-факторный личностный опросник» Р.Б. Кеттелла (форма С), опросник «Оценка уровня волевого самоконтроля» Е.В. Эйдмана, методика «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера, методика «Ценностный профиль личности» Ш. Шварца, методика «Шкала макиавеллизма личности» Р. Кристи и Ф. Гейс, методы математической статистики (факторный анализ, кластерный анализ).

На третьем этапе проводился сравнительный анализ результатов двух выборок: 1-я

Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.,
Сундукова В.В.
Психологические особенности преступников-
коррупционеров, отбывающих наказания в местах
лишения свободы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19.

Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.,
Sundukova V.V.
Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their
Sentences in Confinement Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19.

группа — осужденные, совершившие коррупционные преступления (экспериментальная группа); 2-я группа — осужденные за корыстно-насильственные преступления (контрольная группа). Контрольная группа (осужденные за корыстно-насильственные преступления) была необходима нам для сравнительного анализа: осужденные обеих групп совершают преступления с целью получения материальной выгоды, что является объединяющим фактором. Однако способ действия, а также степень эмоциональной вовлеченности в данный процесс у осужденных групп различен. Несмотря на то, что мотивацией совершения преступлений в той и иной группе является материальная выгода, личностные мотивы совершения преступления в каждой из рассматриваемой групп различны.

На четвертом этапе с целью выявления типологии личности преступников-коррупционеров, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы, нами осуществлялся факторный и кластерный анализ результатов эмпирического исследования.

Результаты исследования

Анализ результатов эмпирического исследования по методикам «16-факторный личностный опросник» Р.Б. Кеттелла (форма С), «Шкала макиавеллизма личности» Р. Кристи и Ф. Гейс, «Ценностный профиль личности» Ш. Шварца, «Опросник локуса контроля» Е.Г. Ксенофонтовой, «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера позволил нам выявить психологические особенности личности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы.

С помощью методики «16-факторный личностный опросник» Р.Б. Кеттелла (рис. 1) установлено, что преступники-коррупционеры, в отличие от корыстно-насильственных преступников, психологически стабильны, эмоционально более сдержанны, могут отслеживать свое психоэмоциональное состояние, контролируют собственное поведение в зависимости от социального окружения. Они склонны к более тщательному и детальному анализу собственной стратегии поведения. В отличие от осужденных за корыстно-насильственные преступления, для осужденных-коррупционеров характерным является внимательность, настойчивость при достижении личностно значимых целей. Преступники-коррупционеры более находчивы, при принятии решений стараются взвесить все «за» и «против», способны совершать импульсивные поступки в ситуации сниженного самоконтроля. Осужденные-коррупционеры ориентированы на реальную деятельность, восприимчивы к переменам. При установлении межличностных контактов внимательны, не склонны проявлять прямолинейность в общении, стараются подбирать слова и строить грамотный диалог с собеседником. Имеют самооценку с тенденцией к завышению, однако соизмеряют собственные возможности и способности с объективными условиями.

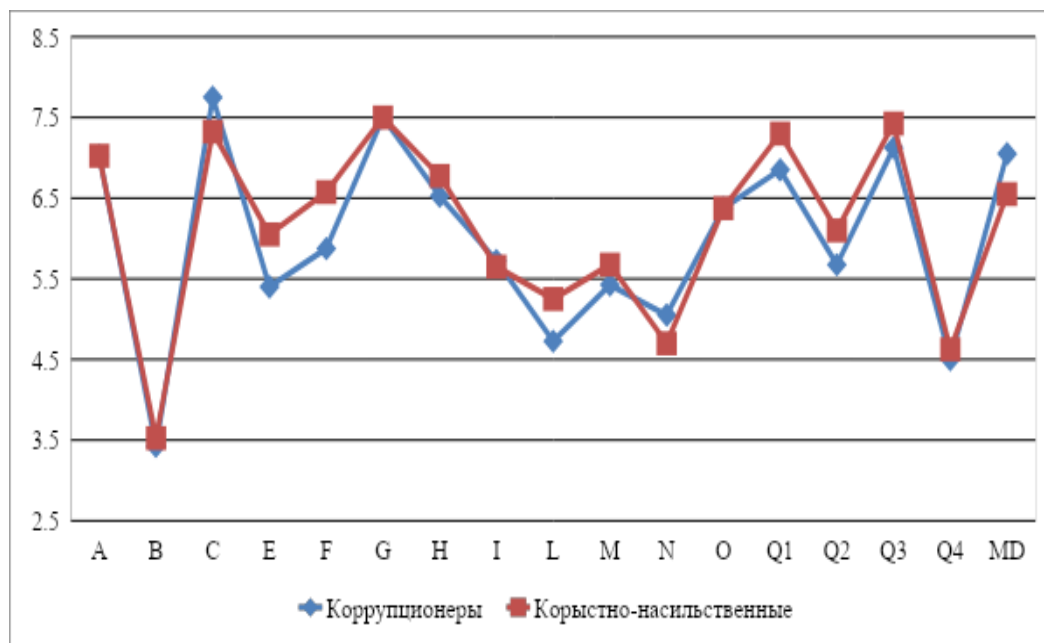

Рис. 1. Средние показатели по методике «16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла» в контрольной и экспериментальной группах осужденных:

А (— шизотимия (отчужденность) — аффектимия (доброта)), В (— низкий интеллект — высокий интеллект +), С (— слабость «Я» (эмоциональная неустойчивость) — сила «Я» (эмоциональная устойчивость) +), Е (— конформность (покорность, зависимость) — доминантность (настойчивость) +), F (— десургенция (озабоченность) — сургенция (беспечность) +), G (— слабость «Сверх-Я» (недобросовестность) — сила «Сверх-Я» (совестливость) +), Н (— тректия (робость) — пармия (смелость) +), I (— харрия (суровость, жестокость) — премсия (мягкосердечность, нежность) +), L (- алаксия (доверчивость) — протенсия (позрительность)+), М (- праксерния (практичность) — аутия (мечтательность) +), N (-безыскусственность (наивность, простота) — искусственность (проницательность)+), О (— гипертимия (самоуверенность) — гипотимия (склонность к чувству вины) +), Q1 (-консерватизм (ригидность) — радикализм (гибкость) +), Q2 (— социабельность (зависимость) — самодостаточность (самостоятельность) +), Q3 (— импульсивность (низкий самоконтроль) — контроль желаний (высокий самоконтроль) +), Q4 (— нефрустрированность (расслабленность) — фрустрированность (напряженность) +), MD (количество нейтральных ответов).

С помощью методики «Шкала макиавеллизма личности» Р. Кристи и Ф. Гейс (рис. 2) было установлено, что у осужденных за коррупционные преступления прослеживается тенденция к большему макиавеллизму, чем у осужденных за корыстно-насильственные преступления, что указывает на их ярко выраженную изворотливость, хитрость коварство. Как видно из рис. 2, у преступников-коррупционеров значительно сильнее, чем у корыстно-насильственных преступников, выражен макиавеллизм. Следовательно, в их поведении проявляются такие черты как цинизм, отчужденность, эмоциональная холодность, пренебрежение морально-нравственными нормами, допускающее использование других людей в собственных целях. Поведение преступников-коррупционеров строится на том, что

они эксплуатируют других с целью получения материальных благ.

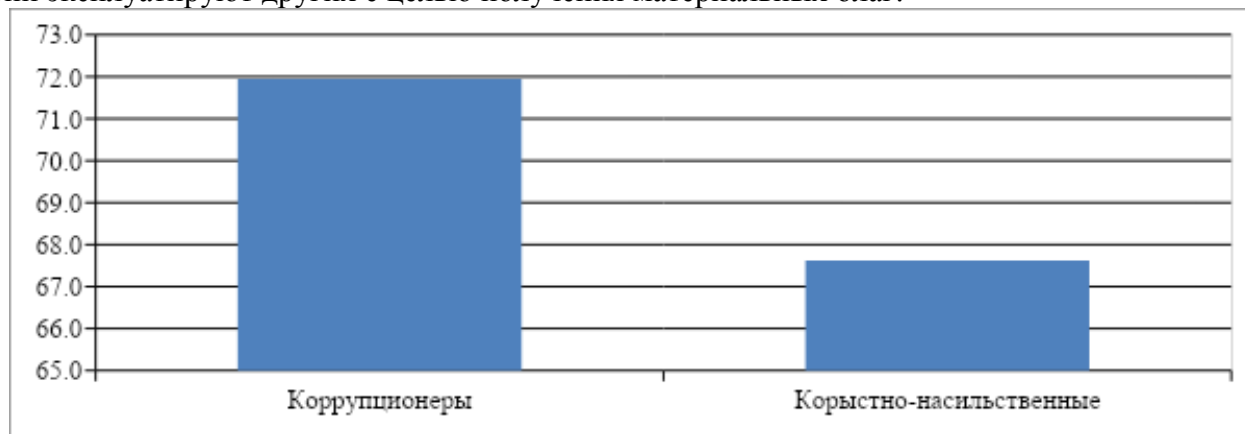

Рис. 2. Средние показатели по «Шкале макиавеллизма личности» Р. Кристи и Ф. Гейс в контрольной и экспериментальной группах осужденных

С помощью методики «Ценностный профиль личности» Ш. Шварца (рис. 3) было выявлено, что к числу приоритетных ценностей у преступников-коррупционеров относятся потребность во власти, достижениях, самостоятельности, универсализме и безопасности. Для преступников-коррупционеров являются характерными потребности в достижении престижа, высокого социального статуса, контроль или доминирование надо окружающими с помощью авторитета, денег либо власти. В процессе достижения социального статуса для них важным является эмоциональный окрас результата деятельности. Наиболее выраженной для преступников-коррупционеров является потребность в безопасности, обусловленная тем, что при совершении своих преступлении они тщательно просчитывают и анализируют собственную стратегию поведения. Из рис. 3 видно, что у осужденных коррупционеров в отличие от осужденных за корыстно-насильственные преступления выше показатели по шкалам «Власть» ($p \leq 0,049$) и «Достижения» ($p \leq 0,0374$).

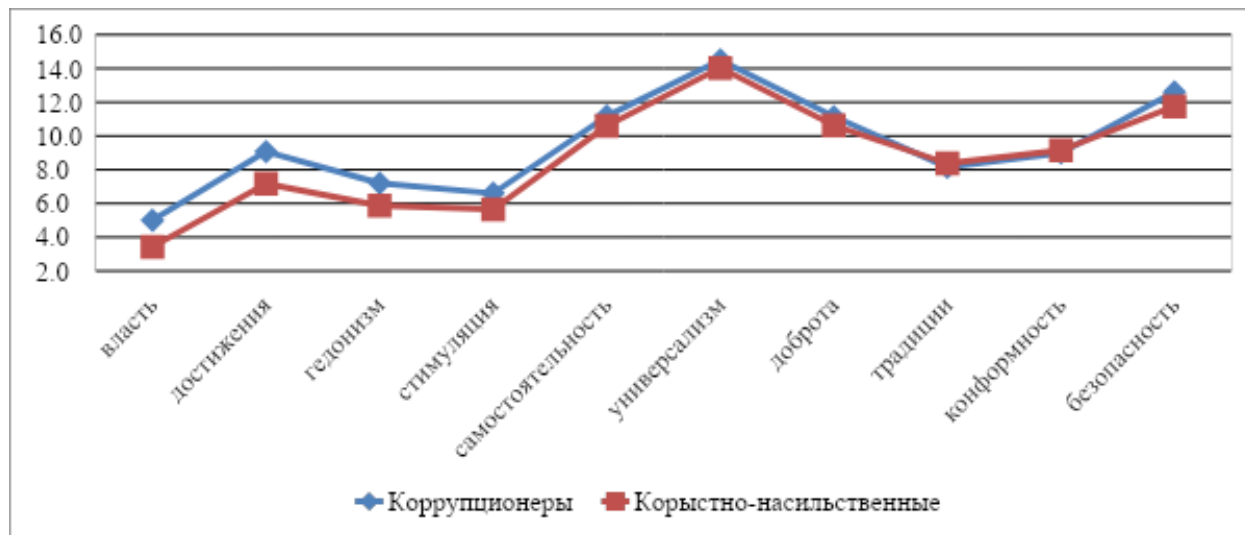

Рис. 3. Средние показатели по методике «Ценностный профиль личности» Ш. Шварца в контрольной и группах осужденных

Это объясняется тем, что коррупционные преступления имеют более сложную мотивацию. Преступников-коррупционеров интересуют не только непосредственные цели их преступлений — получение материальных благ, но и власть, которую они обретают вместе с этими благами.

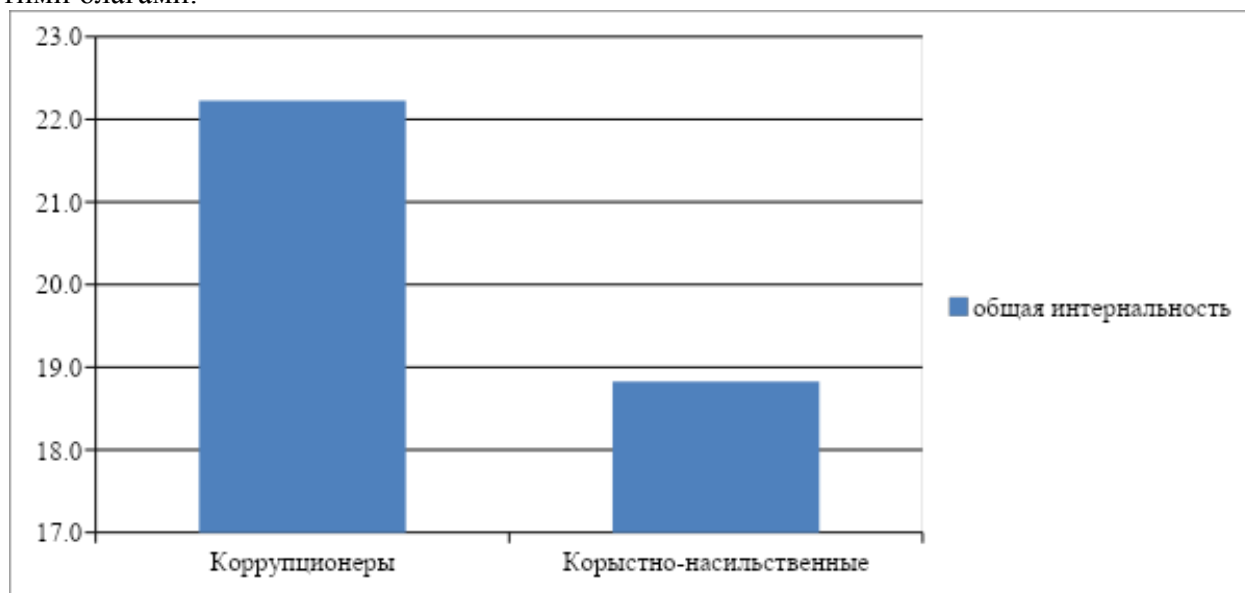

Рис. 4. Средние показатели общей интернальности по методике «Опросник локуса контроля» Е.Г. Ксенофонтовой в контрольной и экспериментальной группах осужденных

Анализ результатов по методике «Опросник локуса контроля» Е.Г. Ксенофонтовой показал, что у преступников-коррупционеров существует тенденция к большей интернальности, так как они считают себя «творцами» собственной жизни, и все что происходит с ними является результатом их активной деятельности, следовательно, ответственность за собственную жизнь они принимают на себя, в отличие от осужденных за корыстно-насильственные преступления (рис. 4).

Анализ результатов по методике «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера (рис. 5) дает нам возможность рассмотреть показатель интернальности в разных группах осужденных применительно к различным сферам жизнедеятельности.

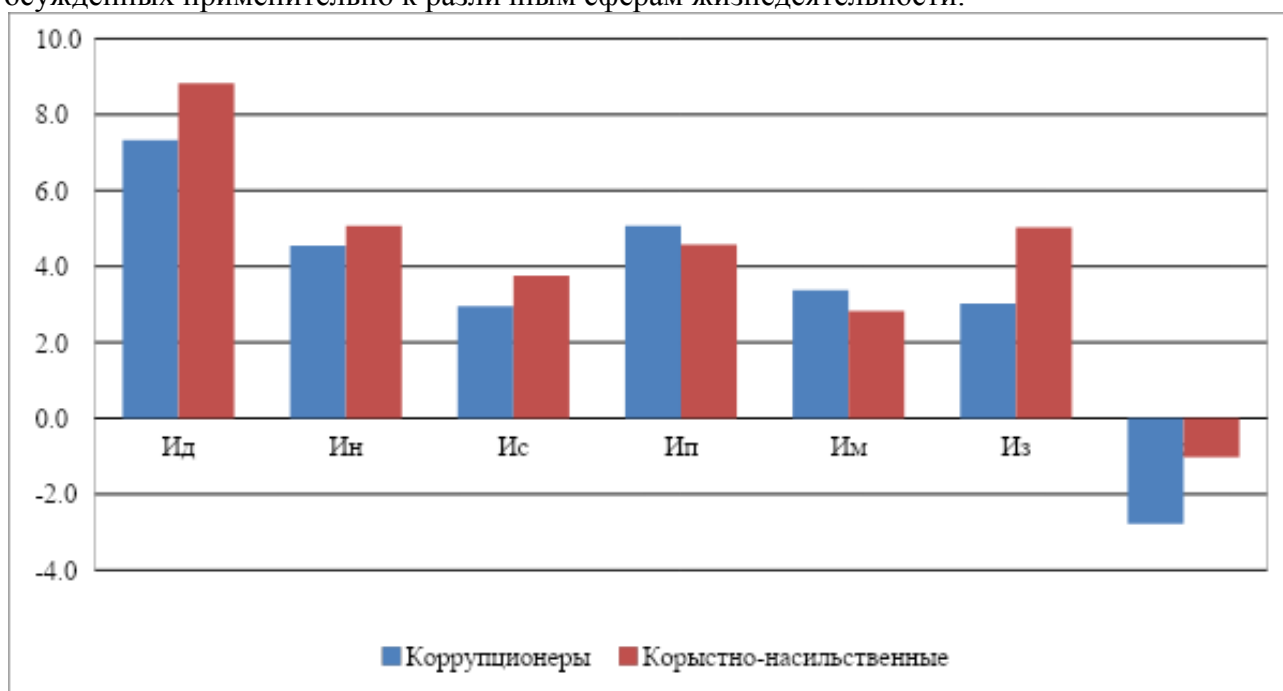

Рис. 5. Средние показатели по методике «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в контрольной и экспериментальной группах осужденных:

Ид — интернальность в сфере достижений, Ин — интернальность в сфере неудач, Ис — интернальность в сфере семейных отношений, Ип — интернальность в сфере производственных отношений, Им — интернальность в сфере межличностных отношений, Из — интернальность в сфере здоровья, СОб — самообвинение

Анализ интернальности в сфере достижения преступников-коррупционеров показал, что успех их деятельности зависит от удачного стечения обстоятельств. Говоря о шкале интернальности в сфере неудач, необходимо отметить, что преступники-коррупционеры ответственность за неудачи склонны приписывать неудачному стечению обстоятельств. Полученные результаты по шкале «самообвинение» говорят о том, что у преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы, выражена предрасположенность к самообвинению: во всем плохом, что с ними случилось, они обвиняют себя (рис. 5).

Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.,
Сундукова В.В.
Психологические особенности преступников-
коррупционеров, отбывающих наказания в местах
лишения свободы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19.

Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.,
Sundukova V.V.
Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their
Sentences in Confinement Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19.

Далее нами был проведен факторный анализ, в результате которого была получена шестифакторная структура личности преступника-коррупционера, преступная деятельность которого направлена на несправедливое обогащение и незаконное приобретение материальных и социальных благ. Кратко остановимся на описании полученных факторов.

Первый фактор — *интернальность*. В него входят все показатели интернальности личности преступника-коррупционера в разных сферах человеческого бытия, кроме сферы здоровья, которая в местах лишения свободы, видимо, является наименее значимой.

Второй фактор — *конформность*, который включает в себя показатели «универсализма», «доброты», «традиции», «конформности» и «безопасности». В таком достаточно широком смысле конформность как латентное системное свойство личности присутствует в интрапсихической структуре личности у осужденных преступников-коррупционеров.

Третий фактор — *адекватной/неадекватной самооценки*. Установлено, что чем выше адекватность самооценки осужденных коррупционеров, тем выше их эмоциональная стабильность, нормативность, самоконтроль и ниже напряженность.

Четвертый фактор — *замкнутость—практичность*. Показатели в этот фактор входят с разными знаками. В результате получается: чем более осужденный за коррупционные преступления замкнут, подчинен и робок, тем менее он практичный, прямолинейный, консервативный, конформный, и тем он более тревожный.

Пятый фактор — *власть*, куда кроме собственно жажды власти у осужденного коррупционера входят сопутствующее ей показатели достижений, гедонизма, стимуляции, самостоятельности, универсализма.

Шестой фактор — *самоконтроль*, куда входят такие важные показатели для осужденного коррупционера, как самообладание и настойчивость.

С целью создания типологии личности преступника-коррупционера кластеризуем полученные результаты для проверки предположения о принципиальном отличии личности преступника-коррупционера от личности осужденных, совершающих корыстно-насильственные преступления.

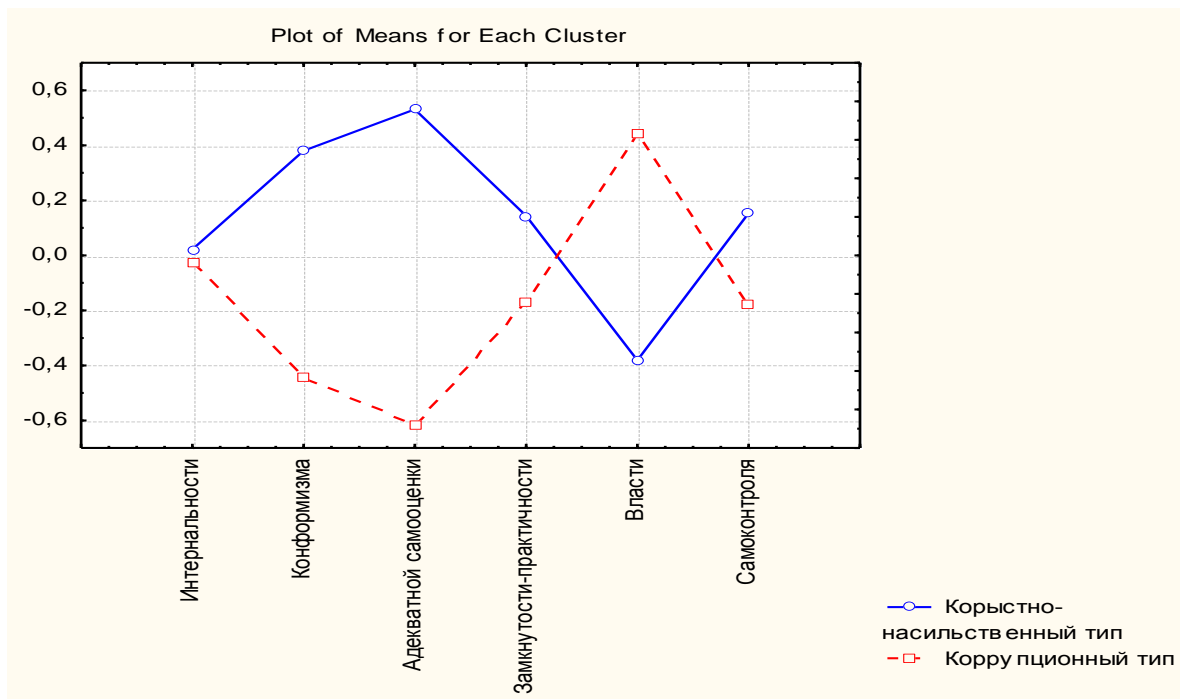

Рис. 6. Результаты кластеризации факторного решения в экспериментальной и контрольной группах осужденных

Из рис. 6 видно, что посредством кластеризации факторного решения по испытуемым определяются два полярных психодинамических типа личности осужденных: корыстно-насильственный и коррупционный (табл. 1).

Таблица 1

Процентные распределения испытуемых разных исследовательских групп по полученным кластерам

Типы испытуемых	Кластер 1	Кластер 2
	Корыстно-насильственный	Коррупционный
Коррупционеры	21%	84%
Корыстно-насильственные преступления	79%	16%
Итоговый показатель	100%	100%

Из табл. 1 можно видеть, что в первом кластере преобладают осужденные за корыстно-насильственные преступления (79%), поэтому этот кластер мы назвали **корыстно-насильственным** типом личности преступника. Соответственно, второй кластер был назван **коррупционным** типом личности. Он собирает 84% осужденных за коррупционные преступления.

У осужденных-коррупционеров все кластерные показатели ниже, чем у осужденных за корыстно-насильственные преступления. Единственным отличающим их фактором является фактор власти. При этом осужденные преступники-коррупционеры характеризуются самой низкой адекватностью самооценки. Для коррупционера не так важно самообогащение с

Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.,
Сундукова В.В.
Психологические особенности преступников-
коррупционеров, отбывающих наказания в местах
лишения свободы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19.

Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.,
Sundukova V.V.
Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their
Sentences in Confinement Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19.

целью получения каких-либо благ, а важна власть над теми, кто беднее его, сознание того, что он может «все купить». Это дает ему чувство ложной свободы и наделяет неадекватной завышенной самооценкой.

Таким образом, проведенное нами эмпирическое исследование позволило выявить шестифакторную структуру личности преступника-коррупционера, отбывающего уголовное наказание в местах лишения свободы (факторы интернальности, конформности, адекватной/неадекватной самооценки, замкнутости—практичности, власти, самоконтроля). С помощью кластерного анализа был диагностирован коррупционный тип личности осужденных, представителей которого отличает, с одной стороны, ярко выраженный фактор власти, с другой — низкая адекватность самооценки.

Также были установлены психологические особенности преступников-коррупционеров: внимательность, настойчивость при достижении личностно-значимых целей, непрямолнейность в общении, макиавеллизм, ярко выраженная изворотливость, хитрость, коварство, цинизм, отчужденность, эмоциональная холодность, пренебрежение морально-нравственными нормами, склонность к манипулированию другими людьми, потребность в достижении высокого социального статуса, доминировании над окружающими, — знание которых позволит реализовать эффективную психопрофилактическую и психокоррекционную работу с ними.

Литература

1. *Абрамовская О.Р., Майоров А.В.* Криминологические особенности личности коррупционного преступника // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 37(91). С. 54—57.
2. *Антонян Ю.М.* Типология коррупции и коррупционного поведения [Электронный ресурс]. <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html> (дата обращения: 05.08.2019).
3. *Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г.* Психологические аспекты коррупции. М.: Институт консультирования и системных решений; Высшая школа психологии (институт), 2013. 89 с.
4. *Балашов А.А., Гаврина Е.Е., Шорников В.П.* Коррупция в обществе: учеб. пособие / Под ред. Е.Е. Гавриной. Рязань. 2011. 196 с.
5. *Ванновская О.В.* Психология коррупционного поведения государственных служащих: монография. М. Юрайт, 2018. 251 с.
6. *Везломцев В.Е., Хотькина О.К.* Противодействие коррупции в уголовно-исполнительной системе России: личностный аспект: учеб. пособие. М.: Проспект: Академия ФСИН России, 2017. 128 с.
7. *Гаврина Е.Е.* Психологические портреты коррупции в уголовно-исполнительной системе: учеб. Пособие. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. 124 с.
8. *Гаврина Е.Е., Симакова Т.А., Хаванова И.С., Фомин В.В.* Научно-прикладное обоснование путей оптимизации развития правосознания сотрудников УИС и профилактика коррупционного поведения: монография. Рязань: Академия ФСИН России, 2016. 160 с.
9. *Ганишина И.С., Сундукова В.В.* Формирование антикоррупционной и антинаркотической направленности личности курсантов образовательных организаций ФСИН России / Профессиональная подготовка будущих специалистов различного профиля: монография // Под ред. А.Ю. Нагорновой. Ульяновск, 2019. С. 190—201.

Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.,
Сундукова В.В.
Психологические особенности преступников-
коррупционеров, отбывающих наказания в местах
лишения свободы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19.

Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.,
Sundukova V.V.
Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their
Sentences in Confinement Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19.

10. Гаухман Л.Д. Коррупция и коррумпированное поведение // Законность. 2006. № 6. С. 2—6.
11. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Психология в экономике и управлении. 2012. № 1. С. 57—66.
12. Китова Д.А., Журавлев А.Л., Соснин В.А., Юревич А.В. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Том 2. № 3(7). С. 6—38.
13. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психологическое исследование личности коррупционного преступника // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. №2 (64). С. 95-104.
14. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Исследование личности коррупционного преступника // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сб. материалов Всероссийского симпозиума психологов. 2019. С. 250—262.
15. Магомедов Н.Н. Личность преступника-взяточполучателя: автореф... дисс. канд. юрид. Наук. 12.00.0, М., 2013. 31 с.
16. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Росс. газ. 2009. 19 мая.
17. Помаз Г.С. Психологические детерминанты формирования коррупционного поведения сотрудников полиции // Философия права. 2014. № 1(62). С. 62—65.
18. Решетников М.М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2008. 136 с.
19. Сочивко Д.В. Психодинамика криминально-правового инфантилизма как новая форма адаптации личности в современной реальности // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2016. № 1(12). С. 6—20.
20. Стрижов Е.Ю. Нравственно-правовая надежность личности: социально-психологические аспекты. Тамбов, 2009. 505 с.
21. Ушатиков А.И., Ганишина И.С. Проблемы психологического обеспечения инновационной деятельности в уголовно-исполнительной системе: ретроспективный анализ и современное состояние // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. - С. 38—43.
22. Хотькина О.К. К вопросу об изучении личности потенциального преступника-коррупционера // Человек: преступление и наказание. 2009. № 3. С. 42—46.

References

1. Abramovskaya O. R., Mayorov A.V. Criminological features of the personality of a corrupt criminal // Bulletin of the Chelyabinsk state University. 2012. No. 37(91). pp. 54-57.
2. Antonyan Yu. M. Typology of corruption and corrupt behavior [Electronic resource]. <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html> (accessed: 05.08.2019).
3. Bogdanov E. N., Zazikin V. G. Psychological aspects of corruption. Moscow: Institute of consulting and system solutions; Higher school of psychology (Institute), 2013. 89 p.
4. Balashov A. A., Gavrina E. E., Shornikov V. P. Corruption in society: studies'. stipend / Ed. by E. E. Gavrina. Ryazan. 2011. 196 p.
5. Vannovskaya O. V. Psychology of corruption behavior of state employees: monograph. M. yurayt, 2018. 251 p.

Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.,
Сундукова В.В.
Психологические особенности преступников-
коррупционеров, отбывающих наказания в местах
лишения свободы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19.

*Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.,
Sundukova V.V.*
Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their
Sentences in Confinement Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19.

6. Vezlomtsev V. E., Khotkina O. K. anti-corruption in the criminal Executive system of Russia: personal aspect: textbook. manual. M.: Prospect: Academy of the Federal penitentiary service of Russia, 2017. 128 p.
7. Gavrina E. E. Psychological portraits of corruption in the penal system: textbook. Stipend. Ryazan: Academy of the Federal penitentiary service of Russia, 2012. 124 p.
8. Gavrina E. E., Simakova T. A., Khavanova I. S., Fomin V. V. Scientific and applied substantiation of ways to optimize the development of legal awareness of employees of the penal system and prevention of corruption behavior: monograph. Ryazan: Academy of the Federal penitentiary service of Russia, 2016. 160 p.
9. Hanishina I. S., Sundukov V. V. Formation of anti-corruption and anti-drug orientation of the individual cadets of educational institutions of the FSIN of Russia / Professional training of future specialists in various fields: monograph // Under the editorship of A. Yu. Nagornova. Ulyanovsk, 2019. Pp. 190-201.
10. Gaukhman L. D. Corruption and corrupt behavior // Legality. 2006. No. 6. pp. 2-6.
11. Zhuravlev A. L., Yurevich A.V. Psychological factors of corruption // Psychology in Economics and management. 2012. no. 1. pp. 57-66.
12. Kitova D. A., Zhuravlev A. L., Sosnin V. A., Yurevich A.V. Corruption as an object of socio-psychological research: state and prospects // Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology. 2017. Volume 2. No. 3(7). From 6-38.
13. Kroz M. V., Ratinova N. A. Psychological study of the personality of a corrupt criminal // Bulletin of The Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation. 2018. No. 2 (64). pp. 95-104.
14. Kroz M. V., Ratinova N. A. Research of the personality of the corruption criminal // Psychology of the XXI century: challenges, searches, vectors of development: collection of materials of the all-Russian Symposium of psychologists. 2019. Pp. 250-262.
15. Magomedov N. N. Personality of the criminal-bribe taker: autoref... Diss. kand. the faculty of law. Sciences'. 12.00.0, Moscow, 2013. 31 p.
16. On the national security Strategy of the Russian Federation until 2020: decree of the President of the Russian Federation No. 537 of may 12, 2009 // ROSS. GAZ. 2009.19 may.
17. Pomaz G. S. Psychological determinants of the formation of corrupt behavior of police officers // Philosophy of law. 2014. No. 1(62). Pp. 62-65.
18. Reshetnikov M. M. Psychology of corruption: utopia and dystopia. St. Petersburg: East European Institute of Psychoanalysis, 2008. 136 p.
19. Sochivko D. V. Psychodynamics of criminal and legal infantilism as a new form of personality adaptation in modern reality // Personality in the changing world: health, adaptation, development. 2016. No. 1(12). pp. 6-20.
20. Strizhov E. Yu. Moral and legal reliability of the individual: socio-psychological aspects. Tambov, 2009. 505 p.
21. Ushatikov A. I., Ganishina I. S. problems of psychological support of innovative activity in the penal system: retrospective analysis and current state // Applied legal psychology. 2015. no. 4. - Pp. 38-43.
22. Khotkina O. K. on the question of studying the personality of a potential criminal-corrupt official // Man: crime and punishment. 2009. No. 3. P. 42-46.

Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.,
Сундукова В.В.
Психологические особенности преступников-
коррупционеров, отбывающих наказания в местах
лишения свободы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19.

Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.,
Sundukova V.V.
Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their
Sentences in Confinement Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19.

Информация об авторах

Сочивко Дмитрий Владиславович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии психологического факультета, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-9926-8610, e-mail: sochivo@mail.ru

Ганишина Ирина Сергеевна, доктор психологических наук, доцент, начальник кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-5137-4035, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин Михаил Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-1142-8857, e-mail: marin_misha@mail.ru

Сундукова Виктория Викторовна, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-9774-5740, e-mail: vika.sundukova94@mail.ru

Information about the authors

Dmitry V. Sochivko, Doctor of Psychology, Professor, Professor at the Department of General Psychology, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (the Academy of Federal Penitentiary Service), Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9926-8610>, e-mail: sochivo@mail.ru

Irina S. Ganishina, Doctor of Psychology, Associate Professor, the head of the chair of legal psychology and education, faculty of psychology at the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service (the Academy of Federal Penitentiary Service), Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Victoria V. Sundukova, Postgraduate of the Research and Educational Personnel Training Faculty at the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service (the Academy of Federal Penitentiary Service), Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9774-5740>, e-mail: vika.sundukova94@mail.ru

Получена 12.05.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 12.05.2020
Accepted 07.09.2020

Профессиональное самоотношение и адаптация сотрудников уголовно-исполнительной системы

Котенева А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8087-567X>, e-mail: akoteneva@yandex.ru

Кокурин А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), ФГБОУ ВО «МГЮА» имени О.Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Литвинова А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

Гончаренко А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: maskofgod@yandex.ru

Исследование посвящено изучению адаптивных качеств и особенностей профессионального самоотношения сотрудников уголовно-исполнительной инспекции с разным уровнем успешности адаптации к служебной деятельности. В опросе приняли участие 50 человек, 25 мужчин и 25 женщин в возрасте от 24 лет до 51 года (средний возраст — 33 года) со стажем работы от 1 до 5 лет (средний стаж — 4 года). Для диагностики были использованы 5 методик. Для обработки данных использовались непараметрический критерий Краскела—Уоллиса и корреляционный анализ. Результаты исследования показывают, что успешность адаптации повышают такие психологические качества сотрудника как внутренний локус контроля, нервно-психическая устойчивость, адаптивные и коммуникативные способности, моральная нормативность. Чем успешнее адаптируется сотрудник к условиям и содержанию служебной деятельности, тем позитивнее он воспринимает себя как профессионала, тем выше самооэффективность, удовлетворенность работой и жизнью. Трудности в адаптации к профессиональной среде сопровождаются ухудшением самочувствия у специалистов, возникновением соматовегетативных нарушений, снижением мотивации к деятельности, ухудшением социального взаимодействия.

*Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В.,
Гончаренко А.В.*
Профессиональное самоотношение и адаптация
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20–35.

*Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V.,
Goncharenko A.V.*
Professional Self-esteem and Adaptation of the
Penitentiary System Staff
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 20–35.

Ключевые слова: адаптация, адаптивные способности, дезадаптация, профессиональное самоотношение, самоэффективность, служебная деятельность.

Для цитаты: Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В., Гончаренко А.В. Профессиональное самоотношение и адаптация сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20–35. DOI:10.17759/psylaw. 2020100302

Professional Self-esteem and Adaptation of the Penitentiary System Staff

Anna V. Koteneva

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE), Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8087-567X>, e-mail: akoteneva@yandex.ru

Aleksey V. Kokurin

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Anna V. Litvinova

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE), Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

Anna V. Goncharenko

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE), Moscow, Russia,
e-mail: maskofgod@yandex.ru

The study focuses on examining the adaptive skills and specifics of professional self-esteem of the penitentiary system officials with varying levels of success in adapting to their duty performance. 50 individuals took part in the questioning: 25 men and 25 women aged 24-51 (the average age is 33), with 1 to 5 years of experience (the average length of service is 4 years). Five methods were used for diagnosis. For data processing we used Kruskal-Wallis one-way analysis of variance and correlation analysis. The results of the study indicate that the effectiveness of adaptation is helped by the official's psychological qualities such as the internal locus of control, mental stability, adaptive and communicative skills, moral normativity. The more successfully an official adjusts to the conditions and content of his/her official duties, the more positive his/her professional self-esteem is, the greater are his/her self-efficacy, professional and life satisfaction. Difficulties in the officials' adaptation to their professional environment entail a decline in their general state, emergence of somatovegetative disorders, reduced motivation for work, deterioration of their social interaction.

Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В.,
Гончаренко А.В.
Профессиональное самоотношение и адаптация
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20–35.

Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V.,
Goncharenko A.V.
Professional Self-esteem and Adaptation of the
Penitentiary System Staff
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 20–35.

Keywords: adaptation, adjustment, adaptation skills, deadaptation, maladjustment, professional self-esteem, self-efficacy, official duties.

For citation: Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V., Goncharenko A.V. Professional Self-esteem and Adaptation of the Penitentiary System Staff. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 20–35. DOI:10.17759/psylaw.2020100302 (In Russ.).

Введение

Одним из ведущих направлений «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» выступает кадровое обеспечение работников уголовно-исполнительной системы (УИС). В рамках этого направления одной из задач является подготовка высококвалифицированных специалистов, способных выдерживать чрезмерные психоэмоциональные нагрузки в реальных условиях оперативно-служебной деятельности и повышение их профессиональной компетенции [8].

В последние годы отмечается высокая текучесть кадров, во многом обусловленная неудовлетворенностью условиями прохождения службы и их низкой заинтересованностью в результатах своей деятельности [5]. Высокий уровень профессионального стресса, связанный с условиями и содержанием труда, становится причиной нарушения процесса социально-психологической адаптации [1; 4], возникновения профессионального выгорания сотрудников [14], хронических негативных психических состояний [13], отчуждения от различных сфер жизнедеятельности [3].

Служебная деятельность сотрудников в учреждениях УИС имеет целый ряд особенностей, которые затрудняют процесс их профессиональной адаптации и приводят к снижению эффективности труда. К этим особенностям можно отнести закрытый и режимный характер учреждений, постоянный контакт с криминогенной средой и готовность действовать в экстремальных условиях, необходимость соблюдения субординации по отношению к руководству, сверхурочный график работы [2; 12; 18]. Стрессовые факторы профессиональной деятельности влияют на адаптацию специалистов, предъявляют повышенные требования к их адаптационным ресурсам и психологической подготовке [9].

С одной стороны, трудности адаптации связаны с особенностями и содержанием профессиональной деятельности во время прохождения службы. С другой стороны, характер адаптации и дезадаптации во многом определяется личностными факторами, адаптивными способностями личности и ее потенциалом. Как показывают результаты исследований, специалисты профессий особого риска легче адаптируются к стрессовым условиям профессиональной деятельности благодаря психологической устойчивости, эмоциональной стабильности, коммуникативным способностям, умениям соблюдать моральные нормы, выработанные в коллективе [6; 9; 10]. Однако наличие только этих способностей явно недостаточно для того, чтобы остаться в профессии и в УИС. Целый ряд негативных феноменов, наблюдаемых у сотрудников УИС в процессе прохождения службы (выгорание, дезадаптивные психические состояния, профессиональные деструкции), указывает на глубинные изменения в ценностно-смысловой и мотивационной сферах, а именно: экзистенциальный вакуум, чувство опустошенности, отчуждение от себя, от содержания профессиональной деятельности, утрату смысла работы и снижение внутренней мотивации.

Профессиональное отчуждение как разновидность профессионально обусловленной личностной деструкции приводит к тому, что человек не идентифицирует себя с выполняемой деятельностью, не принимает на себя ответственность за происходящее в организации, не разделяет нормы и ценности, необходимые для успешной адаптации и функционирования как профессионала. То есть, как считают Б.Г. Бовин и Е.М. Федорова, происходят серьезные изменения в ценностно-смысловой сфере, связанные с утратой смыслообразующих мотивов профессиональной деятельности [3]. Недостаточное представление о нормах профессионально-служебного поведения и неумение презентовать себя как специалиста, становятся одной из причин дезадаптации сотрудника [18]. Очень часто формируется негативный профессиональный сценарий. По результатам опроса В.Е. Лапшина и Т.В. Галича, у большинства сотрудников УИС среди избегаемых рисков отмечаются нежелание попасть под сокращение, увольнение по причине возбуждения уголовного дела, возможность заражения туберкулезом [11]. Неудовлетворенность результатами своей работы, карьерного роста, снижение профессионального самоуважения, формирование негативной профессиональной идентичности становятся причиной «редукции личных достижений» у сотрудников на этапах прохождения службы в УИС от 3 до 5 лет и от 10 до 15 лет [14].

В психологии в большей степени исследованы негативные феномены, сопровождающие процесс адаптации (деструкции, психические состояния, отчуждение) и в меньшей степени позитивные факторы, которые препятствуют возникновению дезадаптивных проявлений. Можно предположить, что успешность адаптации сотрудников УИС определяется как адаптивными способностями к стрессовым условиям служебной деятельности, так и их заинтересованностью в результатах своего труда, внутренней мотивацией, восприятием себя как профессионала, позитивным отношением к работе.

Профессиональное самоотношение отражает степень удовлетворенности собой как профессионалом, своими собственными профессиональными навыками, знаниями, умениями, способностями, собственной ценностью как специалиста, своей профессиональной деятельностью в целом. По данным ряда исследователей, не только ядерная самооценочная диспозиция [23; 26], лежащая в основе принятия собственной личности, но и конкретные компоненты профессионального самоотношения (профессиональная самооценка, карьерная самоэффективность, компетентность) в значительной степени определяют успешность деятельности и повышают мотивацию к труду [25], снижают уровень профессионального стресса и выгорания [22], улучшают психосоциальную адаптацию [24], повышают удовлетворенность работой, семейными отношениями и жизнью в целом [21], а также помогают сохранить осмысленность жизни [27].

Поэтому исследование профессионального самоотношения сотрудников УИС в процессе их адаптации к служебной деятельности является социально значимой проблемой. Профилактика негативных изменений в профессиональном самоотношении сотрудников, возникающая под влиянием стрессовых факторов служебной деятельности, является одним из условий успешности, как решения трудовых задач, так и адаптации.

Цель исследования — выявить особенности профессионального самоотношения у сотрудников УИС с разным уровнем адаптации. **Гипотеза** состояла в том, что успешность адаптации повышают адаптивные способности сотрудника УИС и позитивное

профессиональное отношение к себе и к работе.

Эмпирическое исследование

Методики исследования

Выборку исследования составили 50 сотрудников уголовно-исполнительной инспекции, в том числе инспекторы, старшие инспекторы, конвоиры филиалов ФКУ УИИ УФСИН России; из них — 25 мужчин и 25 женщин в возрасте от 24 лет до 51 года (средний возраст — 33 года) со стажем от 1 до 5 лет (средний стаж — 4 года). Для диагностики адаптации использовались следующие опросники: «Социально-психологическая адаптация» К. Роджерса и Р. Даймонда [20], «Психофизиологическая дезадаптация» О.Н. Родиной [16], Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина [15]. Особенности профессионального отношения к себе и работе оценивались на основе методики «Профессиональное самоотношение» К.В. Карпинского и А.М. Колышко [7] и «Опросника поведения и переживания, связанного с работой» У. Шааршмидта и А. Фишера в адаптации Т.И. Рогинской [17].

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS24.0. посредством непараметрического критерия Краскела—Уоллиса и корреляционного анализа Ч. Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам применения опросника «Социально-психологическая адаптация» К. Роджерса и Р. Даймонда были сформированы три группы сотрудников УИС с различным уровнем адаптации — высоким, средним и низким. В качестве критерия использовались показатели интегративной шкалы «Адаптация». В первую группу с низким уровнем адаптации вошло 22% сотрудников (5 женщин и 6 мужчин) со средним возрастом 37 лет и стажем работы 2,5 года. Вторая группа включила 54% (16 женщин и 11 мужчин) сотрудников со средним уровнем адаптации, средний возраст которых составил 31 год, а средний стаж работы — 3 года. В третьей группе оказалось 24% сотрудников (4 женщины и 8 мужчин) с высоким уровнем адаптации, со средним возрастом 31 год и средним стажем работы 2,5 года. Группы не различаются между собой по стажу работы. Однако возраст имеет значение для интерпретации результатов: чем старше сотрудник, тем сложнее ему адаптироваться к социальной и профессиональной среде уголовно-исполнительной инспекции. Результаты по социально-психологической адаптации и дезадаптации по каждой группе представлены в табл. 1.

Первая задача состояла в выявлении ведущих характеристик индивида, влияющих на успешность адаптации у сотрудников УИС. Применение непараметрического Н-критерия Краскела—Уоллиса показало, что наблюдаются значимые различия не только по общему уровню адаптации ($H_{\text{эмп.}}=40,14$; $p \leq 0,05$), но и по таким психологическим показателям, как: интернальность ($H_{\text{эмп.}}=16,237$; $p \leq 0,05$), адаптивные способности ($H_{\text{эмп.}}=41,397$; $p \leq 0,05$), нервно-психическая устойчивость ($H_{\text{эмп.}}=29,444$; $p \leq 0,05$), коммуникативные способности ($H_{\text{эмп.}}=25,254$; $p \leq 0,05$), моральная нормативность ($H_{\text{эмп.}}=10,635$; $p \leq 0,05$).

Таблица 1

**Показатели социально-психологической адаптации, дезадаптации у сотрудников
УИС с разным уровнем адаптации**

Показатели	Группа 1		Группа 2		Группа 3	
	Низкий уровень адаптации		Средний уровень адаптации		Высокий уровень адаптации	
	М	S	М	S	М	S
<i>Опросник «Социально-психологическая адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда</i>						
Адаптация	32,8	4,25	50,6	5,4	66,1	3,21
Самопринятие	45,62	8,3	44,47	10,24	45,77	14,59
Принятие других	53,8	12,23	49,74	7,49	55,63	11,35
Эмоциональный комфорт	49,89	10,39	48,31	10,13	52,29	7,2
Интернальность	50,52	10,68	49,43	10,17	62,41	6,33
Стремление к доминированию	48,52	10,43	48,95	9,95	44,16	12,75
<i>Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина</i>						
Показатели	М Сырые баллы	М Стены	М Сырые баллы	М Стены	М Сырые баллы	М Стен ы
Адаптивные способности	65,18	1,5	44,44	3,4	21	6,9
Нервно-психическая устойчивость	36,73	2,9	22,89	4,5	9,58	7,5
Коммуникативные способности	17,54	3,5	11,56	5	4,75	7,5
Моральная нормативность	10,09	4,2	9,81	4,3	5,75	6,2
<i>Опросник «Профессиональная дезадаптация» О.Н. Родиной</i>						
Показатели	М	S	М	S	М	S
Ухудшение самочувствия	33,27	7,54	23,59	6,19	16,33	5,88
Соматовегетативные нарушения	15,45	4,34	13,41	6,09	6,83	6,22
Нарушение цикла «сон- бодорствование»	10,45	4,27	8,85	3,27	6	2,98
Особенности социального взаимодействия	11,18	4,02	7,52	3,82	4,17	2,41
Снижение мотивации к деятельности	6,45	1,97	4,67	2,67	2,5	2,15
Общие показатели дезадаптации	76,82	5,27	58,04	8,39	35,83	10,14

Примечание: М — среднее значение показателя, S — стандартное отклонение.

То есть чем выше уровень адаптации сотрудника к служебной деятельности, тем более выражены у него внутренний локус контроля; способности активно приспосабливаться к

профессиональной среде, выдерживать стрессовые нагрузки; умение общаться и строить взаимоотношения на основе моральных норм, принятых в организации. Именно наличие этих качеств у сотрудников повышает их адаптацию.

Такие качества, как самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт и стремление к доминированию, не влияют на степень успешности адаптации. Средние значения показателей по всем трем группам соответствуют среднему нормативному уровню, что позволяет утверждать, что работа в УИС невозможна без принятия себя как личности, позитивного восприятия коллег и наличия эмоциональной защищенности и безопасности. Эти качества являются абсолютными профессионально важными качествами, отсутствие или низкий уровень выраженности которых может привести к дезадаптивным нарушениям.

Ухудшение социально-психологической адаптации сотрудников сопровождается появлением целого ряда негативных изменений, затрагивающих сферу соматического и психологического здоровья. Выявлены значимые различия между тремя группами по шкалам «Ухудшение самочувствия» ($H_{эмп.}=20,743$; $p \leq 0,05$), «Соматовегетативные нарушения» ($H_{эмп.}=12,960$; $p \leq 0,05$), «Снижение мотивации к деятельности» ($H_{эмп.}=11,925$; $p \leq 0,05$) и «Общий показатель дезадаптации» ($H_{эмп.}=35,842$; $p \leq 0,05$), а также различия по шкале «Социальное взаимодействие» между первой и второй группами ($H_{эмп.}=16,561$; $p \leq 0,05$). То есть чем успешнее социально-психологическая и профессиональная адаптация, тем лучше самочувствие, меньше соматовегетативных нарушений, выше мотивация к труду, успешнее взаимодействие между коллегами. При этом у всех сотрудников независимо от уровня адаптации, отмечается тенденция к нарушению цикла «сон—бодрствование». Это в значительной степени обусловлено такими факторами, как: ненормированный рабочий день, регулярные проверки, суточные дежурства и наличие сроков на выполнение той или иной работы вне зависимости от ее объема.

Вторая задача состояла в определении особенностей профессионального самоотношения и отношения к работе у сотрудников в зависимости от успешности адаптации.

Результаты применения методик по оценке профессионального самоотношения и отношению к работе у сотрудников УИС представлены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели профессионального самоотношения и отношения к работе у сотрудников УИС с разным уровнем адаптации

Шкала	Группа 1		Группа 2		Группа 3	
	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	М	S	М	S	М	S
<i>Опросник «Профессиональное самоотношение» К.В. Карпинского и А.М.Кольшико</i>						
Внутренняя конфликтность профессионального самоотношения	33,82	5,74	32,7	7,15	38,33	7,9
Самоуважение	21,73	4,1	28,26	5,87	39,67	1,15
Самоуверенность	10,82	3,06	14,7	3,93	19,5	1,73
Самопривязанность	10,91	1,76	13,56	3,79	20,17	2,17
Самообвинение	15,91	5,17	15,07	4,51	16,92	4,76
Самозффективность	23,09	6,55	29,89	5,17	38,75	3,44

Саморуководство	13,09	4,57	17,29	3,28	19	3,46
Самооценка личностного роста в профессии	10	5,64	12,59	5,14	19,75	0,62
Самоуничижение	49,73	9,12	47,48	8,19	55,25	6,66
Общий показатель позитивности профессионального самоотношения	94,55	4,52	105,93	4,82	133,67	5,21
<i>Опросник «АВЕМ» У. Шааримидта и А. Фишера</i>						
Субъективное значение деятельности	17,18	4,58	19,96	4,72	25,17	3,19
Профессиональные притязания	17,45	5,11	21,89	3,95	23,75	4,18
Готовность к энергетическим затратам	21,36	2,94	20,93	4,03	24,33	3,77
Стремление к совершенству	23,45	4,55	23,96	3,63	25,33	4,09
Дистанция по отношению к работе	17,27	3,41	19	3,16	19,58	3,37
Тенденция к отказу в случае неудачи	26,36	2,42	17	3,78	11,67	4,14
Активная стратегия решения проблем	15,91	5,56	21,85	3,91	22,75	5,05
Внутреннее спокойствие и равновесие	16,09	4,93	19,89	2,64	19,67	2,15
Чувство успешности в профессиональной деятельности	17,45	3,98	19,11	3,2	18,42	2,81
Удовлетворенность жизнью	15,27	1,56	17,37	4,25	20,75	3,69
Чувство социальной поддержки	17,27	2,33	19,07	3,09	20,92	3,96

Значимые различия по Н-критерию Краскела—Уоллиса между тремя группами выявлены по шкалам методики «Профессиональное самоотношение»: «Общий показатель позитивности» ($H_{эмп.} = 39,118$; $p \leq 0,05$), «Самоэффективность» ($H_{эмп.} = 25,681$; $p \leq 0,05$) и «Самоуважение» ($H_{эмп.} = 32,043$; $p \leq 0,05$); различия по шкалам «Самоуверенность» ($H_{эмп.} = 23,725$; $p \leq 0,05$), «Самопривязанность» ($H_{эмп.} = 26,411$; $p \leq 0,05$) и «Самооценка личностного роста в профессии» ($H_{эмп.} = 17,525$; $p \leq 0,05$) значимы между первой и третьей группой; различия по шкале «Саморуководство» ($H_{эмп.} = 11,863$; $p \leq 0,05$) — между второй и третьей. При низком уровне адаптации сотрудники недостаточно уверены в своих силах, в профессиональной компетентности, не заинтересованы в профессиональном развитии, у них часто возникают мысли о смене деятельности, поскольку они часто не идентифицируют себя как сотрудников уголовно-исполнительной системы. Сотрудники со средним уровнем адаптации проявляют хорошие профессиональные навыки и способны адекватно оценить свою компетентность, вклад в решение трудовых задач. Высокий уровень адаптации сочетается с высокими показателями уверенности в себе как профессионале, заинтересованности в карьерном росте, собственном развитии. Именно у представителей этой группы в максимальной степени сформирована профессиональная идентичность и осознание себя как сотрудника уголовно-исполнительной инспекции.

Если положительная оценка себя как профессионала отличается в группах с разным уровнем адаптации, то по показателям негативной оценки (внутренняя конфликтность самоотношения, самообвинение и самоуничижение) различия отсутствуют, а показатели соответствуют среднему нормативному уровню. У всех сотрудников в одинаковой мере наблюдаются проявления дестабилизации субъективной профессиональной оценки, эмоциональное переживание неудач, принижение собственных успехов. Сложный характер и стрессовые условия деятельности в уголовно-исполнительной инспекции в значительной степени определяют вектор формирования негативной профессиональной самооценки у всех сотрудников.

Сравнение показателей «Опросника поведения и переживания, связанного с работой» «AVEM» У. Шааршмидта и А. Фишера между группами по Н-критерию Краскела—Уоллиса выявило значимые различия по «субъективному значению деятельности» ($H_{эмп.}=15,039$; $p\leq 0,05$), «тенденции к отказу от деятельности в случае неудачи» ($H_{эмп.}= 31,255$; $p\leq 0,05$) и «удовлетворенности жизнью» ($H_{эмп.}= 10,572$; $p\leq 0,05$). То есть для сотрудников с низким уровнем адаптации профессиональная деятельность является хотя и важной, но лишь одной из сфер жизнедеятельности, в которых они себя реализуют. При возникновении проблемных ситуаций и трудностей они склонны примириться с неудачами, общая удовлетворенность жизнью невысока. У сотрудников со средним уровнем адаптации работа также не является доминирующей в системе их ценностей. Однако они в большей степени готовы принять ответственность за неудачи и их преодолеть. При высоком уровне адаптации профессиональная деятельность занимает центральное место в их жизни. Сотрудники полностью включены в решение поставленных задач, несут ответственность за неудачи, проявляют заинтересованность в преодолении трудных ситуаций и отличаются высоким уровнем удовлетворенности жизнью, которая во многом определяется их успехами в профессиональной деятельности. По всем другим показателям отношения к работе не обнаружены значимые различия, они попадают в диапазон среднего нормативного уровня. К ним относятся такие показатели, как: профессиональные притязания, готовность к энергетическим затратам, стремление к совершенству, дистанция по отношению к работе, активные стратегии совладания, способность сохранять спокойствие, чувство успешности в профессиональной деятельности, удовлетворенность жизнью и чувство социальной поддержки. По сути, совокупность этих качеств обеспечивает выполнение профессиональных обязанностей и является необходимым условием для работы в уголовно-исполнительной инспекции.

Для выявления характера связей между показателями «адаптация» («дезадаптация») и показателями профессионального самоотношения, отношения к работе был применен корреляционный анализ Ч. Спирмена. Были получены значимые положительные корреляции между показателями «адаптация» и показателями профессионального самоотношения: «самоуважением в профессии» ($r=0,754$; $p<0,01$), «самоэффективностью в профессии» ($r=0,641$; $p<0,01$), «общим показателем позитивности в профессии» ($r=0,851$; $p<0,01$), а также показателями отношения к работе: «субъективным значением деятельности» ($r=0,423$; $p<0,01$) и «удовлетворенностью жизни» ($r=0,500$; $p< 0,01$). При этом адаптация и «тенденция к отказу от работы в случае неудачи» имеют значимую отрицательную связь ($r=-0,73$; $p< 0,01$). То есть по мере повышения адаптации у сотрудника повышается значимость и положительная оценка содержания выполняемой деятельности, возрастает чувство

самоуважения себя как профессионала. Успехи в деятельности отражаются на общей удовлетворенности жизнью, а неудачи мотивируют сотрудников к поиску новых вариантов решения трудовых задач. Работа становится значимой частью их жизни или, нередко, основной целью жизни и одновременно фактором профессиональной успешности.

Подобная тенденция связана с тем, что положительная оценка себя, своей работы и своего положения позволяют преодолевать трудности, обусловленные взаимодействием с коллегами, начальством и осужденными. Другие корреляции подтверждают выявленные закономерности. Так, установлены отрицательные значимые связи между дезадаптацией и «самоуважением в профессии» ($r=-0,648$; $p<0,01$), «самоэффективностью в профессии» ($r=-0,527$; $p<0,01$), «общим показателем позитивности в профессии» ($r=-0,766$; $p<0,01$), а также «удовлетворенностью жизнью» ($r=-0,545$; $p<0,01$). При этом отмечается значимая положительная связь между дезадаптацией и «тенденцией к отказу от работы в случае неудачи» ($r=0,801$; $p<0,01$). Дезадаптация сопровождается снижением самоуважения и самоэффективности в профессии, удовлетворенности жизнью. Неудачи демотивируют специалистов. Соматовегетативные нарушения тесно связаны со снижением самоуважения ($r=-0,439$; $p<0,01$), позитивного отношения к профессии ($r=-0,349$; $p<0,05$), субъективным значением деятельности ($r=-0,336$; $p<0,05$), удовлетворенностью жизнью ($r=-0,399$; $p<0,05$), а также возрастанием тенденции к отказу от деятельности в случае неудачи ($r=0,481$; $p<0,05$).

Ухудшающееся самочувствие в случае заболевания или вследствие переутомления накладывает определенные ограничения, как на умственные, так и физиологические процессы, снижает общую производительность, сказывается на представлении сотрудником о себе как профессионале. Эта тенденция наблюдается и при анализе корреляций показателя нарушения цикла «сон—бодрствование» и «самоуважением в профессии» ($r=-0,344$; $p<0,05$), «самоэффективностью в профессии» ($r=-0,399$; $p<0,01$), «общим показателем позитивности в профессии» ($r=-0,325$; $p<0,05$).

Выводы

1. Процесс адаптации сотрудников уголовно-исполнительной инспекции к служебной деятельности обусловлен как спецификой и содержанием труда, так и их личностными качествами. Принятие себя и других, чувство внутреннего комфорта и безопасности, стремление к доминированию являются основополагающими для работы в УИС. Успешность же адаптации специалистов повышают их интернальность, адаптивные способности, нервно-психическую устойчивость, коммуникативные способности, моральную нормативность.
2. Трудности в социально-психологической адаптации сотрудников сопровождаются возрастанием дезадаптивных проявлений, возникновением соматовегетативных нарушений, ухудшением самочувствия и социального взаимодействия, снижением мотивации к деятельности.
3. Профессиональная адаптация тесным образом связана с профессиональным самосознанием и самоотношением человека. Чем выше позитивное восприятие себя как профессионала, самоуважение и самоэффективность в профессии, субъективное значение деятельности, удовлетворенность жизнью, тем успешнее адаптация и меньше дезадаптивных нарушений. Для сотрудников из всех групп характерно ярко выраженное стремление к совершенству в профессиональной деятельности, желание выполнить все поставленные

Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В., Гончаренко А.В.
Профессиональное самоотношение и адаптация
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20–35.

*Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V.,
Goncharenko A.V.*
Professional Self-esteem and Adaptation of the
Penitentiary System Staff
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 20–35.

рабочие задачи наилучшим образом.

4. Психологическая подготовка сотрудников к деятельности в уголовно-исполнительной инспекции должна быть направлена как на развитие базовых качеств человека, связанных с удовлетворением базовых потребностей личности в самопринятии и безопасности, раскрытие адаптационного потенциала, так и на формирование позитивного профессионального самосознания, профессиональной идентичности и повышение ценности работы.

Литература

1. *Анфиногенов В.А.* Отдельные аспекты социальной адаптации молодых сотрудников на службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 306—308.
2. *Бовин Б.Г., Марьин М.И., Кокурин А.В., Славинская Ю.В., Раков А.М., Киселева Е.А., Васищев А.А., Морозов В.И., Дутов В.И., Красов Д.А., Мокрецов А.И.* Экстремальная психология в особых условиях деятельности / Под науч. ред. Б.Г. Бовина, А.В. Кокурина, А.М. Ракова; ФКУ НИИ ФСИН России, ФЭП МГППУ, Академия ГПС МЧС России, ОСИ ФСКН России. М., 2015. 514 с.
3. *Бовин Б.Г., Федорова Е.М.* К вопросу о психологической профилактике профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 110—118.
4. *Брезицкий С.Ю.* Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. 2016. С. 31—32.
5. *Долинин А.Ю.* Мотивация и стимулирование служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: современное состояние и повышение эффективности // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 144—151.
6. *Казберов П.Н., Кулакова С.В., Фадеева К.Ф., Мешкова Л.В.* Психологические аспекты подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 12(16). С. 29—35.
7. *Карпинский К.В., Колышко А.М.* Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики / К.В. Карпинский, А.М. Колышко; Учреждение образования «Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы». Гродно: ГрГУ, 2010. 139 с.
8. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: <http://60.fsin.su/document/concept/index.php?month=3&year=1760> (дата обращения: 24.12.19).
9. *Котенева А.В., Кобзарев С.А.* Особенности ценностно-смысловой сферы спасателей с разным уровнем профессиональной социально-психологической адаптации // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 1. С. 35—52. doi:10.17759/sps.2019100103
10. *Кулакова С.В., Фадеева К.Ф., Мешкова Л.В.* Обеспечение психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы к особенностям службы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 6(157). С. 15—19.
11. *Лапшин В.Е., Галич Т.В.* Особенности жизненных планов сотрудников уголовно-исполнительной системы с разным стажем службы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 4(40). С. 59—63.

Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В.,
Гончаренко А.В.
Профессиональное самоотношение и адаптация
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20–35.

Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V.,
Goncharenko A.V.
Professional Self-esteem and Adaptation of the
Penitentiary System Staff
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 20–35.

12. Ломакина А.Н. Особенности адаптации молодых сотрудников к службе в уголовно-исполнительной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4(37). С. 29—31.
13. Овчарова Е.В. Особенности психических состояний сотрудников отделов охраны уголовно-исполнительной системы, несущих службу с оружием // Юридическая наука. 2019. № 3. С. 55—59.
14. Поздняков В.М., Черкасова М.А. Особенности профессионального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы на различных этапах прохождения службы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 22—31.
15. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности. Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб., 2001. С. 127—129, 138—141.
16. Практикум по психологии профессиональной деятельности: учеб. пособие / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2000. 304 с.
17. Рогинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 85—95.
18. Соснина В.Н. Особенности социально-психологической адаптации сотрудников к службе в уголовно-исполнительной системе // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 1. С. 143—145.
19. Трифонова Е.А. Особенности социально-психологической адаптации и системы ценностей сотрудников уголовно-исполнительной системы города Оренбурга // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4(17). С. 430—433.
20. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., Изд-во Ин-та Психотерапии. 2002. С. 19—197.
21. Bernstein J. The professional self-evaluation of immigrant physicians from the former Soviet Union in Israel // Journal of Immigrant Health. 2000. № 2. P. 183—190. doi:10.1023/A:1009536212233
22. Best R.G., Stapleton L.M., Downey R.G. Core self-evaluations and job burnout: The test of alternative models // Journal of Occupational Health Psychology. 2005. № 10(4). P. 441—451. doi:10.1037/1076-8998.10.4.441
23. Bono J.E., Colbert A.E. Understanding responses to multisource feedback: The role of core self-evaluations // Personnel Psychology. 2005. № 58. P. 171—203. doi.org/10.1111/j.1744-6570.2005.00633.x
24. Boyar S.L., Mosley D.C. The relationship between core self-evaluations and work and family satisfaction: The mediating role of work-family conflict and facilitation // Journal of Vocational Behavior. 2007. № 71. P. 265—281. doi:10.1016/j.jvb.2007.06.001
25. Erez A., Judge T.A. Relationship of core self-evaluations to goal setting, motivation, and performance // Journal of Applied Psychology. 2001. № 86. P. 1270—1279. dx.doi.org/10.1037/0021-9010.86.6.1270
26. Judge T.A., Kammeyer-Mueller J.D. Personality and career success // Handbook of career studies / H.P. Gunz, M.A. Peiperl (Eds.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2007. P. 59—78.
27. Taubman O. Meaning in life and personal growth among pediatric physicians and nurses // Death Studies. 2008. № 32. P. 621—645.

Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В.,
Гончаренко А.В.
Профессиональное самоотношение и адаптация
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20–35.

Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V.,
Goncharenko A.V.
Professional Self-esteem and Adaptation of the
Penitentiary System Staff
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 20–35.

References

1. Anfinogenov V.A. Otdel'nye aspekty social'noj adaptacii molodyh sotrudnikov nasluzhbe v uchrezhdeniyah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Certain aspects of social adaptation of young employees in the service in institutions and bodies of the criminal Executive system]. *Problemy v rossijskom zakonodatel'stve [Problems in Russian legislation]*. 2018, No. 4, pp. 306-308.
2. Bovin B.G., Marin M.I., Kokurin A.V., Slavinska U.V., Rakov A.M., Kiseleva E.A., Vasyshcheva A.A., Morozov I.V., Dutov I.V., Krasov D.A. Ehkstremalnaya-psihologiya-v-osobyh-usloviyah-deyatelnosti [Extreme psychology in the special conditions of the activity] / Edited by B.G. Bovin, A.V. Kokurin, M.A. Rakov. - Moscow, 2015. 514 p.
3. Bovin B.G., Fedorova E.M. K voprosu o psihologicheskoy profilaktike professional'nogo otchuzhdeniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [On the issue of psychological prevention of professional alienation of employees of the criminal Executive system]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Applied legal psychology]*. 2015, No. 4, pp. 110-118.
4. Brezitsky S.Yu. Osobennosti professional'noj adaptacii molodyh sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Features of professional adaptation of young employees of the criminal Executive system]. V sb.: Yuridicheskaya nauka i praktika al'manah nauchnyh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii In [In sb.: Legal science and practice almanac of scientific works of the Samara law Institute of the Federal penitentiary service of Russia]. 2016, pp. 31-32.
5. Dolinin A.Yu. Motivaciya istimulirovanie sluzhebnoj deyatelnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy: sovremennoe sostoyanie i povyshenie effektivnosti [Motivation and stimulation of official activity of employees of the criminal Executive system: current state and increase of efficiency]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Applied legal psychology]*. 2015, No. 4, pp. 144-151.
6. Kazberov P.N., Kulakova S.V., Fadeeva K.F., Meshkova L.V. Psihologicheskie aspekty podgotovki sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'nojsistemy k dejstviyam v ekstremal'nyh situatsiyah [Psychological aspects of training employees of the criminal Executive system to act in extreme situations]. *Nauchno-issledovatel'skie publikacii [Research publications]*. 2014, No 12 (16), pp. 29-35.
7. Karpinsky K.V., Kolyshko A.M. Professional'noe samootnoshenie lichnosti i metodika ego psihologicheskoy diagnostiki [Professional self-relation of the person and the method of his psychological diagnostics]. Grodno: Grodno State University, 2010. 139 p.
8. Konceptiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda [Concept of development of the criminal Executive system of the Russian Federation until 2020]. Elektronnyj resurs. [Electronic resource]: Available at: <http://60.fsin.su/document/concept/index.php?month=3&year=1760> (Accessed: 24.12.19)
9. Koteneva A.V., Kobzarev S.A. Osobennosti cennostno-smyslovoj sfery spasatelej s raznymurovнем professional'noj social'no-psihologicheskoy adaptacii [Features of the value-semantic sphere of rescuers with different levels of professional socio-psychological adaptation]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 35–52. doi:10.17759/sps.2019100103. (In Russ., abstr. in Engl.)
10. Kulakova S.V., Fadeeva K.F., Meshkova L.V. Obespechenie psihologicheskoy ustojchivosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy k osobennostyam sluzhby [Ensuring psychological stability of employees of the criminal Executive system to the peculiarities of the service].

Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В.,
Гончаренко А.В.
Профессиональное самоотношение и адаптация
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20–35.

Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V.,
Goncharenko A.V.
Professional Self-esteem and Adaptation of the
Penitentiary System Staff
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 20–35.

Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Vedomosti of the criminal Executive system]. 2015, No. 6 (157), pp. 15-19.

11. Lapshin V.E., Galich T.V. Osobennosti zhiznennykh planov sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy s raznym stazhem sluzhby [Features of life plans of employees of the criminal Executive system with different service experience]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction]. 2017, No. 4 (40), pp. 59-63.

12. Lomakina A.N. Osobennosti adaptatsii molodykh sotrudnikov k sluzhbe v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme [Features of adaptation of young employees to service in the criminal Executive system]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Vladimir law Institute]. 2015, No. 4 (37), pp. 29-31.

13. Ovcharova E.V. Osobennosti psichicheskikh sostoyanij sotrudnikov otdelov ohrany ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, nesushchih sluzhbu s oruzhiem [Features of mental States of employees of departments of protection of the criminal Executive system, serving with weapons]. Yuridicheskaya nauka [Legal science]. 2019, No. 3, pp. 55-59.

14. Pozdnyakov V.M., Cherkasova M.A. Osobennosti professional'nogo vygoraniya u sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy narazlichnykh etapah prohozhdeniya sluzhby [Features of professional burnout among employees of the criminal Executive system at various stages of service]. Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Applied legal psychology]. 2013, No. 1, pp. 22-31.

15. Praktikum po psihologii menedzhmenta i professional'noj deyatel'nosti [Practicum on psychology of management and professional activity]. G.S. Nikiforov, M.A. Dmitrieva, V.M. Snetkov (eds.). SPb., 2001, pp. 127-129, 138-141.

16. Praktikum po psihologii professional'noj deyatel'nosti [Practicum on psychology of professional activity]. G.S. Nikiforov, M.A. Dmitrieva, V.M. Snetkov (eds.). SPb.: Ed. S.-Peterb. UN-TA, 2000, 304 p.

17. Roginskaya T.I. Sindrom vygoraniya v social'nykh professiyah [Syndrome of burnout in the social professions]. Psichologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 2002, No. 3, pp. 85-95.

18. Sosnina V.N. Osobennosti social'no-psichologicheskoy adaptatsii sotrudnikov k sluzhbe v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme [Features of social and psychological adaptation of employees to service in the criminal Executive system]. Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. 2010, No. 1, pp. 143-145.

19. Trifonova E.A. Osobennosti social'no-psichologicheskoy adaptatsii i sistemy cennostej sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy goroda Orenburga [Features of social and psychological adaptation and value system of employees of the criminal Executive system of the city of Orenburg]. Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psihologiya [Azimut of scientific research: pedagogy and psychology]. 2016, vol. 5, No. 4 (17), pp. 430-433.

20. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Social'no-psichologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyykh grupp [Social and psychological diagnostics of personality development and small groups]. M., Publishing house of the Institute of Psychotherapy. 2002, pp. 193-197.

21. Bernstein J. The professional self-evaluation of immigrant physicians from the former Soviet Union in Israel. *Journal of Immigrant Health*. 2000, № 2, pp. 183-190. doi:10.1023/A:1009536212233

Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В.,
Гончаренко А.В.
Профессиональное самоотношение и адаптация
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20–35.

Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V.,
Goncharenko A.V.
Professional Self-esteem and Adaptation of the
Penitentiary System Staff
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 20–35.

22. Best R.G., Stapleton L.M, Downey R.G. Core selfevaluations and job burnout: The test of alternative models. *Journal of Occupational Health Psychology*.2005, № 10 (4), pp. 441-451. doi: 10.1037/1076-8998.10.4.441
23. Bono J.E., Colbert A.E. Understanding responses to multisource feedback: The role of core self-evaluations. *Personnel Psychology*. 2005, № 58, pp. 171-203. doi.org/10.1111/j.1744-6570.2005.00633.x
24. Boyar S.L., Mosley D.C. The relationship between core self-evaluations and work and family satisfaction: The mediating role of work-family conflict and facilitation. *Journal of Vocational Behavior*. 2007, № 71, pp. 265-281. doi: 10.1016/j.jvb.2007.06.001
25. Erez A., Judge T.A. Relationship of core self-evaluations to goal setting, motivation, and performance. *Journal of Applied Psychology*.2001, № 86, pp. 1270-1279. dx.doi.org/10.1037/0021-9010.86.6.1270
26. Judge T.A., Kammeyer-Mueller J.D. Personality and career success. In Handbook of career studies / H.P. Gunz, M.A. Peiperl (Eds.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2007. Pp. 59-78.
27. Taubman O. Meaning in life and personal growth among pediatric physicians and nurses. *Death Studies*. 2008, № 32, pp. 621-645.

Информация об авторах

Котенева Анна Валентиновна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-психологический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8087-567X>, e-mail: akoteneva@yandex.ru

Кокурин Алексей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета Экстремальной психологии, Московский государственный психолого-психологический университет (ФГБОУ ВО «МГППУ»), доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, Московский государственный юридический университет (ФГБОУ ВО «МГЮА» имени О.Е. Кутафина), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail:kokurin1@bk.ru

Литвинова Анна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-психологический университет (ФГБОУ ВО «МГППУ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

Гончаренко Анна Викторовна, студент факультета Экстремальной психологии, Московский государственный психолого-психологический университет (ФГБОУ ВО «МГППУ»), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: maskofgod@yandex.ru

Information about the authors

Anna V. Koteneva, Doctor in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of scientific bases of extremal psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8087-567X>, e-mail: akoteneva@yandex.ru

Aleksey V. Kokurin, PhD in Psychology, Associate Professor, the Dean of the faculty of Extreme psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, Associate Professor of Criminology and criminal enforcement law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail:

*Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В.,
Гончаренко А.В.*
Профессиональное самоотношение и адаптация
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20–35.

*Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V.,
Goncharenko A.V.*
Professional Self-esteem and Adaptation of the
Penitentiary System Staff
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 20–35.

kokurin1@bk.ru

Anna V. Litvinova, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Scientific bases of Extreme psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

Anna V. Goncharenko, Student, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, e-mail: maskofgod@yandex.ru

Получена 04.03.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 04.03.2020
Accepted 07.09.2020

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ |
THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Смыслоразнозначные ориентации и биопсихологический возраст сотрудников уголовно-исполнительной системы

Котенева А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8087-567X>, e-mail: akoteneva@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования смыслоразнозначных ориентаций сотрудников уголовно-исполнительной системы и их связи с биопсихологическим возрастом. Выборка включает 70 человек, из них 42 мужчины и 28 женщин. Средний возраст специалистов составил 31 год, а средний стаж работы — 7,6 лет. В исследовании применялись тест «Смыслоразнозначные ориентации» Д.А. Леонтьева, шкала «Духовность» методики «Жизнеспособность взрослого человека» А.В. Махнача и метод исследования психобиологического возраста по К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной. Для обработки данных использовались Т-критерий для независимых выборок, корреляционный и множественный линейный регрессионный анализ. Результаты исследования показывают, что у мужчин более высокие показатели биологического и психологического возраста, ускоренный темп биологического старения. Состояние здоровья сотрудников улучшается по мере повышения духовности, обретения жизненных целей, роста результативности, удовлетворенности самореализацией. Предикторами биологического возраста и темпа старения сотрудников выступают пол, стаж работы, наличие жизненных целей, способность принимать жизненные события и психобиологическая зрелость.

Ключевые слова: биологический возраст, духовность, осмысленность жизни, психологический возраст, психобиологическая зрелость, смыслоразнозначные ориентации.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-18-00058.

Для цитаты: Котенева А.В. Смыслоразнозначные ориентации и биопсихологический возраст сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 36–51. DOI:10.17759/psylaw.20201003.

The life-meaning Orientations and Biopsychological Age of Correctional Officials

Anna V. Koteneva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8087-567X>, e-mail: akoteneva@yandex.ru

The article presents the results of the study of the life-meaning orientations of the penitentiary system staff and how they are related to their biopsychological age. The sample consisted of 70 individuals - 42 men and 28 women. The average age of the staff was 31 and their average length of service was 7.6 years. The study used "The Purpose-in-Life orientations" test (Leontyev D.A), the "Spirituality" scale in the "Resilience of adults" method (Makhnach A.V.) and the psychobiological age research method by Abulkhanova K.A. and Berezina T.N.. For statistical treatment of data we used t-test for independent samples, correlation and multiple linear regression analysis. The results of the study indicate that men have higher indicators of biological and psychological age, accelerated rate of biological aging. The health status of employees improves as they become more spiritual, achieve life goals, increase productivity, and are satisfied with self-realization. The following factors serve as predictors of biological age and rapidity of ageing: gender, length of service, life goals, acceptance of life events and psychobiological maturity.

Keywords: biological age, spirituality, meaningful life, psychological age, psychobiological maturity, life-meaning orientations.

Funding: The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 19-18-00058.

For citation: Koteneva A.V. The life-meaning Orientations and Biopsychological Age of Correctional Officials. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 36–51. DOI:10.17759/psylaw.2020100303 (In Russ.).

Введение

В настоящее время проблема сохранения здоровья и профессионального долголетия сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) является социально значимой. Повседневная служба сотрудников УИС отличается повышенной эмоциональной напряженностью и экстремальностью, вызванных такими факторами, как: взаимодействие с контингентом осужденных, среди которых высокий удельный вес лиц с психическими аномалиями, аддикциями; постоянная провокация и конфликтность общения с ними; изоляция условий профессиональной деятельности; низкая престижность профессии, клеймо «сатрапа»; специфика психологических проблем работников УИС, способствующих возникновению деформации профессионально-значимых качеств и профессиональных девиаций [24]. Деятельность сотрудников УИС характеризуется также наличием

неопределенности поступающей информации, сверхнормативностью, значимостью решаемых задач, высокой ответственностью и опасностью, дефицитом времени, необходимостью обеспечения режима в критических ситуациях с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [4; 6]. Многочисленные стрессовые факторы часто становятся причиной истощения функциональных резервов человека, преждевременного биологического старения организма, нарушения психического и соматического здоровья профессионала [31], а также лежат в основе их профессионального выгорания [19].

Старение представляет собой сложный процесс, который характеризует изменения организма человека на генетическом, молекулярном, клеточном, органном уровнях во время онтогенеза. В медицине в качестве одного из диагностических критериев старения используется понятие биологического возраста. Понятие «биологический возраст», или «возраст развития», означает степень морфологического, физиологического развития и резервный потенциал организма. Календарный (паспортный, хронологический) возраст может отличаться от биологического возраста, и расхождения между ними позволяют оценить интенсивность старения и функциональные возможности специалиста на разных стадиях профессионального развития, состояние его психофизического здоровья и трудоспособность [1].

Именно биологический возраст, как считают И.В. Самородская, М.А. Старинская, является одним из наиболее важных факторов риска развития ряда хронических болезней с неблагоприятным для жизни прогнозом и вероятностью смерти [20]. Хотя биологический возраст в значительной степени определяется совокупностью обменных, структурных, функциональных, регуляторных особенностей и приспособительных возможностей организма, он зависит также от условий среды и образа жизни человека. Экстремальные условия деятельности часто становятся причиной нарушений состояния здоровья, снижения уровня качества жизни, ускоренного темпа преждевременного старения, повышения биологического возраста представителей опасных профессий [8]. Результаты исследования М.П. Буша, С.Г. Абрамович показали, что темп старения у сотрудников правоохранительных органов оказался выше, чем у работников других профессий. Причем обнаружена прямая зависимость между скоростью старения и стажем работы [5]. Полученные Н.А. Михайловой с соавторами данные свидетельствуют об ускоренном старении механизаторов сельского хозяйства, деятельность которых связана с воздействием комплекса вредных профессионально обусловленных факторов на состояние здоровья [16]. Участие в боевых действиях в зимний и летний периоды года влияет на функциональное состояние организма военнослужащих. По данным Н.А. Мешкова, доля военнослужащих с ускоренным темпом старения преобладала в зимний период, а с замедленным — в летний [16]. Л.Б. Ким, А.Н. Путятин, П.М. Кожин пришли к выводу, что преждевременное старение рабочих горнорудной промышленности можно рассматривать как «биосоциальную плату за адаптацию к суровым природно-климатическим условиям арктической зоны РФ» [7, с. 9].

Не только биологический возраст, но и субъективный психологический возраст предопределяет психофизическое здоровье человека [15; 21]. Субъективный возраст, в отличие от календарного возраста, является также предиктором позитивной ориентации, удовлетворенности жизнью и самооценки здоровья [29], отражает степень самореализации, эмоционального и физического благополучия человека. В условиях хронического стресса он

может существенно меняться. Люди, которые в большей степени полагаются на собственные личностные ресурсы преодоления стресса, отличаются большей зрелостью, но они и чувствуют себя старше календарного возраста [2].

Причинами различной скорости биологического и психологического старения являются не только генетические и эпигенетические факторы, стрессовые условия жизнедеятельности, но и недостаточные психологические ресурсы стресс-преодолевающего поведения, пониженные адаптивные способности и жизнеспособность человека [10]. Наличие феномена преждевременного старения у специалистов, деятельность которых связана с экстремальными условиями и ситуациями, ставит вопрос о поиске личностных факторов антистарения. Одним из таких факторов выступает осмысленность жизни. В психологии обретение человеком смысла жизни является главной характеристикой его бытия, опорой в стрессовых ситуациях. Его утрата приводит к ноогенному неврозу, потере жизненных сил, апатии, душевной и телесной деградации [23]. Изучение взаимосвязи смыслоразностных ориентаций и биопсихологического возраста сотрудников УИС необходимо для профилактики и психокоррекции негативных психических состояний, вызывающих ускоренный темп биологического старения и неадекватность переживания субъективного возраста специалистами. Этот аспект в современной психологии не изучен.

Цель эмпирического исследования — выявить взаимосвязь смыслоразностных ориентаций и биопсихологического возраста у сотрудников УИС. Гипотеза исследования состоит в том, что по мере повышения степени осмысленности жизни в целом и ее отдельных компонентов в частности (духовности, целеполагания, эмоциональной насыщенности жизни, самореализации в профессии и др.) отмечается улучшение самочувствия и состояния здоровья, снижение биологического возраста, возрастание психобиологической зрелости и замедление темпов старения.

Метод исследования

Выборку эмпирического исследования составили 70 человек — сотрудники УИС (инспектора, охранники и психологи), из них 42 мужчины и 28 женщин. Возраст специалистов колебался от 22 до 57 лет (средний возраст 31 год), а средний стаж работы составил 7,6 лет. 28,6% респондентов имеют среднее и среднее специальное и 71,4% высшее образование. Статус холостых мужчин, незамужних женщин или разведенных наблюдается у 47,1% опрошенных, в то время как статус «состоят в браке» — у 52,9%.

Для диагностики смыслоразностных ориентаций применялись две методики.

Тест «Смыслоразностные ориентации» Д.А. Леонтьева — позволяет оценить, насколько сама жизнь имеет онтологическую значимость для человека, и выявить следующие характеристики человека: наличие или отсутствие целей в жизни, придающих ей осмысленность, направленность и временную перспективу; степень эмоциональной насыщенности жизни; результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией; локус контроля-Я, или представления о себе как личности, способной построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле; локус контроля-жизнь, или способность контролировать свою жизнь. Подсчитывается также общий показатель осмысленности жизни [12].

Шкала «Духовность» методики «Жизнеспособность взрослого человека» А.В. Махнача [13] — дает возможность определить высшие духовные устремления человека, наличие у него экзистенциального смысла жизни, его уровень духовного и нравственного развития, а

также силу духа.

Метод исследования психобиологического возраста по К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной — направлен на измерение трех показателей: определение *биологического возраста* по методике В.П. Войтенко, включающего 3 шкалы: «Биологический возраст» (БВ), «Должный биологический возраст» (ДБВ) и «Индекс биологического старения» (БВ-ДБВ). Он также позволяет определить самооценку психологического возраста, психобиологический возрастной индекс и показатель психологического старения [2].

Биологический возраст рассчитывается по формуле, в которую включены показатели артериального давления, задержки дыхания после вдоха, статической балансировки и массы тела, а также данные по самооценке здоровья. Показатель должного биологического возраста характеризует средний биологический возраст для конкретной возрастной группы в настоящее время в РФ. Индекс БВ-ДБВ указывает на темп биологического старения: замедленный (БВ<ДБВ), обычный (БВ=ДБВ) и ускоренный (БВ>ДБВ). Возможны разные интерпретации количественных показателей данного индекса. Л.Д. Маркина приводит следующие критерии оценки: разница между биологическим и должным возрастом от -2,9 до +2,9 года отражает примерное соответствие БВ и ДБВ; разница от -15 до -9 лет соответствует резко замедленному, а разница от -8,9 до -2,9 лет — замедленному старению; разница от +3 до +8,9 года указывает на ускоренное, а разница от 9 до +15 — резко ускоренному старению [18]. По Л.М. Белозеровой, разница между биологическим и должным возрастом от -15 до -5 соответствует замедленному старению; разница от -4.99 до +4.99 соответствует обычному физиологическому старению; разница от +5 до +15 — преждевременному старению [3].

Показатель психологического старения, или «когнитивная иллюзия возраста» (разница между психологическим и календарным возрастом) отражает адекватность переживания человеком субъективного возраста. Одни авторы считают, что наличие расхождения между этими показателями до 13 лет указывает на оптимальную когнитивную иллюзию возраста; больше 14 лет — на наличие невротического отрицания собственного старения; больше 20 лет — на возрастную дезориентацию [14]. О.Ю. Стрижицкая приводит другие критерии: разница между психологическим и календарным возрастом в ± 4 года соответствует «адекватному» переживанию возраста; больше ± 4 — к неадекватному переживанию психологического возраста [22].

Показатель «Психобиологическая возрастная зрелость», характеризующий отношение психологического возраста к биологическому (ПВЗ = ПВ/БВ), позволяет определить, является ли человек психологически младше или старше своего биологического возраста. Показатель психобиологической зрелости до 0,8999999 указывает на сниженную зрелость; от 0,9 до 1,8 соответствует адекватному уровню; от 1.8000001 и выше означает повышенную психологическую зрелость.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS Statistic (описательная статистика, Т-критерий для независимых выборок, корреляционный анализ, метод многомерной линейной регрессии).

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты диагностики смысловжизненных ориентаций и биопсихологического возраста специалистов представлены в табл. 1.

Смысловжизненные ориентации сотрудников УИС. По результатам применения

шкалы «Духовность» методики «Жизнеспособность взрослого человека» А.В. Махнача оказалось, что показатель духовности соответствует среднему уровню нормативных показателей, но тяготеет к его нижней границе. При этом у 45,7% (32 человека) отмечаются низкий, у 50% (35 человек) респондентов средний и у 4,3% (3 человека) высокий уровень стремления к высшим, экзистенциальным целям, ценностям и смыслам жизни.

Таблица 1

Смыслоразностные ориентации, показатели биопсихологического возраста у сотрудников УИС и значимость их различий по Т-критерию между мужчинами и женщинами

Показатели	Общая выборка (70 человек)		Мужчины (42 человек)		Женщины (28 человек)		Т эмпирическое	Р — уровень значимости
	М	S	М	S	М	S		
Духовность	44,70	14,1	46,28	14,36	42,32	13,68	1,164	,249
Цель	33,87	7,46	34,07	8,04	33,57	6,61	,284	,777
Процесс	33,23	6,73	34,05	5,92	32,00	7,74	1,187	,241
Результат	27,89	5,14	28,69	4,74	26,68	5,56	1,571	,122
Локус контроля-Я	22,17	4,95	22,88	4,94	21,11	4,85	1,488	,142
Локус контроля-жизнь	31,77	6,95	32,00	6,82	31,43	7,26	,330	,742
Осмысленность жизни	110,47	17,39	112,76	16,92	107,04	17,85	1,342	,185
Самооценка здоровья	6,3	5,82	4,69	5,03	8,75	6,17	-2,898	,006
Биологический возраст	38,39	9,51	42,41	8,78	32,36	7,17	5,243	,000
Индекс биологического старения	,9542	8,51	3,46	8,56	-2,82	7,03	3,358	,001
Психологический возраст	40,14	15,2	44,56	15,24	33,46	12,70	3,313	,002
Психобиологическая возрастная зрелость	1,079	,396	1,085	,38	1,072	,42	,136	,892
Индекс психологического старения	8,51	13,48	11,81	14,93	3,57	9,15	2,859	,006
Календарный возраст	31,64	7,06	32,81	6,95	29,89	6,99	1,71	,092

Примечание: М — среднее значение; S — стандартное отклонение. При самооценке здоровья чем выше показатель, тем хуже оценивается состояние здоровья.

Не только профессионалы, но и будущие специалисты, деятельность которых связана с

экстремальными условиями деятельности, редко используют религиозную духовность как жизненный ресурс для совладания со стрессом [9; 11; 25], хотя в реальной жизни именно благодаря вере в Бога люди выживали в критических ситуациях [23].

У сотрудников УИС в большей степени выражены смысложизненные ориентации, связанные с постановкой конкретных жизненных целей, эмоциональной вовлеченностью в процесс их достижения, с самореализацией, стремлением опираться на свои собственные силы и контролировать свою жизнь. Интегративный индекс осмысленности жизни и ее конкретные компоненты попадают в средний диапазон значений, но тяготеют к ее верхней границе. То есть ценности и цели жизнедеятельности у большинства специалистов, которые придают осмысленность их жизни, находятся скорее в профессиональной, социальной, семейной сферах бытия, а не в религиозной сфере. Значимых различий по этим показателям между сотрудниками разного пола не выявлено. Поиск смысла жизни, основополагающих нравственных ценностей и жизненных целей, стремление реализовать свои таланты отражают общую человеческую природу и не зависят от гендерной принадлежности.

Биологические и психологические характеристики возраста. По всей выборке биологический возраст специалистов фактически соответствует должному биологическому возрасту, т. е. обычному темпу физиологического старения. Однако у сотрудников мужского пола биологический возраст выше, чем у сотрудников женского пола. Причем средний индекс биологического старения у мужчин указывает на его ускоренный темп, что является сигналом возможного нарушения здоровья [18]. В то время как у женщин наблюдается незначительная тенденция к замедленному старению. Однако при этом женщины отмечают значительно чаще (почти в два раза) нарушения соматического здоровья, чем мужчины. Самооценка здоровья входит в показатель биологического возраста. Наблюдается некоторый парадокс: биологический возраст у мужчин выше, но при этом они игнорируют физиологические симптомы нарушения здоровья.

В целом, сотрудники УИС чувствуют себя психологически старше своего календарного возраста. Если женщины переживают свой субъективный возраст адекватно, то у мужчин наблюдается почти невротическое отрицание своего возраста. Однако психобиологическая возрастная зрелость является адекватной и совпадает с возрастными нормами у всех сотрудников.

Поскольку выборка является неоднородной по профессиональному признаку, был проведен сравнительный анализ с помощью Т-критерия для независимых выборок всех показателей смысложизненных ориентаций и биопсихологического возраста между инспекторами, охранниками и психологами. Ни по одному из показателей не было выявлено значимых различий между этими группами. Осмысленность жизни и биопсихологический возраст не зависят от занимаемой должности в УИС.

В соответствии с Периодизацией, принятой Международным симпозиумом возрастной периодизации (Москва, 1965 г.), средний зрелый возраст делится на два периода: первый период — 22—35 лет для мужчин, 21—35 — для женщин, второй период — 36—60 лет для мужчин, 36—55 — для женщин. На рис. 1 приведены результаты сравнения показателей по всем методикам между двумя возрастными группами. Значимых различий между смысложизненными ориентациями не выявлено. То есть наши данные совпадают с результатами автора методики «Смысложизненные ориентации», согласно которым цель в жизни не связана «ни с полом, ни возрастом, ни с уровнем образования и интеллектом, ни с

религиозностью, ни с доходом» [12, с. 5]. В то же самое время сотрудники в возрасте от 36 до 60 лет отличаются более высокими показателями биологического ($t=-2,093$; $p=,047$), психологического возрастов ($t=-2,268$; $p=,031$), но и более замедленным темпом биологического старения ($t=-7,854$; $p=,000$), по сравнению с сотрудниками в возрасте от 22 до 35 лет. По другим показателям не выявлено значимых различий.

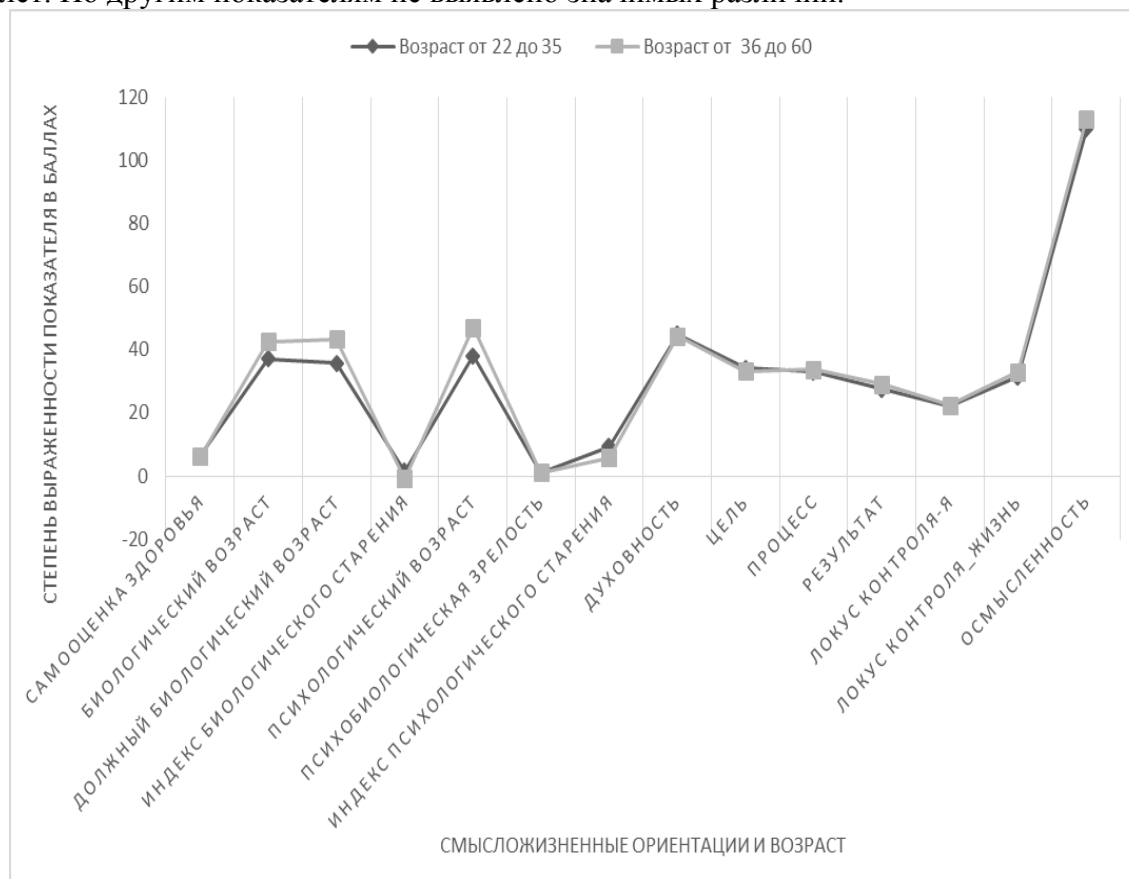

Рис. 1. Смыслоразностные ориентации и биопсихологический возраст у сотрудников УИС в двух возрастных группах

Взаимосвязь смыслоразностных ориентацией и биопсихологического возраста у сотрудников УИС. Результаты корреляционного анализа показали, что самооценка состояния здоровья и все показатели смыслоразностных ориентаций имеют значимые отрицательные связи между собой. То есть состояние психического и соматического здоровья улучшается по мере возрастания духовности, нахождения религиозных смыслов бытия ($r=-,339$; $p < 0,01$), наличия целей в жизни ($r=-,446$; $p < 0,001$), эмоциональной насыщенности жизни ($r=-,207$; $p < 0,05$); результативности жизни, или удовлетворенности самореализацией ($r=-,296$; $p < 0,01$); локусом контроля-Я, или уверенностью в себе ($r=-,329$; $p < 0,01$); локусом контроля-жизнь, или способности контролировать свою жизнь ($r=-,272$; $p < 0,01$) и общей осмысленностью своего существования ($r=-,344$; $p < 0,01$). Полученные данные согласуются с результатами других исследований. Т. Тупсау установил, что обретение смысла жизни, возрастание духовности у ВИЧ инфицированных пациентов

приводит к снижению депрессии, безнадежности и уровня тревожности [32]. Повышение уровня осознанности и духовности в исследовании J. Carmody с соавторами было связано с уменьшением психологического стресса и медицинских симптомов [26]. J. Park, R.F. Vaumeister выявили, что осмысленность жизни становится буфером против стресса [30]. У японцев чувство осмысленности в профессиональной деятельности связано с улучшением биологического здоровья [28].

Сотрудники, обладающие основополагающими жизненными целями, отличаются пониженным биологическим возрастом ($r=-,196$; $p < 0,05$) и замедленным темпом старения ($r=-,198$; $p < 0,05$). Степень эмоциональной насыщенности жизни повышает психологический возраст человека ($r=,193$; $p < 0,05$), а духовность — психобиологическую возрастную зрелость ($r=,197$; $p < 0,05$).

С целью выявления предикторов ухудшения соматического здоровья, повышения биологического возраста и снижения темпа старения сотрудников УИС был проведен множественный регрессионный анализ. Его результаты содержатся в табл. 2. В качестве возможных факторов, влияющих на биопсихологический возраст профессионала, были включены социально-демографические и психологические показатели (пол, стаж работы, образование, семейное положение, смысловые ориентации).

Согласно полученным результатам предикторами самооценки состояния здоровья являются биологический возраст человека, его пол, жизненные цели и стаж профессиональной деятельности. С повышением биологического возраста наблюдается ухудшение психологического и соматического здоровья. Женщины в отличие от мужчин обращают больше внимание на появление признаков нарушения здоровья. Наличие целей, задающих жизненную направленность, улучшает самочувствие. С увеличением стажа работы самочувствие становится лучше, т. е. специалисты адаптируются к своему состоянию.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа (методом пошагового включения) связи социально-демографических показателей, смысловых ориентаций и биологического возраста у респондентов

Зависимая переменная	Показатели	Выборка (70 человек)	
Самооценка здоровья	Коэффициент множественной детерминации R2	,582	
	Константа	9,041	
	<i>Факторы (предикторы)</i>		<i>Значения бета-коэффициентов</i>
	Цели	-,288***	
	Пол	-,647***	
	Биологический возраст	,582***	
	Стаж	-,194**	
Биологический возраст	Коэффициент множественной детерминации R2	,996	
	Константа	15,342	
	<i>Факторы (предикторы)</i>		<i>Значения бета-</i>

		<i>коэффициентов</i>
	Индекс биологического старения	,896***
	Календарный возраст	,443***
	Пол	,104***
Индекс биологического старения	Коэффициент множественной детерминации R ²	,996
	Константа	-14,172
	<i>Факторы (предикторы)</i>	<i>Значения бета-коэффициентов</i>
	Биологический возраст	1,088***
	Календарный возраст	-,487***
	Пол	-,103***
	Цели	-,041***
	Локус контроля-жизнь	,031**
	Психобиологическая (личностная) зрелость	-,021*

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Темп биологического старения, календарный возраст и пол выступают *предикторами биологического возраста*. Чем старше человек, тем выше у него индивидуальный темп биологического старения, тем выше и биологический возраст. Мужчины имеют более высокие показатели биологического возраста, чем женщины.

Темп биологического старения, в свою очередь, зависит от биологического и календарного возраста, пола, жизненных целей, локуса контроля-жизнь и психобиологической зрелости человека. С повышением биологического возраста темпы старения увеличиваются. Однако чем ниже календарный возраст, тем выраженнее темп старения. У мужчин темп биологического старения превышает темп старения у женщин. Наличие основополагающих целей в жизни и психобиологическая зрелость снижают темпы старения, а стремление контролировать свою жизнь, а не принимать все происходящее, повышает темпы старения.

Темп биологического старения во многом предопределен генетическими факторами, условиями среды, гендерными различиями. Однако личностная зрелость, умение видеть перед собой главные жизненные цели, принимать свою жизнь со всеми ее невзгодами и страданиями замедляют темп старения и косвенно влияют на биологический возраст. Траектория старения, по результатам *Нап LKM* с соавторами, связана со сложными биологическими изменениями, которые могут быть ускорены, замедлены или даже временно обращены вспять благодаря действию как биологических, так и небологических (в частности психологических) факторов [27].

Выводы

1. У сотрудников УИС смыслоразностные ориентации в большей степени связаны с профессиональной, социальной, семейной сферами жизнедеятельности, нежели с религиозной сферой. Причем выраженность духовности, осмысленности жизни, наличия

целей, эмоциональной вовлеченности в процесс достижения целей, результативности, локуса контроля-Я и локуса контроля-жизнь не зависят от пола сотрудников, их образования, возраста, занимаемой должности и стажа профессиональной деятельности.

2. У мужчин показатели биологического возраста и темпа биологического старения выше, чем у женщин, несмотря на то, что они реже отмечают нарушения психического и соматического здоровья. В целом, сотрудники УИС чувствуют себя психологически старше своего календарного возраста, хотя женщины переживают свой субъективный возраст более адекватно, чем мужчины. При этом психобиологическая возрастная зрелость совпадает с возрастными нормами у всех сотрудников.

3. Самооценка состояния здоровья улучшается с ростом духовности и осмысленности жизни, наличием основополагающих жизненных целей, эмоциональной насыщенности жизни, удовлетворенностью самореализацией, уверенностью в себе. Однако предикторами ухудшения состояния здоровья являются биологический возраст человека, его пол, жизненные цели и стаж профессиональной деятельности. Биологический возраст в значительной степени зависит от индивидуального темпа биологического старения, календарного возраста и пола сотрудника. На темп биологического старения влияют биологический и календарный возраст, пол, жизненные цели, локус контроля - жизнь и психобиологическая зрелость.

4. В целях улучшения состояния здоровья и снижения темпов биологического старения целесообразно включать в профессионально-психологическую подготовку сотрудников УИС специально разработанные программы тренингов, направленные не только на снижение негативных функциональных состояний, но и на повышение осмысленности жизни, духовности, формирование основополагающих жизненных целей.

Литература

1. Березина Т.Н., Чумакова Е.А. Биологический возраст как предиктор успешности пенсионной реформы в России // Человек в современном мире: идентичность и межкультурная коммуникация. Материалы международной научной конференции / Сост., ред. Н.Б. Михайлова, И.Э. Соколовская. Дюссельдорф, Германия, 2019. С. 537—542.
2. Биопсихологический возраст профессионалов: результаты и перспективы исследований: коллективная монография / Под ред. Т.Н. Березиной. М.: Энциклопедист-Максимум, 2019. 197 с.
3. Белозерова Л.М. Физическая работоспособность и биологический возраст мужчин // Клиническая геронтология. 2008. № 5. С. 21—24.
4. Бовин Б.Г., Марьин М.И., Кокурин А.В., Славинская Ю.В., Раков А.М., Киселева Е.А., Васищев А.А., Морозов В.И., Дутов В.И., Красов Д.А., Мокрецов А.И. Экстремальная психология в особых условиях деятельности / Под науч. ред. Б.Г. Бовина, А.В. Кокурина, А.М. Ракова; ФКУ НИИ ФСИН России, ФЭП МГППУ, Академия ГПС МЧС России, ОСИ ФСКН России. М., 2015. 514 с.
5. Буш М.П., Абрамович С.Г. Определение биологического возраста как способ оценки стресс-адаптивных реакций сотрудников правоохранительных органов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2010. № 2(53). С. 58—65.
6. Зауторова Э.В. Особенности личности сотрудника охраны уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2019. № 2 (6). С. 99—105.

7. Ким Л.Б., Путькина А.Н., Кожин П.М. Биологический возраст как показатель состояния здоровья рабочих горнорудной промышленности в арктической зоне Российской Федерации [Электронный ресурс] // Новосибирск: ФГБУ «НЦКЭМ» СО РАМН, 2014. 10 с. URL: www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=302e4858-77aa-4de7-ab06-c2599966c174 (дата обращения: 1.06.2019).
8. Коробко Н.В., Семенова Л.П., Калаева А.А., Терехина А.В. Биопсихологический возраст профессионалов профессий особого риска // Биопсихологический возраст профессионалов: результаты и перспективы исследований: коллективная монография / Под ред. Т.Н. Березиной. М.: Энциклопедист-Максимум, 2019. 197 с. С. 66—79.
9. Котенева А.В., Власова А.Д., Макарова О.В. Психологические ресурсы готовности студентов-психологов экстремального профиля к профессиональной деятельности // Психология обучения. 2018. № 5. С. 65—77.
10. Котенева А.В. Личностные факторы поддержания здоровья человека // Биопсихологический возраст профессионалов: результаты и перспективы исследований. Коллективная монография / Под ред. Т.Н. Березиной. М., 2019. С. 158—171.
11. Котенева А.В., Кобзарев С.А. Особенности ценностно-смысловой сферы спасателей с разным уровнем профессиональной социально-психологической адаптации // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 35—52. doi:10.17759/sps.2019100103
12. Леонтьев Д.А. Тест смыслоразностных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2006. 18 с.
13. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.
14. Мелёхин А.И. Ментальные ресурсы в пожилом и старческом возрасте: дисс. канд. психол. наук. М., 2019. 291 с. URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document13515.pdf> (дата обращения: 12.08.2019).
15. Мелёхин А.И. Специфика понимания обмана в пожилом и старческом возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 187—210. doi:10.17759/psylaw.2019090414
16. Мешков Н.А. Биологический возраст как показатель адаптационных возможностей организма военнослужащих в условиях боевых действий // Инвалиды и общество. 2016. № 1(19). С. 32—38.
17. Михайлова Н.А., Новикова Т.А., Райкин С.С. Оценка биологического возраста и темпов старения механизаторов сельского хозяйства // Здравоохранение Российской Федерации. 2016. 60(3). С. 152—156. doi: 10.18821/0044-197X-2016-60-3-152-156
18. Определение биологического возраста человека методом В.П. Войтенко / Сост. Л.Д. Маркина. Владивосток, 2001. 29 с.
19. Поздняков В.М., Черкасова М.А. Особенности профессионального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы на различных этапах прохождения службы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 22—31.
20. Самородская И.В., Старинская М.А. Биологический возраст и скорость старения как фактор развития неинфекционных заболеваний и смертности // Профилактическая медицина. 2016. № 5. С. 41—46. doi: 10.17116/profmed201619541-46
21. Сергиенко Е.А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.01.2020).

22. Стрижицкая О.Ю. Психологический возраст как ресурс в период поздней взрослости и старения // Медицинская психология, психиатрия, психотерапия. 2013. № 3(48). С. 9—97.
23. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 367 с.
24. Хвостов А., Проценко Л., Мухина В. Сотрудники уголовно-исполнительной системы: Экстремальные условия профессии и их следствия // Развитие личности. 2003. № 3. С. 133—144.
25. Чельшев П.В., Котенева А.В. Личностные факторы жизнеспособности студентов-горняков // Горный журнал. 2019. № 11. С. 87—92. doi: 10.17580/gzh.2019.11.16
26. Carmody J., Reed G, K // Journal of Psychosomatic Research. April 2008. Vol. 64. Is. 4. P. 393—403. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2007.06.015>
27. Han LK.M., Verhoeven J.E., Tyrka A.R., Penninx BWJH, Wolkowitz OM., Månsson KNT., Lindqvist D., Boks MP., Révész D., Mellon SH., Picard M. Accelerating research on biological aging and mental health: Current challenges and future directions(Review) // Psychoneuroendocrinology. August 2019. Vol. 106. P. 293—311. doi.: 10.1016/j.psyneuen.2019.04.004
28. Kitayama S., Park J. Emotion and biological health: the socio-cultural moderation // Current Opinion in Psychology. October 2017. Vol. 17. P. 99—105. doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.06.016
29. Mirucka B., Bielecka U., Kisielewska M. Positive orientation, self-esteem, and satisfaction with life in the context of subjective age in older adults // Personality and Individual Differences. September 2016. Vol. 99. P. 206—210. doi.org/10.1016/j.paid.2016.05.010
30. Park J., Baumeister R.F. Meaning in life and adjustment to daily stressors // The Journal of Positive Psychology. 2017. Vol. 12(4). P. 333—341. doi:10.1080/17439760.2016.1209542
31. Rentscher K.E., Carroll J.E., Repetti R.L., Cole S.W., Robles T.F. Chronic stress exposure and daily stress appraisals relate to biological aging marker p16INK4a // Psychoneuroendocrinology. April 2019. Vol. 102. P. 139—148 doi.org/10.1016/j.psyneuen.2018.12.006
32. Tuncay T. Spirituality in coping with HIV/AIDS // HIV & AIDS Review. 2007. Vol. 6. Is. 3. P. 10—15. doi.org/10.1016/S1730-1270(10)60073-2

References

1. Berezina T.N., Chumakova E.A. Biologicheskij vozrast kak prediktor uspešnosti pensionnoj reformy v Rossii [Biological age as a predictor of the success of pension reform in Russia] //Chelovek v sovremennom mire: identichnost' i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Man in the modern world: identity and intercultural communication. Materials of the international scientific conference] / Comp., ed. by N.B. Mikhailova, I.E. Sokolovskaya. Dusseldorf, Germany, 2019. Pp. 537-542. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Biopsihologicheskij vozrast professionalov: rezul'taty i perspektivy issledovanij: kollektivnaya monografiya [Biopsychological age of professionals: results and prospects of research: a collective monograph] / ed. by T.N. Berezina. Moscow: Encyclopedist-Maximum, 2019. 197 p. (In Russ.).
3. Belozerova L.M. Fizicheskaya rabotosposobnost' i biologicheskij vozrast muzhchin [Physical performance and biological age of men]. *Klinicheskaya gerontologiya* [Clinical gerontology]. 2008, No. 5, pp. 21-24. (In Russ.).
4. Bovin B.G., Marin M.I., Kokurin A.V., Slavinska U.V., Rakov A.M., Kiseleva E.A., Vasysheve A.A., Morozov I.V., Dutov I.V., Krasov D.A. Ehkstremlnaya-psihologiya-v-osobyh-

usloviyah-deyatelnosti [Extreme psychology in the special conditions of the activity] / Ed. by B.G. Bovin, A.V. Kokurin, M.A. Rakov. - Moscow, 2015. 514 p.

5. Bush M.P., Abramovich S.G. Opredelenie biologicheskogo vozrasta kak sposob ocenki stress-adaptivnyh reakcij sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Determination of biological age as a way to assess stress-adaptive reactions of law enforcement officers]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia]*, 2010, 2(53), pp. 58-65. (In Russ., abstr. in Engl.).

6. Zautorova E.V. Osobennosti lichnosti sotrudnika ohrany ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii [Personality features of the security officer of the criminal Executive system of the Russian Federation]. *Teoriya i praktika nauchnyh issledovanij: psihologiya, pedagogika, ekonomika i upravlenie [Theory and practice of scientific research: psychology, pedagogy, economics and management]*, 2019, No. 2 (6), pp. 99-105. (In Russ., abstr. in Engl.).

7. Kim L.L., Putyatina A.N., & Kozhin P.M. Biologicheskij vozrast kak pokazatel' sostoyaniya zdorov'ya rabochih gornorudnoj promyshlennosti v arkticheskoy zone rossijskoj federacii [Biological age as an indicator of the health of mining workers in the Arctic zone of the Russian Federation]. [Electronic resource Novosibirsk: FGBU "NCCAM" SB RAMS. 2014. Available at: <https://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=302e4858-77aa-4de7-ab06-c2599966c174> (Accessed: 17.12.2018).

8. Korobko N.V., Semenova L.P., Kalaeva A.A., Terekhina A.V. Biopsihologicheskij vozrast professionalov professij osobogo riska [Biopsychological age of professionals of special risk professions] // *Biopsihologicheskij vozrast professionalov: rezul'taty i perspektivy issledovanij: kollektivnaya monografiya [Biopsychological age of professionals: results and prospects of research: a collective monograph]* / ed. by T.N. Berezina. Moscow: Encyclopedist-Maximum, 2019. 197 p. Pp. 66-79. (In Russ., abstr. in Engl.).

9. Koteneva A.V., Vlasova A.D., Makarova O.V. Psihologicheskie-resursy-gotovnosti-studentov-psihologov-ehkstreimalnogo-profilya-k-professionalnoj-deyatelnosti [Psychological resources of readiness of students-psychologists of extreme profile for professional activity]. *Psihologiya obucheniya [Psychology of training]*, 2018. No. 5. P. 65-77.3. (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Koteneva A.V. Lichnostnye faktory podderzhaniya zdorov'ya cheloveka [Personal factors for maintaining human health] // *Biopsihologicheskij vozrast professionalov: rezul'taty i perspektivy issledovanij: kollektivnaya monografiya [Biopsychological age of professionals: results and prospects of research: a collective monograph]* / ed. by T.N. Berezina. Moscow: Encyclopedist-Maximum, 2019. 197 p. Pp. 158-171. (In Russ., abstr. in Engl.).

11. Koteneva A.V., Kobzarev S.A. Osobennosti cennostno-smyslovoj sfery spasatelej s raznym urovnem professional'noj social'no-psihologicheskoy adaptacii [Features of the value-semantic sphere of rescuers with different levels of professional socio-psychological adaptation]. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 35–52. doi:10.17759/sps.2019100103. (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Leontiev D.A. Test smyslozhiznennyh orientacij (SZHO). [Test of meaning-life orientations (SZHO)]. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2006. 18 p. (In Russ.).

13. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost-cheloveka-i-semi-socialno-psihologicheskaya-paradigma [Resilience of the person and the family: social psychological paradigm]. Moscow: Publishing House "Institute of psychology RAN", 2016. 459 p. (In Russ., abstr. in Engl.).

14. Melehin A.I. Mental'nye resursy v pozhilom i starcheskom vozraste: dissertaciya kand. psihol. nauk [Mental resources in elderly and senile age: the dissertation of the cand. of psychol. sciences]. Moscow, 2019. 291 p. URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document13515.pdf> (Accessed: 12.08.2019). (In Russ.).
15. Melehin A.I. Specificity of Understanding of Deception at Presenile and Senile Age [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 187–210. doi:10.17759/psylaw.2019090414. (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Meshkov N.A. Biologicheskij vozrast kak pokazatel' adaptacionnyh vozmozhnostej organizma voennosluzhashchih v usloviyah boevyh dejstvij [Biological age as an indicator of the adaptive capabilities of the body of military personnel in combat conditions]. *Invalidy i obshchestvo [Invalids and society]*, 2016, No. 1(19), pp. 32-38. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Mikhailova N.A., Novikova T.A., Raikin S.S. Ocenka biologicheskogo vozrasta i tempov stareniya mekhanizatorov sel'skogo hozyajstva [Assessment of biological age and aging rates of agricultural machine operators]. *Zdravooohranenie Rossijskoj Federacii [Health Care of the Russian Federation]*, 2016, 60 (3). pp. 152-156. doi. 10.18821/0044-197X-2016-60-3-152-156 (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Opredelenie biologicheskogo vozrasta cheloveka metodom V.P. Vojtenko. Determination of the biological age of a person by V.P. Voitenko /Comp. L.D. Markina. Vladivostok, 2001. 29 p. (In Russ.).
19. Pozdnyakov V.M., Cherkasova M.A. Osobennosti professional'nogo vygoraniya u sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy na razlichnyh etapah prohozhdeniya sluzhby [Features of professional burnout among employees of the criminal Executive system at various stages of service]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*, 2013, No. 1, pp. 22-31. (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Samorodskaya I.V., Starinskaya M.A. Biologicheskij vozrast i skorost' stareniya kak faktor razvitiya neinfekcionnyh zabojevanij i smertnosti [Biological age and the rate of aging as a factor in the development of non-infectious diseases and mortality]. *Profilakticheskaya medicina [Preventive medicine]*, 2016, No. 5, pp. 41-46. doi: 10.17116/profmed201619541-46 (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Sergienko E.A. Sub"ektivnyj i hronologicheskij vozrast cheloveka [Subjective and chronological age of a person]. *Psichologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2013, vol. 6, No. 30, pp. 10. Available at: URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 30.01.2020). (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Strizhitskaya O. Yu. Psihologicheskij vozrast kak resurs v period pozdnej vzroslosti i stareniya [Psychological age as a resource during late adulthood and aging]. *Medicinskaya psikhologiya, psihiatriya, psihoterapiya [Medical psychology, psychiatry, psychotherapy]*, 2013, No. 3 (48), pp. 91-97. (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla. [Man in search of meaning]. Moscow: Progress, 1990. 367 p. (In Russ.).
24. Khvostov A., Protsenko L., Mukhina V. Sotrudniki ugolovno-ispolnitel'noj sistemy: Ekstremal'nye usloviya professii i ih sledstviya [Employees of the criminal Executive system: Extreme conditions of the profession and their consequences]. *Razvitie lichnosti [Personal Development]*. 2003, No. 3, pp. 133-144. (In Russ., abstr. in Engl.).

25. Chelyshev P.V., Koteneva A.V. Lichnostnye faktory zhiznesposobnosti studentov-gornyyakov [Personal factors of mining students resilience]. *Gornyy Zhurnal [Mining journal]*, Nov 2019, №11, pp. 87-92. doi: 10.17580/gzh.2019.11.16 (In Russ., abstr. in Engl.).
26. Carmody J., Reed G, Kristeller J, Merriam P. Mindfulness, spirituality, and health-related symptoms. *Journal of Psychosomatic Research*. April 2008, vol. 64, issue 4, pp.393-403. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2007.06.015>
27. Han LK.M., Verhoeven J.E., Tyrka A.R., Penninx BWJH, Wolkowitz OM., Månsson KNT., Lindqvist D., Boks MP., Révész D., Mellon SH., Picard M. Accelerating research on biological aging and mental health: Current challenges and future directions (Review). *Psychoneuroendocrinology*. August 2019, vol.106, pp. 293-311. doi.: 10.1016/j.psyneuen.2019.04.004
28. Kitayama S., Park J. Emotion and biological health: the socio-cultural moderation. *Current Opinion in Psychology*. October 2017, vol.17, pp. 99-105. doi.org/10.1016/j.copsy.2017.06.016
29. Mirucka B., Bielecka U., Kisielewska M. Positive orientation, self-esteem, and satisfaction with life in the context of subjective age in older adults. *Personality and Individual Differences*. September 2016, vol. 99, pp. 206-210. doi.org/10.1016/j.paid.2016.05.010
30. Park J., Baumeister R.F. Meaning in life and adjustment to daily stressors. *The Journal of Positive Psychology*. 2017, 12 (4), pp. 333-341. doi:10.1080/17439760.2016.1209542
31. Rentscher K.E., Carroll J.E., Repetti R.L., Cole S.W., Robles T.F. Chronic stress exposure and daily stress appraisals relate to biological aging marker p16INK4a. *Psychoneuroendocrinology*. April 2019, vol. 102, pp.139-148 doi.org/10.1016/j.psyneuen.2018.12.006
32. Tuncay T. Spirituality in coping with HIV/AIDS. *HIV & AIDS Review*. 2007, vol. 6, issue 3, pp. 10-15. doi.org/10.1016/S1730-1270(10)60073-2

Информация об авторах

Котенева Анна Валентиновна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры Научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-психологический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8087-567X>, e-mail: akoteneva@yandex.ru

Information about the authors

Anna V. Koteneva, Doctor in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of scientific bases of extremal psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8087-567X>, e-mail: akoteneva@yandex.ru

Получена 02.03.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 02.03.2020
Accepted 07.09.2020

Prevalence of Borderline Personality Disorder and its Tendency to Sex Offending Among Inmates in Omdurman Jail (Sudan)

Ibrahim Abdelrahim Ibrahim Humaida

Omdurman Islamic University, Omdurman, Sudan

e-mail: abdelrahim.ibrahim@yahoo.com / ibrahimhumaida0@gmail.com

This research aimed at investigating the prevalence of borderline personality disorder (BPD) and its tendency to sex offending, among inmates in Omdurman jail, in the light of some other variables. To achieve this aim, the researcher used the descriptive survey method, through using a primary information form collected with sample, in addition to an inventory measuring borderline personality disorder which was prepared by the researcher as data collection administered on inmates at Al-Huda Prison in Omdurman. The study sample consisted of (230) prisoners: (120) males and (110) females. The collected data was analyzed by using some statistical procedures of (SPSS), such as: Pearson correlation, Alpha Cronbach formula, one sample T-test, Chi-square test, and Multiple Regression Analysis (path analysis). The findings indicated that: The prevalence of BPD among inmates was higher significant statistical, also there was significant relationship between gender and sex offending, in addition to individuals with BPD were significantly affected by substance use and unemployment. At the end of this research, some recommendations were drawn as well as suggestion for future studies.

Keywords: borderline personality, disorder, sex offending, inmates, Omdurman jail.

Для цитаты: *Ibrahim Abdelrahim Ibrahim Humaida*. Prevalence of Borderline Personality Disorder and its Tendency to Sex offending among Inmates in Omdurman Jail (Sudan) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 52–62. DOI: [10.17759/psylaw.2020100304](https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100304)

For citation: Ibrahim Abdelrahim Ibrahim Humaida. Prevalence of Borderline Personality Disorder and its Tendency to Sex offending among Inmates in Omdurman Jail (Sudan). Psychology and Law, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 52–62. DOI: [10.17759/psylaw.2020100304](https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100304) (In Russ.).

1. Introduction

Personality disorder is rather complicated phenomenon, its prevalence in the prisons is significantly higher. Over the last decade, personality disorder has become well-understood owing to the development of diagnostic criteria such as (DSM5) as well as psychometric procedures.

Existence of personality disorder is often resulted in an impaired functioning in varying personal and social settings; any symptoms of personality disorder which is considered as problematic

extension of normal personality traits, is threatening to security.

On the other hand, sex offending regarding its link to personality disorder, its etiology, development, and classification, is often deemed to be a rather controversial and complicated issue. Nevertheless, researches in the field of evolutionary theories, have excluded the hypotheses that cause sexual offending because of their limitation.

To elaborate and give an insight to the nature of relationship between BPD and sex offending among inmates, consequently, this issue has received an intensive attention from the researchers recently.

In fact, BPD is the product of an interaction between genetic, neurobiological, and psychosocial influences that affect personality development over time.

There are some comorbid psychiatric disorders connected with BPD, such as substance use disorders, might be present in patients suffering from personality disorder. That is why BPD causes a therapeutic challenge for clinical practitioners.

1.2 Scope of the Problem

Owing to the fact that clinical manifestation of BPD is more complicated, and the severity of personality dysfunction vary greatly across cultures. Moreover, assessment and measuring the traits displayed by individuals with BPD, is also considered as crucial in diagnosing the and identifying the different types of sex offenses.

This current research attempts to seek an accurate answer for the following questions:

- 1- What is significance of the prevalence of BPD among inmates?
- 2- To what extent does gender correlate with sex offending?
- 3- How do both substances use and unemployment affect individuals with BPD?

1.3 Importance

Based on the significance of understanding the potential risk behind prevalence of (BPD), and its tendency to sex offending against the others, this study seeks to provide an insight into an outbreak of sex offenders as observed through an increasingly growing numbers of inmates. In addition to get acquainted with preventive procedures against such anti-social tendencies.

1.4 Objectives

1. To measure the prevalence of borderline personality disorder among inmates in Omdurman jail.
2. To examine the relationship between (BPD) and tendency to pedophilia.
3. To investigate the mutual effect of substance use and unemployment on BPD.

1.5 Hypotheses

1. The prevalence of BPD among inmates was significantly higher.
2. There was significant relationship between gender and sex offending.
3. Individuals with BPD were significantly affected by substance use and unemployment.

1.6 Limitation

This research was carried out in the year (2019-2020), and also this study is limited by specific geographical area (Sudan-Omdurman Central Jail).

1.7 Definition of the terms often repeated

i. Borderline Personality Disorder:

Borderline personality disorder (BPD), which is also recognized as emotionally unstable personality disorder(EUPD), defined by (Stone, MH. 2015), who pointed out that BPD is mental

condition characterized by prolonged unstable ties, and severe emotional reactions associated with dangerous behavior.

ii. Sex Offending:

Sexual offenses are generally defined as deviant sexual acts and assault that make the victims frightened or threatened. Sexual offending comprises several forms such as pedophilia, rape, harassment, incest, homosexuality, and pornography (Marshall, W.L. 2015).

iii. Inmates:

Those who are sentenced for jail or prisoners as convicts for sex crimes.

2.Literature Review

2.1. Borderline Personality Disorder

Borderline personality disorder(BPD) or emotionally unstable personality disorder(EUPD), is acute disturbance marked by constant pattern of fluctuating emotion, and disturbed social relationships. According to the diagnostic and statistical manual for mental disorders(DSM-5), classified (BPD) as diagnosable illness.

Many researchers view that individuals with borderline personality disorder suffer from impulsive acts, reckless behavior (without thinking or caring about the consequences of an action).

Borderline personality disorder starts during puberty and early adulthood, however, some researchers claimed that early symptoms and signs of the disorder may appear during childhood (Paris, J. 2010).

Borderline personality disorder is considered as difficult to treat, nevertheless, recent studies have shown that (BPD) can be cured effectively, and many patients suffering from this illness improve over time. Moreover, some people with this disorder may recover without any treatment (Ruocco, A.C. 2012).

Borderline personality disorder often linked with other disturbances which makes it difficult to diagnose borderline personality disorder, particularly when these illnesses overlap with the clinical manifestations of borderline personality disorder (Pally, R. 2014).

Concerning an etiology of borderline personality disorder, research on the possible causes of (BPD) indicated that both genetic and environmental factors are involved. According to studies carried out on identical twins show that the disorder is significantly inherited. Furthermore, some psychologists revealed that an individual can inherit his/her personality traits such as impulsiveness and aggression, hence, biological psychologists are studying genes that responsible for emotions in order to find possible links to borderline personality disorder (Asherson, P. & Young, A.H. 2014).

Socio-cultural factors may also support the potential risk for (BPD), and consequently an increase of violence, rape, and other forms of sexual offences provoked by borderline personality disorder. (Alison, S. (2015).

The obvious characteristic of (BPD) is that patient presented with impairment in personality functioning as well as pathological personality traits. The most essential feature of incidence is that (BPD) has been diagnosed in about 5% of the general population, and in 75% of those who are in jails. Moreover, this pattern of disturbed personality prevails throughout the individual's life, its onset in adolescence, and causes a disturbance on almost all areas of functioning (Herpertz, SC. 2015).

2.2. Sex Offenses and Offenders

In an attempt to integrate available literature concerning the factors that can contribute to the

etiology of sexual offending and lead to its prevalence among inmates with borderline personality disorder. The researcher, hereby discusses biological influences, childhood experiences, psychological factors, and socio-cultural factors, all of these factors must be taken into account when interpreting the occurrence of sex offending (Ward.T & Siegret, R. 2012).

Biological theories focus on abnormalities in the structure of the brain, glandular system, and genetic makeup. Studies that linked hormonal defects with sexual offending have emphasized the role of specific hormones such as testosterone, and also consideration has been paid to the possibility of a genetic defect in sex offenders that makes them more likely to engage in sex crimes (Andrews, D.A.,2010).

Personality theories are the earliest attempts to explain sexual offending and its prevalence in inmates. Classical psychodynamic approach, tried to correlate abnormal sexual behavior with early childhood attachment experiences (Jenkins, P. 2011).

Personality types theory, has also endeavored to elaborate on the origin of sexually disturbed behavior. Researchers in this area, have postulated that sex offenses may exist within the personalities of sex offenders (Schwartz, B.K. 2014).

Cognitive theories have also participated in the understanding of sex offending and offenders. According to the investigators, there is an evidence demonstrating that sex offenders have cognitive distortion and irrational thoughts responsible for sex offending in individuals with BPD (Wood, R.M. 2011).

Behavioral theories explain sex offending as acquired learning condition or process. Behavioral theorists have hypothesized that sexual stimuli often play a major role in the incidence of sex crimes, and offenders in such situations are believed to be more vulnerable to commit sexually violent behavior, therefore, the continuity and extinction of sex offenses depends extremely on reinforcement and punishment (Hood,R. & Wilcox, A. 2012).

Social learning theory, suggested that seeking for the possible explanation, regarding sex offending in its all patterns; that children who were sexually abused, will grow into sexually deviant adults, and that sexually explicit act facilitates to sex offending (Prentky, R.A. 2010).

Using social learning theory, investigators have examined the mechanism through which this learning takes place, and the main variables that help to determine whether sexual offending patterns will be adopted later. Moreover, identifying the link between being sexually abused and later exhibiting sexually disturbed behaviors such as age of victim, type of sex crime, and duration.

As a matter of fact, understanding sexual offenses and offenders, has been a rather complicated issue, owing to confusion in the definition of sexual perversion in general and thus sex offending in particular (Batds G., 2011).

The most common feature and criterion for sex offending concerns the unusual nature of the source of arousal e.g. (pedophilia, exhibitionism, rape, and sexual harassment). Furthermore, previous research has shown that sexual offenders generally report more deviant sexual behaviors than non-offenders (Watts & Litenfield, 2017).

With regard to previous studies on borderline personality disorder(BPD) and its tendency to sex offending, there are several case reports in the literature indicating that patients or individuals with (BPD) tended to be sex offenders.

Hurlbert, DF &White, LC (2013), conducted an empirical study to investigate sexual indulgence among (32) women with (BPD), and they found that there was an inclination towards sexual acts. Lavan, H. & Johnson, JG. (2010) examined relationship between personality disorder and high-risk

sexual behavior among (403) participants, they revealed that borderline personality disorder associated with high-risk sexual behavior.

Neelman (2011) concluded that patients with BPD show high sexual impulsivity as well as vulnerability to homosexual experiences.

Sansone, RA. (2008) studied the relationship between BPD and various sexual behaviors among (76) women outpatients, and found a statistically significant correlation between individuals with BPD and likelihood of rape.

3. Methodology & Procedures

3.1. Methodology

In this study, a survey research method is adopted which seeks to collect data from a pre-defined group of individuals (here refer to inmates) to achieve research objectives.

Such methodology can be used to study a wide variety of applied researches in the different domains of psychology (Weathington, B.I. (2010).

3.2. Participants

This study comprised a survey sample of (230) participants: (120) males and (110) females, who were condemned for sex crimes in Omdurman(Sudan) central jail and were sentenced accordingly.

3.3. Instruments

In this study, a twelve items questionnaire was administered to measure BPD traits in inmates(attached as appendix). The questionnaire was reviewed by some psychometricians and psychologists, and regarding the psychometric properties, there was procedure taken as follows concerning internal consistency:

Table 1

Correlation coefficients for each items on BPD questionnaire

Item	Correlation	Item	Correlation	Item	Correlation
1	.86	5	.86	9	.82
2	.84	6	.87	10	.83
3	.82	7	.84	11	.85
4	.83	8	.84	12	.86

Reliability & Validity

Reliability was calculated by Cronbach's Alpha (0.85), and thus validity = (0.92)

4. Results

Hypothesis (1)

Table 2

Result of One-sample T-test to verify statistical significance of BPD prevalence in inmates

	Test value = 40				95% confidence interval of the difference	
	T	Df	Sig(2-tailed)	Mean difference	Lower	Upper
BPD	423.959	229	.000	55.975	55.713	56.236

The table indicated that a significant prevalence of BPD (.000) was found in inmates.

Hypothesis (2)

Table 3

Result of Chi-square test to identify the significant of relationship between gender and sex offending

BPD	Gender			X ² value	Df	Sig.
	Males	Females	Total			
	120	110	230	4.560	227	0.05

The table pointed out that a significant relationship (0.05) between gender and sex offending.

Hypothesis (3)

Table 4

Result of Multiple Regression Analysis to test the significance of mutual efficacy of sex offending, substance use, and unemployment

Variables Entered/Removed^b

Model	Variables Entered	Variables Removed	Method
1	sex offending, substance use, unemployment	-	Entered

- a. all the requested variables entered.
- b. Dependent Variable: BPD.

Model Summary

Model	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the estimate
1	.280	.066	.043	.77785

- a. predictors(constant), sex offending, substance use, unemployment.

Coefficients

Model	Unstandardized coefficient		Standardized coefficient	T	Sig.
	B	Std. Error	Beta		

(Constant)	0.28	.006	.142	2.731	.01
Sex offending					
Substance use	.027	.090	.024	2.039	.01
Unemployment	.613	.057	.096	2.534	.01

b. Dependent Variable: BPD.

(ANOVA)

Model	Sum of Square	Df	Mean square	F	Sig.
Regression	5463.303	3	1.321	3.03	.05
Residual	.492214	226	.433		
Total	4600.000	229			

a. predictors(constant), sex offending, substance use, unemployment.

b. Dependent Variable: BPD.

All the above-mentioned tables connected with multiple regression analysis (path analysis), showing that a significant efficacy of other variables such as substance use and unemployment on the occurrence of sex offending.

5. Discussions & Conclusion

Based on the result obtained by the first hypothesis, which maintained the prevalence of (BPD) was significantly higher among inmates. As a matter of fact, consequently, patients suffering from this disease, are in the border of neurosis and psychosis. Moreover, BPD is a prevalent disorder, estimated to occur in 1- 2% of the population, and patients with borderline personality disorder are reported to have higher levels of anger and recurrent impulsive and aggressive behaviors. Also, chronic feelings of emptiness which may lead individuals with BPD to drugs abuse and thus sex offending.

Regarding the result of the second hypothesis, found that there were some sex offenses committed by inmates with BPD. Some previous research findings pointed out that BPD symptoms existed among sex offenders (Craissati, J. & Blundell, R. (2013). And also, Chen, Y. & Hung, D. (2016), found that, in a sample comprised (68) sex offenders, 59% were diagnosed with personality disorder. Moreover, Kingston, D. & Bradford, J. (2015), found that 74% of sex offending linked with borderline personality disorder being the most common.

Concerning the discussion of the result of the third hypothesis, which highlighted that individuals with BPD were significantly affected by substance use and unemployment. That also maintained that individuals with BPD, showed greater sexual offenses as indicated by higher levels of impulsivity, recklessness and aggression. In addition, these patients showed greater victimization as indicated by high-risk sexual behavior such as rape, being forced to have sex, and prostitution. The most common characteristic of borderline personality disorder encountered in abnormal patterns of behaving such as alcohol and substance dependence, eating disorders, and difficulty regulating money.

Nevertheless, unemployment and difficulty in maintaining work is highly marked by individuals with BPD, as they often characterized by impulsivity and pervasive pattern of instability in interpersonal relations, as well as incompetence. As a matter of fact, such occupational disability among patients with BPD, perhaps due to high levels of stress they often experience and malfunctioning (Hengartner, MP, 2014).

On the other hand, many individuals with BPD who are substance depended, use substance as a mean or a way to cope with trauma they passed throughout their early childhood (Pennay, A. 2011).

6. Recommendations

1. Family counselling is needed for promoting community mental health.
2. To implement sex counselling sessions for victims of sex offending.
3. Clinicians should carefully diagnose comorbid psychiatric disorders in patients with BPD.

7. Suggestions

1. To study the relationship between personality disorders and pedophilia.
2. To investigate psychopathy and its prevalence in specific types of sex crimes.
3. To examine comorbidity of mood disorder in patients with BPD.

References

1. Alison, S. (2015). Risk and Prevalence of Personality Disorders in Sexual Offenders. John Jay College of Criminal Justice. New York, NY.
2. Andrews D.A. (2010). The Psychology of Criminal Conduct. Cincinnati, OH: Anderson.
3. Asheron, P. & Young, A.H. (2014). Borderline Personality Disorder in adults. Current Medical Research. 30: 57-72. [Cross Ref] [Pub Med].
4. Chen, Y. & Hung, D. (2016). Assessment of Psychiatric disorders among sex offenders. Criminal Behavior and Mental Health. 26:30-37. <http://.doi>
5. Craissati, J. & Blundell, R. (2013). A community service for high-risk mentally disordered sex offenders: A follow-up study. Journal of Interpersonal Violence. 28:178-200.
6. Hengartner, MP. (2014). Occupational functioning and work impairment in association with personality disorder traits. American Journal of Psychiatry. 49: 327-335.
7. Herpertz, SC. (2015). New Perspective on the Pathophysiology of Borderline Personality Disorder. American Journal of Psychiatry. 172: 40-51.
8. Hood, R. & Wilcox, A. (2012). Sex offenders emerging from long- term imprisonment. British Journal of Criminology. 42: 71-94.
9. Hurlbert, DF, & White, LC. (2013). An empirical examination into the sexuality of women with BPD. Journal of sex marital therapy. 18:231-242.
10. Jenkins, P. (2011). Sexual Deviance. Bridgewater, NJ: Replica Books.
11. Kingstone, D. & Bradford,J. (2015). The relationship between mental disorder and recidivism in sexual offenders. International Journal of Forensic Mental Health. 14: 10-22.
12. Lavan,H. & Johnson, JG. (2010). The association between BPD symptoms and high-risk sexual behavior. Journal of Psychiatric Disorders. 16: 73-94.
13. Marshall, W.L. (2015). Treatment of Sex offender. Clinical Psychology Review. 11: 465-480.
14. Neelman, AJF. (2011). The Prevalence of Sexuality in the treatment of BPD. Journal of Psychiatry. 49: 33-40.
15. Pally, R. (2014). The neurobiology of borderline personality disorder. Journal of Psychiatry. 8

Ibrahim Abdelrahim Ibrahim Humaida.
Prevalence of Borderline Personality Disorder and its
Tendency to Sex offending among Inmates in Omdurman
Jail (Sudan)
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 52–62.

Ibrahim Abdelrahim Ibrahim Humaida.
Prevalence of Borderline Personality Disorder and its
Tendency to Sex offending among Inmates in Omdurman
Jail (Sudan)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 52–62.

133-142.

16. Paris, J. (2010). Borderline Personality Disorder. CMAJ. 172: 1579-1583 [Cross Ref] [Pub Med].

17. Pennay, A. (2011). A systematic Review of Interventions for Co-occurring Substance use disorder and borderline personality disorder. Journal of Substance Abuse Treatment. 41(4): 363-373.

18. Prentky, R.A. (2010). Identifying critical dimensions for discriminating among rapists. Journal of Counselling and Clinical Psychology. 39: 43-61.

19. Ruocco, A.C. (2012). The neuropsychology of borderline personality disorder. A meta- analysis and review. Psychiatry Research. 137: 191-202.

20. Sansone, RA. (2013). Borderline Personality Symptomatology and Sexual Impulsivity. International Journal of Psychiatry. 38: 53-60.

21. Schwartz, B.K. (2014). Characteristics and typologies of sex offenders. New Jersey: Civic Research Institute.

22. Stone, MH. (2015). Borderline Personality Disorder:a review of psychotherapeutic approaches. World Psychiatry. 5 (1) : 15-20.

23. Ward.T. & Siegret, R. (2012). Theories of Sexual Offending. Chichester: John Wiley & Sons Ltd.

24. Weathington, B. I. (2010). Research Methods for the Behavioral Sciences. Hoboken, NJ: John Wiley& Sons, Inc.

25. Wood, R.M. (2011). Psychological Assessment with Sex Offender. Behavioral Sciences and the law. 18: 23-41.

Appendix (1): BPD Questionnaire

	Item	Strongly disagree	Disagree	Neutral	Agree	Strongly agree
1	I nearly always feel empty					
2	I often behave recklessly					
3	I can get very paranoid, feel myself “spacing out” or dissociate					
4	I often idealize others, especially when I first meet them					
5	I’m sometimes very angry, extremely sarcastic and bitter					
6	I’ve engaged in self-mutilating, self-harm, or suicidal behaviors, gestures or threats					
7	I often experience a sudden shift in the way I look at myself and my life, and completely change my goals, values and career focus					
8	I’m often afraid that others will abandon or leave me — so I’ll make frantic efforts to avoid this abandonment (even when it’s not real)					
9	My mood can shift between extreme periods of anxiety, depression or irritability in just a few hours or days					
10	My views of others can shift dramatically and without any warning					
11	I would say most of my romantic relationships have been very intense — but not very stable					
12	I’m currently experiencing enough problems in this area of my life					

Information about the authors

Dr. Ibrahim Abdelrahim Ibrahim Humaida, Associate Professor of Mental Health, Omdurman Islamic University-Sudan, e-mail:abdelrahim.ibrahim@yahoo.com / ibrahimhumaida0@gmail.com

Ibrahim Abdelrahim Ibrahim Humaida.
Prevalence of Borderline Personality Disorder and its
Tendency to Sex offending among Inmates in Omdurman
Jail (Sudan)
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 52–62.

Ibrahim Abdelrahim Ibrahim Humaida.
Prevalence of Borderline Personality Disorder and its
Tendency to Sex offending among Inmates in Omdurman
Jail (Sudan)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 52–62.

Получена 06.04.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 06.04.2020
Accepted 07.09.2020

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ |
FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

**К вопросу о методических проблемах психологического
обследования лиц, ранее освидетельствованных в
состоянии опьянения**

Бамбуров К.А.

Филиал №8 ГБУЗ «Московский научно-практический центр наркологии ДЗМ», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6544-9405>, e-mail: bamburov.kirill@gmail.com

Луковцева З.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО
МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Стабильное присутствие наркологических расстройств (в первую очередь, связанных с употреблением алкоголя) в числе заболеваний, наиболее распространенных среди населения РФ, свидетельствует о необходимости ревизии диагностических/терапевтических подходов, применяемых в специализированных учреждениях МЗ РФ. Значительное внимание уделяется профилактике и раннему выявлению расстройств указанной категории, особенно среди лиц «группы риска», – например, ранее освидетельствованных в состоянии алкогольного опьянения. К настоящему моменту не выработан унифицированный подход к психологическому обследованию такого контингента клиентов амбулаторного звена наркологической службы, и существует очевидная необходимость создания такого подхода. Данная статья содержит анализ возможных путей решения обозначенной проблемы через смену мишени обследования с актуального состояния психической деятельности (функций, процессов), рассматриваемого преимущественно в плане дифференциальной диагностики, на психологические характеристики, способные обуславливать развитие стойких наркологических расстройств в будущем.

Ключевые слова: раннее выявление наркологических расстройств, донозологические формы злоупотребления алкоголем, освидетельствование в состоянии опьянения, психолог в наркологическом учреждении, алкогольный скрининг.

Для цитаты: *Бамбуров К.А., Луковцева З.В.* К вопросу о методических проблемах психологического обследования лиц, ранее освидетельствованных в состоянии опьянения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 63–72. DOI:10.17759/psylaw.2020100305

Бамбуров К.А., Луковцева З.В.
К вопросу о методических проблемах
психологического обследования лиц, ранее
освидетельствованных в состоянии опьянения
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 63–72.

Bamburov K.A., Lukovtseva Z.V.
On the Question of Procedural Issues of Psychological
Examination of Individuals Previously Examined and
Found to be Intoxicated with Alcohol
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp.63–72.

On the Question of Procedural Issues of Psychological Examination of Individuals Previously Examined and Found to be Intoxicated with Alcohol

Kirill A. Bamburov

Moscow Research and Practical Centre for Narcology of the Department of Public Health, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6544-9405>, e-mail: bamburov.kirill@gmail.com

Zoya V. Lukovtseva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Stable presence of drug-related disorders (primarily related to drinking) among most prevalent diseases in the population of the Russian Federation indicates the need to revise the diagnostic/therapeutic approaches employed in the specialized institutions of the Russian Ministry of Health. Considerable focus is on prevention and early detection of disorders of the above-mentioned type, especially among individuals from "the risk group" - e.g. those previously examined and found to be intoxicated. So far there hasn't been developed a unified approach to psychological examination of the clients visiting the out-patient department of the drug rehabilitation service and therefore there is an obvious need to establish such an approach. This article presents the analysis of possibilities for resolving the formulated problem by shifting the target of examination from the immediate state of mental activity (functions, processes) (as viewed mainly by means of differential diagnostics) to psychological characteristics which may be the cause of persistent addiction-related disorders in the future.

Keywords: early detection of addiction-related disorders, prenosological forms of alcohol abuse, examination in the drunken state, a psychologist in a drug rehabilitation institution, alcohol screening.

For citation: Bamburov K.A., Lukovtseva Z.V. On the Question of Procedural Issues of Psychological Examination of Individuals Previously Examined and Found to be Intoxicated with Alcohol. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 63–72. DOI:10.17759/psylaw.2020100305. (In Russ.).

Проблема широкой распространенности психических расстройств, вызванных употреблением ПАВ, на протяжении десятков лет была и остается одной из важнейших для отечественного здравоохранения. Традиционно ведущее место среди подобных заболеваний занимают те, что вызваны систематическим употреблением алкоголя (79,2% от общего числа зарегистрированных пациентов, по данным доклада «О состоянии здоровья населения и организации здравоохранения <...> за 2014 год» МЗ РФ [7] и статистического сборника «Здравоохранение в России – 2017» [9] (более актуальные данные пока недоступны для изучения). Отметим при этом, что выявление всех злоупотребляющих алкоголем является задачей скорее недостижимой в силу косвенности основных эпидемиологических

показателей в области наркологии [6], и следует признать, что официальные данные не отражают действительного масштаба проблемы.

Одним из важных звеньев цепи раннего выявления наркологических расстройств выступает работа с пациентами, имеющими донозологические формы алкоголизации [2]. В рамках этой работы активно осуществляется алкогольный скрининг в виде медико-психологического обследования лиц, по различным причинам освидетельствованных в состоянии опьянения. Показательно в этом отношении нетрезвое вождение, являющееся значимой причиной каждого восьмого дорожно-транспортного происшествия [5]. Так, по данным специалистов из НБ №17, в 2007–2010 гг. только в отделениях медицинского освидетельствования данной больницы ежегодно рассматривалось от 92331 до 103977 подобных случаев [5].

По данным аналитического обзора о состоянии и деятельности наркологической службы РФ в 2017 г. [9], число лиц, направленных на медицинское освидетельствование на состояние опьянения в 2017 г., составило 1694206 [там же: с. 14], при этом у 858826 было выявлено опьянение алкоголем [там же: с. 14–15]. Какое количество освидетельствованных впоследствии обратилось в НД для специализированного наркологического наблюдения (как предполагается при положительном результате пробы), в обзоре не сообщается.

В настоящее время не существует формализованной процедуры психологического обследования лиц, ранее освидетельствованных в состоянии опьянения, что обусловлено объективными причинами. Внутренняя документация учреждений соответствующего профиля регламентирует лишь обязательность участия психолога в оценке состояния таких пациентов, а клинические рекомендации по профилактике наркологических расстройств содержат указание на необходимость психологического тестирования/консультирования/коррекции контингента [21]. Методическим проблемам обследования медицинским психологом ранее освидетельствованных в состоянии опьянения и посвящена данная статья.

Диагностическая работа такого рода осложнена в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, если процедура самого освидетельствования осуществляется в принудительном порядке (отказ от освидетельствования приравнен к управлению ТС в нетрезвом состоянии) [10], то последующее обследование пациента в условиях наркологического диспансера носит в целом добровольный характер (возможно лишь письменное уведомление о необходимости посещения НД) и происходит часто на значительном, до нескольких лет, временном отдалении от момента алкогольного эксцесса. Во-вторых, среди ранее освидетельствованных в состоянии опьянения можно встретить как систематически алкоголизирующихся, так и ведущих преимущественно трезвый образ жизни, что очевидно затрудняет унификацию процедуры обследования. Наконец, в-третьих, донозологические формы злоупотребления алкоголем (если освидетельствованный все же имеет пагубную склонность, но не является зависимым субъектом) характерны тем, что еще не вызывают стойких изменений личностного и когнитивного функционирования [3; 4; 14]. Мало того – существуют данные, что деятельность некоторых ВПФ не только становится дефектной по мере нарастания тяжести заболевания (например, в мнестической сфере затрагиваются процессы механической, ассоциативной и логико-смысловой памяти), но и является предиспозиционно дезинтегрированной [26; 27; 28].

В общем виде, амбулаторное психологическое обследование лица, впервые освидетельствованного в состоянии опьянения, представляет собой скрининговую

процедуру. Как отмечает Н.А. Сирота, объект такого обследования проявляет поведение риска употребления или употребляет ПАВ, но еще не имеет сформированного заболевания или статуса больного [23]. Соответственно, главной задачей психолога становится способствование дифференциальной диагностике, а именно разграничению обладателей донологических форм злоупотребления (эпизодически алкоголизирующихся или, иначе, «случайно пьющих») и лиц с формирующейся/сформированной алкогольной зависимостью I-II стадий [24].

Выбор методического материала опосредуется множеством условий: предполагаемой, исходя из анамнестических данных (полученных психиатром-наркологом во время первичного приема), выраженностью интеллектуально-мнестических нарушений, возрастом обследуемого и конкретными задачами исследования. В стандартном виде психологическая диагностика алкоголизирующихся лиц предусматривает выявление и оценку: влияния систематической алкоголизации на психическую деятельность; нарушений отдельных ВПФ; признаков личностных аномалий [25].

При первичном обследовании целесообразно использовать стандартный набор методик, включающий:

- 1) беседу с целью сбора психологического и наркологического анамнеза, определения отношения пациента к ситуации задержания;
- 2) приемы экспериментально-психологического исследования, позволяющие выявить признаки когнитивного снижения/искажения или интеллектуальной недостаточности;
- 3) стандартизированные (опросниковые) инструменты, обеспечивающие описание индивидуально-психологических особенностей [3, 25] и др.

Предлагается использовать от одного (при дефиците времени) до двух специализированных заданий для оценки операциональной стороны и предметно-содержательного аспекта мышления, динамики мыслительных процессов, объема и концентрации внимания, эффективности механического запоминания и прочности удержания следов, а также качества опосредованного запоминания. Допускается применение нейропсихологических методик для оценки состояния памяти (например, проб на запоминание серии слов, двух смысловых рядов или рассказов с интерференцией) [25].

Представляется важным уточнить, что при обследовании ранее освидетельствованных в состоянии опьянения большое значение имеет фактор продолжительности самой процедуры. Как правило, комплаентность [12] таких пациентов и мотивированность их на лечебные мероприятия низки, что крайне затрудняет проведение развернутой, подробной экспертизы состояния.

Согласно клиническим рекомендациям относительно психологического обследования ранее освидетельствованных в состоянии опьянения, подготовленных в ННЦ (филиале ФГБУ МНИЦПН имени В.П. Сербского), если пациент обращается в НД для прохождения процедуры исследования более чем через 2–3 недели с момента задержания (когда он находился в состоянии опьянения), то проведение экспертизы оказывается затрудненным. Психодиагностические мероприятия могут выявить определенные нарушения ВПФ или особенности личности, – «...но специфичность этих признаков в период воздержания обследуемых от приема ПАВ относительно невелика» [18, с. 11]. Также подчеркивается, что в описанных условиях допустимо проводить психологическое обследование в усеченном формате, но, соответственно, диагностическая значимость такого заключения ниже

стандартного [18].

Исчерпывающий обзор актуальных тестовых и опросниковых методов алкогольного скрининга, применяющихся при подобном психологическом обследовании, был дан А.Ю. Ненастьева [16]. Однако надо отметить, что существующие шкалы и опросники также «...малоэффективны на ранних этапах зависимости, в дифференциальной диагностике (между острой интоксикацией, употреблением с вредными последствиями и зависимостью) и в случаях, когда сами пациенты активно скрывают и приуменьшают сам факт употребления ПАВ или его размеры» [13, с. 82], что в случае формирующейся/сформированной зависимости встречается крайне часто.

Таким образом, большинство имеющихся в стандартном диагностическом арсенале медицинского психолога способов оценки наркологического статуса лиц, ранее освидетельствованных в состоянии опьянения, являются либо низкоспецифичными, либо малоэффективными. Поэтому, на наш взгляд, проблема обследования данной группы пациентов может быть решена через смену мишени исследования – с дифференциальной диагностики актуального наркологического статуса на анализ характеристик психической деятельности, которые могут способствовать развитию в дальнейшем стойких наркологических расстройств. При этом действительной прогностической значимостью будут обладать характеристики, в основе которых лежат наиболее глубокие и константные механизмы. Это соображение указывает на целесообразность обращения к нейропсихологическому подходу.

С точки зрения нейропсихологии и нейронаук вообще большинство лиц, злоупотребляющих ПАВ, могут рассматриваться как обладатели «импульсивного когнитивного стиля» – интегративного психологического конструкта, обозначающего неспособность к использованию вербальной саморегуляции для оценки, планирования и регуляции своего поведения. Основным мозговым механизмом здесь является дисфункция префронтальной коры. Согласно обзору, проведенному А.Г. Полуниной и соавторами, в группах риска по злоупотреблению ПАВ по меньшей мере у части испытуемых обнаруживаются изначальные когнитивные расстройства «лобного» типа [20]. Подчеркнем, что речь идет о расстройствах, выявляемых до начала злоупотребления. Такая дисфункция может быть обусловлена как кумуляцией негрубых экзогенных вредностей (например, сотрясений мозга у спортсменов), так и функциональной несформированностью соответствующих структур, подробно описанной вне связи с наркологической тематикой детскими нейропсихологами [22].

Упомянутые данные характеризуют predispositional состояние вертикального вектора мозговой организации психической деятельности при наличии риска злоупотребления ПАВ. Существуют небезынтересные сведения и о латеральном векторе, полученные в рамках нейропсихологии индивидуальных различий [15]. В основе соответствующего подхода лежит учет корреляций между индивидуальными особенностями человека и латеральными признаками [1]; рассматриваются также параметры межполушарной асимметрии как фундаментального свойства человеческого мозга. В некоторых исследованиях, выполненных на материале алкогольной зависимости, приводятся данные о преобладании признаков конституционального правополушарного доминирования (имеется гипотеза о правополушарной латерализации «алкогольной доминанты» [29]).

Перспективность обращения к традициям нейропсихологии индивидуальных различий обусловлена еще и тем, что исследования латеральных признаков у наркологических

Бамбуров К.А., Луковцева З.В.
К вопросу о методических проблемах
психологического обследования лиц, ранее
освидетельствованных в состоянии опьянения
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 63–72.

Bamburov K.A., Lukovtseva Z.V.
On the Question of Procedural Issues of Psychological
Examination of Individuals Previously Examined and
Found to be Intoxicated with Alcohol
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp.63–72.

больных уже проводились и позволили получить значимые выводы [8], однако речь шла только о лицах со сформировавшейся алкогольной зависимостью. При этом констатация того факта, что среди больных хроническим алкоголизмом отмечается накопление признаков правополушарного доминирования [8], не объясняет самих механизмов латерального обусловливания развития аддикции [29]. Соответственно, уточнение сведений о профилях латеральной организации у освидетельствованных в опьянении может иметь не только практическую, но и теоретическую значимость.

Описанная здесь смена способа решения проблемы психологического обследования лиц, ранее освидетельствованных в нетрезвом состоянии, значимо расширяет поле исследования и переводит его скорее в плоскость профилактики наркологических расстройств (как первичной, так и вторичной), чем их раннего выявления. Нам представляется крайне важным дальнейшее обсуждение вопроса порядка такого психологического обследования в силу особенной склонности представителей целевой группы к последующему формированию наркологических расстройств. Проведенный анализ имеющихся работ по данной проблеме отражает недостаточность актуальных научных знаний о ней.

Литература

1. *Баулина М.Е.* Нейропсихология: учебник для вузов. М.: ВЛАДОС. 2018. 391 с.
2. *Бехтель Э.Е.* Донозологические формы злоупотребления алкоголем. М.: Медицина. 1986. 272 с.
3. *Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н.* Клиническая патопсихология: Руководство для врачей и клинических психологов. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. 512 с.
4. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Мысль. 1988. 301 с.
5. *Бурцев А.А.* Некоторые показатели результатов медицинского освидетельствования на состояние опьянения в Москве и их анализ // Вопросы наркологии. 2011. № 4. С. 28–31.
6. *Гофман А.Г.* Клиническая наркология. М.: Миклош. 2003. 215 с.
7. Доклад «О состоянии здоровья населения и организации здравоохранения по итогам деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации за 2014 год» [Электронный ресурс]: Официальный сайт МЗ РФ. 2015. Дата обновления: 18.06.2015. URL: https://static-0.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/026/627/original/Doklad_o_sostojanii_zdorovja_naselenija_2014.pdf?1434640648 (дата обращения: 30.04.2019).
8. *Егоров А.Ю.* Нейропсихология девиантного поведения. СПб.: Речь. 2006. 224 с.
9. Здравоохранение в России. 2017: Статистический сборник / Росстат. М., 2017. 170 с.
10. *Иванец Н.Н., Зеренин А.Г.* К вопросу о медицинском освидетельствовании на состояние опьянения // Вопросы наркологии. 2005. № 1. С. 41–47.
11. *Кошкина Е.А.* Заболеваемость психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, в Российской Федерации в динамике за 5 лет // Вопросы наркологии. 2011. № 1. С. 17–27.
12. *Латин И.П.* Личность и лекарство. Введение в психологию фармакотерапии. – СПб.: ДЕАН. 2001. 416 с.
13. *Минко А.А.* Современные подходы к диагностике зависимости от психоактивных веществ // Украинский вестник психоневрологии. 2008. Т. 16. № 4. С. 81–88.
14. Медицинская профилактика наркологических заболеваний: клинические рекомендации. М.: ООО «НьюТерра». 2015. 154 с.

Бамбуров К.А., Луковцева З.В.
К вопросу о методических проблемах
психологического обследования лиц, ранее
освидетельствованных в состоянии опьянения
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 63–72.

Bamburov K.A., Lukovtseva Z.V.
On the Question of Procedural Issues of Psychological
Examination of Individuals Previously Examined and
Found to be Intoxicated with Alcohol
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp.63–72.

15. Нейропсихология индивидуальных различий: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Е.Д. Хомская, И.В. Ефимова, Е.В. Будыка и др. М.: Издательский центр «Академия». 2011. 160 с.
16. *Ненастьева А.Ю.* Психометрические шкалы в современной клинической наркологии // Вопросы наркологии. 2018. № 7. С. 46–71.
17. Об организации специализированной медицинской наркологической помощи в первичном звене здравоохранения / Клименко Т.В., Корчагина Г.А., Рыбакова Л.Н., Гречаная Т.Б. // Вопросы наркологии. 2018. № 4. С. 89–100.
18. Организация лечения и медико-социальной реабилитации больных наркоманией, совершивших преступление небольшой тяжести и получивших отсрочку отбывания наказания: Методические рекомендации / А.Л. Игонин, З.И. Кекелидзе, Т.В. Клименко, Е.А. Кошкина, Е.В. Макушкин, С.Н. Шишков. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздрава России. 2013. 23 с.
19. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015–2016 годах: статистический сборник / В.В. Киржанова, Н.И. Григорова, В.Н. Киржанов, О.В. Сидорюк. М.: ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России. 2017. 183 с.
20. *Полунина А.Г., Давыдов Д.М., Брюн Е.А.* Нейропсихологические исследования когнитивных нарушений при алкоголизме и наркоманиях // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 70–76.
21. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 18 декабря 2015 г. № 933н. «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» [Электронный ресурс]: Российская газета. 2016. URL: <https://rg.ru/2016/03/23/alkogol-dok.html> (дата обращения: 30.04.2019).
22. *Семенович А.В.* Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте. М.: Издательский центр «Академия». 2002. 232 с.
23. *Сирота Н.А., Ялтонский В.М.* Работа с мотивацией лиц, зависимых от наркотиков и других психоактивных веществ // Руководство по реабилитации больных с зависимостью от психоактивных веществ / Под ред. Ю.В. Валентика, Н.А. Сироты. М.: Литера, – 2000, 2002. С. 93–124.
24. *Тархан А.У.* Возможности нейропсихологического метода исследования для изучения алкоголизма // Журнал неврологии и психиатрии. 2009. № 11. С. 69–75.
25. *Ульяновская Т.Н., Смирнова Н.Н., Соловьев А.Г.* Роль психолога в психодиагностической и лечебно-коррекционной помощи наркологическим больным: учеб.-метод. пособие. Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета. 2017. 102 с.
26. *Чернобровкина Т.В.* Теоретические и практические аспекты памяти в генезисе мотивационной доминанты и клинических феноменов у больных зависимостью // Наркология. 2018. № 4. С. 80–98.
27. *Чернобровкина Т.В.* Теоретические и практические аспекты памяти в генезисе мотивационной доминанты и клинических феноменов у больных зависимостью. Лекция 3 // Наркология. 2018. № 6. С. 69–81.
28. *Чернобровкина Т.В.* Теоретические и практические аспекты памяти в генезисе мотивационной доминанты и клинических феноменов у больных зависимостью. Лекция 4 // Наркология. 2018. № 7. С. 63–83.

Бамбуров К.А., Луковцева З.В.
К вопросу о методических проблемах
психологического обследования лиц, ранее
освидетельствованных в состоянии опьянения
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 63–72.

Bamburov K.A., Lukovtseva Z.V.
On the Question of Procedural Issues of Psychological
Examination of Individuals Previously Examined and
Found to be Intoxicated with Alcohol
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp.63–72.

29. Чуприков А.П., Марценковский И.А. Алкоголизм и латеральная уязвимость мозга (Нейронаркологию исследование). К.: Акмис. 1995. 168 с.

References

1. Baulina M.E. *Neiropsikhologiya: uchebnik dlya vuzov* [Neuropsychology]. Moscow: VLADOS, 2018. 391 p.
2. Bekhtel' E.E. *Donozologicheskie formy zloupotrebleniya alkogolem* [Pre-nosological forms of alcohol abuse]. Moscow: Meditsina, 1986. 272 p.
3. Bleikher V. M., Kruk I. V., Bokov S. N. *Klinicheskaya patopsikhologiya: Rukovodstvo dlya vrachei i klinicheskikh psikhologov* [Clinical pathopsychology: Manual for doctors and clinical psychologists]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO «MODEK», 2002. 512 p.
4. Bratus' B.S. *Anomalii lichnosti* [Anomalies of personality]. Moscow: Mysl', 1988. 301 p.
5. Burtsev A.A. *Nekotorye pokazateli rezul'tatov meditsinskogo osvidetel'stvovaniya na sostoyanie op'yaneniya v Moskve i ikh analiz* [Some indications of alcohol intoxication examinations in Moscow. Analysis] // *Voprosy narkologii* [Issues of Narcology], 2011, no. 4, pp. 28–31.
6. Gofman A.G. *Klinicheskaya narkologiya* [Clinical narcology]. Moscow: Miklosh, 2003. 215 p.
7. *Doklad «O sostoyanii zdorov'ya naseleniya i organizatsii zdravookhraneniya po itogam deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii za 2014 god»* [Report «On the state of public health and healthcare organization based on the results of the activities of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation at 2014»] [Elektronnyi resurs]: Ofitsial'nyi saut MZ RF. 2015. Data obnovleniya: 18.06.2015. URL: https://static-0.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/026/627/original/Doklad_o_sostojanii_zdorovja_naselenija_2014.pdf?1434640648 (Accessed 30.04.2019)
8. Egorov A.Yu. *Neiropsikhologiya deviantnogo povedeniya* [Neuropsychology of deviant behavior]. Saint–Petersburg: Rech, 2006. 224 p.
9. *Zdravookhranenie v Rossii. 2017: Statisticheskii sbornik* [Healthcare in Russian Federation. Statistics] / Rosstat. Moscow, 2017. 170 p.
10. Ivanets N.N., Zerenin A.G. *K voprosu o meditsinskom osvidetel'stvovanii na sostoyanie op'yaneniya* [To the issue of medical examination of a state of alcohol intoxication] // *Voprosy narkologii* [Issues of Narcology], 2005, no. 1, pp. 41–47.
11. Koshkina E.A. *Zabolevaemost' psikhicheskimi i povedencheskimi rasstroistvami, svyazannymi s upotrebleniem psikhoaktivnykh veshchestv, v Rossiiskoi Federatsii v dinamike za 5 let* [The incidence of mental and behavioral disorders associated with the use of psychoactive substances in the Russian Federation over the course of 5 years] // *Voprosy narkologii* [Issues of narcology], 2011, no. 1, pp. 17–27.
12. Lapin I.P. *Lichnost' i lekarstvo. Vvedenie v psikhologiyu farmakoterapii* [Personality and medicine. Pharmacotherapeutical guidance]. Saint–Petersburg: DEAN, 2001. 416 p.
13. Minko A.A. *Sovremennye podkhody k diagnostike zavisimosti ot psikhoaktivnykh veshchestv* [Modern approaches of diagnostics of drug addiction] // *Ukrainskii vestnik psikhonevrologii* [Ukrainian Magazine of Psychoneurology], 2008, V. 16, no. 4, pp. 81–88.
14. *Meditsinskaya profilaktika narkologicheskikh zabolevanii: klinicheskie rekomendatsii* [Medical prevention of narcological disorders: clinical guidance]. Moscow: ООО «N'yuTerra», 2015. 154 p.
15. *Neiropsikhologiya individual'nykh razlichii: uchebnoe posobie dlya studentov uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniya* [Differential neuropsychology] / Khomskaya E.D., Efimova I.V., Budyka E.V. i dr. Moscow : Akademiya, 2011. 160 p.
16. Nenast'eva A.Yu. *Psikhometricheskie shkaly v sovremennoi klinicheskoi narkologii*

Бамбуров К.А., Луковцева З.В.
К вопросу о методических проблемах
психологического обследования лиц, ранее
освидетельствованных в состоянии опьянения
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 63–72.

Bamburov K.A., Lukovtseva Z.V.
On the Question of Procedural Issues of Psychological
Examination of Individuals Previously Examined and
Found to be Intoxicated with Alcohol
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp.63–72.

[Psychometrical Scales in a modern clinical narcology] // *Voprosy narkologii* [Issues of narcology], 2018, no. 7, pp. 46–71.

17. Ob organizatsii spetsializirovannoi meditsinskoj narkologicheskoi pomoshchi v pervichnom zvene zdavookhraneniya [On the organization of specialized medical narcological treatment in primary healthcare service] / Klimenko T.V., Korchagina G.A., Rybakova L.N., Grechanaya T.B. // *Voprosy narkologii* [Issues of narcology], 2018, no. 4, pp. 89–100.

18. Organizatsiya lecheniya i mediko-sotsial'noi reabilitatsii bol'nykh narkomaniei, sovershivshikh prestuplenie nebol'shoi tyazhesti i poluchivshikh otsrochku otbyvaniya nakazaniya: Metodicheskie rekomendatsii [The organization of treatment and medical / social rehabilitation of drug-addicted persons who have committed a minor offense and who have received a deferment of serving a sentence: Methodical guidance] / Igonin A.L., Kekelidze Z.I., Klimenko T.V., Koshkina E.A., Makushkin E.V., Shishkov S.N. Moscow: FGBU «GNTsSSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2013. 23 p.

19. Osnovnye pokazateli deyatelnosti narkologicheskoi sluzhby v Rossiiskoi Federatsii v 2015-2016 godakh: Statisticheskii sbornik [Main indications of narcological treatment in the Russian Federation at 2015-2016] / Kirzhanova V.V., Grigorova N.I., Kirzhanov V.N., Sidoryuk O.V. Moscow: FGBU «FMITsPN im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2017. 183 p.

20. Polunina A.G., Davydov D.M., Bryun E.A. Neiropsikhologicheskie issledovaniya kognitivnykh narushenii pri alkogolizme i narkomaniyakh [Neuropsychological Researches of cognitive disorders caused by alcohol- and drug-addiction] // *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Magazine], 2004, V.25, no. 5, pp. 70–76.

21. Prikaz Ministerstva zdavookhraneniya Rossiiskoi Federatsii ot 18 dekabrya 2015 g. N 933n. «O poryadke provedeniya meditsinskogo osvidetel'stvovaniya na sostoyanie op'yaneniya (alkogol'nogo, narkoticheskogo ili inogo toksicheskogo)» [Order of the Ministry of Health of the Russian Federation at the 18th of December, 2015 № 933n. «On the procedure of a medical examination of a state of intoxication (alcohol, drug or other toxic)»][Elektronnyi resurs]: Rossiiskaya gazeta. 2016. URL: <https://rg.ru/2016/03/23/alkogol-dok.html> (Accessed 30.04.2019)

22. Semenovich A.V. Neiropsikhologicheskaya diagnostika i korrektsiya v detskom vozraste [Neuropsychological diagnostics and treatment in childhood]. Moscow: Akademiya, 2002. 232 p.

23. Sirota N. A., Yaltonskii V. M. Rabota s motivatsiei lits, zavisimyykh ot narkotikov i drugikh psikhoaktivnykh veshchestv [Motivational work with drug-addicted personalities] // *Rukovodstvo po reabilitatsii bol'nykh s zavisimost'yu ot psikhoaktivnykh veshchestv* [The manual for rehabilitation of drug-addicted personalities] / Pod red. Valentika Yu.V., Sirota N.A. Moscow: Litera–2000, 2002, pp. 93–124.

24. Tarkhan A.U. Vozmozhnosti neiropsikhologicheskogo metoda issledovaniya dlya izucheniya alkogolizma [The Abilities of neuropsychological method in alcohol-addiction research] // *Zhurnal nevrologii i psikiatrii* [Neurology's and Psychiatry's Magazine]. Saint–Petersburg, 2009, no. 11, pp. 69–75.

25. Ul'yanovskaya T.N., Smirnova N.N., Solov'ev A.G. Rol' psikhologa v psikhodiagnosticheskoi i lechebno-korrektsionnoi pomoshchi narkologicheskim bol'nym: uchebno-metodicheskoe posobie [The role of psychologist in diagnostics and treatment of personalities with addiction]. Arkhangelsk: Publ. Severnogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, 2017. 102 p.

26. Chernobrovkina T.V. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty pamyati v genezise motivatsionnoi dominanty i klinicheskikh fenomenov u bol'nykh zavisimost'yu [Theoretical and practical aspects of memory in genesis of motivational dominant and clinical phenomenas of addicted personalities] //

Бамбуров К.А., Луковцева З.В.
К вопросу о методических проблемах
психологического обследования лиц, ранее
освидетельствованных в состоянии опьянения
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 63–72.

Bamburov K.A., Lukovtseva Z.V.
On the Question of Procedural Issues of Psychological
Examination of Individuals Previously Examined and
Found to be Intoxicated with Alcohol
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp.63–72.

Narkologiya [Narcology], 2018, no. 4, pp. 80–98.

27. Chernobrovkina T.V. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty pamyati v genezise motivatsionnoi dominanty i klinicheskikh fenomenov u bol'nykh zavisimost'yu. Lektsiya 3 [Theoretical and practical aspects of memory in genesis of motivational dominant and clinical phenomenas of addicted personalities. Lession 3] // Narkologiya [Narcology], 2018, no. 6, pp. 69–81.

28. Chernobrovkina T.V. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty pamyati v genezise motivatsionnoi dominanty i klinicheskikh fenomenov u bol'nykh zavisimost'yu. Lektsiya 4 [Theoretical and practical aspects of memory in genesis of motivational dominant and clinical phenomenas of addicted personalities. Lession 4] // Narkologiya [Narcology], 2018, no. 7, pp. 63–83.

29. Chuprikov A.P., Martsenkovskii I.A. Alkogolizm i lateral'naya uyazvimost' mozga (Neironarkologicheskoe issledovanie) [Alcohol-addiction and brain lateral vulnerability (Neuropsychological Research)]. Kyiv: Akmis, 1995. 168 p.

Информация об авторах

Бамбуров Кирилл Андреевич, медицинский психолог филиала №8 ГБУЗ «Московский научно-практический центр наркологии ДЗМ», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6544-9405>, e-mail: bamburov.kirill@gmail.com

Луковцева Зоя Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Information about the authors

Kirill A. Bamburov, Medical psychologist of Moscow Research and Practical Centre for Narcology of the Department of Public Health, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6544-9405>, e-mail: bamburov.kirill@gmail.com

Zoya V. Lukovtseva, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Получена 05.06.2020

Принята в печать 07.09.2020_

Received 05.06.2020

Accepted 07.09.2020

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ |
FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Does Eyewitness Guess or Recognize? Bootstrapping Face and Object Identification Accuracy

Kaja Glomb

Institute of Applied Psychology, Faculty of Management and Social Communication, Jagiellonian University, Krakow, Poland
e-mail: kaja.glomb@doctoral.uj.edu.pl

The purpose of the study is to determine whether the eyewitness identification can be regarded as a reliable source of information in a police investigation. In light of the many cases of eyewitness misidentifications, it seems reasonable to determine not only what class of objects is more likely to be actually recognized, but also is the level of accuracy sufficient enough to be a solid base for an investigation or a court case. To answer the questions a two-step experiment was designed and performed. At the first stage of the study, 71 participants watched a short video clip, and a week later they were asked to identify persons and the objects that appeared in the film. The participants' rate of face identification success was 55%, while in the case of objects it was only 28%. Bootstrap estimation was used to determine if those numbers differ from random, and as a result whether they should be considered as a result of an accidental hit. The analysis showed that in the case of objects identification the success rate is within the bounds of randomness, while face identification exceeds it. It can be concluded that unlike faces, objects are more likely guessed than recognized.

Ключевые слова: lineup, recognition, eyewitness testimony, holistic processing, memory.

Acknowledgements: The author thanks Jan Talaga from the Institute of the Middle and Far East for his help in organizing research and recruiting subjects. Thanks are also due to dr Iza Romanowska from Barcelona Supercomputing Centre for all insightful comments on the statistical analysis.

Для цитаты: *Kaja Glomb*. Does Eyewitness Guess or Recognize? Bootstrapping Face and Object Identification Accuracy [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 73–85. DOI:10.17759/psylaw.2020100306

For citation: *Kaja Glomb*. Does Eyewitness Guess or Recognize? Bootstrapping Face and Object Identification Accuracy. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 73–85. DOI:10.17759/psylaw.2020100306 (In Russ.).

Introduction

The ability to recognize complex visual stimuli, although used every day, has consequences that go beyond common experience. It is the core of one of the most frequently used forensic procedures admissible in court – a police lineup. First-hand information acquired in the course of eyewitness testimony continues to have a certain importance that judges or jurors commonly attaches to, even though in the most dramatic cases mistakes made by an eyewitness during a lineup may lead to the conviction of an innocent person [32]. Therefore, it is hardly surprising to try to answer the questions that all parties to legal proceedings should be interested in finding: is eyewitness identification evidence that can be trusted, and if so, which category of visual stimuli has a greater chance of being correctly identified?

Face and object recognition or identification can be defined as a cognitive process that uses, on the one hand, visual stimuli received and analyzed by the primary visual cortex and, on the other, data stored in a long-term memory [2]. Recognition “happens” when a working stimulus is compared with its internal representation and, as a result of this comparison, it is possible to determine whether it is known or seen for the first time. Therefore, identification is a two-way dynamic process in which the subject receives stimuli and at the same time extracts information about them. It is performed by the recognition memory. Traditionally, recognition memory is divided into two different subsystems: *recollection* and *sense of familiarity* [14, 34]. The distinction is based on two qualitatively different functions. The first one is responsible for remembering the stimulus in its absence, as well as for recovering previously encoded information about it when the critical signal appears. This component leads to a full, complete recognition of stimuli and a context of its encounter. In contrast, familiarity can be described as a feeling that the stimulus was previously seen. It fulfills its function without extracting all of the related data. A sense of familiarity can take various forms on a continuum from an unclear feeling or intuition, to a compellingly strong belief that a given stimulus has already been perceived by senses [9]. More than 30 years of research [34] have brought a lot of evidence about the subjective experiences as well as objective indicators – including neuropsychological, neuroimaging, and neurophysiological studies of humans and animals, that support this distinction evidenced by partially distinct neural substrates of those two components [13].

However, as Medina [20] points out, the two-component model can be replaced by a hypothesis of memory strength understood as a continuum from “sense of familiarity” to full “recollection”. This approach appears to be close to the concept of memory formulated by Damasio [4, 22], who postulates abandoning the metaphor of “memory warehouse”, where all of the information is stored in favor of a concept of memory reconstruction. He believes that internal representations of real-life objects are not stored anywhere permanently, but rather temporarily replicated based on previously seen patterns. It happens when the critical signal activates the neural network corresponding to the sensory representation of the object. Thus, this concept assumes that cognitive representations are not a reliable representation of real objects, but rather an approximate picture of them. Damasio’s hypothesis seems to accurately explain the eyewitness misidentification – their internal representations of faces or objects are results of a single, often short episode of exposure to visual stimuli, which may not be sufficient to trigger extensive neuronal networks necessary for full recognition.

With this in mind, It can be hypothesized that when witnessing a crime event, a person may not be able to encode all visual information and full context of stimuli, thus during the lineup

identification, he or she tends to select an object the most resembling their internal representation. This strategy may work with some class of objects, but not necessarily all of them.

The analysis of the extensive body of knowledge of eyewitness testimony suggests that information about a crime is remembered differently depending on whether they concern central or peripheral details. During a crime event, eyewitness usually experience negative emotions that ultimately leads to the attention narrowing and a phenomenon of tunnel memory [e.g. 3, 8, 15, 29, 30]. As Reisberg and Heuer [24] argue, the effect may result from the occurrence of powerful “attention magnets” present within most of the emotional events. To be considered a central, the detail must: (a) capture the eyewitness attention; (b) constitute an integral part of the stimulus (spatially, temporally, conceptually); (c) be relevant to current goals [19]. The examples of magnets used in experiments vary from a single object, e.g. a bloody face or a weapon [16, 17], to a more complex scene [25, 26]. However, as Laney and her colleagues suggest [17], the real-life emotional memories don't necessarily have magnets that are the immanent, internal visual foci of the memory - the emotional weight of memory is rather the result of its “thematic” properties rather than visual (Laney et al., 2003). It is also likely, that eyewitness memory depends on the differential salience attributed to the stimulus. Some characteristics of the event may be forgotten not because of the attention narrowing caused by memory magnets, but as a result of the subjective impression of stimulus insignificance from the eyewitness's point of view.

It is also important to note that the vast majority of experiments on central v. peripheral details of the crime are interested in recollection not recognition. However, as Deffenbacher's [6] points out, memory performance differs depending on whether the eyewitness is asked to describe certain events or to identify people or items involved in it. Moreover, the research on eyewitness identification seems extensively concentrated on recognition of human faces, while occasionally, eyewitness is also asked to identify inanimate objects. Yet, our knowledge of this aspect of the memory seems to be insufficient, especially when considering the responsibility that rests on eyewitnesses and their testimonies, often determining the direction of the police investigation. The question of whether the accuracy of identification of inanimate objects, which are less important for the course of the event, therefore seems to be justified.

With this in mind, the experiment comparing the accuracy of recognition of central v. peripheral stimuli was performed. It was presumed that the faces of actors playing in the scene presented to the subjects are central stimuli, while peripheral details are items connected to the actors (i.e. clothing) or a background element. The rationale behind the assumption that human faces will be the attention foci, while inanimate objects may be considered peripheral is that people show a natural interest in other's faces. The phenomenon is not only evidenced by infants' ability to recognize and follow faces of their caregivers [e.g. 23], but also our tendency to notice faces even in abstract material, i.e. best demonstrated by emoticons created from punctuation marks.

To determine what class of stimuli is more accurately recognized by eyewitness, thus can be regarded as a credible testimony, it was also necessary to define a condition that would constitute such confidence. In the case of this study, the minimum criterion is the threshold of the randomness of answers given by eyewitness asked to identify a culprit or an item. In other words, it can be assumed that the identification of witnesses may - although not necessarily - be correct, because in general, objects of a given class tend to be recognized rather than "guessed" or pointed randomly.

Referring to the issues indicated earlier, the following research hypotheses were formulated:

H1. Both faces and object identification accuracy rate will be above the threshold of randomness identified as an indicator separating results that are most likely the effect of "guessing" from those

that were "identified". The hypothesis is supported by studies on the capacity of long-term memory, indicating that people have a high ability to store detailed information about faces [e.g. 5] as well as real-world objects [e.g. 1]. However, it is expected, that the level of accuracy of recognition will be lower when the experiment is conducted in the eyewitness identification paradigm, i.e. when time delay and low level of knowledge of the objects (seen only for a short period of time) is taken into account.

H2. There is a qualitative difference between the accuracy of facial and object recognition which reflects the differences in the stimuli processing and neural substrates of these processes [12]. Based on the previous studies of eyewitnesses' testimonies, indicating that the memory of central issues is less susceptible to distortions, the hypothesis assumes that faces will be identified more accurately than objects.

To verify those hypotheses an experiment that would imitate natural memory processes and refer to the processes occurring in the memory of eyewitness was design and performed.

Research Program¹

Several assumptions which determined its final course of the research program was made: (1) faces and objects are to be exposed in the natural environment, not abstracted from the context and presented individually, (2) both faces and objects are to be presented in the same conditions and for the same period, (3) the subjects are unaware of the purpose of the experiment, i.e. memory testing, which will allow to study the natural processes of remembering and forgetting of visual stimuli. In order to meet these criteria, appropriate materials were prepared to reflect the legal context of the research.

Procedure. The study was designed as two stage experiment that to some extent imitates the experiences of a typical eyewitness. It began with the coding of visual stimuli presented in form of short video clip. After watching it, the participants answered a masking question ("What in your opinion could have happened shortly after the video ended?") – it was used to cover the actual purpose of the experiment, and avoid using any mnemotechnic that could facilitate further recognition. Week later, the subjects were asked to identify 6 stimuli from lineup photo array. Unlike real crime events, they were not requested to describe objects of identification – some studies indicate that primary face description can influence decisions made during the lineup, causing a verbal overshadowing effect [11]. The experiment was conducted in group condition.

Eyewitness event. At first stage of the experiment, participants watched a 3-minutes long video clip presenting a scene in café. They saw a subtle interaction between two "characters" - a woman and a man, who sit at adjacent tables. In the background between them hangs a decoration – a colorful Christmas sock. The woman and the man do not communicate verbally with each other, although at some point the man taking advantage of the fact that the woman is leaving the table for a moment, throws a mysterious message into her purse. Both, the man and the woman are exposed for the same amount of time (c. 2'30"+/-3"). The actors were ordinary-looking, young adults in a similar age to participants and same race in order to avoid own-age [28] and same-race bias [21], with no distinctive features enabling easier identification [18, 31]. They were amateurs, unknown to

---

¹ The study uses materials and data obtained during the experiment on the influence of the cognitive warm-up effect on face and object recognition conducted by the author. At the time of submitting this article, the results of that experiment have not yet been published. The dataset has been made available online at <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.9741398.v1>

subjects prior the experiment. Objects later used in identification phase belonged to the actors or were in the café's equipment.

Lineup. Six sets of photo arrays (app.), representing lineups, were prepared for the experiment: 1) male face 2) female face 3) baseball cap 4) male hoodie 5) female sweater 6) Christmas decoration. Every lineup was created of a realistic, high quality photographs of faces or objects that were previously seen in the video clip and 3 similar looking fillers. Then creating the photo array lineup current regulation of the polish Ministry of Justice on technical conditions during police lineup were applied. Actors as well as fillers were asked to take a picture in neutral pose, similar to typical mugshot. Pictures of objects comparable to those used in video clip were obtained via Google Reverse Image Search. The photographs were arranged in one horizontal row. In the case of face images, the 'correct face' were placed on second or third position, while items were placed on all four positions.

Participants. A total number of 71 participants took part in the study. They were recruited from among university students of cultural studies in Cracow, Poland. The vast majority of the participants were women (81.7%). The youngest were 19 years old while the oldest one 23. The mean age was 19.8. Almost all of them had secondary education with just one who held a bachelor's degree. All participants reported good health and had normal or corrected vision. They were aware that they could resign from participation in experiment at any stage.

Results

In this section, analyses are reported for two aspects of lineup performance: (a) the accuracy of face identifications, (b) the accuracy of objects identification. The table below shows the number and percent of participants who correctly identified the stimulus from a lineup.

Table 1.

A number and percent of subjects who correctly identified stimuli from a lineup

	Accuracy					
	Male face	Female face	Cap	Hoodie	Sweater	Decoration
N	37	42	17	15	24	23
%	52.1	59.2%	23.9%	21.1%	33.8%	32.4%

The accuracy of face identifications. In order to assess the accuracy of the face identification a ratio of correct answers in lineup performance to the total number of attempts was taken into account. This parameter, defined as the success rate, allows us to answer the question concerning the level of randomness of the obtained results. Considering the fact that 71 subjects were to identify two faces from two sets of the lineup made of 4 photographs, and they chose the correct photograph 79 times (42 hits in female face, 37 hits in male face), the success rate was 0.55 or 55%. At first glance, it seems that the success rate is far from random. In case of procedure that requires choosing one of four photographs, the success rate of .025 would indicate that the face was chosen randomly – “guessed” rather than “identified”. However, to be sure, bootstrap estimation was carried out. This type of analysis, increasingly popular in social sciences, has many advantages in studies involving small groups that bring data prone to having non-normal distributions. Bootstrapping as a method of calculating standard error or confidence interval, therefore estimating the precision of any statistics, requires fewer assumptions than more traditional approaches and

gives a stronger and more general conclusions [33]. Fundamentally, it assumes that the observed data are a representation of the underlying population characteristics, so new samples, each of the same size as the observed data are drawn with replacement from data observed. The final statistic is calculated for each new data set.

In this study, bootstrapping was used to estimate the 95% percentile confidence interval of success rate – 10 000 bootstrap samples were drawn, and the success rate was calculated in each of them using Python™ programming. The 95% percentile bootstrap confidence interval ranged from 0.17 to 0.32 (fig. 1). That is, if the participants chose the photograph at random, we would expect that the number of hits falls between 17%-32% in 95% of cases. In the experiment it was 55% thus the participants were about twice as likely to recognize the face than if they were guessing at random. The result is significant; therefore, it is legitimate to conclude that faces are actually recognized, not chosen randomly.

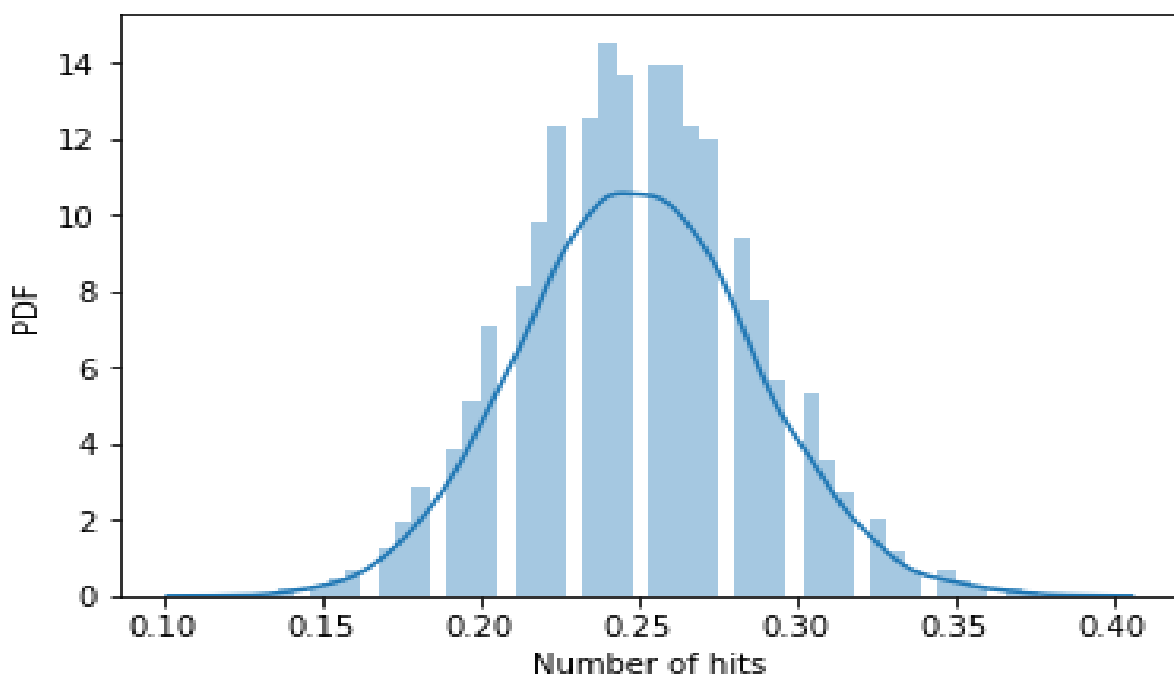
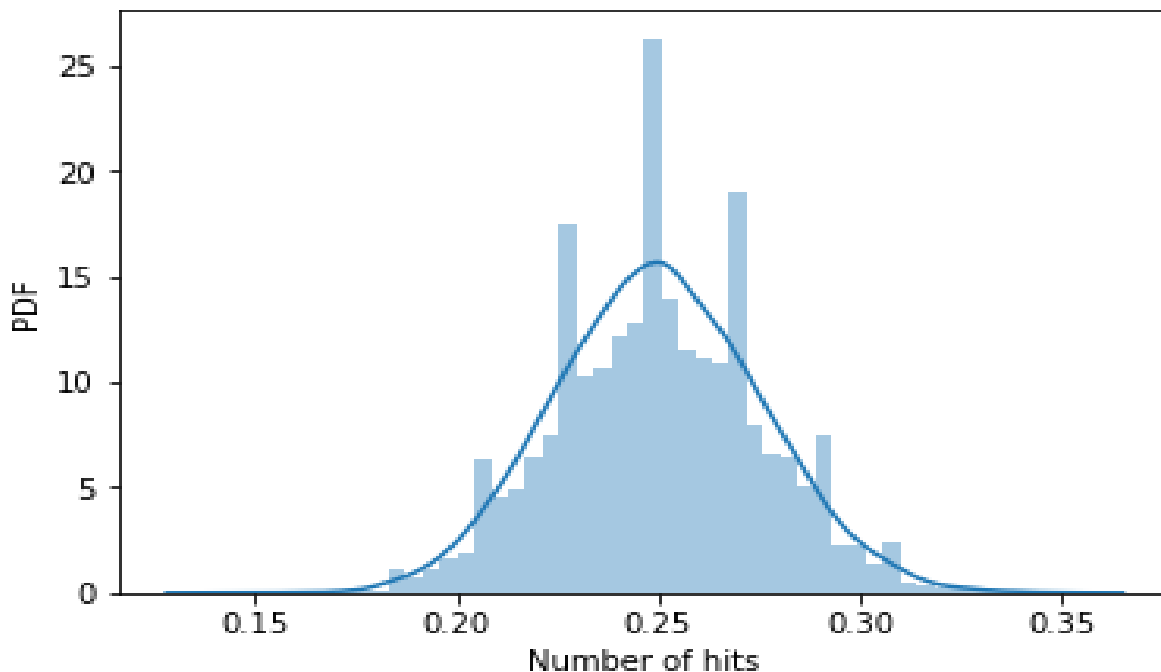

Figure 1. Probability density function of the face identification success rate distribution

The accuracy of object identifications. A similar procedure was performed to determine the randomness of object identification. The total number of correct identifications was also 79 (17 hits in case of a cap, 15 hits in case of a hoodie, 24 hits in case of a sweater and 23 hits in case of a decoration) but the number of ‘trials’ was twice time bigger – the subjects had to recognize four objects from four different lineups. Consequently, the success rate was 0.28. Again, 10 000 bootstrap samples were drawn. In the case of object identification, the 95% percentile bootstrap confidence interval, ranged from 0.2 to 0.3 (fig 2.). That is, if the participants chose the picture at random, we would expect the number of hits to fall between 20%-30% in 95% of cases. In the real experiment it was 27% thus it is not likely that the number of hits differed from a random scenario. The result is not significant, therefore, the hypothesis that the subjects randomly selected photos during the identification test must be accepted.

Figure 2. Probability density function of the object identification success rate distribution

Referring to the hypotheses set out earlier, the results only partially support the first hypothesis. The success rate in case of facial identification is above the threshold of randomness, and at the same time, the experiments showed that objects are most likely randomly chosen from a photo array. However, the experiment confirms the hypothesis suggesting that the success rate is higher for central details.

Conclusion

The study objective was to compare the accuracy of central v. peripheral details recognition in the eyewitness identification paradigm. It was hypothesized that faces were central details, while inanimate objects were considered peripheral. The comparison allows to answer the question whether the identifications of faces and objects made by eyewitnesses can be trusted and regarded a valid evidence in legal proceedings. The minimum criterion for considering this type of testimony credible was a randomness threshold that indicates the probability with which the witness is guessing. The study shows that whether the identification by witnesses can be considered trustworthy depends on the class of the recognized object. In case of face identification, the success rate achieved by the participants exceeded the randomness level and meets the minimum criterion. Although the criterion defined this way can be considered arbitrary, it is difficult to imagine another, more impartial one – there is no objective justification for which the success rate should exceed e.g. 50, 60 or 70% to be considered reliable. Nevertheless, it is important to reflect on the level of ability to recognize unknown faces observed in the study. The result – 55% success rate – achieved by the subjects seems to be quite average. They did not know the purpose of the study and were unaware that in second stage of the experiment they are going to be asked to identify faces, thus during the lineup they used memory resources not influenced by some variables, that in the case of real witnesses increase the probability of misidentification. Although it is impossible to

compare any experiment with the experiences of actual witness – the burden of their decision is incomparably higher – the participants of this study found themselves in an unknown, surprising and intriguing situation. In some aspects it imitated the task faced by actual witness, so the results can be considered as a reflection of the memory performance.

The study also showed that the credibility of witnesses in identifying items is particularly low. The success rate achieved by the participants in the object identification test is within the bounds of randomness. It means that when a witness is asked to choose a photograph presenting an object they saw during an event under investigation, with high probability, he or she rather guesses, not necessarily recognize it. While interpreting the results, one should take into account the fact that the objects recognized by the subjects were insignificant for the events taking place during the video clip, thus it is possible that items attracting attention or evoking emotions may cause perceptual narrowing/tunnel vision, resulting in transferring of attention resources and better memorizing.

Taking into account the experiment design as well as the fact that the scene did not reflect the wide range of emotions experienced by a real eyewitness, an important question concerns the reason for the difference in accuracy of identification between central faces and peripheral items. The experiment may be considered as the evidence supporting the hypothesis that central details are remembered better due to the effect of attention narrowing or – more likely - as a consequence of differential salience attributed to the objects. It may be explained by referring to two types of visual stimulus processing – namely holistic or analytical. As it is believed since Galton's [10] pioneering research and as evidenced by numerous empirical studies [27], a holistic process is responsible for recognizing faces. The representation of the face is coded as a whole (a Gestalt), which includes all the features and their connections - information about the distance, their relative size, topography, etc. The opposite of the holistic process is recognition based on analytical mechanisms including detectors of different features. After encoding of the distinctive parts of the object, they can be then combined in the form of an inner image and used to recognize it when needed. Thus, the study suggests that holistic processing may be more effective for the purpose of recognition. It allows us to make a basic distinction between known and unknown objects, which is possible without prior analysis of particular features. Therefore, it is possible that holistic processing increases the chance of correct identification of the perpetrator during the lineup. At the same time analytical processing seems to be insufficient to distinguish between known and unknown objects. One can say, referring to Damasio's theory, that the memories of faces are more likely to be correctly replicated possibly due to the fact that a critical signal activates extensive neural networks in case of objects processed holistically, which is not the case for analytical processing.

Although holistic processing is usually associated with faces, it is not limited only to them. Some research on the so-called expertise hypothesis suggests that as knowledge of the category of objects increases, it is more likely that they will be processed holistically [e.g. 7, 11]. Thus, it allows us to consider identification made by someone with substantial experience in particular objects recognition as credible – a car that a suspect drove off with is more likely to be correctly identified by a car dealer than by a casual passer-by. However, since law enforcement is probably rarely lucky enough to find those expert-witnesses, it is necessary to emphasize the need to approach this type of testimony with great caution. It may protect police and from tunneling their attention and investigatory efforts to the object misidentified during the lineup.

Although the study has shown that the people are better at recognizing faces, the accuracy of identification does not appear to be convincingly high. Therefore, it is worth considering whether in criminal cases, which have such great social significance and serious real-life consequences, face

identifications should be treated as valuable judicial evidence. Perhaps a discussion should be launched on how the relevance of such evidence should be assessed by the jury or court. The decision on whether a particular piece of evidence can be considered credible is taken in every single case and it is guaranteed by the principle of free evaluation of evidence. Thus, it seems essential to raise awareness of the limitations of human recognition memory among practitioners of law and those involved in judicial proceedings.

References

1. Brady T., Konkle T., Alvarez G., & Oliva A. Are real-world objects represented as bound units? Independent decay of object details from short-term to long-term memory // *Journal of Vision*, 2001. No. 11(11). 1289-1289 pp.
2. Brown L. E., Moore C. M., & Rosenbaum D. A. Feature-specific perceptual processing dissociates action from recognition // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2002. No. 28(6). 1330-1344 pp.
3. Burke A., Heuer F., & Reisberg D. Remembering emotional events // *Memory & cognition*. 1992. No. 20(3). 277-290 pp.
4. Damasio A. R. *Descartes' error*. 2005. (ebook)
5. Davies G. M., Ellis H. D., & Shepherd J. W. Perceiving and remembering faces. 1981. 329 p.
6. Deffenbacher K. A., Bornstein B. H., Penrod S. D., & McGorty E. K. A meta-analytic review of the effects of high stress on eyewitness memory // *Law and Human Behavior*. 2004. No. 28(6). 687-706 pp.
7. Diamond R., & Carey S. Why faces are and are not special: an effect of expertise // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1986. No. 115(2), 107-117 pp.
8. Edelstein R. S., Alexander K. W., Goodman G. S., & Newton J. W. Emotion and Eyewitness Memory // *Series in affective science. Memory and emotion*. 2004. 308–346 pp.
9. Eichenbaum H., Yonelinas A. P., & Ranganath C. The medial temporal lobe and recognition memory // *Annu. Rev. Neurosci.* 2007. No. 30. 123-152 pp.
10. Galton F. Composite Portraits, Made by Combining Those of Many Different Persons Into a Single Resultant Figure // *The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1879. No. 8. 132-144 pp.
11. Gauthier I., & Tarr M. J. Becoming a “Greeble” expert: Exploring mechanisms for face recognition // *Vision research*. 1997. No. 37(12), 1673-1682 pp.
12. Haxby J. V., Gobbini M. I., Furey M. L., Ishai A., Schouten J. L., & Pietrini P. Distributed and overlapping representations of faces and objects in ventral temporal cortex // *Science*. 2001. No. 293(5539). 2425-2430 pp.
13. Hoppstädter M., Baeuchl C., Diener C., Flor H., & Meyer P. Simultaneous EEG–fMRI reveals brain networks underlying recognition memory ERP old/new effects // *NeuroImage*. 2015. No. 116. 112-122 pp.
14. Jacoby L.L. A process dissociation framework: separating automatic from intentional uses of memory // *Journal of memory and language*. 1991. No. 30. 513–541 pp.
15. Kensinger E. A., Garoff-Eaton R. J., & Schacter D. L. Effects of emotion on memory specificity: Memory trade-offs elicited by negative visually arousing stimuli // *Journal of memory and language*. 2007. No. 56(4). 575-591 pp.
16. Laney C., Campbell H. V., Heuer F., & Reisberg D. Memory for thematically arousing events // *Memory & Cognition*. 2004. No. 32(7), 1149-1159 pp.
17. Laney C., Heuer F., & Reisberg D. Thematically- induced arousal in naturally occurring

- emotional memories // *Applied Cognitive Psychology: The Official Journal of the Society for Applied Research in Memory and Cognition*. 2003. No. 17(8), 995-1004 pp.
18. Lee K., Byatt G., & Rhodes G. Caricature effects, distinctiveness, and identification: Testing the face-space framework // *Psychological science*. 2000. No. 11(5). 379-385 pp.
19. Levine L. J., & Edelman R. S. (2009). Emotion and memory narrowing: A review and goal-relevance approach // *Cognition and Emotion*. No. 23(5), 833-875 pp.
20. Medina J. J. (2008). The biology of recognition memory // *Psychiatric Times*. No. 25(7), 13-15 pp.
21. Meissner C. A., & Brigham J. C. Thirty years of investigating the own-race bias in memory for faces: A meta-analytic review // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2001. No. 7(1). 3-35 pp.
22. Meyer K., & Damasio A. Convergence and divergence in a neural architecture for recognition and memory // *Trends in neurosciences*. 2009. No. 32(7), 376-382.
23. Nelson C. A. The development and neural bases of face recognition // *Infant and Child Development: An International Journal of Research and Practice*. 2001. No. 10(1- 2), 3-18 pp.
24. Reisberg D., & Heuer F. Remembering the details of emotional events // *Affect and accuracy in recall: Studies of “flashbulb” memories*. 1992. 162–189 pp.
25. Reisberg D., & Heuer F. Memory for emotional events // *Memory and emotion*. 2004. 3-41 pp.
26. Reisberg D., & Heuer F. The influence of emotion on memory in forensic settings // *The handbook of eyewitness psychology. Vol. I: Memory for events*. 2007. 81-116 pp.
27. Richler J. J., & Gauthier I. A meta-analysis and review of holistic face processing // *Psychological Bulletin*. 2014. No. 140(5). 1281-1302 pp.
28. Rhodes M. G., & Anastasi J. S. The own-age bias in face recognition: a meta-analytic and theoretical review // *Psychological bulletin*. 2012. No. 138(1). 146-174 pp.
29. Robinson-Norris A. N. (2015). Emotion and Pain Effects on Tunnel Memory. 2015. Online version: <https://digitalcommons.butler.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1270&context=ugtheses>
30. Safer M. A., Christianson S. Å., Autry M. W., & Österlund K. Tunnel memory for traumatic events // *Applied Cognitive Psychology. The Official Journal of the Society for Applied Research in Memory and Cognition*. 1998. No. 12(2), 99-117 pp.
31. Shepherd J. W., Gibling F., & Ellis H. D. The effects of distinctiveness, presentation time and delay on face recognition // *European Journal of Cognitive Psychology*. 1991. No. 3(1). 137-145 pp.
32. Wells G. L. Eyewitness identification. 2018. Online version: https://lib.dr.iastate.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1066&context=psychology_pubs
33. Wright D. B., London K., & Field A. P. Using bootstrap estimation and the plug-in principle for clinical psychology data // *Journal of Experimental Psychopathology*. 2011. No. 2(2). 252-270 pp.
34. Yonelinas A.P. The nature of recollection and familiarity: a review of 30 years of research // *Journal of memory and language*. 2002. No. 46. 441–517 pp.

Information about the authors

Kaja Glomb, PhD student in Social Sciences/Psychology, Institute of Applied Psychology, Faculty of Management and Social Communication, Jagiellonian University, Krakow, Poland, e-mail: kaja.glomb@doctoral.uj.edu.pl

Получена 03.06.2020

Принята в печать 07.09.202_

Received 03.06.2020

Accepted 07.09.2020

Appendices

1.

2.

3.

4.

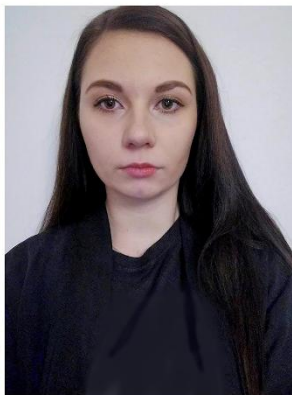
1.

2.

3.

4.

1.

2.

3.

4.

1.

2.

3.

4.

1.

2.

3.

4.

Креативность и девиантность: современное состояние проблемы в психологии

Мешкова Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: nmeshkova@yandex.ru

Ениколопов С.Н.

Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Креативность реализуется в различных видах криминального и девиантного поведения практически во всех сферах деятельности. Интерес психологов к данному феномену растет, но не решенными остаются вопросы диагностики антисоциальной креативности (АК), предикторов реализации оригинальных решений в поведении, оценки и экспертизы негативной креативности (НК). В то время как результаты вреда АК являются явными, как для генератора идей, так и для жертвы, результаты НК не всегда поддаются оценке и экспертизе в силу отсутствия (или маскировки) намерения нанести вред. Целью настоящей статьи является обзор результатов исследования связи креативности и девиантности. Проводятся обзор видов девиантного поведения в бизнесе, науке, ситуациях обыденной жизни и анализ его предикторов. На основе анализа результатов исследований просоциальной креативности в различных отраслях психологии выделяются факторы, способствующие проявлению и торможению связи креативности и девиантности, предлагаются превентивные меры АК и НК. Анализируются предикторы АК и НК, методы диагностики и проблемы экспертизы. Предложена уточненная модель связи креативности и девиантности: расширены психологические характеристики лидера и реализаторов, виды ситуаций проявления АК и НК. Выделены факторы: а) сопротивления негативным инновациям; б) влияющие на оценку и экспертизу как собственной, так и чужой креативности и девиантности.

Ключевые слова: креативность, девиантное поведение, антисоциальная креативность, креативная девиантность, экспертиза негативной креативности, модель креативности и девиантности.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-113-50075.

Благодарности. Авторы благодарят В.Ю.Щинова за помощь в переводе статьи.

Для цитаты: Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: современное состояние проблемы в психологии // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 86—107. DOI: [10.17759/psylaw.2020100307](https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100307)

Creativity and Deviance: The Present State of the Issue in Psychology

Natalya V. Meshkova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: nmeshkova@yandex.ru

Sergey N. Enikolopov

Mental Health Research Center, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Creativity is realised in various types of the criminal and deviant behaviour in almost all the spheres of activity. The interest of psychologists in this phenomenon is growing but the issues of the diagnostics of malevolent creativity (MC), predictors of the realisation of original decisions in the behaviour, and the evaluation and examination of negative creativity (NC) remain unresolved. While the results of the MC harm are clear to both the idea generator and the victim, the results of NC cannot always be assessed and examined due to the absence (or the disguise) of the intent to cause harm. The present article aims at reviewing the results of the research of the relationship between creativity and deviance. We provide a review of the types of deviant behaviour in business, science and everyday life situations and the analysis of its predictors. Based on the analysis of the results of the research of prosocial creativity in various branches of psychology, the authors identify the factors that promote the manifestation and inhibition of the relationship between creativity and deviance, and suggest preventive measures for MC and NC. Predictors of MC and NC, diagnostic methods and problems of expertise are analysed. A refined model of the relationship between creativity and deviance is proposed: the psychological characteristics of the leader and implementers, types of the situations of the MC and NC manifestation are expanded. The following factors are highlighted: a) the resistance to negative innovations; b) the factors that affect the assessment and expertise of both one's own and other's creativity and deviance.

Keywords: creativity, deviant behaviour, malevolent creativity, creative deviance, the expertise of negative creativity, the model of creativity and deviance.

Funding: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-113-50075.

Acknowledgements: The authors would like to express their gratitude to V.Yu.Shchinov for the assistance in translating the present article.

For citation: Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Creativity and Deviance: The Present State of the Problem in Psychology. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 86–107. DOI:10.17759/psylaw.2020100307 (In Russ.).

Введение

Креативность является одной из ключевых компетенций XXI века. Едва ли найдется область деятельности, в которой не нужны новые и эффективные идеи. Между тем все больше внимания психологов привлекает девиантное поведение, в котором проявляется

креативность. Проявление креативности и преступных намерений наиболее очевидно в таких областях, как мошенничество, но также наблюдается в кражах и убийствах, киберпреступности, контрабанде наркотиков, торговле людьми, терроризме [19], перевозке опасных материалов [30], что нашло отражение в анализе теоретических основ наносящего вред творчества [19]. Особенно заметно проявление креативности в беловоротничковой преступности — коррупции, а также в сфере организационной психологии (климат в коллективе — моббинг и буллинг).

Однако девиантное поведение проявляется и в таких сферах, как бизнес [39; 58; 60], наука [41], политика [47; 60], образование [5], а также в социальном взаимодействии в обыденной жизни [6; 7; 9; 10; 11; 33]. Примером являются ложь, обман, контрпродуктивное поведение на работе, сокрытие доказательств домашнего насилия или членовредительства, спам электронной почты, распространение слухов и агрессивные формы юмора [30].

Одна из проблем состоит в том, как применить научные знания о креативности к практике предупреждения этих видов девиантного поведения [31]. К. James и D. Drown предложили подход, включающий в себя несколько шагов: выделить зоны риска, проанализировать слабости безопасности в этих зонах, разработать контрмеры для противодействия выявленным слабостям и способы эффективного реагирования в случае использования разработанных контрмер [31]. Хотя данный подход относится к мероприятиям по предотвращению терроризма и защите перевозок опасных материалов, он может быть применен ко всем областям, где проявляется антисоциальная креативность.

Что касается «мирных» сфер деятельности, то необходимо понимание особенностей личности и контекста, в котором проявляются определенные черты личности. При этом нерешенными остаются вопросы диагностики и предикторов реализации оригинальных решений в поведении [46; 21]. В серии наших эмпирических исследований на выборках разных возрастов (учащиеся школ и вузов разного профиля, взрослые люди, имеющие образование разного профиля, различные категории осужденных) были выявлены особенности негативной и антисоциальной креативности и их предикторы; вклад, который вносят в креативность и поведение взаимодействие таких характеристик, как эмоциональный интеллект, макиавеллизм, ценности, личностные черты, враждебность и др., а также выявлены возрастные и гендерные особенности такой связи, были составлены возрастной и гендерный профили негативной и антисоциальной креативности [1; 2; 3; 6; 7; 9; 10; 11]. В ходе изучения феномена была разработана модель связи креативности и девиантности [5; 8], включающая в себя следующие компоненты: ресурсы, ситуации, способы решения проблемных ситуаций, результат; выделены особенности компонентов, что дает возможность проводить анализ явлений негативной и антисоциальной креативности в различных областях деятельности.

Для отечественных исследователей интерес представляют практические решения зарубежными коллегами вопросов связи креативности и девиантности в рамках выявления факторов, способствующих ее проявлению и тормозящих эту связь; разработки по проблемам экспертизы негативной креативности в различных областях деятельности (бизнесе, науке, образовании, социальном взаимодействии) и исследования креативного сопротивления инновациям. Отметим, что проблема сопротивления инновациям особенно актуальна для России. Так, на примере сферы образования было показано, что непродуманная инновация провоцирует негативную креативность у исполнителей [5].

Целью настоящей статьи является обзор результатов исследования связи креативности и девиантности. Сформулированы следующие задачи: 1) рассмотреть виды девиантного поведения в разных сферах деятельности, в которых реализуется креативность; 2) рассмотреть предикторы антисоциальной креативности; 3) осветить вопросы экспертизы

негативной и антисоциальной креативности; 4) выделить факторы сопротивления инновациям. Еще одна проблема, которой будет уделено внимание, — негативное влияние креативной личности на окружающих. На основе анализа литературы, в том числе, посвященной просоциальной креативности, будут предложены превентивные меры предотвращения реализации двух видов креативности в девиантном поведении и уточнена разработанная нами ранее [см.: 8] модель связи креативности и девиантности.

Девиантное поведение, в котором реализуется креативность: виды, факторы и превентивные меры

Одним из видов девиантного поведения, в котором может проявляться креативность в обыденной жизни, являются вербальная агрессия, ложь и злые шутки/острословие, которые могут наносить вред другим людям [26]. При адаптации опросника N. Nao et al., диагностирующего «вредоносную» (malevolent) креативность в поведении [26], нами было показано, что у подростков важное значение имеет уровень развития таких черт «Большой пятерки», как «Согласие» и «Добросовестность» [11]. На выборке сотрудников полиции с не юридическим образованием были получены результаты, позволяющие утверждать, что сочетание низкой враждебности с высокой саморегуляцией и самоконтролем личности может стать ресурсом устойчивости к антисоциально направленному поведению, в частности, коррупции [9]. Еще одно исследование показало, что ценности социального фокуса «Традиции» и «Конформизм-правила» (PVQ-R) могут блокировать связь компонентов агрессии с антисоциальной креативностью [10]. Также было показано, что в криминальном поведении различных категорий преступников эмоциональный интеллект оказывает неоднозначное влияние: низкое понимание чужих эмоций и низкий межличностный интеллект могут реализоваться в мошенничестве и корыстно-насильственных преступлениях, в то время как более высокий уровень межличностного интеллекта — в агрессивном-насильственном преступлении [3]. Таким образом, превентивными мерами девиантного и криминального поведения могут стать интервенции, развивающие самоконтроль и саморегуляцию, при этом стоит осторожно использовать программы по развитию эмоционального интеллекта, чтобы не стимулировать манипулятивное поведение у подростков с асоциальными наклонностями.

Одним из видов девиантного поведения, в котором проявляется креативное мышление, является агрессия. Исследования показывают, что интервенции по профилактике данного типа девиантного поведения следует применять уже в детском возрасте. Так, согласно результатам E. Tacher and C. Readdick, уже у второклассников выявляются положительные корреляции вербальной гибкости с физической и вербальной агрессией, угрозой агрессии, а беглости и оригинальности речи — с вербальной агрессией. Авторы предположили, что креативность необходима для эффективного преодоления стрессовых ситуаций [52], что согласуется с мнением, высказанным D. Harris о том, что творческие люди с большей готовностью принимают агрессивные способы мышления и действия, когда стрессовые ситуации требуют оригинального ответа, что позволяет им легче адаптироваться к стрессовой ситуации [30]. Таким образом, одной из превентивных мер, снижающих антисоциальную креативность, а следовательно, и девиантное поведение, может стать обучение адекватному преодолению стрессовых ситуаций, особенно в социальном взаимодействии и решении проблем в ситуациях социального взаимодействия.

Что касается девиантного поведения в бизнесе, то здесь все не так однозначно. Дело в том, что девиантность может быть как негативной, так и позитивной [30; 40], а девиантное поведение сотрудников в инновациях может быть как не желаемым, так и желаемым и приветствуемым организацией [20].

Согласно Р. Мертону, инновационный тип девиантности возникает при сочетании нескольких условий: важность достигаемой цели, как для организации, так и для сотрудников (когда в организации критерием эффективности является количество разработок, сопровождающееся оплатой за производительность), и нехватка ресурсов для применения предписанных средств (например, в условиях ограничения времени или недостаточного количества персонала, что подрывает стандарты тестирования новых разработок продукта) [см.: 20]. Такой тип девиантности может быть спровоцирован дисфункциональным управленческим контролем [20] и может быть желательным для организации. G.M. Spreitzer и S. Sonenshein предложили термин «позитивная девиация», имея в виду, что не всегда организация проигрывает от нарушения ее норм. В позитивной девиации важный компонент — положительные намерения, которые, однако, не всегда приводят к позитивным результатам, а ее особенность состоит в том, что она добровольная, не является вынужденной или принудительной. Характерными являются результаты позитивной девиации. Они состоят в субъективном благополучии, долгосрочной эффективности и приводят к развитию организационных норм [51].

Исследование E. Purc и M. Laguna инновационного поведения сотрудников на рабочем месте показало, что оно связано с ценностями личностного фокуса (за исключением открытости к изменениям), а профессиональная автономия (самостоятельность в принятии сотрудником решений) опосредует эту связь [45]. Иными словами, предоставляя сотрудникам больше автономии в работе и привлекая к работе сотрудников с высоким уровнем ценностей самосовершенствования, можно повысить инновационный потенциал организации и среды для работников. Однако ценности личностного фокуса положительно связаны и с антисоциальной, и с негативной креативностью у враждебных людей [1; 7; 10]. Поэтому в данном случае сдерживать реализацию идей, наносящих вред, или предотвратить реализацию хоть и оригинальных, но способных нанести ущерб решений возможно с помощью снижения автономии таких сотрудников.

Нежелаемая девиантность на рабочем месте базируется на умышленном нарушении организационных норм, угрожающем благополучию организации или ее членов. Одним из видов поведения, которое может угрожать благополучию организации, является креативная девиантность (*creative deviance*). Данный термин был предложен С. Mainemelis, понимавшим под этим явлением нарушение приказа руководства прекратить разработку какой-либо новой идеи [40]. Важно, что в основе такого поведения может находиться просоциальная мотивация (т. е. без намерения нанесения вреда. — *Примечание авторов* [50]), а результаты его могут привести как к негативным, так и к позитивным последствиям [40], среди которых появление новых инноваций — это позитивное последствие, а растрата ресурсов организации и потеря контроля руководства над действиями сотрудников — негативный результат [50].

Девиантность, угрожающая благополучию других членов организации, проявляется в конкуренции за дефицитные ресурсы: продвижение по службе, борьба за бонусы, получение заданий по проектам и поощрений. Показано, что конкуренция, понимаемая как контекст, в котором положительный результат для одного конкурента связан с отрицательным результатом для другого конкурента, положительно связана с принятием риска [32], креативностью [15] и неэтичным поведением [34]. Часто конкуренция проявляется в хвастливых оценках себя или оскорбительных комментариях о противнике, т. е. в агрессивном общении, которое включает в себя насмешки, критикующие личность оппонента, членство в группе, его компетентность или производительность, а также самовозвеличивание. Так называемые «мусорные разговоры» являются стратегией коммуникации при конкуренции, а более сложные ее формы изобретательны и включают в

себя сарказм, гиперболу и метафоры; их цель состоит в том, чтобы запугать, отвлечь или унижить мишень и повысить самооценку «мусорщика» [58]. Легко заметить, что такого вида девиантное поведение очень часто используется в политике. Так, Дональд Трамп оскорбил свою соперницу по Республиканской номинации 2016 года Карли Фиорину, воскликнув: "Посмотрите на это лицо! Кто-нибудь проголосует за это? Можете себе представить таким лицом нашего следующего президента?" [58].

J. Jir с соавторами исследовали, как влияют такие стратегии в конкретной борьбе на их жертвы. Ситуация «мусорных» разговоров состояла в следующем: перед началом выполнения творческого задания один из участников пары говорил второму участнику обидные для него вещи в невежливой форме о том, что тот проиграет и т. д. (конкуренция состояла в том, что выигравший в творческом задании получит вознаграждение). Согласно результатам, у жертв такого рода конкуренции снижается творческое мышление по сравнению с участниками нейтральной коммуникации. Заслуга авторов, на наш взгляд, состоит в том, что они показали, что «мусорная болтовня» мотивирует жертву к мошенничеству. Так, в ситуации соревнования по решению задачи на творческое мышление жертвы вели себя не честно, поддельывая результаты выполнения задания [58]. Иными словами, обидные слова, унижающие достоинство и бьющие по самооценке, провоцируют нечестное, неэтичное поведение. Можно предположить, что угроза самооценке стимулирует девиантное поведение и антисоциальную креативность. Таким образом, антисоциальная креативность может стать стратегией преодоления угрозы самооценке, что следует проверить в эмпирическом исследовании.

Девиантное поведение на рабочем месте принимает различные формы: кража, мошенничество, работа впол-силы, саботаж, различные виды агрессии, прогулы, употребление психотропных веществ, уничтожение собственности. Исследуя данный феномен с помощью теории моральной саморегуляции [16], X. Zheng и коллеги предположили, что креативность сотрудников и их моральная идентичность влияют на девиантное поведение, и здесь важным является моральное самооправдание (совокупность когнитивных оправданий, которые позволяют совершать аморальные поступки без чувства вины и самонаказания). Исследование показало, что креативность сотрудников не оказывает существенного влияния на их девиантное поведение. Но креативные работники вели себя на рабочем месте девиантно в том случае, когда их моральная идентичность была низкой и не занимала центральное место в представлениях работников о себе. Кроме того, были получены результаты, не получившие должного внимания: положительные корреляции показателей удовлетворения от выполняемой работы с креативностью и отрицательные — с моральным оправданием и девиантным поведением на рабочем месте. Иными словами, удовлетворенность собственной работой может играть существенную роль в поведении сотрудников и нивелировать стимулы к нарушению организационных норм и правил. Организации полезно проводить мониторинг психологического благополучия собственных сотрудников, чтобы своевременно корректировать удовлетворенность работой с помощью тренингов или поощрений. Заслуга X. Zheng с соавторами состоит еще и в том, что они обратили внимание на девиантное, но проорганизационное поведение, определив важность проблемы, почему и когда работники совершают неэтичные действия с согласия организации [60] и, более того, по ее принуждению. На наш взгляд, это важный момент, который распространен в рекламе, в политике и других сферах деятельности, когда креативно обманывают для получения прибыли или достижения власти или создают двусмысленные законы, стимулируя использовать лазейки, даже в тех случаях, когда это влечет за собой нарушение морали. И здесь важен вопрос: как не дать проявиться низкой морали и самооправданию во время творческого акта и реализации творческой идеи?

Полезными при ответе на данный вопрос могут стать результаты, полученные R.Nouri с коллегами. Они изучали влияние культуры на креативность американцев и китайцев в условиях социального контекста, активизирующего ценности дистанции власти и коллективизма, и работы в одиночку. Оказалось, что культурные ценности, активируемые социальным контекстом, оказывают не одинаковое воздействие на различные компоненты креативности: оригинальность идеи, беглость и проработанность, в зависимости от релевантности культурных ценностей каждому из трех компонентов. Американцы как представители индивидуалистической культуры при работе в команде демонстрировали низкий уровень ответственности за результаты команды, уменьшали прилагаемые усилия и генерировали меньшее количество новых идей по сравнению с работой в одиночку [43].

Еще одним сдерживающим фактором может стать высокая моральная идентичность руководителя и его поведение, как пример для сотрудников и образец для подражания. L. Tanggaard размышляет о том, что творчество может привести других в движение, а творческие личности могут вдохновлять других и убеждать их вкладывать ресурсы, энергию и время в свои идеи [53]. В советской психологии коллектив авторов под руководством А.В.Петровского более 30 лет назад показал, что креативный педагог влияет на креативность и установки своих учеников, способствует изменению критериев оценки поведения других людей, повышению вариативности собственного поведения и снижению консервативности ценностно-нормативных ориентаций [4]. Такие изменения проходили у учащихся в силу того, что педагоги уделяли большое внимание моральным и нравственным аспектам личности. В настоящее время моральные и нравственные аспекты личности, этическое поведение находятся на периферии внимания. В таких условиях очень важна транслируемая СМИ позиция властных структур, задающая нормы поведения на всех уровнях и во всех сферах социальной жизни. Создаваемый имидж вседозволенности диктует не этическое поведение как нормальное. Творческая не моральная личность, на наш взгляд, такая личность, которая собственным примером может вдохновлять других, убеждать их вкладывать ресурсы, энергию и время в идеи, направленные на решение только собственных эгоистичных проблем, цинично прекрываясь заботой о других. Учитывая важность, которую оказывает моральная идентичность человека на его поведение, особенно на креативного человека, необходимо рассмотреть возможность разработки программ для содействия развитию моральной идентичности, культивировать такой климат, который бы ценил мораль и этику, что позволит снизить уровень девиантного поведения высококреативных работников [60]. К таким выводам пришли зарубежные исследователи, изучающие креативность в рамках организационной психологии. Эти выводы актуальны не только для рядовых сотрудников, но, в первую очередь, для руководящего и управленческого звена. Они актуальны и для политики, и для образования.

По мнению М.В. Gutworth и др., девиантное поведение, стимулированное антисоциальной креативностью, проявляется инновационными способами и поэтому его часто трудно обнаружить и предотвратить. Кроме того, когда цель состоит в нанесении вреда другому, средства ее достижения могут не быть злонамеренными. Например, средством достижения цели навредить репутации какого-либо сотрудника может стать превышение его производительности труда другим сотрудником. В серии исследований этих авторов проверялась гипотеза о зависимости оригинальности, полезности (компонент креативности, определяющий применимость ответа к проблеме и эффективность его как решения) и намерения причинения вреда от характера цели и средств ее достижения. Манипуляция благожелательностью/злонамеренностью цели и средствами показали, что ситуационные переменные значительно увеличивали дисперсию переменных креативности по сравнению с моделями, включающими только пол, когнитивные способности и черты личности. Также

было показано, что цель и средства могут взаимодействовать: являясь злонамеренными они способствуют повышению оригинальности и злонамеренности решений. Кроме того, проверялась гипотеза о зависимости поведения и антисоциальной креативности от неформальных межличностных сигналов. В исследовании проводилась манипуляция во время мозгового штурма присутствием «дессидента» и валентностью идей, выражаемых во время мозгового штурма. Студентам, участникам исследования, было предложено посмотреть видеоролик мозгового штурма, а после создать творческое решение важной для университета проблемы. Согласно полученным результатам, неформальные сигналы, демонстрирующие несогласие с высказываемым мнением, транслируемое «диссидентом», и задача, предполагающая нанесение вреда, опосредуют увеличение таких компонентов креативности, как оригинальность, полезность и злонамеренность. Причем, значимость неформальных сигналов была выше, чем индивидуальные различия [24]. Иными словами, авторы показали преимущественную роль ситуационных переменных в наносящей вред креативности по сравнению с чертами личности. Здесь стоит отметить, что испытуемые занимались генерацией идей, то, как они поступят в реальности не понятно, и в данном случае важен вывод авторов для практики, состоящий в том, что формулировка задачи должна быть в позитивном ключе, чтобы не стимулировать генерацию идей, наносящих вред [24].

Еще одним видом девиантного поведения является катагеластический — нездоровая склонность к высмеиванию других людей [12]. René T. Proyer с коллегами, исследуя темные стороны юмора на большой выборке (5000 человек, ср. возраст 39 лет, треть которых составляли мужчины) показали, что катагеластический позитивно коррелирует с высоким юмором, храбростью и креативностью, и отрицательно — с прощением и справедливостью [44].

Таким образом, результаты исследований в различных отраслях психологии показывают важность для девиантного поведения, в котором может реализоваться креативный потенциал личности, следующих характеристик: личностных — прощение, справедливость, ответственность, моральная идентичность, умение совладать со стрессовыми ситуациями, саморегуляция, ситуационных — формулировка задания в позитивном ключе, удовлетворенность работой, угроза самооценке, конкуренция, профессиональная автономия сотрудника.

Факторы и предикторы антисоциальной креативности

Антисоциальная креативность (АК) — креативность, результатом которой является намеренно наносимый вред другим людям. На разных возрастных выборках было показано, что предикторами АК являются: 1) у студентов (из них большая часть женщины), агрессия как интегральный показатель [26]; 2) у осужденных за различные правонарушения — враждебность (когнитивный компонент агрессии) и низкая выраженность ценностей социального фокуса [6; 7; 10], а также низкий уровень понимания собственных эмоций в структуре эмоционального интеллекта [2]; 3) в выборке кадетов — враждебность, макиавеллизм, низкие нейротизм и низко выраженные черты «Большой пятерки» «Согласие» [9], «Добросовестность» [3]; 4) у сотрудников полиции с не юридическим образованием — враждебность и агрессия [9]. Кроме того, было показано, что у антисоциальной креативности существуют половые и возрастные особенности. Были выявлены качественные возрастные и половые особенности личностных предикторов антисоциальной креативности: у мужчин — это враждебность, у женщин — агрессия. Специфика подростковой антисоциальной креативности состоит в том, что в число отрицательных предикторов входят черты «Большой пятерки» «Согласие» и «Добросовестность», связанные с девиантным поведением,

чего не наблюдалось у взрослых респондентов [11]. Здесь важно отметить, что мы разделяем генерирование наносящих вред идей и их реализацию, т.к. это осуществлять могут разные люди. Результаты, полученные нами, позволяют утверждать, что предикторами продуцирования идей, наносящих вред, является враждебность, как когнитивный компонент агрессии, и это характерно для мужчин, в то время как реализация может осуществляться людьми с высокой агрессией, и/или с низко развитыми чертами Большой пятерки — «Согласие» и «Добросовестность», и это характерно для женщин и подростков.

Поскольку в основе выделения антисоциальной креативности как отдельного вида креативности находится намерение нанести вред, то актуальным стало ее исследование в рамках мотивации. N.Нао с коллегами в серии исследований показали, что АК отрицательно коррелировала с мотивацией избегания и положительно — с мотивацией приближения, более того, у людей с низкой мотивацией приближения более существенную роль играет агрессия. Манипулирование мотивационной ориентацией испытуемых с помощью денежного вознаграждения в виде компенсации за определенное количество идей АК показало, что в условиях актуализации мотивации приближения оригинальность и количество идей АК были значительно выше, чем в условиях актуализации мотивации избегания [27]. Следует отметить важный результат в одном из исследований данных авторов: они показали, что невыполненность задания (неуспех) стимулировали оригинальность и беглость АК в обоих видах мотивации, при этом в условиях мотивации приближения эти показатели выше, чем в ситуации избегания. Интересно, что АК не различалось в ситуации мотивации приближения в условиях успешного выполнения задачи и в ситуации мотивации избегания в условиях не достижения результата. Данный факт показывает важную роль опыта неуспеха, опосредующего рост АК при условии мотивации избегания [27]. Во всех трех исследованиях, проведенных коллективом авторов под руководством N.Нао, выборка испытуемых состояла в большей части из молодых женщин, что не позволяет распространить результаты на всю популяцию. Поэтому рекомендации авторов о вариантах снижения АК, заключающихся в снижении мотивации приближения и интервенции, дающие испытать опыт успеха у антисоциальных индивидов [27], касаются скорее молодых женщин, а обоснованность использования подобных интервенций на молодых мужчинах появится после изучения связи мотивации и АК на выборке мужчин. Интерес представляют выводы, к которым пришли L. King и S.T. Gurland в исследование креативности при составлении коллажа: угроза оценки убивает чувство компетентности при выполнении творческой задачи и снижает внутреннюю мотивацию [35]. Дополняет картину мета-анализ исследований мотивационных механизмов креативности сотрудников в бизнесе, проведенный D. Liu с коллегами. Согласно результатам мета-анализа (независимая выборка общим количеством 51 000 человек), такие мотивационные механизмы, как внутренняя мотивация (интерес и удовольствие к выполняемой деятельности), само-эффективность (субъективные представления сотрудника о том, что он может выполнять данную деятельность) и просоциальная мотивация (желание принести пользу другим людям) связаны с индивидуальной креативностью, при этом они по-разному функционируют как медиаторы связи между контекстом, личностью и креативностью: автономность в работе и открытость опыту связаны с внутренней мотивацией; сложность работы и черта «Добросовестность» - с само-эффективностью; поддерживающее лидерство - с просоциальной мотивацией [38]. Хотя все перечисленные результаты касаются просоциальной креативности на рабочем месте, они могут быть полезны для понимания негативной креативности как креативности без намерения принести вред или как креативности для решение просоциальной задачи с помощью нелегитимных способов. Нами было показано, что негативная креативность характерна для враждебных людей с низкой добросовестностью [9; 11], и для того, чтобы

снизить их возможную активность, следует снижать их внутреннюю мотивацию через снижение автономности в работе, повышение контроля лидером и не поручать им сложной работы. Еще одной мерой по снижению негативной креативности может стать трансформационное лидерство, способствующее креативности сотрудников и делающее их способными испытывать высокий уровень личной ответственности за результаты собственного труда, изменяя личные интересы в угоду общественным [56].

Согласно динамической модели креативности и инновации в организации Т.А. Amabile и М.Г. Pratt, внутренняя мотивация является ключевой переменной в креативности на рабочем месте, а модераторами такой связи являются окружение, осмысленность работы, восприятие сотрудниками своего окружения на рабочем месте, поведение лидеров [13]. В рамках данной модели проверялась связь проактивной личности и креативности, при этом в качестве медиаторов такой связи изучались внутренняя мотивация сотрудников и их взаимодействие с лидером. Оказалось, что если подчиненный и руководитель оба участвуют в самостоятельном, ориентированном на изменения и сфокусированном на будущем поведении, т. е. личность обоих проактивна, то это усиливает у сотрудника представления о справедливости взаимодействия с лидером и ведет к проявлению большей креативности в работе у тех сотрудников, у которых значение переменной дистанции власти минимально [49]. Иными словами, низкие значения у сотрудников дистанции власти освобождают внутреннюю мотивацию, снижая ограничения существующих норм и правил, и способствуют проявлению креативности. Что касается негативной креативности, то для того, чтобы снизить ее проявление у сотрудников, здесь, видимо, следует увеличивать дистанцию власти, чтобы, наоборот, увеличить ограничения норм и правил организации.

К. Hannam и А. Narayan показали, что справедливость в распределении вознаграждения и межличностная справедливость (понимание сотрудником, что он уважаем окружающими) являются значимыми медиаторами связи внутренней мотивации и креативности. Авторы исследования пришли к выводу о том, что несправедливость является стрессом, на который расходуются когнитивные силы, что наносит вред креативному процессу [25]. С точки зрения антисоциальной креативности, мы полагаем, что несправедливость является контекстом, в котором субъект может использовать креативные способности для нанесения ущерба другим людям и в частности саботировать рабочий процесс, т. е. вести себя девиантно.

Таким образом, можно выделить следующие характеристики, вносящие большой вклад в креативность: враждебность, ценности, внутренняя мотивация, восприятие окружения как справедливого (в вознаграждении, в межличностном общении), добросовестность, личностный контроль за результатами своего труда, нормы и правила организации, дистанция власти, поведение лидеров, ситуация оценки, субъективный опыт успеха и климат организации.

Проблемы диагностики и критериев экспертизы негативной и антисоциальной креативности

Оценка креативности определяется персональным и социальным взглядом на продукт креативного процесса [47]. Соответственно, и судить об антисоциальной креативности и ее результатах можно как с точки зрения их носителя, так и с социальной точки зрения. Разработанный Н. Нао с коллегами опросник «The Malevolent Creativity Behavior Scale» [26] (русскоязычная версия [10]), основан на самоотчете поведения, в котором может реализоваться антисоциальная креативность: ложь, злые шутки и нанесение вреда другим через оригинальные агрессивные способы [26], — и здесь субъект сам оценивает частоту подобного поведения.

В случае негативной креативности человек, перед которым поставлена легитимная задача, часто не может представить возможный вред от реализации его идеи, поэтому оценка валентности полученного результата часто остается за экспертами. В одном из наших исследований подросткам давалось задание придумать как можно больше таких решений просоциальной ситуации, которые никто ранее не придумывал. Характерно, что самые оригинальные решения можно было расценить как наносящие вред другим людям [1; 6]. Сама возможность генерировать такого рода идеи может происходить в силу того, что в обществе страдает мораль и нравственность, существуют негласные нормы, поддерживающие подобное поведение или не порицающие его. Важную роль здесь играет позиция лидеров, в том числе и государственных. В организационной психологии было показано, что креативная девиантность (например, нарушение приказа прекратить разработку и реализацию новой идеи) сопровождается реализацией в том случае, если поощряется поддерживающим креативность лидером [37].

К. Logan с коллегами анализировали инновации в терроризме на примере насильственных экстремистских организаций. Авторы высказывают интересную идею: для того, чтобы ослабить инновации в группе, следует использовать обратную сторону принципов, повышающих и стимулирующих инновации [39]. Но для этого необходимо понять не только стимулирующие позитивную креативность стратегии, но и учитывать, влияние контекста, который может ослаблять или усиливать креативность, и то, как контекст взаимодействует с чертами личности и ее мотивацией [21].

М. Vaas с коллегами показали, что в ситуации социальной угрозы люди предлагали больше вредоносных идей, чтобы победить соперников в переговорах, особенно если у них была высокая мотивация познания. Таким образом, благодаря своей диспозиционной мотивации систематически обрабатывать релевантную информацию, эти люди были более мотивированы к защите и агрессии в ответ на социальные угрозы и в продуцировании идей, наносящих вред [14]. Это исследование касается социального взаимодействия в переговорах и было спроектировано таким образом, что задание изначально провоцировало проявление враждебности к соперникам. Иной подход осуществили D.G. Dumas и A.L. Strickland, исследовавшие связь дивергентного мышления и вредоносности с помощью необычного использования 10 предметов. Кодирование недоброжелательных ответов проводилось по категориям: ущерб собственности, вред человеку, вред животным, общий вред, самозащита. Оказалось, что спонтанная (т. е. не запрашиваемая в ситуации задания) недоброжелательность проявилась в наибольшем количестве идей необычного использования кирпича, лопаты и молотка; самое большое количество недоброжелательных ответов относилось к категории общего вреда (без указания мишени). Самые оригинальные ответы были для вилки, а менее всего зловредных ответов было придумано для стола. У генерировавших большее количество идей была выше оригинальность. Таким образом, авторы показали диспропорциональность по количеству недоброжелательных ответов при диагностике креативности [21]. По сравнению с исследованием М. Vaas с коллегами, контекст которого изначально предполагал угрозу и провоцировал антисоциальную креативность, в исследовании D.G. Dumas и A.L. Strickland контекст отсутствовал и недоброжелательность не запрашивалась по ситуации. Тем не менее, испытуемые генерировали недоброжелательные ответы. Авторы объяснили это тем, что некоторые из предметов ассоциируются с насилием и сделали вывод о том, что дивергентное мышление и недоброжелательность это разные конструкты. Таким образом, с помощью метода необычного применения предметов затруднительно выявить негативную и антисоциальную креативность, тогда как с помощью социальных ситуаций из реальной жизни они выявляются (The Real World Divergent Thinking Task). Наше предположение подтверждается

результатами, полученными Н. Кароог и А. Хан. Они изучали степень влияния на просоциальную и негативную креативность заданий различного содержания: посредством объектно-ориентированных задач и задач на дивергентное мышление из реальной жизни. Было показано, что оригинальность в случае ненамеренного нанесения вреда (негативная креативность) выше при решении социальных ситуаций из реальной жизни, чем в заданиях придумать необычное использование предметов, а ответы на реальные ситуации были более негативны [33]. Заметим, что использованные методики не имеют предсказательной силы в том, как себя поведет субъект в реальной жизни.

Что касается оценки негативной и антисоциальной креативности и критериев этой оценки, были получены интересные результаты. Так, D. Cropley с коллегами показали, что творчество воспринимается по-разному в зависимости от того, насколько оно было злонамеренным, а личностные переменные могут смягчать эту связь [19]. R. McBain с коллегами, изучавшие влияние контекста ситуации на восприятие вредоносности и креативности в гипотетических сценариях, высказали предположение о том, что констелляция экстраверсии, открытости опыту, нарциссизма и психопатии влияет на восприятие вредоносной креативности, а более сильной по новизне и эффективности будет реакция на гипотетический сценарий вредоносной креативности. Участникам предлагалось проранжировать ответы разной коннотации (негативной/враждебной и просоциальной) и разной креативности (высокой и низкой) к двум сценариям (благожелательный и злонамеренный контекст) и выбрать предпочтительный ответ на сценарий. В ситуации злонамеренного контекста злые и вредные варианты ответов воспринимались испытуемыми как менее злонамеренные, а добрые и безвредные варианты воспринимались как более злонамеренные, по сравнению с благожелательным контекстом. И наоборот, испытуемые, находящиеся в состоянии благожелательного контекста, были склонны воспринимать и недоброжелательность, и благожелательность более остро. Кроме того, в ситуации злонамеренного контекста злые и вредные способы действия рассматривались испытуемыми как более эффективные. Единственным предиктором восприятия недоброжелательности стала психопатия [41]. Таким образом, данные авторы показали значимость роли контекста и психопатии как доминирующих факторов в восприятии и оценке антисоциальной креативности.

Затрудняющим оценку негативных и антисоциальных результатов креативного процесса может стать и история жизни субъекта: прошлый негативный опыт, негативные жизненные события и деструктивность, приводящие к механизмам оправдания и ситуативного толкования [29]. S. Lee и G. Dow пришли к выводу о том, что люди, проявляющие физическую агрессию, не рассматривают свои идеи как агрессивные и имеют меньше запретов в отношении идеи или порождения вредных идей [36], и соответственно можно предположить, что, скорее всего, они будут склонны оправдывать недоброжелательные идеи других людей.

Важным параметром, затрудняющим как оценку собственного творчества, так и оценку продуктов творчества других людей является низкий уровень нравственности и морали субъекта. Данный феномен часто проявляется в науке в форме фальсификаций и плагиата. K. Tirri пришел к выводу о том, что высокие интеллектуальные способности одаренного ученика не предсказывают его зрелых моральных суждений. Поэтому важно для обеспечения нравственного роста будущих ученых обсуждать с ними этические аспекты выполнения научных исследований [55]. Соответственно, можно говорить о том, что низкие моральные суждения будут оправдывать неэтичные собственные поступки ученых и других людей, в частности плагиат. M.B. Gutworth показала, что манипуляция этической составляющей (чтение отрывка из кодекса поведения в вузе, с разными акцентами указания

на важность/не важность его соблюдения) является интервенцией, предотвращающей неэтичное поведение, заключающееся в обмане испытуемым экспериментатора. В ситуации, когда снижена этическая неопределенность и усилены правила, отсутствовала связь между креативным потенциалом и девиацией и, наоборот, в условиях этической неопределенности креативные индивиды с большей вероятностью оправдывали и вовлекались в неэтичное поведение [24]. Таким образом, в ситуации неопределенности и низкой этической значимости креативные люди с низкой моральной идентичностью не оценивают свои результаты как негативные или антисоциальные.

M.D. Mumford с коллегами изучали связь между креативными способностями и принятием этических решений у молодых ученых. Было установлено, что принятие этических решений связано с творческими процессами решения проблем, причем процессы позднего цикла (например, генерация идей и мониторинг решений) оказываются особенно важными. Обсуждая взаимосвязь между творческим и девиантным мышлением, авторы пришли к выводу о том, что креативные способности поиска информации и выбора концепции были негативно связаны с этическими решениями в учебной деятельности [42].

Консерватизм в политической системе сдерживает проявление креативного процесса. Так, Runco M.A. с коллегами анализировали президентские выборы в США. Согласно результатам, в графствах и штатах с высоким консерватизмом было выдано меньше патентов. Количество патентов было высоким там, где отмечается расовое разнообразие и высокий образовательный уровень. Таким образом, консерватизм отрицательно связан с творческими достижениями, а либеральное мышление важно не только на политической арене, но и в других областях жизни [48]. Что касается антисоциальной и негативной креативности, то здесь при оценке идей будет полезно присутствие именно эксперта-консерватора, поскольку при принятии идей, например в социальной сфере, необходимо взвешенное мнение тех, кто сопротивляется инновациям. В данном случае на первый план должны выходить оценка полезности идеи, а не ее новизна. K. Yong et al. показали важную роль ассиметрии конфликта в междисциплинарных командах, участвующих в разработке нанобиотехнологических устройств, и показали, что конфликт задач, размер команды и функциональное разнообразие являются основными факторами полезности идеи. Дело в том, что такой конфликт стимулирует конвергентное мышление, которое участвует в процессе отбора идеи как полезной [59], что позволяет избежать принятие решений, которые могут нанести ненамеренный вред другим. При формировании команд, разрабатывающих программы для решения проблем в социальной и политической сфере, следует учитывать, что креативность отрицательно связана с цензурой [61].

Таким образом, можно выделить следующие характеристики экспертов и особенности контекста их взаимодействия, оказывающие влияние на оценку ими креативного решения/идеи и методов его реализации: консерватизм, ассиметрия конфликта в междисциплинарных командах, этика организации, негативная история жизни эксперта, контекст и психопатия, высокая мотивация познания в сочетании с контекстом социальной угрозы.

Уточненная модель креативности и девиантности

Анализ публикаций по тематике креативности и ее проявления в девиантном поведении позволил нам предложить модель креативности и девиантности [см.: 8]. В данной модели отражены ресурсы, задействованные в креативном процессе, условия, цель, средства и результат с мишенью. Важно, что модель дает возможность анализировать групповую и индивидуальную креативность, описывает предикторы и условия генерации идеи и ее реализации [8]. Апробирование модели осуществлялось авторами в течение ряда лет.

Настоящий обзор литературы по тематике креативности и ее связи с девиантностью позволяет дополнить предложенную модель (см. рисунок) в разделе ресурсов и условий, а также выделить параметры, уделяя внимание которым можно снизить реализацию идей, наносящих вред в различных областях деятельности.

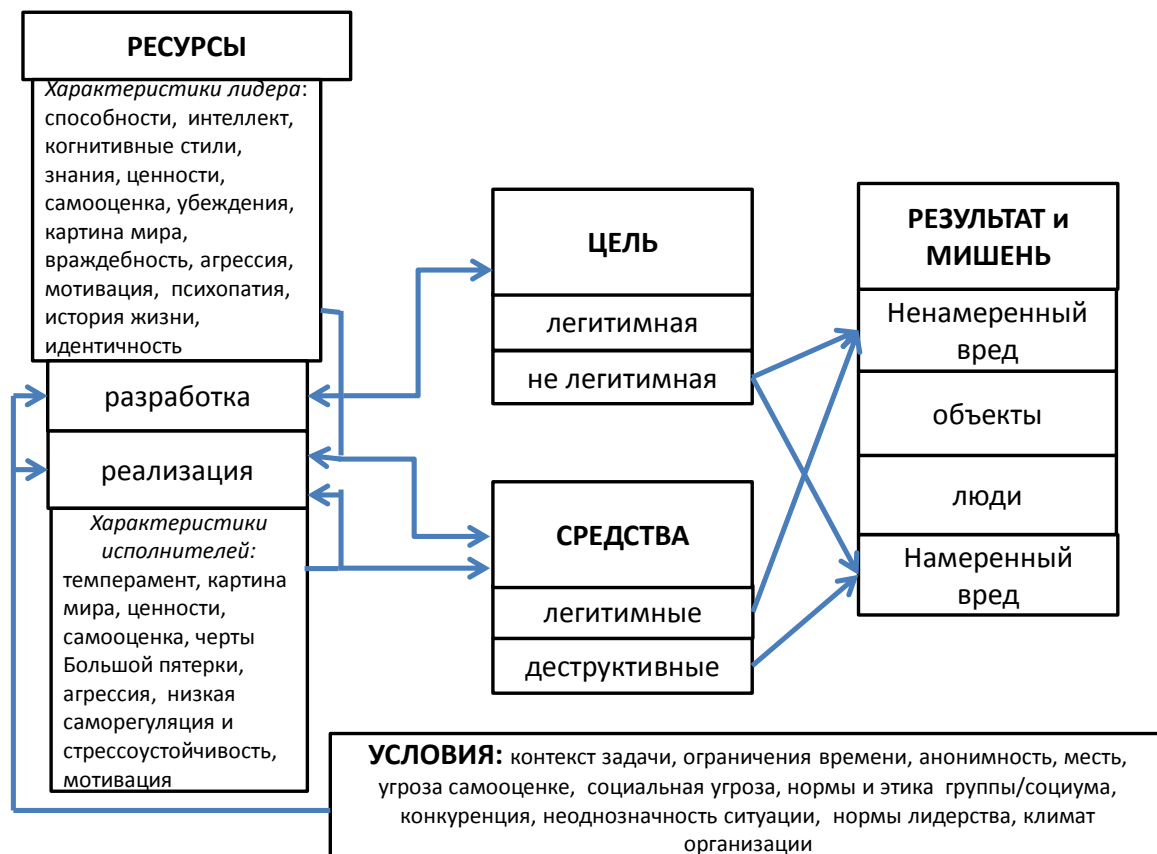

Рис. Уточненная модель креативности и девиантности [8]

Проведенный обзор позволяет сделать следующие выводы.

1. Девиации, в которых реализуется креативность, могут быть позитивные и негативные. В основе девиации может находиться нарушение норм группы/организации и социума. Существуют субъекты деятельности, нарушающие нормы группы; социума; нарушающие нормы социума во имя собственной организации; при этом намерения у них могут быть как позитивные, так и негативные. Ситуации, в которых проявляются девиации — угроза самооценке, конкуренция.

2. Оценка и экспертиза чужой и собственной креативности и девиации зависит от консерватизма, асимметрии конфликта в междисциплинарных командах, этики организации/социума, негативной истории жизни, психопатии, высокой мотивации познания в сочетании с контекстом социальной угрозы, враждебности и агрессии, моральной идентичности.

3. Лидер может стимулировать антисоциальную и негативную креативность в группе манипулируя внутренней мотивацией сотрудника/члена группы с помощью увеличения дистанции власти и автономии подчиненных, валентностью формулировки задач,

манипулируя удовлетворенностью сотрудников, неоднозначностью норм и правил. Важно, чтобы лидер обладал высоким уровнем моральной идентичности.

4. Факторами, тормозящими проявление креативности в девиациях являются прощение, справедливость, ответственность, моральная идентичность, умение совладать со стрессовыми ситуациями.

5. Факторами сопротивления негативным инновациям являются консерватизм и позитивный жизненный опыт.

6. Стратегиями предотвращения реализации антисоциальной креативности в девиантном поведении могут стать усиление норм и этики группы, организации, социума, лидерства.

Что касается направлений для дальнейшего исследования антисоциальной и негативной креативности, то большая часть выводов, представленных в статье, является гипотетической, «опрокинутой» в область девиантности из исследований просоциальных аспектов креативности; для их эмпирической проверки необходимы дальнейшие исследования.

Литература

1. Антропова М.Ю., Мешкова Н.В. О ситуационных характеристиках креативности в социальном взаимодействии старших школьников [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2017. Том 9. № 3. С. 175—185. DOI: 10.17759/psyedu.2017090318
2. Бочкова М.Н. Эмоциональный интеллект и креативность: связь и взаимодействие на примере разных категорий осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 92—102. DOI:10.17759/psylaw.2020100108
3. Бочкова М.Н., Мешкова Н.В. Поведенческие особенности негативной и антисоциальной креативности на примере подростков [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 1. С. 93—106. DOI:10.17759/psyedu.2019110108
4. Дубов И.Г., Петровский В.А. Перестройка личностных структур учащихся при персонализации личности педагога // Психология развивающейся личности / Под ред. А.В. Петровского. М.: Просвещение, 1987. С. 173—191
5. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Негативная креативность в образовании: особенности, угрозы и перспективы исследования // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 5. С. 67—76. DOI:10.17759/pse.2017220508
6. Мешкова Н.В. Особенности взаимосвязи антисоциально направленной креативности и ценностей у подростков с разным уровнем агрессии [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2018. Том 10. № 2. С. 77—87 DOI:10.17759/psyedu.2018100207
7. Мешкова Н.В., Дебольский М.Г., Ениколопов С.Н., Масленков А.А. Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насильственные преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 147—163. DOI:10.17759/psylaw.2018080111
8. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: связь и взаимодействие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Том 15. № 2. С. 279—290. DOI:10.17323/1813-8918-2018-2-279-290
9. Мешкова Н.В., Шаповал В.А., Герасименко Е.А., Потарыкина М.С., Мешков И.А. Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников МВД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 83—96. DOI:10.17759/psylaw.2018080306
10. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Митина О.В., Мешков И.А. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 6. С. 25—40. DOI:10.17759/pse.2018230603

11. Мешкова Н.В. и др. Возрастные и половые особенности личностных предикторов антисоциальной креативности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Том 17. № 1. С. 59—71. DOI:10.17323/1813-8918-2020-1-60-72
12. Стефаненко Е.А., Иванова Е.М., Ениколопов С.Н. Адаптация опросника гелотофобии, гелотофилии и катагеластизма PhoPhiKat для подростков // Психологическая наука и образование. 2016. Том 21. № 4. С. 61—74. DOI:10.17759/pse.2016210407
13. Amabile T.A., Pratt M.G. The dynamic componential model of creativity and innovation in organizations: Making progress, making meaning / Brief A. (eds.) // Research in organizational behavior (Vol. 36. P. 157—183). Amsterdam, NL: Elsevier, 2016. DOI:10.1016/j.riob.2016.10.001
14. Baas M. [et al.]. Why Social Threat Motivates Malevolent Creativity // Personality and Social Psychology Bulletin. 2019. Vol. 45(11). P. 1590—1602. DOI:10.1177/014616721983855
15. Baer M. [et al.]. Win or lose the battle for creativity: The power and perils of intergroup competition // Academy of Management Journal. 2010. Vol. 53(4). P. 827—845.
16. Bandura A. Social cognitive theory of self-regulation // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50. P. 248—287.
17. Choma B.L. [et al.]. Political liberalism and political conservatism: Functionally independent? // Personality and Individual Differences. 2012. Vol. 53. P. 431—436.
18. Cropley D.H. [et al.]. Summary: Creativity and ethics — Two Golden Eggs / S. Moran, D. H. Cropley and J. C. Kaufman (Eds.) // The Ethics of Creativity. Chapter 18. Basingstoke, UK: Palgrave MacMillan Ltd., 2014. P. 299—307.
19. Cropley D.H. [et al.]. Person perceptions of malevolent creativity: The good, the bad, and the ambiguous // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2014. Vol. 8(4). P. 1—20.
20. Cropley D.H., Cropley A.J. Malevolent Creativity: Past, Present and Future / J. C. Kaufman and R. J. Sternberg (Eds.) // Cambridge Handbook of Creativity. Chapter 32. New York, NY: Cambridge University Press, 2019. P. 677—690. Pre-publication Version (In press.)
21. Dumas D.G., Strickland A.L. From Book to Bludgeon: A Closer Look at Unsolicited Malevolent Responses on The Alternate Uses Task // Creativity Research Journal. 2018. Vol. 30:4. P. 439—450. DOI:10.1080/10400419.2018.1535790
22. Faßauer G. Linking deviation with innovation: behavioral effects of management control through the lens of a theory of deviance // Journal of Management Control. 2018. Vol. 29. P. 275—293 DOI:10.1007/s00187-018-00271-8
23. Gutworth M.B. The dark side to creativity: testing an intervention to deter deviance. A Thesis in Psychology for the Degree of Master of Science. 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://etda.libraries.psu.edu/files/final_submissions/9871 (дата обращения: 15.03.2020).
24. Gutworth M.B., Cushenbery L., Hunter S.T. Creativity for Deliberate Harm: Malevolent Creativity and Social Information Processing Theory // The Journal of Creative Behavior. 2016. Vol. 52. Iss. 4. P. 305—322. DOI:10.1002/jocb.155
25. Hannam K., Narayan A. Intrinsic Motivation, Organizational Justice, and Creativity // Creativity Research Journal. 2015. Vol. 27:2. P. 214—224. DOI:10.1080/10400419.2015.1030307
26. Hao et al., A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale // Front. Psychol. 2016. Vol. 7. P. 682. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00682
27. Hao N. [et al.]. Approach motivational orientation enhances malevolent creativity // Acta Psychologica. 2020. Vol. 203. P. 102985. DOI:10.1016/j.actpsy.2019.102985
28. Harris D.J., Reiter-Palmon R., Kaufman J.C. The effect of emotional intelligence and task type on malevolent creativity // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2013. Vol. 7. P. 237—244. DOI:10.1037/a0032139.
29. Harris D.J. [et al.]. Construction or Demolition: Does Problem Construction Influence the Ethicality of Creativity? [Электронный ресурс] / S.Moran, D.H. Cropley, J.C. Kaufman (Eds.) //

The Ethics of Creativity. Basingstoke, UK: Palgrave MacMillan Ltd. 2014. P. 170—186. https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137333544_13 (дата обращения: 10.05.2020).

30. *Harris D.J.* The influence of problem construction, implicit aggression, and task valence on malevolent creativity. Degree Master Thesis. ProQuest LLC. 2013. 90 p.

31. *James K., Drown D.* Whether “Malevolent” or “Negative,” Creativity Is Relevant to Terrorism Prevention: Lessons From 9/11 and Hazardous Material Trucking // *Creativity Research Journal*. 2008. Vol. 20:2. P. 120—127. DOI:10.1080/10400410802059648

32. *Jordan J., Sivanathan N., Galinsky A.D.* Something to lose and nothing to gain the role of stress in the interactive effect of power and stability on risk taking // *Administrative Science Quarterly*. 2011. Vol. 56(4). P. 530—558.

33. *Kapoor H., Khan A.* Creativity in Context: Presses and Task Effects in Negative Creativity // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Advance online publication. 2018. June 7. DOI:10.1037/aca0000183

34. *Kilduff G. [et al.]*. Whatever it takes to win: Rivalry increases unethical behavior // *Academy of Management Journal*. 2016. Vol. 59(5). P. 1508—1534.

35. *King L., Gurland S.T.* Creativity and experience of a creative task: Person and environment effects // *Journal of Research in Personality*. 2007. Vol. 41. P. 1252—1259 DOI:10.1016/j.jrp.2007.01.005

36. *Lee S., Dow G.* Malevolent creativity: Does personality influence malicious divergent thinking? // *Creativity Research Journal*. 2011. Vol. 23. P. 73—82.

37. *Lin B. [et al.]*. Leaders' responses to creative deviance: Differential effects on subsequent creative deviance and creative performance // *The Leadership Quarterly*. 2016. Vol. 27. P. 537—556. DOI:10.1016/j.leaqua.2015.09.001 1048-9843

38. *Liu D. [et al.]*. Motivational mechanisms of employee creativity: A meta-analytic examination and theoretical extension of the creativity literature // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2016. Vol. 137. P. 236—263. DOI:10.1016/j.obhdp.2016.08.001

39. *Logan M.K., Ligon G.S., Derrick D.C.* Measuring Tactical Innovation in Terrorist Attacks // *The Journal of Creative Behavior*. 2019. P. 1—14. DOI:10.1002/jocb.420

40. *Mainemelis C.* Stealing fire: Creative deviance in the evolution of new ideas // *Academy of Management Review*. 2010. Vol. 35. P. 558—578. DOI:10.5465/amr.35.4.zok558

41. *McBain R.M.J., Cropley D.H., Kavanagh P.S.* The Devil made me do it: Press and personality in malevolent creativity // *The International Journal of Creativity & Problem Solving*. 2017. Vol. 27. P. 21—44.

42. *Mumford M.D. [et al.]*. Creativity and Ethics: The Relationship of Creative and Ethical Problem-Solving // *Creat Res J*. 2010 February 1. Vol. 22(1). P. 74—89. DOI:10.1080/10400410903579619

43. *Nouri R. [et al.]*. Social context: Key to understanding culture's effects on creativity // *Journal of Organizational Behavior*. 2015. Vol. 36. P. 899—918. DOI:10.1002/job.1923

44. *Proyer R.T., Wellenzohn S., Ruch W.* Character and Dealing With Laughter: The Relation of Self- and Peer-Reported Strengths of Character With Gelotophobia, Gelotophilia, and Katagelasticism // *The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*. 2014. Vol. 148:1. P. 113—132. DOI:10.1080/00223980.2012.752336

45. *Purc E., Laguna M.* Personal Values and Innovative Behavior of Employees // *Front. Psychol*. 2019. Vol. 10. P. 865. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00865

46. *Reiter-Palmon R.* Are the outcomes of creativity always positive? // *Creativity: Theories-Research-Applications*. 2018. № 5. P. 177—181.

47. *Runco M., Beghetto R.A.* Primary and secondary creativity // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2019. Vol. 27:7—10. DOI:10.1016/j.cobeha.2018.08.011

48. Runco M.A., Acar S., Cayirdag N. Further Evidence that Creativity and Innovation are Inhibited by Conservative Thinking: Analyses of the 2016 Presidential Election // *Creativity Research Journal*. 2017. Vol. 29:3. P. 331—336. DOI:10.1080/10400419.2017.1360069
49. Sears G. [et al.]. When and why are proactive employees more creative? Investigations of relational and motivational mechanisms and contextual contingencies in the east and west // *J. Appl. Soc. Psychol.* 2018. Vol. 48. P. 593—607. DOI:10.1111/jasp.12550
50. Shukla J., Kark R. Now You Do It, Now You Don't: The Mixed Blessing of Creative Deviance as a Prosocial Behavior // *Front. Psychol.* 2020. Vol. 11. P. 313. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00313
51. Spreitzer G.M., Sonenshein S. Definition of positive deviance // *American behavioral scientist*. 2004. Vol. 47. № 6. P. 828—847. DOI:10.1177/0002764203260212
52. Tacher E., Readdick C. The relation between aggression and creativity among second graders // *Creativity Research Journal*. 2006. Vol. 18. P. 261—267.
53. Tanggaard L. The sociomateriality of creativity in everyday life // *Culture Psychology*. 2013. Vol. 19. P. 20. DOI:10.1177/1354067X12464987
54. Thorisdottir H. [et al.]. Psychological needs and values underlying left-right political orientation: Cross-national evidence from eastern and western Europe // *Public Opinion Quarterly*. 2007. Vol. 71. P. 175—203.
55. Tirri K. The Hacker Ethic for Gifted Scientists / S. Moran, D. H. Cropley and J. C. Kaufman (Eds.) // *The Ethics of Creativity*. Basingstoke, UK: Palgrave MacMillan Ltd. 2014. P. 221—231.
56. Tse H., To M., Chiu W. When and why does transformational leadership influence employee creativity? The roles of personal control and creative personality // *Hum Resour Manage.* 2018. Vol. 57. P. 145—157. DOI:10.1002/hrm.21855
57. Wolhendler B. Creativity, Delinquency, and Production of Unsolicited Violent Content in Drawings Doctor of Philosophy in Psychology Diss. ProQuest LLC, 2015 [Электронный ресурс]. <https://pqdtopen.proquest.com/doc/1712393470.html?FMT=AI> (дата обращения: 15.02.2020).
58. Yip J.A. [et al.]. Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2018. Vol. 144. P. 125—144. DOI:10.1016/j.obhdp.2017.06.002
59. Yong K. [et al.]. Conflict and Creativity in Interdisciplinary Teams // *Small Group Research*. 2014. Vol. 45(3). P. 266—289. DOI:10.1177/1046496414530789
60. Zheng X. [et al.]. Will Creative Employees Always Make Trouble? Investigating the Roles of Moral Identity and Moral Disengagement // *J. Bus. Ethics*. 2019. Vol. 157. P. 653—672. DOI:10.1007/s10551-017-3683-3
61. Zysberg L., Schenk T. Creativity, Religiosity, and Political Attitudes // *Creativity Research Journal*. 2013. Vol. 25:2. P. 228—231. DOI:10.1080/10400419.2013.783761

References

1. Antropova M.Yu., Meshkova N.V. On the Situational Characteristics of Creativity in the Social Interaction of High School Students [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2017. Vol. 9, no. 3, pp. 175—185. DOI:10.17759/psyedu.2017090318. (In Russ.).
2. Bochkova M.N. Emotional Intelligence and Creativity: the Relationship and Interaction on the Example of Different Categories of Convicts [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 92—102. DOI:10.17759/psylaw.2020100108. (In Russ.).
3. Bochkova M.N., Meshkova N.V. Behavioral Features of Negative and Malevolent Creativity in Adolescents [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya =*

Psychological-Educational Studies, 2019. Vol. 11, no. 1, pp. 93–106. DOI:10.17759/psyedu.2019110108. (In Russ.).

4. Dubov I.G, Petrovskii V.A. The reorganisation of the personality structures in students during the teacher's personalisation. In Petrovsky A.V. (ed.), *Psikhologiya razvivayushcheysya lichnosti*. Moscow: Prosveshchenie, 1987, pp. 173—191. (In Russ.).

5. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Negative Creativity in Education: Features, Threats and Research Perspectives. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2017. Vol. 22, no. 5, pp. 67–76. DOI:10.17759/pse.2017220508. (In Russ.).

6. Meshkova N.V. Interrelation of Malevolent Creativity and Values in Adolescents with Different Levels of Aggression [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2018. Vol. 10, no. 2, pp. 77–87. DOI:10.17759/psyedu.2018100207. (In Russ.).

7. Meshkova N.V. [et al.]. Features of creativity in social interaction among convicts who have committed self-serving and aggressively violent crimes [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 147–163. DOI:10.17759/psylaw.2018080111. (In Russ.).

8. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Creativity and Deviance: Communication and Interaction. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2018. Vol. 15, no. 2, pp. 279–290. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-2-279-290. . (In Russ.).

9. Meshkova N.V.[et al.]. Personal features and malevolent creativity on the example of cadets and policemen [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 83–96. DOI:10.17759/psylaw.2018080306. (In Russ.).

10. Meshkova N.V. [et al.]. Adaptation of the Malevolent Creativity Behavior Scale. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2018. Vol. 23, no. 6, pp. 25–40. DOI:10.17759/pse.2018230603. (In Russ.).

11. Meshkova N.V. [et al.]. Age and Gender Characteristics of Personality Predictors for Antisocial Creativity. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2020. Vol. 17, no. 1, pp. 60–72. DOI:10.17323/1813-8918-2020-1-60-72. (In Russ.).

12. Stefanenko E.A., Ivanova E.M., Enikolopov S.N. The Russian Adaptation of the PhoPhiKat Questionnaire of Gelotophobia, Gelotophilia and Katagelasticism in Adolescents. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2016. Vol. 21, no. 4, pp. 61–74. DOI:10.17759/pse.2016210407. (In Russ.).

13. Amabile T.A., Pratt M.G. The dynamic componential model of creativity and innovation in organizations: Making progress, making meaning. In Brief A. (eds.), *Research in organizational behavior*. Amsterdam, NL: Elsevier, 2016. Vol. 36, pp. 157–183. DOI:10.1016/j.riob.2016.10.001.

14. Baas M. [et al.]. Why Social Threat Motivates Malevolent Creativity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2019. Vol. 45(11), pp. 1590–1602 DOI:10.1177/014616721983855

15. Baer M. [et al.]. Win or lose the battle for creativity: The power and perils of intergroup competition. *Academy of Management Journal*. 2010. Vol. 53(4), pp. 827–845.

16. Bandura A. Social cognitive theory of self-regulation. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1991. Vol. 50, pp. 248–287.

17. Choma B.L. [et al.]. Political liberalism and political conservatism: Functionally independent? *Personality and Individual Differences*, 2012. Vol. 53, pp. 431–436.

18. Cropley D. H [et al.]. Summary: Creativity and ethics – Two Golden Eggs. In Moran S. (eds.), *The Ethics of Creativity*. Chapter 18. Basingstoke, UK: Palgrave MacMillan Ltd., 2014, pp. 299–307.

19. Cropley D.H. [et al.]. Person perceptions of malevolent creativity: The good, the bad, and the ambiguous. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2014. Vol. 8(4), pp. 1–20.

20. Cropley D. H., Cropley A.J. Malevolent Creativity: Past, Present and Future. In Kaufman J.C. (eds.), *Cambridge Handbook of Creativity*. Chapter 32. New York, NY: Cambridge University Press/Keith. 2019, pp. 677–690. Pre-publication Version (In press.)
21. Dumas D.G., Strickland A.L. From Book to Bludgeon: A Closer Look at Unsolicited Malevolent Responses on The Alternate Uses Task. *Creativity Research Journal*, 2018. Vol. 30:4, pp. 439–450. DOI:10.1080/10400419.2018.1535790.
22. Faßbauer G. Linking deviation with innovation: behavioral effects of management control through the lens of a theory of deviance. *Journal of Management Control*, 2018. Vol. 29, pp. 275–293. DOI:10.1007/s00187-018-00271-8.
23. Gutworth M.B. The dark side to creativity: testing an intervention to deter deviance. A Thesis in Psychology for the Degree of Master of Science. 2014. URL: https://etda.libraries.psu.edu/files/final_submissions/9871 (Accessed 15.03.2020)
24. Gutworth M.B., Cushenbery L., Hunter S.T. Creativity for Deliberate Harm: Malevolent Creativity and Social Information Processing Theory. *The Journal of Creative Behavior*, 2016. Vol. 52. Iss. 4, pp. 305–322. DOI:10.1002/jocb.155.
25. Hannam K., Narayan A. Intrinsic Motivation, Organizational Justice, and Creativity. *Creativity Research Journal*, 2015. Vol. 27:2, pp. 214–224. DOI:10.1080/10400419.2015.1030307.
26. Hao [et al.]. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale. *Front.Psychol*, 2016.Vol. 7, pp. 682. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00682.
27. Hao N. [et al.]. Approach motivational orientation enhances malevolent creativity. *Acta Psychologica*, 2020. Vol. 203, pp.102985. DOI:10.1016/j.actpsy.2019.102985.
28. Harris D.J., Reiter-Palmon R., Kaufman J.C. The effect of emotional intelligence and task type on malevolent creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2013. Vol. 7, pp. 237–244. DOI:10.1037/a0032139.
29. Harris D.J. [et al.]. Construction or Demolition: Does Problem Construction Influence the Ethicality of Creativity? In Moran S. (eds.), *The Ethics of Creativity*. Basingstoke, UK: Palgrave MacMillan Ltd., 2014, pp.170–186. https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137333544_13 (Accessed 10.05.2020).
30. Harris D.J. The influence of problem construction, implicit aggression, and task valence on malevolent creativity. Degree Master Thesis. ProQuest LLC. 2013. 90 p.
31. James K., Drown D. Whether “Malevolent” or “Negative,” Creativity Is Relevant to Terrorism Prevention: Lessons From 9/11 and Hazardous Material Trucking. *Creativity Research Journal*, 2008. Vol. 20:2, pp. 120–127. DOI:10.1080/10400410802059648.
32. Jordan J., Sivanathan N., Galinsky A.D. Something to lose and nothing to gain the role of stress in the interactive effect of power and stability on risk taking. *Administrative Science Quarterly*, 2011. Vol. 56(4), pp. 530–558.
33. Kapoor H., Khan A. Creativity in Context: Presses and Task Effects in Negative Creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Advance online publication, 2018. June 7. DOI:10.1037/aca0000183.
34. Kilduff G. [et al.]. Whatever it takes to win: Rivalry increases unethical behavior. *Academy of Management Journal*, 2016. Vol. 59(5), pp. 1508–1534.
35. King L., Gurland S.T. Creativity and experience of a creative task: Person and environment effects. *Journal of Research in Personality*, 2007. Vol. 41, pp. 1252–1259. DOI:10.1016/j.jrp.2007.01.005.
36. Lee S., Dow G. Malevolent creativity: Does personality influence malicious divergent thinking? *Creativity Research Journal*, 2011. Vol. 23, pp. 73–82.

37. Lin B. [et al.]. Leaders' responses to creative deviance: Differential effects on subsequent creative deviance and creative performance. *The Leadership Quarterly*, 2016. Vol. 27, pp. 537–556. DOI:10.1016/j.leaqua.2015.09.001 1048-9843.
38. Liu D. [et al.]. Motivational mechanisms of employee creativity: A meta-analytic examination and theoretical extension of the creativity literature. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2016. Vol. 137, pp. 236–263. DOI:10.1016/j.obhdp.2016.08.001.
39. Logan M.K., Ligon G.S., Derrick D.C. Measuring Tactical Innovation in Terrorist Attacks. *The Journal of Creative Behavior*, 2019, pp. 1–14. DOI:10.1002/jocb.420.
40. Mainemelis C. Stealing fire: Creative deviance in the evolution of new ideas. *Academy of Management Review*, 2010. Vol. 35, pp. 558–578. DOI:10.5465/amr.35.4.zok558.
41. McBain R.M.J., Cropley D.H., Kavanagh P.S. The Devil made me do it: Press and personality in malevolent creativity. *The International Journal of Creativity & Problem Solving*, 2017. Vol. 27, pp. 21–44.
42. Mumford M.D. [et al.]. Creativity and Ethics: The Relationship of Creative and Ethical Problem-Solving. *Creat Res J.*, 2010 February 1. Vol. 22(1), pp. 74–89. DOI:10.1080/10400410903579619.
43. Nouri R. [et al.]. Social context: Key to understanding culture's effects on creativity. *Journal of Organizational Behavior*, 2015. Vol. 36, pp. 899–918. DOI:10.1002/job.1923.
44. Proyer R.T., Wellenzohn S., Ruch W. Character and Dealing With Laughter: The Relation of Self- and Peer-Reported Strengths of Character With Gelotophobia, Gelotophilia, and Katagelasticism. *The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*, 2014. Vol. 148:1, pp. 113–132. DOI:10.1080/00223980.2012.752336.
45. Purc E., Laguna M. Personal Values and Innovative Behavior of Employees. *Front. Psychol.*, 2019. Vol. 10, pp. 865. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00865.
46. Reiter-Palmon R. Are the outcomes of creativity always positive? *Creativity: Theories-Research-Application*, 2018, no. 5, pp. 177–181.
47. Runco M., Beghetto R.A. Primary and secondary creativity. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2019. Vol. 27, pp. 7–10. DOI:10.1016/j.cobeha.2018.08.011.
48. Runco M.A., Acar S., Cayirdag N. Further Evidence that Creativity and Innovation are Inhibited by Conservative Thinking: Analyses of the 2016 Presidential Election. *Creativity Research Journal*, 2017. Vol. 29:3, pp. 331–336. DOI:10.1080/10400419.2017.1360069.
49. Sears G. [et al.]. When and why are proactive employees more creative? Investigations of relational and motivational mechanisms and contextual contingencies in the east and west. *J. Appl. Soc. Psychol.*, 2018. Vol. 48, pp. 593–607. DOI:10.1111/jasp.12550.
50. Shukla J., Kark R. Now You Do It, Now You Don't: The Mixed Blessing of Creative Deviance as a Prosocial Behavior. *Front. Psychol.*, 2020. Vol. 11, pp. 313. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00313.
51. Spreitzer G.M., Sonenshein S. Definition of positive deviance. *American behavioral scientist*, 2004. Vol. 47, no. 6, pp. 828–847. DOI:10.1177/0002764203260212.
52. Tacher E., Readdick C. The relation between aggression and creativity among second graders. *Creativity Research Journal*, 2006. Vol. 18, pp. 261–267.
53. Tanggaard L. The sociomateriality of creativity in everyday life. *Culture Psychology*, 2013. Vol. 19, pp. 20. DOI:10.1177/1354067X12464987.
54. Thorisdottir H. [et al.]. Psychological needs and values underlying left-right political orientation: Cross-national evidence from eastern and western Europe. *Public Opinion Quarterly*, 2007. Vol. 71, pp. 175–203.
55. Tirri K. The Hacker Ethic for Gifted Scientists. In Moran S (eds.), *The Ethics of Creativity*. Basingstoke, UK: Palgrave MacMillan Ltd., 2014, pp. 221–231.

56. Tse H., To M., Chiu W. When and why does transformational leadership influence employee creativity? The roles of personal control and creative personality. *Hum Resour Manage*, 2018. Vol. 57, pp. 145–157. DOI:10.1002/hrm.21855.
57. Wolhendler B. Creativity, Delinquency, and Production of Unsolicited Violent Content in Drawings Doctor of Philosophy in Psychology Diss. ProQuest LLC, 2015. <https://pqdtopen.proquest.com/doc/1712393470.html?FMT=AI> (Accessed 15.02.2020)
58. Yip J.A. [et al.]. Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2018. Vol. 144, pp. 125–144. DOI:10.1016/j.obhdp.2017.06.002.
59. Yong K. [et al.]. Conflict and Creativity in Interdisciplinary Teams. *Small Group Research*, 2014. Vol. 45(3), pp. 266–289. DOI:10.1177/1046496414530789.
60. Zheng X. [et al.]. Will Creative Employees Always Make Trouble? Investigating the Roles of Moral Identity and Moral Disengagement. *J. Bus. Ethics.*, 2019. Vol. 157, pp. 653–672. DOI:10.1007/s10551-017-3683-3.
61. Zysberg L., Schenk T. Creativity, Religiosity, and Political Attitudes. *Creativity Research Journal*, 2013. Vol. 25:2, pp. 228–231. DOI:10.1080/10400419.2013.783761.

Информация об авторах

Мешкова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: nmeshkova@yandex.ru

Ениколопов Сергей Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий отделом клинической психологии, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Information about the authors

Natalya V. Meshkova, PhD in Psychology, Associate Professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: nmeshkova@yandex.ru

Sergey N. Enikolopov, PhD (Psychology), Associate Professor, Head of the Clinical Psychology Department, Mental Health Research Centre, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Получена 01.06.2020

Received 01.06.2020

Принята в печать 24.07.2020

Accepted 24.07.2020

Суицид в фокусе криминологической науки

Корсаков К.В.

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

В данной обзорной статье рассмотрены подходы к сложному социально-психологическому феномену суицида в криминологии, а также имеющиеся сегодня проблемы и трудности в профилактике самоубийств. Осуществлен обзор разработок, имеющих в этой междисциплинарной науке, в сфере профилактики суицида. Показана хронология изучения суицида в криминологии, указано на общность причин суицидального и преступного поведения, названы основные социально-психологические факторы суицида, предложено авторское определение суицида. Дано психолого-криминологическое описание видов суицида в зависимости от областей наиболее частого проявления этого явления с выделением мер его профилактики применительно к каждой сфере, представлена социально-психологическая характеристика суицидальной личности с выделением свойств, сближающих ее с криминальной личностью. Описан психологический синдром стигматизации личности суицидента, проанализированы научные концепции, объясняющие причины суицида. Сделан вывод о необходимости формирования эффективно действующей системы предупреждения суицида, а также выделены новые методы, направленные на совершенствование деятельности по предупреждению суицидального поведения.

Ключевые слова: криминология и суицид, психология суицидального поведения, изучение суицида, профилактика суицида, социально-психологические причины самоубийств, личность самоубийцы.

Для цитаты: Корсаков К.В. Суицид в фокусе криминологической науки [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 108–119. DOI:10.17759/psylaw.2020100308

Suicide in the Focus of Criminology

Konstantin V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

This survey article deals with the approaches to the complex psychosocial phenomenon of suicide in criminology, looks into the existing problems and obstacles in the field of suicide prevention and also reviews the progress which this interdisciplinary science has made in it so far. The author shows how suicide was studied throughout the history of criminology, points out to the generality of causes of both suicidal and criminal behavior, identifies major psychosocial factors of suicide, proposes his own definition of suicide. The psychological-criminological description of suicide types is given for the domains where this phenomenon is most frequent along with preventive measures for each domain. The psychosocial characteristic is presented for suicidal personality and also similar traits are found between suicidal and criminal personality. The author describes the psychological stigmatization syndrome of a potential suicide's personality, analyzes the scientific concepts explaining the causes of suicide, concludes that there is a need to establish an effective system of suicide prevention and also singles out the new methods aimed at improving the practices for prevention of suicidal behavior.

Keywords: criminology, suicide, suicidal behavior, study of suicide, suicide prevention, psychosocial causes of suicide, suicide's personality.

For citation: Korsakov K.V. Suicide in the Focus of Criminology. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 108–119. DOI:10.17759/psylaw.2020100308 (In Russ.).

Интерес криминологии к социально-психологическому феномену суицида возник почти с момента формирования первой в конце XIX в. Уже тогда Э. Дюркгейм в работе «Самоубийство» рассматривал суицид в одном ряду с преступностью, обратив внимание на схожесть их природы, общность причин и их существование на протяжении всей истории человеческой цивилизации [29]. В этой работе им была описана зависимость ежегодного числа самоубийств от внешних факторов (экономических, психологических, географических, политических, духовных), подтвержденная впоследствии его последователем Р. Мертоном. В рамках теории аномии Э. Дюркгейма были сделаны выводы о том, что суицид — равно как и гомицид — часто является следствием неспособности людей приспособиться и адаптироваться к резким изменениям общественной жизни, к социальным сдвигам и катаклизмам, переломным и кризисным ситуациям, а ведущей чертой личности суицидента

является разрушение идентичности (*identité*). Произошедшие в России в начале 90-х гг. XX в. общественно-политические потрясения, приведшие к крушению прежних нравственных и духовных идеалов, к состоянию аномии, общественной дезорганизации и всплеску преступности и увеличившие число суицидов, подтвердили идеи Э. Дюркгейма: психологический кризис, личностная дезадаптация, потеря жизненных смыслов, целей и ориентиров, дезорганизация личности в новой и чуждой социально-экономической реальности, имморализм и бездуховность — все это порождало психологические страдания и нравственные переживания, приводило людей к преступлениям, алкоголизму, наркомании и суициду.

Российские криминологи также часто обращались к теме суицида. Например, когда в 1892 г. Судебные власти безосновательно обвинили удмуртских крестьян из села Старый Мултан в религиозном мракобесии, изуверстве и ритуальном убийстве, этот резонансный уголовный процесс был незамедлительно опротестован передовой общественностью. В «Мултанское (Удмуртское) дело» вмешался правовед А.Ф. Кони, который обратил внимание на то, что хотя все несправедливо обвиненные крестьяне-вотьяки были оправданы, однако перед этим большинство из них удавилось и ушло из жизни, не выдержав давления и издевательств. При этом он указал на то, что среди чувашей, марийцев и удмуртов существует древний обычай — «сухая беда» (по-чувашски «типшар»): самоубийство, вызванное стечением тяжелых жизненных обстоятельств либо нанесением большой обиды, и сделал вывод, что такие особые этнопсихологические черты и свойства этих финно-угорских этносов — автохтонов поволжских земель, как повышенная психологическая чувствительность и эмоциональная ранимость, требуют от российского государства самого внимательного и бережного к ним отношения [15].

Причины суицидов А.Ф. Кони связывал с негативными социально-психологическими явлениями, которые названы им в очерке «Самоубийство в законе и жизни». К проблеме суицида обращался и советский криминолог В.Н. Кудрявцев. Так, он, рассматривая явление суицида с позиций классовой теории и утверждая, что в нем немало как «психологического, так и социального», приводил в пример строки из песни о нелегкой рыбацкой доле в буржуазных странах, которая звучит в кинофильме «Человек-амфибия»: «Лучше лежать во мгле, в синей прохладной мгле, чем мучиться на суровой, жестокой, проклятой земле. Будет шуметь вода, будут лететь года и в белых туманах скроются черные города...» [19].

На рубеже XX и XXI вв. исследования суицидального поведения в России усилились; во многом это было связано с появлением возможности работать с общемировыми статистическими данными о суициде и сравнивать его параметры, включая территориальную распространенность. В 2003 г. в Москве Всемирная организация здравоохранения ООН представила доклад под заголовком «Насилие и его влияние на здоровье», согласно которому Россия на тот момент занимала второе место в мире по числу самоубийств на душу населения после Литвы (более 55000 актов в год), а в 2006 г. был обнародован доклад Шведского национального центра по исследованию и профилактике самоубийств при Каролинском университете (NASP)¹, согласно которому по числу самоубийств в возрасте от 15 до 19 лет Россия заняла 1 место в мире (около 2500 актов в год) [3; 4]. На этот период приходится и первые глубокие исследования эвтаназии, называемой рядом российских

---

¹ Следует отметить, что Швеция была первой западноевропейской страной, в которой начали непрерывно собирать достоверную статистику самоубийств, что выделяло и отличало ее от других, более клерикальных стран Западной Европы, где суицидальную тематику было принято скрывать и не обсуждать публично.

авторов (О.С. Ивченко, С.С. Яценко и др.) частным случаем суицида, при котором индивид, желающий уйти из жизни, вынужден искать помощи у врачей для реализации своего замысла [23].

В последние годы суицид начал пристально изучаться российскими учеными, что связано с интенсивностью проявления этого явления, особенно среди молодых людей: в частности, согласно данным, приводимым Д.А. Корецким и Е.С. Стешич, «... если в 2015 г. самоубийство совершили 685 подростков, а покушались на свою жизнь 505, то в 2016 г. свели счеты с жизнью 720 детей. За 3 месяца 2018 г. в Ростовской области было совершено 6 суицидов и 12 попыток. За такое же время в 2017 г. их было меньше — 4 и 10» (мировая статистика, обобщаемая Всемирной организацией здравоохранения ООН, также говорит о том, что явление суицида не проявляет тенденций к снижению: ежегодно в мире происходит около 800000 самоубийств и более 20 млн суицидальных попыток) [16]. По информации Росстата, в 2018 г. в России в результате суицида погибло 18206 человек — 15079 мужчин и 3127 женщин (число смертей от суицида среди мужчин почти в 6 раз больше, чем среди женщин).

Другими факторами, актуализирующими эту проблематику, являются «сигнальное» свойство (алармистская функция) суицида, на которое обратил внимание еще Э. Дюркгейм: уровень суицида в обществе служит «лакмусовой бумагой», индикатором и барометром социально-психологического благополучия, а также признание психологами и криминологами того, что суицид относится к числу девиантных и наиболее социально вредных, «фоновых» явлений, которые оказывают влияние на преступное поведение и тесно связаны с последним.

Распространенность суицида и его связь с преступностью позволяют характеризовать его как массовое общественно опасное явление, требующее решительных мер реагирования, нацеленных на доведение его до социально приемлемого уровня. Помимо отнятия жизни, имеющей, как известно, абсолютную ценность (как лаконично сказал о ней Н. Островский: «Самое дорогое у человека — это жизнь»), суицид обесценивает ее, подает пагубный, дурной пример, деморализует и отрицательно действует на массовую психологию. Суицид влечет не только сонм негативных — упадочнических (декадентских), депрессивных, унылых и «капитулянтских» — настроений, эмоций, чувств и мыслей, но и, подобно терроризму, порождает и усиливает в обществе страхи, фобии, тревожность, неуверенность в безопасности, а у отдельных людей — сомнения в смысле своего дальнейшего существования.

Указывая на то, что сегодня «имеется потребность в дальнейшей разработке эффективных мер профилактики суицидального поведения», А.Е. Шалагин и А.Д. Идиятуллов определяют последнее как «... аутоагрессивные поступки индивида, сознательно и преднамеренно направленные на лишение себя жизни по причине появления неблагоприятных или трудных жизненных обстоятельств» [31]. На наш взгляд, правильнее определять суицид как одну из общественно опасных форм девиантного поведения, выражающуюся в сознательном отказе человека от жизни и связанную с действиями, направленными на ее прекращение, так как причинами суицида могут быть не только неблагоприятные и трудные жизненные обстоятельства (примером может служить суицид по религиозным мотивам: в частности, в джайнизме самоубийство (саллекхана) путем отказа от пищи считается одним из 8 послушаний, а в 1997 г. в США 39 членов религиозной секты «Heaven's gate» употребили фенотарбитал, одели на головы полиэтиленовые пакеты и скончались).

В криминологии хорошо известно, что для снижения преступности нужно нейтрализовать

ее причины и условия: их устранение или уменьшение степени воздействия ведет к спаду криминальной активности. Такой подход распространяется и на явление суицида, которое, как и многогранный феномен преступности, опосредуется как большой группой общих причин, заложенных в социуме, так и с эмоционально-психологическими, волевыми и иными особенностями личности людей, решившихся на суицид (например тех, что привели к суициду Мартина Идена — героя романа Д. Лондона — и формируют «синдром Мартина Идена», предполагающий разочарование, хандру, тоску, сильное нервное истощение и депрессивные переживания после достижения заветной цели).

Среди причин суицидального поведения в криминологии в первую очередь выделяют социальные (поляризация (резкое расслоение) людей по уровню достатка и качеству жизни, пауперизация, люмпенизация и маргинализация населения, порождающие социальные конфликты неравенство в доступе к социальным благам и сословный антагонизм, необеспеченность государством основных потребностей населения (в жилье, в досуге, в творческой деятельности и пр.), социальная инертность и социальная фрустрация, кризис в брачно-семейной сфере (резкий рост разводов и распадов семей, увеличение числа неполных семей и т. д.), пьянство, алкоголизм, наркомания и иные проявления аддиктивного поведения, ксенофобия, национализм, религиозные и расовые предрассудки) и морально-психологические (затяжной духовный кризис, утрата прежних идеалов и ценностей, идеологический вакуум, равнодушие², психологическая несовместимость, упадок системы образования и воспитания детей, невежество, хамство, грубость и низкий уровень грамотности, распространение принципов индивидуализма, эгоцентризма, эскейпизма и невмешательства, синдромы отчуждения и деперсонализации личности, самопротивопоставление людей их социальному окружению и отвержение ими базовых правил поведения, увеличение числа людей с неменяемостью, акцентуациями и отклонениями в психике, общее ухудшение физического здоровья, распространение соматических заболеваний, массовые неврозы).

Среди причин суицида можно выделить группу, тесно связанную с особенностями тех областей жизнедеятельности, в которых наиболее часто проявляет себя это явление. В частности, можно выделить специфические причины самоубийств в подростковой среде, суицида в местах изоляции от общества, суицида в воинской среде и в правоохранительных органах и т. д. Широкое распространение самоубийств в этих сферах привело к выделению отраслей суицидологии — пенитенциарной суицидологии, ювенальной суицидологии и военной суицидологии [2; 11; 30].

Так как Вооруженные силы в России всегда играли заметную роль в общественно-политической жизни, а на армии отражаются, гипертрофируясь и преломляясь в условиях воинской реальности, все социальные проблемы, распространенность суицида среди военнослужащих и сотрудников силовых структур давно обратила на себя внимание ученых. Так, К.В. Харабет выделил следующие причины распространенности суицида в армейской среде: «... трудности военно-служебной адаптации вследствие слабой допризывной подготовки, невысокий психологический настрой и мотивация военнослужащих, обусловленные упущениями в их воспитании, сложившейся бытовой ситуацией в семье, глумления и издевательства со стороны сослуживцев; тяжелый нравственный климат в

---

² Как писал в своем незаконченном романе «Заговор равнодушных» польский писатель В.Я. Ясенский: «Бойся равнодушных — они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство».

отдельных воинских коллективах; повышенные физические и психические нагрузки, связанные с неукомплектованностью личным составом воинских подразделений» [26].

К ним можно добавить: наличие в армии явления «дедовщины» (неуставных отношений); сохраняющаяся распространенность пьянства (на почве употребления спиртных напитков в современной армии совершается около 1/4 от общего числа самоубийств [14]); тяготы, лишения и ограничения, связанные с прохождением службы; жилищную и бытовую неустроенность; постоянную ротацию кадров, влекущую частые переезды военнослужащих вместе с семьями с одного места службы в другое; конфликты и неурядицы в семье; коррупционные проявления; служебную халатность и грубые нарушения прав военнослужащих со стороны военного руководства.

Совпадающие и во многом схожие с приведенными выше причины толкают на суицид сотрудников правоохранительных органов: хронический стресс и постоянное психологическое напряжение; ненормированное рабочее время; приобретенные в период службы заболевания и инвалидность; алкоголизм и употребление наркотиков; доступ к огнестрельному оружию; тяжелые условия службы и упущения в воспитательно-психологической работе с личным составом. Наибольший процент самоубийц в этих структурах приходится на органы внутренних дел, особенно на такие их подразделения, как ППС, ДПС и уголовный розыск, причем добровольно уходят из жизни в основном молодые сотрудники, прослужившие в полиции не более пяти лет [13].

Сложности в профилактике суицида, в выявлении его причин и условий, характерные для армейской действительности, присущи и местам изоляции от общества — исправительным и воспитательным колониям, СИЗО, тюрьмам и ИВС. Эти трудности усиливаются факторами эмоционально-психологического плана, связанными с самим фактом нахождения в изоляции от социума в составе однополного коллектива людей, которые подвержены криминальной субкультуре, и описанными в трудах представителей криминальной психологии — А.Д. Глоточкина и В.Ф. Пирожкова [5—10].

Ввиду усиления мер контроля, а также неуклонного уменьшения численности тюремного контингента, число самоубийств в местах лишения свободы снизилось. Если в 2007 г., согласно данным О.Р. Цоя, в местах лишения свободы было совершено 436 актов суицида [21], а в 2013 г. их насчитывалось 461, то в 2017 г., по информации Росстата, было зафиксировано 314 случаев самоубийства и всего 278 случаев — в 2018 г. (в 2018 г. из 479 попыток суицида 201 закончились неудачно и люди были спасены). Эта положительная динамика связана с усилением наблюдения со стороны персонала, своевременной постановкой на профилактический учет лиц, склонных к суициду, активной работой психологов, фасилитаторов и капелланов — священнослужителей, представляющих мировые религии (сегодня в учреждениях ФСИН успешно функционируют 228 православных храмов, 42 мечети, 8 буддийских храмов и 4 костела католической церкви) [17; 18].

В ходе психологических исследований было выявлено, что наиболее восприимчивыми и подверженными явлению суицида и схожим с ним негативным социальным явлениям выступают лица подросткового возраста. Причинами тому являются не только свойственные для этого периода жизни и переходного возраста личностная «незрелость», юношеские максимализм, нонконформизм, демонстративность и импульсивность в поведении, повышенная сенситивность, эмоциональная нестабильность и изменчивость настроения под влиянием внешних факторов (часто — с погружением во внутренний мир собственных переживаний), недостаточная лабильность нервной системы, «суженность» сознания и другие психологические факторы, но и социальные причины — социальные кризисы и

конфликты, безработица, бедность, отсутствие жилья и иные тяжелые жизненные условия, депривация, одиночество, общественная изоляция и высокая социальная напряженность, порождающие аффективные реакции на них в первую очередь со стороны более остро, болезненно и интенсивно их переживающих — подростков и молодежи [20; 22; 24].

Признаками нахождения подростка в таких кризисных ситуациях являются раздражительность и негативизм, тревожность, нерешительность, безысходность, чувство вины, утрата смысла жизни, перепады настроения, снижение волевых побуждений вплоть до абулии, замкнутость в общении, избирательная общительность, заикливание на конфликте, фрустрационная напряженность, порождающие агрессию, которая направляется вовне (на окружающих) или внутрь себя (аутоагрессия), выражаясь в саморазрушении, членовредительстве и суициде [27].

Многие ученые связывают рост ювенального суицида в России с деятельностью «групп (клубов) смерти» — сообществ в Интернете, участники которых получают от анонимных лиц особые задания и проходят своего рода квесты, итогом которых является самоубийство — «самовыпиливание» на языке членов некоторых сообществ (среди них: «Синий кит», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20», «Красная сова», «Море китов», «Млечный путь», «NaN», «F57», группы Филиппа «Лиса» Будейкина и мн. др.).

Несовершеннолетние, состоящие в таких сообществах, которых сегодня в социальных сетях по всему миру насчитывается несколько тысяч [28], активно делятся своими познаниями в суицидальных практиках, обсуждают формы ухода из жизни (в частности, где и как получить сильнодействующие лекарственные средства, ядовитые и отравляющие вещества, с помощью которых можно совершить суицид), ведут поиск людей, интересующихся этой темой, и общаются с ними. Такие сообщества и сетевые клубы для ряда подростков, испытывающих проблемы в социальном общении, адаптации и самоактуализации, замкнутых, эмоционально неуравновешенных, обладающих инфантильным расстройством личности и психопатиями, выступают единственным способом общения со сверстниками и другими людьми, с которыми их объединяют общие проблемы.

Сегодня такие сообщества, площадки, чаты и сайты отслеживаются правоохранительными органами и закрываются; в образовательных учреждениях и досуговых заведениях для детей и подростков педагогами и психологами повсеместно проводятся идейно-просветительские и разъяснительные мероприятия по профилактике склонения к совершению суицида посредством интернет-ресурсов. Однако коренным образом эту проблему решить не удастся: закрытие одних ресурсов влечет появление и тиражирование новых, широкий общественный резонанс и освещение темы о «группах смерти» в СМИ на психологическом уровне вызывают любопытство, ажиотаж и интерес к ним со стороны молодых пользователей Интернета, включая тех, которые ранее о них не знали и никогда ими не интересовались; а возможность анонимности и конфиденциальности при общении путем современных интернет-технологий часто не позволяет установить и наказать виновных в склонении к суициду.

Криминология уделяет большое внимание личности преступника и жертвы преступления, анализируя их структуры и параметры, она не обходит вниманием социально-психологические особенности личности суицидентов. Согласно исследованиям, суицид в России наиболее распространен среди мужчин в возрасте от 30 до 45 лет, не состоящих в официальном или гражданском браке и не имеющих высшего образования. Немалая часть из них имеют психические отклонения, не исключаящие вменяемость, страдают наркоманией,

пьянством и алкоголизмом, которые выступают катализаторами не только криминального, но и суицидального поведения, и подвержены депрессиям и аффективным состояниям. Уровень дохода у этих людей в основном низкий, как правило, они относятся к низшим слоям общества, которые психологически являются более чувствительными к социально-экономическим потрясениям [1; 25].

Большая часть из покончивших жизнь самоубийством ранее никогда не совершали покушений на суицид и не выражали намерений уйти из жизни, однако многие из них испытывали тягостные и гнетущие чувства от непонимания со стороны окружающих, изолированности и внутреннего одиночества, имели низкую самооценку, которая мешала им быть критичными, уверенными в себе и самостоятельно находить выходы из трудных жизненных ситуаций [12].

Личность тех, кто предпринимал попытки суицида, не приведшие к смерти, нередко подвергается синдрому «стигматизации» — навешиванию окружением неприглядных ярлыков, хотя еще Э. Дюркгейм настаивал на том, что самоубийцы, как и покушавшиеся на суицид, не должны преследоваться, осуждаться или презираться обществом. В результате эффекта стигматизации эти люди отчуждаются от общества, теряют прежние социальные связи, превращаются в изгоев, что только усиливает вероятность повторения попыток суицида.

Негативное и настороженно-подозрительное отношение со стороны окружающих формирует у этих людей негативное представление о самом себе (*negative self-image*), которое описано в психологической концепции «зеркального Я» (ее суть выражена в тезисе: «Я — это то, что думают обо мне другие»). В итоге такие личности начинают поступать в соответствии с той ролью (ярлыком, имиджем) («самоубийцы», «аутсайдера», «неудачника», «неполноценного», «неадекватного», «пропащего», «больного», «лишнего» человека), которую им определило их окружение, провоцирующее и подталкивающее их тем самым на повторение покушений на суицид.

Интересны мысли Р. Гарофало, изложенные в его работе «Критерии опасного состояния», в которой он доказывает, что многие преступления совершаются ввиду формирования у человека особого психологического состояния, предрасполагающего к конфликту с социальными нормативами — «опасного состояния личности». Это состояние сопровождается внутренним кризисом личности, сменяемый эмоциональным безразличием и апатией, при которых индивиду, находящемуся нем, часто бывает все равно: покончить жизнь самоубийством или убить кого-либо другого (такую ситуацию в криминальной психологии именуют бифуркационной или флуктуационной).

Резюмируя наш обзор, можно сделать вывод, что суицид, помимо научного анализа, направленного на поиск и выявление его причин, которые лежат в плоскости социального и психологического начал, единство которых составляет личность человека, нуждается в предупреждении посредством формирования эффективно действующей целостной и комплексной системы. Таковой, несмотря на существенные ежегодные социально-экономические потери, морально-психологический вред и демографический урон, наносимые явлением суицида, в России сегодня не создано. В нашей стране не имеется даже единого, общефедерального сервиса «телефона доверия», куда бы могли круглосуточно обращаться люди с суицидальными мыслями (в ряде регионов действуют лишь местные психологические службы, которые оказывают по телефону психологическую помощь). Также в России наблюдается нехватка специализированных служб по профилактике суицида в муниципалитетах, особенно в сельской местности, где эта проблема стоит особенно остро.

Существенная роль в профилактике суицида должна отводиться СМИ, включая интернет-ресурсы; помимо обеспечения контроля за ними с целью исключения либо минимизации влияния негативного контента на психологию и сознание российских граждан, следует нацелить их на решение задач по повышению информированности населения о возможностях системы предупреждения суицида и привлечению внимания общества к вопросу суицидальной смертности в целом.

Литература

1. Антипина И.В. Суицид // Роль правоохранительных органов в современном обществе: проблемы научно-практического обеспечения: материалы Всероссийской научно-практической конференции 7—8 апреля 2005 г. Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского института МВД России, 2005. С. 297—299.
2. Борисов Л. Суицид в уголовно-исполнительной системе: проблема или миф? // Преступление и наказание. 2007. № 10. С. 10—11.
3. Васин С.А. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах // Демографическое обозрение. 2015. № 1. С. 89—124.
4. Васин С.А., Крнев А.В. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями // Смертность от внешних причин в России с середины XX века / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2017. С. 328—385.
5. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Воля и ее воспитание у заключенных. М.: Изд-во Высшей школы МВД СССР, 1969. 48 с.
6. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Исправительно-трудовая психология: Учебник. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1974. 426 с.
7. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Психологические основы режима. М.: Изд-во Высшей школы МООП СССР, 1968. 24 с.
8. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Психические состояния человека, лишенного свободы. М.: Изд-во Высшей школы МООП СССР, 1968. 44 с.
9. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Психология коллектива заключенных. М.: Изд-во Высшей школы МООП СССР, 1968. 36 с.
10. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Эмоции и чувства человека, лишенного свободы. М.: Изд-во Высшей школы МВД СССР, 1970. 47 с.
11. Дюндик Ю.Н. Правовые и педагогические аспекты военной суицидологии // Право и образование. 2005. № 1. С. 105—121.
12. Ермолаева Е.Г. Суицид и преступность в ряду социальных девиаций в России // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 2. С. 129—131.
13. Ефремов В.С. Основы суицидологии. СПб.: Диалект, 2004. 480 с.
14. Казберов П.Н. Проявления суицидов среди личного состава // Преступление и наказание. 2013. № 8. С. 6—7.
15. Кони А.Ф. Очерки и воспоминания. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. 892 с.
16. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Самоубийства как элемент изучения гомицидальной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 207—214.
17. Корсаков К.В. Криминологическое моделирование и язык криминологической науки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 5. С. 156—157.

18. Корсаков К.В. Религиозный подход к преступлению и наказанию: от принципа талиона и кровной мести к доктрине покаяния // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. № 3. С. 147—159.
19. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
20. Куминская Е.А. Феномен аутсайдерства в подростковых коллективах // Психологическая наука и образование. 2017. № 2. С. 84—95.
21. Матвеева И.А. Профилактика суицидов осужденных, подозреваемых, обвиняемых // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2007. № 6. С. 16—25.
22. Радина Н.К. Город как фабрика страха и риска: детский взгляд на городское пространство // Социальная психология и общество. 2017. № 2. С. 131—145.
23. Романовский Г.Б. Право на жизнь и право на самоубийство // Медицинское право. 2003. № 1. С. 38—42.
24. Сафуанов Ф.С., Сочивко О.И. Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов // Психология и право. 2019. № 4. С. 211—224.
25. Сотникова Ю.А. Специфика лиц, совершающих суицидальные попытки // Социальная и клиническая психиатрия. 2005. № 6. С. 11—18.
26. Харабет К.В. Суицидальное поведение как форма девиантного поведения военнослужащих // Право в вооруженных силах. 2003. № 2. С. 13—14.
27. Цой О.Р. Самоубийства в местах лишения свободы: криминологические проблемы. М.: Норма, 2007. 208 с.
28. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Взаимосвязь суицидального и преступного поведения // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 159—161.
29. Durkheim E. Le Suicide. Paris: Les Presses Universitaires de France, 1967. 462 p.
30. Fristad M., Shaver A. Psychosocial interventions for suicidal children and adolescents // Depression and Anxiety. 2001. № 14. P. 192—197.
31. Sher L., Vilens A. Internet and suicide. New York: Nova Science, 2009. 452 p.

References

1. Antipina I.V. Suicid [Suicide] Rol' pravoohranitel'nyh organov v sovremennom obshchestve: problemy nauchno-prakticheskogo obespecheniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 7-8 aprelya 2005 g. [Role of law enforcement agencies in modern society: problems of scientific and practical support: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference 7-8 April 2005]. Ulan-Ude: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2005, pp. 297-299.
2. Borisov L. Suicid v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme: problema ili mif? [Suicide in the penal system: a problem or a myth?]. *Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]*. 2007, no. 10, pp. 10-11. (In Russ.).
3. Vasin S.A. Smertnost' ot povrezhdenij s neopredelennymi namereniyami v Rossii i v drugih stranah [Mortality from injuries with uncertain intentions in Russia and in other countries]. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 2015, no. 1, pp. 89-124. (In Russ.).
4. Vasin S.A., Krenev A.V. Smertnost' ot povrezhdenij s neopredelennymi namereniyami [Mortality from injuries with uncertain intentions], In Vishbevsky A.G. (ed.), *Smertnost' ot vneshnih prichin v Rossii s serediny XX veka [Mortality from external causes in Russia since the middle of the XX century]*. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2017, pp. 328-385.

5. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Volya i ee vospitanie u zaklyuchennyh [Will and The Education of the Prisoners]. Moscow: Higher school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1969. 48 p.
6. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Ispravitel'no-trudovaya psihologiya: Uchebnik [Corrective Labour Psychology]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1974. 426 p.
7. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Psihologicheskie osnovy rezhima [Psychological Foundations of the Regime]. Moscow: Higher school of MOO USSR Publ., 1968. 24 p.
8. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Psihicheskie sostoyaniya cheloveka, lishennogo svobody [Mental State of a Person Deprived of Liberty]. Moscow: Higher school of MOO USSR Publ., 1968. 44 p.
9. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Psihologiya kollektiva zaklyuchennyh [Psychology of the Collective Prisoners]. Moscow: Higher school of MOO USSR Publ., 1968. 36 p.
10. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Emocii i chuvstva cheloveka, lishennogo svobody [Emotions and Feelings of a Person Deprived of Liberty]. Moscow: Higher school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1970. 47 p.
11. Dyundik Y.N. Pravovye i pedagogicheskie aspekty voennoj suicidologii [Legal and pedagogical aspects of military suicidology], *Pravo i obrazovanie* [Law and Education]. 2005, no. 1, pp. 105-121. (In Russ.).
12. Ermolaeva E.G. Suicid i prestupnost' v ryadu socialnyh deviacij v Rossii [Suicide and crime in a number of social deviations in Russia]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava* [Bulletin of the Saratov State Academy of Law], 2007, no. 2, pp. 129-131. (In Russ.).
13. Efremov V.S. Osnovy suicidologii [Basics of Suicidology]. Saint-Petersburg: Dialekt, 2004. 480 p.
14. Kazberov P.N. Proyavleniya suicidov sredi lichnogo sostava [Manifestations of suicide among the personnel]. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment], 2013, no. 8, pp. 6-7. (In Russ.).
15. Kony A.F. Ocherki i vospominaniya [Essays and Memoirs]. Saint-Petersburg: Typ. A.S. Suvorina, 1908. 892 p.
16. Koretsky D.A., Steshich E.S. Samoubijstva kak element izucheniya gomicidalnoj prestupnosti [Suicide as an element of the study of homicidal crime]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2019, no. 2, pp. 207-214. (In Russ.; abstr. in Engl.).
17. Korsakov K.V. Kriminologicheskoe modelirovanie i yazyk kriminologicheskoy nauki [Criminological modeling and the language of criminological science]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Right], 2006, no. 5, pp. 156-157. (In Russ.).
18. Korsakov K.V. Religioznyj podhod k prestupleniyu i nakazaniyu: ot principa taliona i krovnoj mesti k doktrine pokayaniya [Religious approach to crime and punishment: from the principle of talion and blood feud to the doctrine of repentance]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 3, pp. 147-159. (In Russ.; abstr. in Engl.).
19. Kudryavtsev V.N. Pravovoe povedenie: norma i patologiya [Legal Behavior: Norm and Pathology]. Moscow: Nauka, 1982. 287 p.
20. Kuminskaya E.A. Fenomen autsajderstva v podrostkovykh kolektivah [The phenomenon of outsiderism in adolescent groups]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2017, no. 2, pp. 84—95.

21. Matveeva I.A. Profilaktika suicidov osuzhdennyh, podozrevaemyh, obvinyaemyh [Prevention of suicides of convicts, suspects, accused]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitelnoj sistemy* [Bulletin of the Criminal Executive System], 2007, no. 6, pp. 16-25. (In Russ.).
22. Radina N.K. Gorod kak fabrika straha i riska: detskij vzglyad na gorodskoe prostranstvo [The city as a factory of fear and risk: a child's view of urban space]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017, no. 2, pp. 131—145.
23. Romanovsky G.B. Pravo na zhizn i pravo na samoubijstvo [The right to life and the right to suicide]. *Medicinskoe pravo* [Medical Law], 2003, no. 1, pp. 38-42. (In Russ.).
24. Safuanov F.S., Sochivko O.I. Psihologicheskaya ocenka suicidal'nogo riska: sootnoshenie pro- i antisuicidalnyh lichnostnyh faktorov [Psychological assessment of suicidal risk: the ratio of pro- and anti-suicidal personal factors]. *Psihologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019, no. 4, pp. 211—224.
25. Sotnikova Y.A. Specifika lic, sovershayushchih suicidal'nye popytki [Specificity of the perpetrators of suicide attempts]. *Social'naya i klinicheskaya psihiatriya* [Social and Clinical Psychiatry], 2005, no. 6, pp. 11-18. (In Russ.).
26. Harabet K.V. Suicidal'noe povedenie kak forma deviantnogo povedeniya voennosluzhashchih [Suicidal behavior as a form of deviant behavior of military personnel]. *Pravo v vooruzhennyh silah* [Law in the Armed Forces], 2003, no. 2, pp. 13-14. (In Russ.).
27. Tsoj O.R. Samoubijstva v mestah lisheniya svobody: kriminologicheskie problemy [Suicide in prison: criminological problems]. Moscow: Norma, 2007. 208 p.
28. Shalagin A.E., Idiyatullof A.D. Vzaimosvyaz' suicidal'nogo i prestupnogo povedeniya [Relationship between suicidal and criminal behavior]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Journal of Economics, Law and Sociology], 2018, no. 1, pp. 159-161. (In Russ.).
29. Durkheim E. *Le Suicide*. Paris: Les Presses Universitaires de France, 1967. 462 p.
30. Fristad M., Shaver A. Psychosocial interventions for suicidal children and adolescents. *Depression and Anxiety*, 2001, no. 14, pp. 192—197.
31. Sher L., Vilens A. *Internet and Suicide*. New York: Nova Science, 2009. 452 p.

Информация об авторах

Корсаков Константин Викторович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

Information about the authors

Konstantin V. Korsakov, PhD in Law, Associate Professor, Senior Research Associate, Law Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

Получена 13.04.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 13.04.2020
Accepted 07.09.2020

Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I)

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
(ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Тихонова А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>

Терроризм, будучи достаточно давним явлением, угроза, существующая не менее двух тысячелетий, по-прежнему является чрезвычайной проблемой в жизни общества. Понимание того, как человек приходит к совершению террористических актов требует рассмотрения процесса радикализации, в чем и заключается цель нашего теоретико-аналитического исследования; при этом основное внимание направлено на работы зарубежных авторов. Безопасность и противодействие терроризму — являют собой одно из приоритетных направлений развития науки в России. Это направление имеет различные грани анализа. С психологической точки зрения, разработка мер воздействия должна базироваться на знании о том, как человек примыкает к группам и организациям террористического толка, каковы психологические механизмы радикализации, а также пониманию закономерностей дерадикализации. Представленный нами аналитический обзор в рамках социально-психологического знания позволил преодолеть своего рода пробел, существующий в литературе, а именно: познакомить отечественного читателя с перспективной объяснительной моделью процесса радикализации — теорией неопределенности—идентичности (предложенной М. Хоггом), которая описывает психологический механизм, объясняющий то, почему и как люди присоединяются к группам с экстремистскими и радикальными убеждениями, а также почему они отдают предпочтение актам насилия, действуя от имени этих групп.

Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д.
Радикализация: социально-психологический взгляд
(Часть I)
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 120—142.

Bovina I.B., Bovin B.G., Tikhonova A.D.
Radicalisation: A Social Psychological Perspective
(Part I).
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 120—142.

Ключевые слова: радикализация, терроризм, неопределенность, коммуникативные стратегии, социальная идентичность, групповые нормы, «визуальная культура».

Финансирование. Бовина И.Б. выполняла теоретико-аналитическое исследование проблемы радикализации при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Экспансия (Конкурс на соискание финансовой поддержки для подготовки и опубликования научных обзорных статей)» № 19-113-50280.

Для цитаты: Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 120—142. DOI:10.17759/psylaw.2020100309

Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part I)

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Anastasiya D. Tikhonova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>

Terrorism, being a long-standing phenomenon and a threat that has existed for at least two millennia, is still an extreme problem in the life of society. Understanding how a person comes to commit terrorist acts requires consideration of the process of radicalisation. The aim of our literature review is to analyse the process of radicalisation. Security and counter-terrorism are one of the priority areas of scientific development in Russia. This direction has different facets of analysis. From a psychological point of view, the development of measures of influence should be based on knowledge of how a person joins groups and organizations of a terrorist nature, what are the psychological mechanisms of radicalization, as well as an understanding of the laws of deradicalization. Our analytical review within the framework of social psychological knowledge has allowed us to overcome a kind of gap existing in the literature, namely, to acquaint the Russian readers with a promising explanatory model of the process of radicalisation - the uncertainty — identity theory, proposed by Hogg. This model explains why and how people join groups with extremist and radical beliefs, as well as why they prefer acts of violence, acting on behalf of these groups.

Keywords: radicalisation, terrorism, uncertainty, communication strategies, social identity, group norms, "visual culture".

Funding: Bovina I. B. performed theoretical and analytical research on the problem of radicalization with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of the scientific project "Expansion (Competition for financial support for the preparation and publication of scientific review articles)" - № 19-113-50280.

For citation: Bovina I.B., Bovin B.G., Tikhonova A.D. Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part I). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 120—142. DOI:10.17759/psylaw. 2020100309 (In Russ.).

Введение

Терроризм не является новым феноменом, присущим только XX веку, он существует достаточно давно и насчитывает не менее двух тысячелетий [44], однако по-прежнему является чрезвычайной проблемой в жизни общества, представляя собой одну из самых серьезных угроз существованию человечества. Понимание того, как человек приходит к совершению террористических актов требует рассмотрения процесса радикализации, в чем и заключается цель нашего теоретико-аналитического исследования.

В литературе различают, как минимум, четыре категории терроризма: левого и правого толка, националистический и религиозный [44]. Назовем ключевые характеристики каждого из них. *Терроризм левого толка* базируется на леворадикальной идеологии, следуя которой члены организаций совершали акты неповиновения, убийства, нападения на полицию и представителей власти. В качестве примера можно назвать «Фракцию Красной Армии», образованную в ФРГ в 1968 г.; «Красные бригады»; созданные в Италии в 1970 г.; «Революционную организацию 17 ноября», созданную в Греции в 1973 г. *Терроризм правого толка*, соответственно, апеллирует к праворадикальной идеологии для оправдания и направления своих действий. Именно такой была ультраправая группировка «Секретная армейская организация», созданная в Мадриде в январе 1961 г. (после референдума о самоопределении Алжира), в состав которой входили французские военные. Терроризм явился в этом случае способом политической борьбы. Группировка действовала во время войны в Алжире, целью деятельности этой организации было сохранение целостности Франции. Объектами террористических действий были французские политики и представители освободительного движения Алжира. Суть *националистического (или сепаратистского) терроризма* сводится к борьбе за независимость. Так, среди организаций этого толка — «ЭТА», основанная в 1959 г. Хотя она является леворадикальной группировкой по своей риторике, тем не менее, эта группировка иллюстрирует националистический терроризм (если все-таки судить по ключевой идее [23]), ибо речь идет о независимости страны басков — территории, принадлежащей Испании и Франции. Террористические акты, реализуемые членами этой организации, включали как убийства полицейских, так и представителей гражданского населения. Наконец, *религиозный терроризм* апеллирует к религиозным категориям, оправдывая свою деятельность и рекрутируя новых членов в свои ряды. Призывы к священной войне или освободительной борьбе присутствуют в дискурсе организаций этого толка. К этой категории терроризма относятся различные группировки: будь то осуществляющие религиозный терроризм в

Индии или акты насилия во имя идей христианского толка [44]. Именно к этой категории относится терроризм, реализуемый исламистскими фундаменталистскими группировками. Терракты 11 сентября 2001 года, совершенные в США, явились своего рода апогеем в деятельности одной из них — Аль-Каиды; после этих событий мир, несомненно, стал иным.

Апеллируя к статистике, представленной в Глобальной базе данных по терроризму с 1970 по 2018 г., можно говорить, что за этот период было совершено 191464 терактов [28]. Динамика количества погибших в результате терактов за этот промежуток времени такова, что после пика 2014 г. к 2018 г. наблюдается спад (на 52%). Террористические акты преимущественно совершаются в ряде регионов мира, а именно: Ближний Восток, Южная Азия, Африка к югу от Сахары. На долю именно этих географических районов пришлось 93% жертв терроризма с 2002 по 2017 г. [39]; скорее, можно говорить о том, что в последнее время теракты происходят в странах, в которых ведется война [39]. В то же самое время именно этому временному отрезку принадлежат серии терактов во Франции, Германии, Бельгии, заставившие правительство европейских стран серьезно отнестись к проблеме безопасности. В 2019 г. 1004 человека были арестованы по подозрению в причастности к террористической деятельности в 19 странах Европейского союза, при этом наибольшее количество арестованных было в таких странах, как Бельгия, Франция, Испания, Италия и Великобритания [23].

Проблема терроризма в современном мире. Наряду с количественными показателями, характеризующими терроризм, анализ литературы позволяет обозначить несколько особенностей терроризма, которые объясняют, почему это явление, ставшее вездесущим [61], по-прежнему остается серьезной проблемой современного мира, требующей исследовательского внимания [54]. Во-первых, произошла трансформация терроризма из *классического* в *глобальный* [61]. Как отмечает М. Вьеверка [61], начало глобального терроризма было ознаменовано двумя террористическими атаками, произошедшими 23 октября 1983 г. в Бейруте. Действия террористов-смертников были направлены против американских и французских миротворцев: грузовики, начиненные взрывчаткой, врезались в казармы один за другим в районе шести часов утра и унесли жизни 248 американских и 58 французских военных [61]. Именно с этого момента терроризм перестал быть явлением, ограниченным рамками какого-либо национального государства, масштаб этой деятельности стал глобальным, безграничным [2;61].

Во-вторых, террористические организации пользуются теперь всеми достижениями технологического прогресса современного мира, встраиваются в глобализированную систему, сливаются с ней [2], другими словами, применяют достижения цивилизации для борьбы с ней же самой. С помощью сети Интернет группировкам удастся сделать то, что едва ли было доступным до появления этого средства, а именно: устанавливать, поддерживать и развивать контакты со все большим и большим количеством людей в разных точках мира, рекрутировать новых членов террористической организации, управлять деятельностью боевика [11; 18]. Важно отметить, что модернизировалась и сама форма воздействия. Ф. Хосрохавар подчеркивает [11], что ИГ, по сравнению с Аль-Каидой, значительно преобразовало стратегию пропаганды. Теперь самым активным образом стали использоваться популярные темы из западных сериалов, рекламы, видеоигр, музыки. Все это

приобретает новый смысл: в легко всплывающие в памяти музыкальные или визуальные ряды встраиваются идеи терроризма. Более того, в актуальном информационном мире, где «власть текстов» сменилась «властью изображений» [41], экстремистская пропаганда выстраивает стратегию коммуникации в соответствии с этими изменениями, принимает во внимание специфику «визуальной культуры» [52]. На изобилие изображений в экстремистской пропаганде уже обращали внимание исследователи [18]. Факт доминирования изображений может объясняться еще и тем, что таким образом преодолеваются языковые барьеры, ведь тогда открывается возможность беспрепятственного обращения к значительной аудитории во всем мире. Отсюда можно ожидать, что визуальные аспекты экстремистской пропаганды не зависят от контекста, специфичного для той или иной культуры. В то же самое время изображения, благодаря их аффективной заряженности, призваны усиливать идею того текста, который они сопровождают. Наконец, если используемые изображения призывают к определенным действиям тех, кому адресована пропагандистская коммуникация, то очевидно, что эти изображения способны актуализировать представления [50], конгруэнтные тому, о чем говорится в соответствующем тексте.

В-третьих, со времен террористических атак в США 11.09.2001 серьезной угрозой стала радикализация в местах лишения свободы [40; 49]. Разные стратегии содержания осужденных (изоляция тех, кто осужден за террористическую и экстремистскую деятельность, от других категорий заключенных или интеграция единичных осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность в группы осужденных по другим статьям [40]), используемые в различных странах, не дают пока успешного разрешения данной проблемы. Вполне возможно, что игнорируется психологическая составляющая процесса радикализации, а именно: механизмы, по которым происходит этот процесс в местах лишения свободы.

В-четвертых, проблема радикализация женщин. Этому вопросу едва ли уделяется достаточное внимание в литературе, ибо террористическая деятельность реализуется преимущественно мужчинами [56; 59; 60]. Апелляция к ошибочной идее о том, что женщины не способны к совершению жестоких действий (как же дающая жизнь может ее разрушить самым жестоким способом, совершив теракт [60]), ошибочная идея о роли женщины в террористических организациях как второстепенного персонажа, всего лишь жены или матери террористов — все это ведет к тому, что из фокуса внимания ускользает чрезвычайно важный факт: именно женщины воспитывают детей. Они транслируют соответствующие идеи о мироустройстве, формируют определенную картину мира. Игнорирование роли женщины оборачивается тем, что женщины используются для выполнения таких задач, где мужчины привлекают внимание: женщины в меньшей степени подвергаются контролю безопасности, чем мужчины, что позволяет смертницам беспрепятственно совершить теракт [56; 59; 60]. Женщины выполняют и еще целый ряд других ролей в террористической организации: информаторов, специалистов по разработке стратегии пропаганды, рекрутеров, руководителей, квалифицированных специалистов, переводчиков, объектов сексуальной приманки и пр. [56; 59; 60]. Информация, распространяемая в социальных сетях, воспринимается иначе, чем информация, транслируемая мужчинами. Участие женщин в террористических актах, например в Палестине, использовалось для демонстрации

безнадежности положения, вынужденной меры доведенных до крайности палестинцев [56; 59].

Терроризм как проблема исследования. Апеллируя к анализу, предпринятому М. Вьеверкой, представляется возможным говорить о том, что на исследовательском уровне проблема терроризма значительный период времени оказывалась своего рода маргинальной областью для гуманитарных и социальных наук. Будучи менее привлекательной, благородной и престижной, по сравнению с другими проблемами, она оставалась в тени. С точки зрения М. Вьеверки, это результат своего рода рассогласования между самой предметной областью и устоявшимися канонами академической жизни [61]. Анализ терроризма с 1960-х гг. предпринимался преимущественно экспертами — представителями разведывательных служб. В современной ситуации изучение проблемы терроризма, как утверждает М. Вьеверка, является частью общей эволюции социальных наук [61]. Сказанное выше, с нашей точки зрения, справедливо для ситуации, сложившейся в западных странах, где проблемы терроризма находятся в фокусе внимания политических, юридических и исторических наук, религиоведения, социологии и психологии. В отечественной науке доля психологического знания существенно отстает от того, предложенного другими дисциплинами: история, религиоведение, политические и юридические науки (об этом свидетельствуют результаты поиска по ключевому слову «терроризм» в публикациях, включенных в базу РИНЦ). При этом именно психологические закономерности (а еще точнее — социально-психологические закономерности) позволяют говорить о том, как человек приходит к совершению теракта. Сказанное выше определяет значимость предлагаемого здесь теоретико-аналитического исследования проблемы радикализации через призму социально-психологического знания.

Для западного мира до 11 сентября 2001 года, о чем свидетельствует анализ А. Силке, университетские курсы по проблемам терроризма были достаточно редким явлением. Теперь же эта проблематика повсеместно интегрирована в образовательные программы [55]. Обращает на себя внимание серьезный рост исследовательского интереса к различным аспектам проблемы терроризма, к пониманию того, как человек вовлекается в террористическую деятельность, становится на путь совершения актов крайнего насилия. Анализ работ, представленных в системе «Google Scholar», позволяет А. Силке сделать любопытный вывод о том, что после событий 11.09.2001 и вплоть до 2016 года, каждый день публиковалось порядка сотни работ (книги, журнальные статьи, тексты диссертаций), в которых присутствовали бы понятия «терроризм» или «террорист». Как можно заметить, этот процесс продолжается и в настоящее время, проблема терроризма не исчерпана для научного анализа, исследователи по-прежнему находятся в поиске объяснительных схем этой серьезной проблемы современности. Новые модели позволяют последовательно приближаться к ответам на вопросы о механизмах радикализации, без которых едва ли возможно предпринимать дерадикализацию и проводить профилактические меры, о необходимости которых говорится на самом высоком политическом уровне [7].

В социальных науках имеет место дискуссия относительно понятия «терроризм» и его определения [46]. То же самое может быть сказано и в отношении понятия «радикализация». Если остановиться на определении терроризма, согласно которому это «... действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной

или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» [25, р. 496], то требуется сделать несколько комментариев. Первый комментарий касается того, что, по словам А. Круглянского, «...понятие терроризма оказалось невосприимчивым к согласованному определению» [46, р.2]. Действительно солидный список из 109 определений, представленный в работе 1988 г. по политическому терроризму, не является полным и исчерпывающим; за прошедшие три десятка лет список можно только пополнить рядом новых объяснений. Хотя, если исходить из того, что профилактические мероприятия опираются с необходимостью на научное знание и эмпирические факты, предполагается некоторый консенсус в отношении ряда моделей, которые и могли бы лечь в основу разработки мер по дерадикализации.

Второй комментарий касается того, что террористическая деятельность реализуется группой. Это определяет и понимание самого процесса радикализации. Именно эту линию понимания радикализации мы будем рассматривать в настоящей работе.

Третий комментарий касается собственно процесса радикализации. Среди разнообразных ее определений как процесса, предшествующего вовлечению в террористическую деятельность, имеющих в литературе, обратимся к одному, предложенному К. Маккалли и С. Москаленко, согласно которому: радикализация — это «... растущая крайность убеждений, чувств и поведения в направлении, которое все больше оправдывают межгрупповое насилие и требуют жертв в защиту ингруппы» [48, р.416]. В этом определении акцент делается на групповой природе террористической деятельности и межгрупповом контексте действий. При этом обратим внимание на другую сложность, которую можно заметить в литературе. Р. Борем подчеркивает, что связь между радикальными убеждениями и террористической деятельностью не столь проста: в частности, он утверждает, что существует значительное количество людей, которые имеют радикальные убеждения, но при этом не осуществляют террористическую деятельность; и обратное тоже верно — террористы не разделяют, с необходимостью, радикальных убеждений [14; 15]. Аналогичную идею высказывает К. Маккалли в недавней работе, утверждая, что 99% людей с радикальными взглядами никогда не двинутся в сторону террористической деятельности, а также, что многие уже совершили действия, не имея при этом тех самых радикальных идей [47]. Таким образом, артикуляция когнитивного и поведенческого уровней требует определенного уточнения.

Четвертый комментарий касается психического здоровья как фактора радикализации и совершения террористического акта. Имеются все основания говорить о существовании своего рода консенсуса среди западных исследователей, согласно которому радикализация рассматривается через конструкты, объясняющие социально-эмоциональное функционирование представителей «нормальной» популяции [9; 24]. Несомненно, в литературе по-прежнему присутствуют отдельные попытки апеллировать к психическому неблагополучию как объяснительному механизму вовлечения в террористическую активность [23; 26]. Привлекательность этой трактовки очевидна, ибо она серьезно упрощает задачи исследователей. С опорой на результаты недавнего систематического анализа литературы по проблеме связи психического неблагополучия и вовлеченности в террористическую деятельность подчеркнем, что этот анализ дает в очередной раз основания для утверждения, что сами психические расстройства не являются ни единственным, ни

достаточным фактором для объяснения радикализации и вовлеченности в террористическую деятельность. Среди организованных групп террористов психическое расстройство не встречается чаще, чем среди всей популяции той же возрастной группы. Однако среди одиноких террористов распространенность расстройств выше, чем среди населения в целом. Наблюдается даже закономерность такого толка: чем в большей степени изолированы террористы, тем выше среди них представленность психического неблагополучия [58].

Радикализация: социально-психологическое объяснение. Представляется возможным концептуализировать радикализацию и терроризм в рамках одного континуума, где радикализация — это процесс, ведущий к финальной точке — терроризму [51]. Как отмечалось выше, проблемы терроризма в отечественной психологии представлены немногочисленными работами [3; 4; 5; 6; 9]; процессу радикализации уделяется еще меньше внимания, если апеллировать к базе РИНЦ. В этих текстах в фокусе преимущественного внимания авторов оказываются личностные конструкты, которые, с нашей точки зрения, едва ли объясняют то, каким образом человек примыкает к группам, занятым террористической деятельностью. Процесс дерадикализации пока оказывается вне фокуса внимания отечественных авторов. Отсюда цель нашего исследования заключается в рассмотрении проблемы радикализации через призму социально-психологического знания.

В литературе выделяются два типа объяснительных моделей процесса радикализации: континуумные и постадийные. Если в рамках первого типа моделей отдается предпочтение анализу конфигурации различных факторов, которые влияют на этот процесс, то другая — помещает в фокус внимания само содержание процесса радикализации, последовательность изменений, происходящих с субъектом. Ряд постадийных моделей уже становился объектом нашего изучения ранее [10].

С социально-психологической точки зрения, две теоретические линии позволяют выстроить объяснительную схему для ответа на вопрос о радикализации. С одной стороны, с опорой на идеи С. Аша о социальном влиянии [1; 12] и Ж.-П.Деконши [20] — об ортодоксии представляется возможным выстроить схему: индивид присоединяется к группе, однако не к любой, а только к той, где доминирует ортодоксия, существует один единственный стандарт того, что является правильным и неправильным. Группа, так сказать, «зацементирована» определенной доктриной. Присоединяясь к такой группе, человек соглашается подчиниться действию этой регулирующей инстанции, которая, по сути, диктует ему то, как думать, и то, как себя вести. Этот регулирующий орган обеспечит, чтобы любые иные мысли или иное поведение, чем то, что задается группой, были бы обнаружены и наказаны. Речь идет о присоединении нового члена к уже существующей группе, однако сами идеи социального влияния не объясняют того, почему индивид предпочитает присоединиться к группе с радикальными и экстремистскими взглядами.

С другой стороны, подход социальной идентичности, а именно теория неопределенности—идентичности, предложенная М. Хоггом как линия анализа мотивационного аспекта этого подхода [13; 17; 29; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38], позволяет выстроить объяснительную схему того, почему и как индивид примыкает к группе с жесткими правилами. Теория неопределенности—идентичности М. Хогга описывает психологический механизм

радикализации, выбор индивида в пользу группы с жесткими правилами — это составляющая теории. Таким образом, в фокусе нашего внимания в настоящей работе будет объяснительная схема радикализации в рамках подхода социальной идентичности. Сформулируем здесь главные преимущества этой объяснительной схемы: во-первых, подход социальной идентичности являет собой богатейшую теоретическую традицию европейской социальной психологии [24], он базируется на теории социальной идентичности Г. Тэшфела и теории самокатегоризации Дж. Тернера [30; 57]. Ключевая идея здесь заключается в том, что индивидуальные действия определяются социальными силами [32]. Ни одна из других объяснительных схем радикализации не имеет такого положения, а пытается объяснить индивидуальные действия интраиндивидуальными конструктами [например: 14; 15; 19; 22; 27; 43; 45; 53]. Апеллируя к идее В. Дуаза об уровнях объяснения в социальной психологии [21], стоит заметить, что явление терроризма предполагает апелляцию к более высокому уровню объяснения, нежели только интраиндивидуальному. Во-вторых, положения теории социальной идентичности и теории самокатегоризации получили многочисленную проверку и развитие в экспериментальных исследованиях, что говорит о силе объяснительного потенциала этой теоретической традиции, в то время как многие объяснительные схемы процесса радикализации еще только ждут своей проверки в эмпирическом исследовании [43; 47]. В-третьих, теория неопределенности—идентичности — как развитие мотивационного аспекта в рамках подхода социальной идентичности — релевантна процессам, происходящим в современном обществе, ибо демонстрирует способ разрешения парадокса постмодернизма: получая свободу, человек страдает от неопределенности (Что делать? Кем быть? Что думать?); как следствие, он стремится к определенности и абсолюту, а именно это и делает привлекательными идеологические системы убеждений [36]. Наконец, теория неопределенности—идентичности, будучи объяснительной схемой процесса радикализации, опирается на исторические факты, согласно которым неопределенность в обществе сопровождается религиозным фанатизмом и предпочтением в пользу экстремистских и радикальных идей [38].

Рассмотрим здесь основные положения этого подхода, что позволит нам показать адекватность этой теоретической схемы для объяснения процесса радикализации. Для Г. Тэшфела социальная идентичность — это «... знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [цит. по: 30, р. 15]. Это знание является чрезвычайно важным, чувство self люди извлекают именно из принадлежности к социальным группам. С точки зрения подхода социальной идентичности, группа — это категория людей, разделяющих одну и ту же социальную идентичность, оценивающих себя сходным образом (ингруппа), отличающихся от людей с другой идентичностью (аутгруппа), стремящихся к поддержанию позитивной социальной идентичности [31]. Человек нуждается в устойчивом чувстве идентичности (Кто я такой? Где мое место в мире?), ибо неопределенность о себе затрудняет построение поведения в мире [17; 33]. Социальная идентичность, по сути, это интернализованная групповая принадлежность, необходимая для того, чтобы определить, *кто мы такие* в том или ином контексте [33]. Идентификация с группой имеет самые серьезные последствия для человека, а именно: он действует в соответствии с ценностями и нормами этой группы; члены группы оказывают влияние друг

на друга; чем больше человек идентифицирует себя с группой, тем в большей степени он воспринимает себя, как похожего на других членов группы (своего рода взаимозаменяемость членов группы), в большей степени он переживает свою связь с другими членами группы. В социальной идентичности человек черпает смысл, цель и ценность своего существования. То, насколько человек определяет себя в терминах социальной идентичности, будет для него связываться с чувством эффективности и власти [13]. Таким образом, получая от группы социальную идентичность, человек получает определенность в отношении того, кем он является, каково его место в социальном мире, что ему думать, чувствовать и как действовать. Наряду с этим он теперь знает, как воспринимают его другие, как они взаимодействуют с ним [31;32]. Человек получает своего рода предсказуемость, некоторую определенность (хотя М. Хогг и настаивает на том, что скорее можно говорить о меньшей неопределенности, чем об определенности [35]).

Г. Тэшфел предлагает различать и еще один тип идентичности: персональную идентичность, благодаря которой человек отличает себя в группе от других членов, она характеризует человека в терминах его личностных атрибутов [57]. Человек может обладать целым рядом социальных и персональных идентичностей, что определяется теми группами, к которым он принадлежит. Важность той или иной социальной идентичности варьирует в зависимости от контекста, однако в определенный момент только одна идентичность является актуализированной (*вытуклой*); именно через призму этой социальной идентичности человек интерпретирует себя, воспринимает других и выстраивает свое социальное взаимодействие с окружающими [31].

В рамках подхода социальной идентичности люди представляют группу или социальную категорию как некоторый прототип, т. е. расплывчатый набор атрибутов, объединяющих восприятие, аттитюды, чувства, и предписывающий индивиду то или иное поведение. Прототип позволяет говорить о том, что характеризует данную группу («мы — такие») и чем она отличается от других групп («они — этакие»). Другими словами, по принципу контраста члены своей группы должны быть максимально отличающимися от членов чужой группы; по принципу ассимиляции — внутри своей группы — члены группы должны иметь минимальные различия [13; 30; 31; 32].

Среди мотивационных процессов, связанных с социальной идентичностью, наше внимание в настоящей работе привлекает снижение неопределенности, ибо этот процесс связан с радикализацией [31; 32]. Именно этот мотив лег в основу теории неопределенности—идентичности М. Хогга, которая объясняет то, почему люди примыкают к бандам, вступают в группировки с экстремистскими и радикальными взглядами [34; 62].

В повседневной жизни человека все время окружает неопределенность, она связана с самыми разнообразными явлениями, будь то безработица, война, кризис, эпидемия. Современный глобализированный мир становится непредсказуемым, непонятным, пугающим [38]. Жизнь полна неопределенности на самых различных уровнях: глобализация, иммиграция, технический прогресс, неограниченный доступ к информации и пр. [33]. Это делает жизнь в XXI веке еще более неопределенной и непредсказуемой. В качестве источников неопределенности М. Хогг указывает следующие: новый культурный контекст;

взаимодействие с незнакомцем; несогласие с членами группы; угроза извне — от членов аутгруппы [13].

Процесс общения в современном мире трансформировался, его преимущественная часть связана с использованием информационно-коммуникативных технологий; как отмечает А. Кенде: «Социальные медиа (и сопутствующие технологии) представляют собой, вероятно, самый большой переворот в том, как люди взаимодействуют и взаимодействуют друг с другом со времен Уильяма Джеймса» [42, р. 277]. Интернет, с точки зрения А. Хогга, — это прекрасный инструмент для повышения дискомфорта от неопределенности. Более того, современный мир характеризуется фрагментацией, традиционные основания для категоризации не срабатывают, а это порождает очень неприятное чувство неопределенности, которое человек стремится избежать или хотя бы снизить [35]. Таким образом, не любая неопределенность мотивирует к действиям, а только та, которая затрагивает self, значима для человека, на разрешение которой он тратит когнитивную энергию [35].

Общую логику управления неопределенностью находим в трудах Дж.Дьюи: «В отсутствие фактической определенности посреди опасного мира люди культивируют всевозможные средства, которые дали бы им чувство определенности» [цит.по: 36, р. 65]. Заметим, что конструкт неопределенности не является чем-то новым в психологии, он попадал в фокус внимания ученых (Э. Фромм, Л. Фестингер, Д. Канеман и др. [35; 36]). Справедливости ради заметим, что в ранних работах Г. Тэшфела, а позже в некоторых работах Дж. Тернера присутствует идея связи неопределенности и идентификации [35], однако свое развитие эта идея получила позже в работах М. Хогга [35]. То, что отличает теорию неопределенности-идентичности от других линий анализа неопределенности, заключается в следующем: 1) в фокусе внимания теории находятся социальная идентичность и коллективное Я; 2) неопределенность зависит от контекста, а не от личности; 3) неопределенность трансформируется в групповое поведение с помощью социально-когнитивного процесса; 4) речь идет о мотивационном объяснении групповых явлений шире, чем только экстремизм, хотя в нашем случае интерес представляет именно экстремизм и радикализация [36].

Итак, как следствие реакции на неопределенность у индивида возникает целый ряд вопросов: кто он такой, каково его место в этом мире, что нужно думать, чувствовать и как именно поступать в той или иной ситуации. Для того чтобы избежать неопределенности человек стремится к другим, которые помогут ему понять, что думать, как чувствовать и действовать. В этой связи крайне важна роль коммуникации, которая позволяет получить нормативную информацию о прототипе ин- и аутгруппы, таким образом, коммуникация играет одну из ключевых ролей в формировании социальной идентичности [13].

Снизить неприятное чувство неопределенности возможно с помощью социальной категоризации, потому что она придает смысла миру и делает поведение предсказуемым [13]. И чем больше человек испытывает неопределенность, связанную с self, тем больше он стремится к группам с высокой энтитативностью [16]. Такие группы имеют четкие границы, внутреннюю однородность, иерархическую структуру и общность судьбы [35]. Эти группы обладают специфическим прототипом: ясным, предписывающим, согласованным (т. е.

исключается инакомыслие, это оно порождает сомнения и неопределенность, поднимает вопрос о валидности групповых норм [13]) . Как подчеркивает М. Хогг, эти особенности скорее касаются воспринимаемой взаимозависимости, нежели простого сходства и гомогенности [35].

Другими словами, переживая неопределенность, люди становятся уязвимыми к разделению радикальных идей и членству в соответствующих группировках, ибо таким образом они получают простые и однозначные ответы на беспокоящие их вопросы. Снижение неопределенности достигается за счет принадлежности к группе, именно она становится основой для самоопределения. Индивиды обретают искомую социальную идентичность, получают нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. В экстремальных ситуациях привлекательнее становятся группы, в которых отдается предпочтение снижению неопределенности, затрагивающей self, вместе с ортодоксальными, экстремистскими взглядами, имеющие жесткую идеологическую систему убеждений, авторитарное лидерство [13; 31; 34]. Люди отходят от групп с умеренными взглядами [29]. Важно подчеркнуть, что эта такого рода трансформация объясняется контекстом, а не личностными диспозициями. В ситуации неопределенности люди испытывают острую потребность в том, чтобы им указывали направление действий, в результате предпочтение отдается авторитарному лидеру, тогда как вне ситуации неопределенности такой стиль лидерства не получает поддержки [13]. В острой или продолжительной ситуации неопределенности человек делает дальнейший шаг — он стремится присоединиться к группам с экстремистскими, радикальными убеждениями, к тоталитарным группам. Общностям такого типа присущи следующие особенности: это закрытые группы с охраняемыми границами, с иерархической структурой; члены таких групп разделяют одни и те же установки и ценности, инакомыслие исключается (ибо наличие отличающихся точек зрения расшатывает межгрупповое отличие) [13; 35]. Как подчеркивает М. Хогг, атрибуты таких групп напоминают нарциссизм, только на уровне группы [35]. В таких общностях ценностное сходство — это определяющий признак группы. Ценности и установки переплетены с идеологическими системами, являя собой прочную основу для объяснения и ответа на вопросы, таким образом, эти особенности эффективны для снижения неопределенности, ибо, присоединяясь к группе, человек получает всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность и чувство Я [31; 35]. Группы с экстремистскими и радикальными взглядами задают своим членам четкий стандарт того, что является правильным, а что нет. Как следствие, члены группы получают однозначную основу для оценки представителей аутгруппы, дегуманизируя их, что, в результате, оправдывает любые действия в отношении этих людей [31].

Тогда становится очевидным, по какому механизму эти люди примыкают к группировкам с экстремистскими взглядами, разделяют радикальные идеи: переживание неопределенности оборачивается идентификацией с группами, имеющими крайние позиции, такова цена обретения определенности. Чем выше идентификация с такими группами у индивида, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы, ибо социальная идентичность, особенно если она единственная, эксклюзивная, ригидная, способствует мобилизации. Этот момент достаточно интересен, потому что он позволяет проводить водораздел между участниками и сочувствующими, которые, даже имея

крайне позитивные установки, никогда не перейдут к конкретным действиям. Идентичность является тем самым механизмом, который подталкивает к действию [31]. Если вернуться к особенностям современного терроризма, о которых говорилось выше, то представляется возможным объяснить процесс радикализации в местах заключения с позиций теории неопределенности—идентичности. Осужденные, не имеющие криминального прошлого, оказавшиеся в заключении первый раз, испытывают так называемый *пенитенциарный стресс* [8]. По сути, они озадачены неопределенностью относительно себя, своей жизненной перспективы, своего положения в мире. Стремясь снизить чувство неопределенности, они присоединяются к группировкам с экстремистскими взглядами, разделяют радикальные убеждения. При этом, как отмечает Хогг, и сильная и продолжительная ситуация неопределенности только усиливает поиск и стремление присоединиться к группе с ясными, простыми, предписывающими прототипами [33; 35]. Группа осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность, воспринимается как гомогенная, имеющая иерархическую структуру, разделяющая общую судьбу и цели, зачастую — с высоко прототипическим лидером, словом, обладающая всем тем, что эффективно снижает неопределенность.

Другая особенность современного терроризма связывается с радикализацией женщин. В рамках теории неопределенности—идентичности имеются экспериментальные исследования, демонстрирующие, что механизм радикализации женщин — тот же самый, что и у мужчин. Обратимся к этим исследованиям. В лабораторном эксперименте, реализованном на выборке австралийских студентов (87 девушек и 81 юношей), проверялась гипотеза о том, что в ситуации умеренной неопределенности индивид отдает предпочтение группе с умеренными взглядами и стратегией поведения, эта идентификация исчезает, ибо в ситуации высокой неопределенности она заменяется новой — с группой с радикальными убеждениями и действиями [37]. Вопрос, порождающий неопределенность, касался оплаты обучения — значимой темы для студентов. Группа с умеренными убеждениями и стратегией характеризовалась так: демократический лидер, свободная структура и гетерогенность группового членства, низкие барьеры для присоединения к группе, разная степень приверженности группе, различающиеся точки зрения. Действия, которые предполагались для борьбы — распространение информационных брошюр, обсуждение и обращение в газету. Радикальная группа характеризовалась ригидностью и иерархичностью структуры, сильным лидерством, гомогенностью точек зрения, высокой приверженностью группе, недопустимостью инакомыслия. Эта группа ратовала за действия, а не за слова; среди акций — блокировка университета. Результаты исследования показали, что ситуация неопределенности ведет к идентификации с группой, причем в ситуации сильной неопределенности предпочтение отдается группам с радикальными взглядами и готовностью к радикальным действиям, при этом разница между мужчинами и женщинами отсутствовала [37].

В другом исследовании [29], реализованном на женских и мужских группах (выборку составили 92 мужчины и 126 женщин в возрасте от 18 до 67 лет; эти группы были выбраны в силу того, что по своим характеристикам они соответствовали тому, что Д. Кэмпбелл назвал высокой *энтинативностью* [16], с этими группами испытуемые идентифицировались в высокой степени ($M=6,35$ по шкале от 1 до 9)), апеллируя к идее групповой прототипичности

(члены группы могут быть определены как центральные и периферические), авторы предположили, что периферические члены группы, которые верят в то, что совершение определенного поведения позволит им быть принятыми группой, с большей вероятностью будут готовы к действиям экстремистского и антисоциального характера от имени группы. Кроме того, полагалось, что этот эффект будет выражен сильнее в группах мужчин, чем в группах женщин [29]. Результаты исследования показали, что люди, которые сильно идентифицируются с группой, но чувствуют, что еще не приняты в нее как полные члены, и полагают, что некоторое поведение во имя группы позволит им быть полностью принятыми членами группы, с большей вероятностью будут вовлечены в радикальные действия в отношении членов аутгруппы, действуя от имени своей группы. Результаты показали отсутствие разницы между мужчинами и женщинами в готовности использовать агрессивные и антисоциальные действия по имя своей группы. Эти результаты приложимы для объяснения процесса радикализации, они демонстрируют, что механизмы вовлечения в террористическую деятельность не различаются в случае мужчин и женщин [29]. Речь в данном случае о том, как люди присоединяются к террористическим организациям, причем в фокусе внимания — люди, которые ощущают себя находящимися на периферии общества. Это путь почувствовать себя принятым группой, это обретение четкого и определенного чувства self и идентичности [29].

Заключение. Терроризм существует давно и насчитывает не менее двух тысячелетий [44], однако по-прежнему является чрезвычайной проблемой в жизни общества, представляя собой одну из самых серьезных угроз существованию человечества. Понимание того, как человек становится на путь совершения террористических актов требует рассмотрения процесса радикализации. Исходя из того, что террористическая деятельность осуществляется группой, следует, что процесс радикализации едва ли можно объяснить, опираясь на интраиндивидуальные конструкторы. С социально-психологической точки зрения, две теоретические линии позволяют выстроить объяснительную схему для ответа на вопрос о радикализации.

С одной стороны, с опорой на идеи С. Аша о социальном влиянии [1; 12], а также идеи Ж.-П. Деконши [20] об ортодоксии, представляется возможным выстроить схему: индивид присоединяется к группе, однако не любой, а только той, где доминирует ортодоксия, существует один единственный стандарт того, что является правильным и неправильным. Присоединяясь к такой группе, человек соглашается подчиниться ее действию, внимает тому, как думать, и как себя вести. Речь идет о присоединении нового члена к уже существующей группе (по сути, эта теоретическая линия представлена в отечественной литературе), однако сами идеи социального влияния не объясняют того, почему индивид предпочитает присоединиться к группе с радикальными и экстремистскими взглядами.

С другой стороны, подход социальной идентичности, а именно теория неопределенности—идентичности, предложенная М. Хоггом как линия анализа мотивационного аспекта этого подхода [13; 17; 29; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38], позволяет выстроить объяснительную схему того, почему и как индивид примыкает к группе с жесткими правилами. Согласно теории неопределенности—идентичности, снижение неопределенности являет собой трехступенчатый процесс: 1) человек испытывает неопределенность, переживая ее как

некоторую угрозу, трудность; 2) для того чтобы управлять неопределенностью, человек ищет группу, ищет групповой прототип; 3) в ситуации неопределенности привлекательными оказываются не любые, а только определенные группы, те, которые дают индивиду ясный, простой, четкий прототип. Как следствие, неопределенность снижается, ибо человек получает информацию о том, что думать, чувствовать и как поступать, а также чего именно ожидать от окружающих, как выстраивать с ними взаимодействие [13]. Этот процесс отражает основное предположение теории неопределенности—идентичности, получившее многочисленную эмпирическую поддержку в экспериментальных исследованиях. Теория неопределенности—идентичности описывает психологический механизм, объясняющий то, почему и как люди присоединяются к группам с экстремистскими, радикальными взглядами, а также почему они отдают предпочтение актам насилия, действуя от имени этих групп [13; 29].

Безопасность и противодействие терроризму являют собой одно из приоритетных направлений развития науки в России. Это направление имеет различные грани анализа. С психологической точки зрения, разработка мер воздействия должна базироваться на знании о том, как человек примыкает к группам и организациям террористического толка, каковы психологические механизмы радикализации, а также понимании закономерностей дерадикализации. Представленный нами аналитический обзор в рамках социально-психологического знания позволил преодолеть своего рода пробел, существующий в литературе, а именно: познакомить отечественного читателя с перспективной объяснительной моделью процесса радикализации. В следующей части нашего аналитического обзора речь пойдет о рассмотрении специфики коммуникативных стратегий в связи с процессом радикализации. В заключительной части мы обратимся к вопросу дерадикализации. Подход социальной идентичности имеет серьезный потенциал для ответа на это вопрос.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс. 2002. 364 с.
2. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.
3. Горбунов К.Г. Терроризм: история и современность. Социально-психологическое исследование. М.: Форум, 2012. 398 с.
4. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 28—32.
5. Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 2. С. 20—34.
6. Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А. Психологический профиль террориста [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 141—157. DOI:10.17759/psylaw.2019090311
7. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 годы (утв. Президентом Российской Федерации от 28.12.2018 № Пр-2665) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (дата обращения: 26.07.2020)

8. Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 2. С. 105—116. DOI:10.17759/psylaw.2015100208
9. Соснин В.А. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2016. 344 с.
10. Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 32—40. DOI:10.17759/chp.2017130305
11. Чайников Ю.В. Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. Paris, 2018. № 26. P. 89—100 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 96—99.
12. Asch S.E. Opinions and Social Pressure // *Scientific American*. 1955. Vol.193. P. 31-35.
13. Beladavi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In: S.R.Thye, E.J.Lawler (eds.) // *Advances in Group Processes*. Bingley: Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61—77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
14. Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism I: A review of definitions and applications of social science theories // *Journal of Strategic Security*. 2011. P. 7—36. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.1
15. Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism II: A review of conceptual models and empirical research // *Journal of Strategic Security*. 2011 a. P. 37—62. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.2
16. Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities // *Behavioral Science*. 1958. Vol. 3. P. 14—25.
17. Choi E.U., Hogg M.A. Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2019. P. 1—19. DOI:10.1177/1368430219846990
18. Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris, 2016. 230 p.
19. Countering Violent Extremism: The Application of Risk Assessment Tools in the Criminal Justice and Rehabilitation Process 2018. [Электронный ресурс]. <https://www.dhs.gov/publication/st-cve-application-risk-assessment-tools-criminal-justice-and-rehabilitation-process> (дата обращения: 26.06.2020).
20. Deconchy J.P. Rationality and Social Control in Orthodox Systems, In: H. Tajfel (ed.). *The Social Dimension. European Developments in Social Psychology*. Paris : Editions de la Maison des Sciences de l'Homme; Cambridge : Cambridge University Press. 1984. P.13-32.
21. Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology. In: J. D. Wright (ed.). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Oxford: Elsevier, 2015. P. 899—903.
22. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. № 3. P. 586—604. DOI:10.1111/josi.12030
23. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, “European Union Terrorism Situation and Trend Report 2020,” <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main->

reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2020. (дата обращения: 26.07.2020)

24. *Farr R.* The roots of modern social psychology. Oxford: Blackwell Publishers. 1996. 166 p.
25. *Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E.* Culture and Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. № 3. P. 495—517. DOI:10.1111/josi.12026
26. *Gill P., Corner E.* There and back again: The study of mental disorder and terrorist involvement // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. P. 231—241. DOI:10.1037/amp0000090
27. *Ginges J., Atran S., Sachdeva S., Medin D.* Psychology out of the Laboratory: The Challenge of Violent Extremism // *American Psychologist*. 2011. Vol. 66. P. 507—519.
28. Global Terrorism database. 2020. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (дата обращения: 26.05.2020)
29. *Goldman L., Hogg M.A.* Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance // *Journal of Applied Social Psychology*. 2016. Vol. 46. P. 544—553. DOI:10.1111/jasp.12382
30. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new psychology of health. London: Routledge, 2018. 490 p.
31. *Hogg M.A.* Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: M.A.Hogg, D.L.Blalock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P.19-35.
32. *Hogg M.A.* Social identity theory. In: P.J.Burke (ed.). *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto: Stanford University Press. 2006. P. 111—136.
33. *Hogg M.A.* To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // *Revista de Psicologia Social*. 2015. Vol. 30. P. 586—613 DOI:10.1080/02134748.2015.1065090
34. *Hogg M.A.* Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. P. 407—418. DOI:10.1111/josi.12021
35. *Hogg M. A.* Uncertainty-identity theory. In: M. P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.
36. *Hogg M. A.* *Uncertainty-identity theory*. In P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, & E. T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd.2012. P.62-80. DOI:10.4135/9781446249222.n29
37. *Hogg M.A., Meehan C., Farquharson J.* The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46. P. 1061—1066. DOI:10.1016/j.jesp.2010.05.005
38. *Hogg M., Kruglanski A., K.Van den Bos.* Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. № 3. P. 407—418.
39. Institute for Economics & Peace. *Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism*. Sydney. November 2019. <http://visionofhumanity.org/reports> (дата обращения: 26.05.2020).
40. *Jones C.R.* Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization // *Punishment and society*. 2014. DOI:10.1177/1462474513506482
41. *Kalmus V.* Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In: D. Macedo & S. R. Steinberg (eds.). *Media Literacy: A Reader*. New York: Peter Lang,

2007. P. 157—165.

42. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media // *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 45. P. 277—278. DOI:10.1002/ejsp.2097

43. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. P. 602—622 DOI:10.1080/09546553.2011.587064

44. Koomen W., Van der Pligt J. Introduction. In: W. Koomen, J. van der Pligt (eds.). *The Psychology of Radicalization and Terrorism*. New York: Routledge, 2016. P.1-10.

45. Knudsen R.A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2020. Vol. 12. P. 37—54. DOI:10.1080/19434472.2018.1509105

46. Kruglanski A., Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis // *Social Issues and Policy Review*. 2009. Vol. 3. P. 1—44. DOI: 10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x

47. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2020. DOI: 10.1080/09546553.2020.1763964

48. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of political radicalization: Pathways towards terrorism // *Terrorism and political violence*. 2008. Vol. 20. P. 415—433. DOI:10.1080/09546550802073367

49. Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. In: J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal (eds.). *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy*. Verlag: Springer International Publishing. 2018. P. 138—153.

50. Moscovici S. *La Psychanalyse son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 652p.

51. Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a comprehensive Model of Terrorist Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2019. P. 1—23. DOI:10.1080/09546553.2019.1663828

52. Rose G. On the relation between 'visual research methods' and contemporary visual culture // *Sociological Review*. 2014. Vol. 62. P. 24—46.

53. Sarma K. M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. P. 278—288. DOI:10.1037/amp0000121

54. Schuurman B. Topics in terrorism research: reviewing trends and gaps, 2007-2016 // *Critical Studies on Terrorism*. 2019. Vol. 12. P. 463—480. DOI: 10.1080/17539153.2019.1579777

55. Silke A. The study of terrorism and counterterrorism. In: A. Silke (ed.). *Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism*. New York: Routledge. 2019. P.1-10.

56. Spencer A.N. The Hidden Face of Terrorism: An Analysis of the Women in Islamic State // *Journal of Strategic Security*. 2016. Vol. 9. P. 74—98. DOI:10.5038/1944-0472.9.3.1549

57. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33. P. 1—39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245

58. Trimbur M. Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux ? Une revue systématique de la littérature. Thèse pour le diplôme d'Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille, 2019. 141 p.

59. Von Knop K. The Female Jihad: Al Qaeda's Women // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2007. Vol. 30. P. 397—414. DOI:10.1080/10576100701258585
60. Wickham B. M., Capazza N.M., Stephenson V.L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective // *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*. 2020. Vol.29. P.953— 968. DOI:10.1080/10926771.2019.1685041
61. Wiewiorka M. From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism. In: D.Jodelet, J.Vala, E.Drozda-Senkowska (eds.). *Societies under threat*. Cham: Springer. 2020. P.75-85.
62. Woo D. J., Giles H., Hogg M. A., Goldman L. A social psychology of groups: An intergroup analysis. In: S. H. Decker, D. C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs and gang responses*. New York: Wiley-Blackwell.2015. P.186-212.

References

1. Andreyeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow: Aspekt press.2002.364.(in Russ).
2. Bodrijjar, Zh. Duh terrorizma. Vojny v Zalive ne bylo. [Spirit of terrorism.The Gulf War will not take place]. Moscow: Ripol-Klassik. 2017. 226 p. (in Russ.).
3. Gorbunov K.G. Terrorizm: istoriya i sovremennost'. Sotsial'no-psikhologicheskoye issledovaniye [Terrorism: History and Present. Socio-psychological research]. Moscow : Forum, 2012.398 p. (in Russ.).
4. Yenikolopov S.N. Terrorizm i agressivnoye povedeniye [Terrorism and aggressive behavior]. *Natsional'nyy psikhologicheskiiy zhurnal -National Psychological Journal*, 2006, no. 1, pp. 28—32 (in Russ.).
5. Zinchenko Yu.P., Surnov K.G., Tkhostov A.Sh. Motivatsiya terrorista [Terrorist motivation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya - Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*, 2007, no. 2, pp.20-34 (in Russ.).
6. Kazberov P.N., Bovin B.G., Fasolya A.A. Psikhologicheskiiy profil' terrorista [Psychological profile of a terrorist]. *Psikhologiya i pravo - Psychology and Law*, 2019.Vol. 9, no. 3, pp. 141—157. doi: 10.17759 / psylaw.2019090311(in Russ.)
7. Kompleksnyy plan protivodeystviya ideologii terrorizma v Rossiyskoy Federatsii na 2019-2023 gody (utv. Prezidentom Rossiyskoy Federatsii ot 28.12.2018 № Pr-2665) [A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019-2023 (approved by the President of the Russian Federation dated December 28, 2018 No. Pr-2665)] (<https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632>)(Accessed 26.07.2020) (in Russ.).
8. Mel'nikova D.V., Debol'skiy M.G. Penitentsiarnyy stress i osobennosti yego proyavleniya u osuzhdennykh, podozrevayemykh, obvinyayemykh [Penitentiary stress and features of its manifestation in convicts, suspects, accused]. *Psikhologiya i pravo - Psychology and Law*, 2015. Vol. 5, no. 2, pp. 105—116.(in Russ.).
9. Sosnin V.A. Psihologiya terrorizma i protivodejstvie emu v sovremennom mire. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN». 2016. (in Russ.).
10. Tikhonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A., Bovina I.B. Radikalizatsiya v podrostkovo-molodezhnoy srede: v poiskakh ob"yasnitel'noy skhemy [Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical*

- Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 32—40. doi:10.17759/chp.2017130305. (in Russ.).
11. Chaynikov YU.V. Khosrokhavar F. Kiber-Khalifat IGIL. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // *Carnet du CAPS*. —Paris, 2018. — N 26 — R. 89—100 [Khosrokhavar F. Cyber Caliphate ISIS. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // *Carnet du CAPS*. —Paris, 2018. - N 26 - P. 89—100]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedeniye i Afrikanistika. Referativnyy zhurnal-Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 9: Orientalism and Africanism. Abstract journal*, 2019, no 4, pp.96-99 (in Russ.).
12. Asch S.E. Opinions and Social Pressure. *Scientific American*, 1955. Vol.193, pp. 31-35.
13. Beladavi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In: S.R.Thye, E.J.Lawler (eds.). *Advances in Group Processes*. Bingley:Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61-77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
14. Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism I: A review of definitions and applications of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 2011, pp. 7—36. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.1
15. Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism II: A review of conceptual models and empirical research. *Journal of Strategic Security*, 2011 a, pp. 37- 62. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.2
16. Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities. *Behavioral Science*, 1958. Vol. 3, pp.14-25.
17. Choi E.U., Hogg M.A. Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis. *Group processes and intergroup relations*, 2019, pp.1-19. DOI:10.1177/1368430219846990
18. Conesa P., Huyghe F.B., Chourauqui M. *La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux*. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris, 2016. 230 p.
19. *Countering Violent Extremism: The Application of Risk Assessment Tools in the Criminal Justice and Rehabilitation Process*. 2018. Available at: <https://www.dhs.gov/publication/st-cve-application-risk-assessment-tools-criminal-justice-and-rehabilitation-process> (Accessed: 26.06.2020)
20. Deonchy J.P. Rationality and Social Control in Orthodox Systems, In: H. Tajfel (ed.). *The Social Dimension. European Developments in Social Psychology*. Paris : Editions de la Maison des Sciences de l'Homme; Cambridge : Cambridge University Press, 1984, pp.13-32.
21. Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology. In: J. D. Wright (ed.). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Oxford: Elsevier, 2015, pp. 899—903.
22. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, pp. 586—604. DOI:10.1111/josi.12030
23. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, “European Union Terrorism Situation and Trend Report 2020”. <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2020>. (Accessed: 26.07.2020).
24. Farr R. *The roots of modern social psychology*. Oxford: Blackwell Publishers. 1996. 166 p.
25. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, pp. 495—517. DOI:10.1111/josi.12026

26. Gill P., Corner E. There and back again: The study of mental disorder and terrorist involvement. *American Psychologist*, 2017. Vol.72, pp.231-241. DOI:/10.1037/amp0000090
27. Ginges J., Atran S., Sachdeva S., Medin D. Psychology out of the Laboratory: The Challenge of Violent Extremism. *American Psychologist*, 2011. Vol.66, pp. 507-519.
28. *Global Terrorism database*. 2020. Available at: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (Accessed: 26.06.2020)
29. Goldman L., Hogg M.A. Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance. *Journal of Applied Social Psychology*, 2016. Vol.46, pp.544-553. DOI:10.1111/jasp.12382
30. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The new psychology of health*. London: Routledge, 2018. 490 p.
31. Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: M.A.Hogg, D.L.Blalock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012, pp.19-35.
32. Hogg M.A. Social identity theory. In: P.J.Burke (ed.). *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto: Stanford University Press, 2006, pp. 111-136.
33. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicología Social*, 2015. Vol.30, pp.586-613 DOI:10.1080/02134748.2015.1065090
34. Hogg M.A. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, pp. 407-418.2013. DOI:10.1111/josi.12021
35. Hogg M. A. Uncertainty-identity theory. In: M. P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press, 2007. Vol. 39, pp. 69-126.
36. Hogg M. A. *Uncertainty-identity theory*. In P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, & E. T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd,2012, pp.62-80. DOI:10.4135/9781446249222.n29
37. Hogg M.A., Meehan C., Farquharson J. The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010. Vol.46, pp.1061-1066. DOI:10.1016/j.jesp.2010.05.005
38. Hogg M., Kruglanski A., K.Van den Bos. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, pp. 407—418.
39. Institute for Economics & Peace. *Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism*. Sydney. November 2019. Available at: <http://visionofhumanity.org/reports> (Accessed: 26.06.2020).
40. Jones C.R. Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization. *Punishment and society*, 2014. DOI:10.1177/1462474513506482
41. Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In: D. Macedo & S. R. Steinberg (eds.). *Media Literacy: A Reader*. New York: Peter Lang, 2007, pp. 157—165.
42. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media. *European Journal of Social Psychology*, 2015.Vol.45, pp.277-278. DOI:10.1002/ejsp.2097
43. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011, pp. 602—622

DOI:10.1080/09546553.2011.587064

44. Koomen W., Van der Pligt J. Introduction. In: W. Koomen, J. van der Pligt (eds.). *The Psychology of Radicalization and Terrorism*. New York: Routledge, 2016, pp.1-10.
45. Knudsen R. A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2020. Vol.12, pp. 37-54. DOI:10.1080/19434472.2018.1509105
46. Kruglanski A., Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis. *Social Issues and Policy Review*, 2009. Vol. 3, pp. 1-44. DOI: 10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x
47. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2020. DOI: 10.1080/09546553.2020.1763964
48. McCauley C., Moskalkenko S. Mechanisms of political radicalization: Pathways towards terrorism. *Terrorism and Political Violence*, 2008. Vol. 20, pp. 415-433. DOI:10.1080/09546550802073367
49. Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. In: J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal (eds.). *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy*. Verlag: Springer International Publishing. 2018, pp.138-153.
50. Moscovici S. *La Psychanalyse son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 652p.
51. Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a comprehensive Model of Terrorist Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2019, pp. 1—23. DOI:10.1080/09546553.2019.1663828
52. Rose G. On the relation between 'visual research methods' and contemporary visual culture. *Sociological Review*, 2014. Vol. 62, pp. 24—46.
53. Sarma K. M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, pp.278—288. DOI:10.1037/amp0000121
54. Schuurman B. Topics in terrorism research: reviewing trends and gaps, 2007-2016. *Critical Studies on Terrorism*, 2019. Vol.12, pp. 463-480, DOI: 10.1080/17539153.2019.1579777
55. Silke A. The study of terrorism and counterterrorism. In: A.Silke (ed.). *Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism*. New York: Routledge, 2019, pp.1-10.
56. Spencer A.N. The Hidden Face of Terrorism: An Analysis of the Women in Islamic State. *Journal of Strategic Security*, 2016. Vol.9, pp. 74-98. DOI:10.5038/1944-0472.9.3.1549
57. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982. Vol. 33, pp.1—39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
58. Trimbou M. *Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux ? Une revue systématique de la littérature*. Thèse pour le diplôme d'Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille, 2019. 141 p.
59. Von Knop K. The Female Jihad: Al Qaeda's Women. *Studies in Conflict and Terrorism*, 2007. Vol. 30, pp. 397-414. DOI:10.1080/10576100701258585
60. Wickham B. M., Capezza N.M., Stephenson V.L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective. *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*, 2020. Vol.29, pp.953—968. DOI:10.1080/10926771.2019.1685041

Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д.
Радикализация: социально-психологический взгляд
(Часть I)
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 120—142.

Bovina I.B., Bovin B.G., Tikhonova A.D.
Radicalisation: A Social Psychological Perspective
(Part I).
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 120—142.

61. Wiewiorka M. From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism. In: D.Jodelet, J.Vala, E.Drozda-Senkowska (eds.). *Societies under threat*. Cham: Springer, 2020, pp.75-85.
62. Woo D. J., Giles H., Hogg M. A., Goldman L. A social psychology of groups: An intergroup analysis. In: S. H. Decker, D. C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs and gang responses*. New York: Wiley-Blackwell, 2015, pp.186-212.

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Тихонова Анастасия Дмитриевна, выпускница кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>

Information about the authors

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Anastasiya D. Tikhonova, MA in Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>

Получена 13.05.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 13.05.2020
Accepted 07.09.2020

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | INTERDISCIPLINARY STUDIES

Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Технологии стали вездесущими, без них едва ли возможно вообразить повседневную жизнь человека. В результате их активного использования у индивида возникает ощущение, будто бы он является важным участником разнообразных процессов, происходящих в глобализованном мире. Целью настоящего теоретико-аналитического исследования является анализ потенциала теории социальных представлений для изучения трансформаций, которые происходят с человеком в цифровом обществе. Проанализировав основные положения теории, кратко остановившись на основных теоретических и методологических подходах, делается вывод о том, что эта теория дает возможность ответить на вопрос, как человек выстраивает объяснение новому явлению и выстраивает свое поведение в соответствии с ним. Современная эпоха в полной мере является эпохой визуальной культуры, где власть текстов (которая соответствовала поколению родителей) сменилась властью изображений (на уровне подростково-молодежной среды). На эту особенность можно взглянуть через призму идей этой теории, говоря о фигуративной и лингвистической риториках. Наконец, теория социальных представлений позволяет артикулировать процессы коммуникации, социальные представления, объяснять, как последние регулируют социальное поведение и социальные отношения в цифровом мире.

Ключевые слова: переживание в деятельности, качество мотивации, теория самодетерминации, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, академическая мотивация.

Финансирование: Работа выполнена в рамках проекта “Разработка модели профайлинга онлайн-поведения несовершеннолетних в социальных сетях” при поддержке МГППУ.

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

Для цитаты: Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157. DOI:10.17759/psylaw.2020100310

Living in a Digital Society: from the Point of View of One Social Psychological Perspective

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Technology has become ubiquitous, and without it it is hardly possible to imagine everyday human life. As a result of their active use, the individual feels as if he is an important participant in various processes taking place in a globalized world. The purpose of this theoretical and analytical study is to analyze the potential of the social representations theory to study the transformations that occur to a person in a digital society. Theory makes it possible to answer the question of how a person builds an explanation for a new phenomenon and builds his behavior in accordance with it. The modern era is an era of visual culture, where the power of texts (which corresponded to the generation of parents) was replaced by the power of pictures (at the level of the adolescents and young people). This feature can be viewed through the prism of the ideas of this theory, speaking of figurative and linguistic rhetorics. Finally, the theory of social representations allows us to articulate the processes of communication, social representations, and explain how the latter regulate social behavior and social relations in the digital society.

Keywords: activity-related experience, quality of motivation, self-determination theory, intrinsic motivation, extrinsic motivation, academic motivation.

Funding: This article is a part of the research project “Development of a model for profiling online behavior of minors in social networks” financed by MSUPE

For citation: Bovina I.B, Dvoryanchikov N.V. Living in a digital society: from the point of view of one social psychological perspective. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157. DOI:10.17759/psylaw.2020100310 (In Russ.).

Введение

Возникновение и широкое распространение технологий, среди которых важное место занимает Интернет — характерная особенность современного мира. В соответствии со

статистикой Hootsuite за 2019 г. [16]: 57% населения планеты (4,388 млрд человек) являются пользователями сети Интернет, 45% населения земного шара (3,5 млрд человек) ежедневно уделяют время социальным сетям. С каждым годом отмечается экспоненциальный рост этих показателей [16]. Данные для Российской Федерации таковы: 76% населения используют Интернет, чуть меньше - 49% - социальные сети. В среднем пользователи Интернета в России проводят в сети 6 часов 29 минут ежедневно (что в 1,55 раз меньше, чем на Филиппинах (максимальный показатель), но в 1,73 раза больше, чем в Японии (минимальный показатель [16])). По данным того же источника - на социальные сети тратится ежедневно 2 часа 16 минут [16]. Если резюмировать статистические данные, то общая тенденция такова: неуклонно растет количество пользователей Интернета и социальных сетей, наиболее активной группой населения оказываются представители подростково-молодежной среды, наряду с этим ежегодно снижается как возраст дебюта использования Интернета снижается, так и возраст, в котором пользователи самостоятельно используют Интернет и решают, какой именно контент они будут употреблять [20].

Этот источник массовой коммуникации индивидуализировался и стал мобильным, благодаря техническим средствам [20]. По результатам исследований, проведенных в европейских странах (включая Россию), представляется возможным говорить о том, что за десятилетие значительно выросло число пользователей смартфонов, а время, которое счастливые обладатели новых технологий проводят в сети Интернет, увеличилось, удвоившись в ряде стран [35]. И речь в этом исследовании идет о детско-подростковой среде. А.Кенде отмечает, что: «Социальные медиа (и сопутствующие технологии) представляют собой, вероятно, самый большой переворот в том, как люди взаимодействуют друг с другом со времен Уильяма Джеймса» [19, р.277]. Общение теперь происходит преимущественно в Интернет-пространстве. Даже беглого взгляда достаточно для того, чтобы заметить, что на занятиях (будь то в школе или в университете), сидя в кафе, передвигаясь по улице, пребывая в общественном транспорте и пр. - верные пользователи всемирной сети Интернет неотступно отслеживают события, знакомятся с новостями и сами создают их, размещая посты в социальных сетях, реагируют на информацию - от использования стилизованных графических изображений человеческого лица, до более или менее объемного текста, не прекращают онлайн игр, наблюдают за спортивными состязаниями или терпеливо ожидают, чтобы кто-то отреагировал на то или иное сообщение в социальной сети. Безусловно, требуется систематическое наблюдение за тем, сколько времени проводят пользователи в сети Интернет, однако имеются серьезные основания усомниться в том, что самооценочные данные, которые приведены выше относительно использования Интернета и социальных сетей, верны. Усомниться в точности оценок можно по целому ряду причин: будь то погруженность в деятельность онлайн, которая искажает восприятие и оценку времени, проведенного в сети, или самооправдание, ибо самонаблюдение демонстрирует, что человек проводит слишком много времени в сети — в общественном транспорте, во время занятий в учебном заведении, дома и пр., т. е. пользователь, без сомнения, занижает оценку времени, проведенного в сети.

В эпоху пятой информационной революции [4] технологии встраиваются в повседневную жизнь человека, преобразуя и трансформируя ее так, что у него возникает ощущение, будто бы он является важным участником многочисленных глобальных процессов. Активно используя технические средства, он становится свидетелем (правда,

только виртуальным) целого ряда событий, происходящих в разных точках планеты. Подобно журналисту, он ведет собственный блог, высказывает свое мнение по поводу того или иного события, дает советы, по аналогии с выпускающим редактором, определяет иерархию новостей в списке оных, пускается в обсуждение интересующих его тем с совершенно неизвестными людьми, соглашается или спорит, блокирует участников общения, которые, вероятно, не разделяют его воззрений и пр. Другими словами, Интернет открыл человеку такие возможности, которых у него не было до появления этого средства [5], и едва ли возможны вне сети Интернет. Действительно - тысячи едва ли знакомых персонажей в категории “друзья” в социальных сетях, позиция эксперта по любому вопросу с последующим бесплатным тиражированием идей, равенство позиций - едва ли такое возможно вне сети Интернет.

В фокусе нашего внимания - вопрос о том, что, с социально-психологической точки зрения, происходит с индивидом в эпоху пятой информационной революции. Для ответа на него требуется адекватная теоретическая рамка, что и определяет цель излагаемого здесь теоретико-аналитического исследования. В фокусе нашего внимания в настоящей работе потенциал теории социальных представлений для объяснения трансформаций, происходящих с человеком в цифровом мире. Выбор в пользу данной теории объясняется следующим образом: *во-первых*, имеет смысл отдавать предпочтение теориям или моделям, которые опираются на богатый эмпирический (преимущественно, экспериментальный) материал, позволяющий проверить основные положения, а не разнообразным эмпирическим фактам, которые еще только требуют своего теоретического осмысления. В случае изучения того, что происходит с человеком в цифровом мире - имеются самые разнообразные эмпирические факты, полученные вне рамок психологии. Однако использование их для разрешения интересующей проблемы или построения сколько-либо серьезного прогноза действий человека на их основе - дискуссионно. *Во-вторых*, объяснительная сила именно этой теории соответствует природе интересующего явления, социальный характер делает эту теорию, несомненным, лидером, по сравнению с объяснительными схемами, апеллирующими к интраиндивидуальным конструктам. Другой социально-психологический подход, сравнимый по своей объяснительной силе с теорией социальных представлений, и в рамках которого имеется значительное количество исследований, соответствующих рассматриваемой проблеме, - подход социальной идентичности [37]. *В-третьих*, несмотря на то, что в 2016 году вышла серьезная монографическая работа Т.П.Емельяновой по социальным представлениям [2], многочисленные публикации последних лет, вплоть до диссертационных работ, демонстрируют достаточно странные тенденции: исследователи пытаются установить связь личностных и индивидуально-психологических особенностей с особенностями социальных представлений; предполагают, что, используя прототипический анализ П.Вержеса [38], можно исследовать представление о любом объекте (как не вспомнить, что “каждое социальное представление, конечно, представление об объекте. Но должно быть ясно, что не любой мыслимый объект является объектом социального представления” [15, р.31]; что условная группа обладает социальными представлениями; что само социальное представление - в рамках структурного подхода теории - может и не иметь ядра, а всего лишь периферию и пр. В работе мы остановимся на основных положениях этой теории и продемонстрируем потенциал теории социальных представлений для изучения того, что происходит с человеком в эпоху пятой информационной революции.

Теория социальных представлений, предложенная С.Московиси - это ключевая европейская социально-психологическая традиция (наряду с подходом социальной идентичности) [14], существующая уже почти шесть десятков лет. Картография научных публикаций, предпринятая недавно А. Де Розой, убедительно демонстрирует, что теория социальных представлений нашла своих сторонников и последователей на всех континентах [33]. Количество научных публикаций, опирающихся на идеи этой теории, растет [12;22;33]. “Очевидно, - пишет С.Московиси, - что понятие социальных представлений пришло к нам от Дюркгейма. Но мы имеем отличающуюся точку зрения на это, или, в любом случае, социальная психология должна рассматривать это под другим углом, чем это делается в социологии” [28, р. 30]. Если Э.Дюркгейм рассматривает представления как неразложимые далее объясняющие принципы, то Московиси предлагает рассматривать социальные представления (СП) с точки зрения их структуры и динамики, в этой связи он предлагает “считать феноменом то, что ранее рассматривалось как понятие” [28, р.30]. Согласно одному из многочисленных определений СП, предложенных С. Московиси, это: “системы ценностей, идей и практик с двоякой функцией...: во-первых, установить порядок, который позволит индивидам ориентироваться в своем материальном и социальном мирах и овладевать ими; во-вторых, обеспечить коммуникацию между членами сообщества, снабдив их кодом для социального обмена и кодом для присвоения имен и классификации различных аспектов их мира и их индивидуальной и групповой истории” [25, С. хiii]. СП можно рассматривать как специфическую форму социального знания, соединяющую в себе понятийный и образный компоненты [28]. Концептуальный аспект рассматривается в связи со знанием и с языком, иконический - подчинен концептуальному. И хотя можно отдать предпочтение слову, по сравнению с образом, однако из этого вовсе не следует, что сам образ при этом исчезнет [28]. Эта двойственность аспектов представления (концептуального и иконического) приобретает особую значимость в связи с социальным неравенством, где массам доступен преимущественно иконический аспект, а более привилегированным классам, элите - преимущественно более сильный аспект представления – концептуальный. Аналогичным принципом руководствуются современные СМК: фигуративная риторика ориентирована на массы, лингвистическая же – на просвещенное меньшинство [30].

Как отмечает С.Московиси, главное предназначение СП заключается в том, чтобы объяснить, как люди понимают научное знание, экспертное мнение и артикулируют его со здравым смыслом [27].

Будучи социально созданными и разделенными, СП организованы и обладают определенной социальной полезностью. Существование СП подразумевает существование группы (реальной, а не условной!), которая вырабатывает, разделяет их и использует в своей повседневной жизни. Действительно так называемый “наивный ученый” или пресловутый “человек с улицы”, как его определяет С.Московиси [30], не может *придумать* здравого смысла самостоятельно, ибо этот смысл порождается в многочисленных коммуникациях. История, культура, наука и масс медиа оказываются тем самым материалом, который используется “наивными учеными” в коммуникациях для построения СП.

СП конструируются и распространяются в межличностных и массовых коммуникациях [12]. Предлагается различать целый ряд уровней, на которых реализуется коммуникация [23]: во-первых, *межличностной уровень*. Здесь происходит коммуникация среди людей, обладающих высокой социальной близостью - будь то члены семьи, друзья, коллеги. Этой

неформальной коммуникации присущи все особенности межличностного общения. На этом уровне происходит так называемая социальная валидизация выводов, категоризации и атрибуции в общении со значимыми другими. В силу того, что участники межличностного общения нацелены на поддержание и развитие существующих контактов, предполагается что они стремятся к достижению определенного консенсуса; во-вторых, *уровень публичных дебатов* - как и в случае первого уровня - речь идет о межличностной коммуникации, однако - индивид не принимает в ней участия, а лишь наблюдает за тем, как в дискуссии участвуют другие персонажи, которые нацелены на высказывание своей позиции, своего мнения. Здесь имеет место не консенсус, а столкновение мнений; в-третьих, *уровень СМК* - реципиенты сталкиваются с колоссальным количеством разнообразной, противоречивой информации, которая не принимается полностью как истинная, но и не рассматривается как ложная. Это материал, используемый индивидами для построения СП. На этом уровне характерно возникновение феномена «снежного кома»: чем больше люди говорят о чем-либо, тем более важным оно становится, как следствие - они еще больше об этом говорить; наконец, *уровень культурной коммуникации* объединяет литературную, театральную и кинематографическую продукцию, посредством которой также происходит коммуникация.

СП выполняют целый ряд функций: будь то трансформация чего-то неизвестного, пугающего, зловещего - в известное; или облегчение коммуникации за счет обеспечения участников определенными кодами, выработанными в многочисленных диалогах; ориентация социального поведения и оправдание социальных отношений; наконец - конструирование и поддержание социальной идентичности [6;9;13;25].

СП можно охарактеризовать, если апеллировать к идее М.-Л.Рукета о социальном мышлении [15], согласно которой мышление имеет многоуровневое строение и включает: мнения, социальные установки, СП, а также - убеждения, ценности, нормы и тематику (последние конструкторы принадлежат идеологическому уровню, наиболее инертному - в структуре социального мышления, конструкторы этого уровня имеют наименьшую вариативность между индивидами). Тогда местоположение СП - уровень, подчиненный идеологическому и надстраивающийся над мнениями и социальными установками. Конструкторы более высокого уровня влияют на нижележащие, т.е. изменения, происходящие на более высоком уровне, затрагивают все подчиненные конструкторы, соответственно, изменения, происходящие на более низком уровне в структуре социального мышления, не затрагивают конструкторов более высокого уровня. П.Молине и К.Гимелли предлагают различать четыре теоретических подхода к анализу СП: 1) социогенетический, 2) структурный, 3) социодинамический; 4) диалогический [24]. Эти подходы вовсе не противостоят друг другу, а взаимодополняют друг друга [24], ибо они базируются на различающихся трактовках СП, данных самим С.Московиси в ряде работ. В фокусе внимания социогенетического подхода, предложенного С.Московиси, находится вопрос о порождении и развитии СП (что и было отражено исследовании, посвященном СП о психоанализе [27]). Возникновение СП - связывается с необходимостью объяснить что-то новое, странное, неизвестное, пугающее. Два механизма объясняют порождение СП - *якорение и объективация*. Якорение - это процесс, посредством которого странный и незнакомый объект СП пересоздается в существующие уже ментальные системы, привычные для нас категории. Осуществляется классификация или категоризация интересующего нас объекта, затем он получает соответствующее имя, т.к., не будучи категоризованным и названным, объект продолжает быть пугающим. Этот процесс

способствует выработке общих понятий, общего языка и *точек отсчета* [32]. Объективация - подразумевают процесс, посредством которого происходит превращение абстрактного и неоощуяемого в нечто конкретное и материальное. Это превращение есть переход с уровня идей на уровень существования в физическом мире, посредством которого абстрактный объект превращается в часть нашей социальной реальности и становится оощуяемым. В таком виде объект становится доступным для коммуникации, он как бы приобретает плотность значений, которая допускает «натуральную» фиксацию объекта в умах людей. Это посредством объективации возникает комплекс образов, который визуализирует комплекс идей – фигуративное ядро. Этот процесс значительно пересекается с процессом символизации. Ведь благодаря символам люди чувствуют, что сложные вещи становятся им понятными даже при беглом взгляде на них, ибо символы представляют в простой и доступной форме нечто сложное и комплексное. Процесс объективации реализуется в двух формах: *схематизации* (или фигурации) и *персонификации*. В результате – образы становятся элементами реальности, а не мысли. Окружающий нас мир, по сути, и образован такими образами [28]. Посредством этих двух процессов нечто, странное и угрожающее превращается в нечто знакомое и понятное, обретает свою реальность среди других известных и знакомых объектов, которые можно увидеть, потрогать, но самое главное - проконтролировать. Если якорение основывается на разделенном знании *прошлого*, то объективация базируется на переживаниях *настоящего* теми или иными членами группы [39;40]. В результате этого процесса образ и значение становятся взаимозаменяемыми.

По аналогии с тематическим анализом науки, предпринятым Г.Холтоном, в начале 90-х годов теория СП получила свое дальнейшее развитие благодаря тому, что было введено новое понятие – *темата* [26;31]. Под тематой подразумевается первоидея, “источник идей”, который порождает новые аксиомы в эволюции наших представлений о мире. Будучи глубоко укорененной в культуре, темата являет собой часть знаний или убеждений, разделенных людьми, она присутствует в коммуникации эксплицитно или имплицитно и принимается как само собой разумеющееся [30]. СП, будучи комплексными образованиями, вписаны в рамку предшествующих идей, всегда коренятся в ценностях и традициях. По сути, введение этого понятия открывает возможность рассматривать роль коллективной памяти и языка в процессе формирования СП, ибо сама темата поддерживается коллективной памятью и языком.

Структурный подход, предложенный Ж.-К. Абриком и К.Фламаном, нацелен на анализ структуры СП (центральной системы (ядра) и периферии) [6;24]. Ядро является стабильной и устойчивой частью СП, связанной с коллективной памятью, с историей группы, с ее ценностями и нормами. Здесь располагаются элементы, в наибольшей степени коренящиеся в культуре. Функции ядра заключаются в следующем: смыслообразование, организация и стабилизация [24]. Стабильность ядра СП достигается в результате процесса объективации. Ядро кристаллизуется в ценностной системе, разделенной членами группы, оно поддерживается за счет коллективной памяти. Очевидно, что не может быть речи о СП без ядра (!).

Периферическая система СП конкретизирует значение ядра СП, это связующее звено между ядром и той конкретной ситуацией, в которой вырабатывается и действует СП. Периферическая система характеризуется вариативностью и изменчивостью [24]. За счет этого свойства периферия позволяет СП адаптироваться к изменяющемуся контексту, в том

числе и к историческому эволюционированию. Это своего рода “защитная система” ядра СП, по сути, - и всего СП, ибо изменение ядра ведет к изменению СП. В рамках этого подхода в жизни СП предлагается выделять ряд этапов, отражающих динамику СП: *зарождение, стабилизация и трансформация* [24]. *Зарождение* СП соотносится с появлением нового объекта (который обладает полиморфностью) или с повышением социальной значимости уже известного (например, важность работы для индивидов, находящихся в ситуации безработицы). Потенциальные объекты представлений должны обладать такими необходимыми характеристиками: 1) «социокогнитивная выпуклость» в данной культуре в какой-то определенный момент; 2) интересующая нас группа должна иметь какой-либо опыт *действия* в отношении потенциального объекта СП [15]. Продолжительность процесса формирования варьирует в зависимости от того, насколько группе доступна необходимая информация, насколько сложна система коммуникация, каков сам объект представления. Как отмечал Ф.Бартлетт, новое не приходит в культурный вакуум, оно подвергается влиянию уже существующих значений [7], что придает специфику формирующимся СП. На этапе *стабилизации* на уровне ядра СП превращается в консенсусное знание, оно выполняет свои функции, становится средством объяснения окружающего мира. Изменение СП наступает тогда, когда оно уже не способно выполнять свои функции. С точки зрения структурного подхода, процесс *трансформации* представлений означает, что происходит изменение ядра представлений, например, элементы ядра перемещаются в периферическую систему, а элементы периферической системы – в ядро. Любопытно, что Ю.М.Лотман называет смену элементов ядра и периферии одним из «механизмов структурной динамики» [3, с.553].

Социодинамический подход, разрабатываемый В.Дуазом с коллегами [10;11], нацелен на анализ того, как социальная структура влияет на формирование СП, в фокусе внимания – анализ СП, определяемых как “организующие принципы принятия позиции, они связаны со специфическим включением в социальные отношения и организуют символические процессы, вторгающиеся в эти отношения” [10, р.243]. Социальная позиция подразумевает обладание некоторой общей базой, языком, разделенным между людьми. Если в структурном подходе консенсус является основополагающим принципом СП, то в рамках социодинамического подхода консенсус отрицается.

В рамках диалогического подхода, предложенного И.Марковой, теория СП позиционируется как теория социального знания [21]. Основываясь на идеях М.М. Бахтина о диалогическом общении [1], она помещает в фокус анализа понятие диалогичности, определяемое как “фундаментальная способность человеческого разума постигать, создавать и сообщать о социальных реалиях в терминах эго-альтер” [21, р. 93]. Эта способность является результатом филогенеза и социокультурной истории человека. Развивая идею диалогичности, И.Маркова подчеркивает важность диалогической коммуникации в связи с формированием интересубъективности. Динамической единицей теории социального знания является триада “Эго-Альтер-Объект”. “Фундаментальным понятийным инструментом в развитии теории социального познания”, - по выражению Марковой [21, р. 57], является мышление в антиномиях”. Этот инструмент кажется очень перспективным в отношении понятия темы.

С методологической точки зрения, П.Молине и К.Гимелли различают четыре подхода к анализу СП (хотя это разделение и условно): 1) этнографический, 2) социологический, 3) кросскультурный и 4) экспериментальный [24].

Этнографический подход отражен в исследовании Д.Жоделе, в котором она

анализировала СП о психической болезни в одном французском городе, где больные проживали вне психиатрической клиники, в семьях, в обязанности которых входила забота о больных, не являющихся родственниками [17]. Поместив в фокус исследования жителей небольшого города, которые в повседневной жизни сталкиваются с проблемой психической болезни - являются экспертами по проблеме психического неблагополучия на основе своего повседневного опыта, Жоделе, используя комплексную стратегию исследования (объединяющую интервью, наблюдение, анализ документов), проанализировала порождение СП.

Социологический подход - именно с него все и началось, ибо он реализуется С.Московиси в исследовании СП о психоанализе, в фокусе внимания оказываются социально-демографические критерии для сравнения СП о психоанализе [27].

Кросскультурный подход позволяет анализировать то, как нормы или традиции, соответствующие той или иной национальной группе, влияют на содержание и структуру СП.

Экспериментальный подход позволяет ответить на вопрос о том, как переменная или ряд переменных влияют на СП (например, на динамику представлений). Эта исследовательская стратегия зачастую используется в работах представителей структурного подхода [24].

В рамках теории СП различают системы массовой коммуникации [30]: *распространение* (эта система нацелена на широкую передачу информации значительной аудитории, опирающаяся на дистанцированный, интеллектуальный стиль), *воспроизведение* (нацеленность на группы, имеющие сходные взгляды о некотором явлении; опирается на апелляцию к нормам и ценностям, разделенным в группе), *пропаганда* (способ усиления идентичности и побуждения к действию).

Рассматривая ситуацию возникновения и широкого распространения новых технологий, в частности — Интернета, С.Московиси отмечает, что социальные сети и виртуальная реальность — это «магистраль» информации, по которым распространяются — СП, обладающие определенной логикой, С.Московиси называет их киберпредставлениями [29]. В перспективе необходимость исследовать новые явления, а именно: “как здравый смысл, языковой обмен и группы формируются в кибер-коммуникации” [29, р.19]. Развитие этой идеи последователями Московиси позволило описать новую систему коммуникации — эффузию [8]: участники коммуникации обладают эквивалентными статусами, их позиция власти в процессе коммуникации взаимозаменяемы, асимметрия статуса, характерная для всех остальных систем, - отсутствует. Цели, которые преследуются, а также аудитория, к которой обращается коммуникатор в случае эффузии, отличаются от оных в классических системах, описанных С.Московиси [27]. Предполагается не только обмен информацией, но впечатлениями, оценками, чувствами и эмоциями. Как отмечает Ф.Бушини, представляется возможным проводить аналогии между этой системой коммуникации и слухами, ибо в обоих случаях информация передается от коммуникатора к реципиенту, каждый из них - взаимозаменяем и обладает равным статусом, здесь нет той асимметрии, которая присуща классическим системам [8]. Эта система коммуникации подразумевает не только ориентацию на других, но и активное вовлечение в коммуникацию ее участников, что объясняет трансформации общения в сети Интернет.

Даже из краткого рассмотрения основных идей теории СП, очевидно, что этот подход обладает богатым потенциалом для анализа того, что происходит с человеком в эпоху пятой

информационной революции: новые технологии становятся объектами СП (будь то компьютеры, Интернет или социальные сети [34;36]). В ситуации доминирования визуальной риторики, ибо мы живем в эпоху визуальной культуры, когда на смену власти текстов (которая соответствовала поколению родителей) пришла власть изображений (на уровне подростково-молодежной среды) [18], теория СП позволяет понять суть этих трансформаций.

Будучи средством анализа социального поведения, теория СП дает ключ к пониманию того, как массовая коммуникация связана с СП, которые, в свою очередь, регулируют социальное поведение и социальные отношения. И ответ на вопрос о том, как поведение в сети Интернет соотносится с оным в реальной жизни, доступен через призму анализа этой теории.

Заключение

Технологии стали всеобъемлющими, сложно представить повседневную жизнь человека без них. В результате у индивида возникает ощущение, будто бы он является важным участником разнообразных процессов, происходящих в глобализированном мире. Используя все новые и новые технические средства, он становится свидетелем целого ряда событий, свершающихся в разных уголках планеты. Подобно журналисту, он ведет собственный блог, высказывает свое мнение по поводу того или иного события, дает бесценные советы; по аналогии с выпускающим редактором, определяет иерархию списка новостей, пускается в обсуждение интересующих тем с совершенно неизвестными людьми, соглашается или спорит, блокирует участников общения, которые, вероятно, не разделяют его воззрений и пр. Другими словами, Интернет открыл перед человеком такие степени свободы, которых у него не было до появления этого средства [5], и которые, едва ли возможны в реальной жизни: действительно - тысячи едва ли знакомых людей в категории “друзья” в социальных сетях, ощущение собственной экспертности по любому вопросу с последующим бесплатным тиражированием идей и пр., - едва ли такое возможно вне сети Интернет.

Целью излагаемого здесь теоретико-аналитического исследования был анализ потенциала теории СП для изучения трансформаций, которые происходят с человеком в эпоху пятой информационной революции. Проанализировав основные положения теории, кратко остановившись на основных теоретических и методологических подходах, мы приходим к выводу, что подход обладает богатым потенциалом для анализа трансформаций, происходящих с человеком в цифровом мире: новые технологии становятся объектами СП (будь то Интернет [34] или социальные сети). Теория СП дает возможность ответить на вопрос, как человек выстраивает объяснение новому явлению и выстраивает свое поведение в соответствии с ним [36]. Современная эпоха в полной мере является эпохой визуальной культуры, где власть текстов (которая соответствовала поколению родителей) сменилась властью изображений (на уровне подростково-молодежной среды) [18]. Взглянув на это через призму идей теории СП, получим: фигуративная риторика нацелена на массы, а лингвистическая – на просвещенное меньшинство [30]. Наконец, теория СП является средством анализа социального поведения, ибо она дает ключ к пониманию того, как массовая коммуникация связана с СП, которые, в свою очередь, регулируют социальное поведение и социальные отношения.

Настоящую работу можно считать своего рода дань уважения автору теории - С.Московиси, которому 14 июня этого года исполнилось бы 95 лет. Справедливости ради

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

заметим, что юбилейная статья, посвященная С.Московиси, его вкладу в развитие социальной психологии, опубликована П.Молине [22].

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. *Собр. соч.: В 7 т.* М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 341 с.
2. Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Издательство Института психологии РАН. 2016. 476 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство - СПб, 2000. 704 с.
4. Ракилов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // *Вопросы философии.* 1994. № 4. С. 14-34.
5. Тхостов А.Ш. Трансформация высших психических функций в эпоху информационного общества [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.youtube.com/watch?v=B8FuIeaAWfo](https://www.youtube.com/watch?v=B8FuIeaAWfo) (дата обращения: 08.08.2020).
6. Abric J.-C. *Pratiques sociales et représentations.* Paris: Presses Universitaires de France. 1994. 251 p.
7. Bartlett F.C. Conventionalisation // Bartlett F.C. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology.* Cambridge: Cambridge University Press. 1932. P.268-280.
8. Buschini F. Diffusion, propagation, propagande : et après ? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales // Paper presented at the EASP Small group meeting in honor of Serge Moscovici. 2016. 17—18 November.
9. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept. In W. Doise, A. Palmonari (eds.). *L'étude des représentations sociales.* Neuchatel: Delachaux & Niestlé. 1986. P.86-98.
10. Doise W., Clémence A., Lorenzi-Cioldi, F. Représentations sociales et analyses de données. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble. 1992. 365 p.
11. Doise W., Spini D., Clémence A. Human Rights Studies as Social Representations in a Cross-cultural Context // *European Journal of Social Psychology.* 1999. № 29. P. 1-29.
12. Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangertner A. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis // *Papers on Social Representations.* 2011. № 20. P. 11.1—11.19.
13. Empirical approaches to social representations / G. Breakwell & D. Canter (eds.). Oxford: Oxford University Press. 1993. 350 p.
14. Farr R. *The roots of modern social psychology.* Oxford: Blackwell Publishers. 1996. 166 p.
15. Flament C. Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires.* Paris: Armand Colin. 2003. 256 p.
16. Global digital report 2019 — We are social [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (дата обращения: 06.08.2020).
17. Jodelet D. *Madness and social representations: Living with the mad in one French community.* Berkeley: University of California Press. 1991. 316 p.
18. Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In: D. Macedo, S. R. Steinberg (eds.). *Media Literacy: A Reader.* New York: Peter Lang, 2007. P. 157—165.
19. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media // *European Journal of Social Psychology.* 2015. Vol.45. P.277-278. DOI:10.1002/ejsp.2097
20. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K., with members of the EU kids online

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

network. EU kids online. London: Final report. September. 2011. 54 p.

21. *Markova I.* Dialogicality and social representations. The dynamics of mind. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 224 p.

22. *Moliner P.* On Serge Moscovici's 95th Anniversary: The Theory of Social Representations - History, Postulates and Dissemination// RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Vol.17. P.524-536.

23. *Moliner P.* Une approche chronologique des représentations sociales. In: P. Moliner (ed.). *La dynamique des représentations sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble. 2001. P.245-268.

24. *Moliner P., Guimelli C.* Les représentations sociales. Grenoble : Presses Universitaire de Grenoble. 2015. 139 p.

25. *Moscovici S.* Foreword. In: C. Herzlich (ed.). *Health and illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press. 1973. P.ix—xiv.

26. *Moscovici S.* Introductory address // *Papers on Social Representations*. 1993. № 2. P. 1—11.

27. *Moscovici S.* *La Psychanalyse: son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France. 1961. 652 p.

28. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations. In: G. Duveen (ed.). *Social representations: explorations in social psychology*. N. Y.: New York University Press. 2000. P.18-77.

29. *Moscovici S.* Vygotsky, le Grand Robert et la cyber-représentation // *Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. 1995. Vol.28. P.15-21.

30. *Moscovici S.* Why a theory of social representations?. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 18-61.

31. *Moscovici S., Vignaux G.* Le concept de thémata. In: C. Guimelli (ed.). *Structures et transformations des représentations sociales*. Paris: Delachaux et Niestlé. 1994. P. 26-72.

32. *Orfali B.* Active minorities and social representations: two theories, one epistemology// *Journal for the theory of social behaviour*. 2002. Vol.32. P.395-416.

33. *de Rosa A.S.* Mise en réseau scientifique et cartographie de la dissémination de la théorie des représentations sociales et son impact sur la culture bibliométrique. In: G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales: Théories, méthodes et applications*. Bruxelles: De Boeck Supérieur. 2016. P.51-68.

34. *Salesses L.* Rôle du niveau de connaissance dans le processus de structuration d'une représentation sociale // *Les cahiers internationaux de psychologie sociale*. 2005. № 66. P. 25–42.

35. *Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U.* EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. EU Kids Online. 2020. DOI: 10.21953/lse.47fdeqj01of0

36. *Tateo L.* Représentations sociales et nouvelles technologies. In: G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Louvain-la-Neuve : De Boeck Supérieur. 2016. P. 399-408.

37. *Tajfel H.* Social psychology of intergroup relations // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33. P.1–39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245

38. *Vergès P.* L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de psychologie*. 1992. T. XLV (405). P. 203—209.

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

39. Wagner W. Social representations and beyond: brute facts, symbolic coping and domestic worlds// Culture and psychology. 1998. P.297-329.DOI:10.1177/1354067X9800400302

40. Wagner W., Duveen G., Farr R., Jovchelovitch S., Lorenzi-Cioldi F., Markova I., Rose D. Theory and method of social representations// Asian Journal of Social Psychology.1999 P.95-125.

References

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoyevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. In: M.M.Bakhtin (ed.). *Sobranie sochinenii v 7 tomakh* [Collected works in 7 volumes]. Moscow: Russkiye slovari: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2002. T. 6. 341 p.(In Russ.).
2. Yemel'yanova T.P. *Sotsial'nyye predstavleniya: istoriya, teoriya i empiricheskiye issledovaniya* [Social Representations: History, Theory, and Empirical Research]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhologii RAN, 2016. 476 p. (In Russ.).
3. Lotman YU.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint-Petersbourg.: Iskusstvo - SPB, 2000. 704 p.(In Russ.).
4. Rakitov A.I. *Novyy podkhod k vzaimosvyazi istorii, informatsii i kul'tury: primer Rossii* [A new approach to the relationship of history, information and culture: an example of Russia]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 1994, no. 4, pp. 14-34. (In Russ.)
5. Tkhostov A.Sh. Transformatsiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy v epokhu informatsionnogo obshchestva [Transformation of higher mental functions in the era of the information society] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B8FuIeaAWfo> (Accessed 08.08.2020) (In Russ.).
6. Abric J.-C. *Pratiques sociales et représentations*. Paris: Presses Universitaires de France.1994. 251 p.
7. Bartlett F.C. Conventionalisation. In: F.C.Bartlett (ed.). *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1932, pp.268-280.
8. Buschini F. Diffusion, propagation, propagande : et après ? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales. *EASP Small group meeting in honor of Serge Moscovici*. 2016.17—18 November.
9. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept. In W. Doise, A. Palmonari (eds.). *L'étude des représentations sociales*. Neuchatel: Delachaux & Niestlé, 1986, pp.86-98.
10. Doise W., Clémence A., Lorenzi-Cioldi, F. *Représentations sociales et analyses de données*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1992. 365 p.
11. Doise W., Spini D., Clémence A. Human Rights Studies as Social Representations in a Cross-cultural Context. *European Journal of Social Psychology*, 1999.Vol. 29, pp. 1-29.
12. Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangerter A. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis. *Papers on Social Representations*, 2011.Vol. 20, pp. 11.1—11.19.
13. Empirical approaches to social representations / G. Breakwell & D. Canter (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. 350 p.
14. Farr R. *The roots of modern social psychology*. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 166 p.
15. Flament C., Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
16. Global digital report 2019 — We are social [Электронный ресурс].URL:<https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (Accessed: 06.08.2020).
17. Jodelet D. *Madness and social representations: Living with the mad in one French community*. Berkeley: University of California Press, 1991. 316 p.

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

18. Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In: D. Macedo, S. R. Steinberg (eds.). *Media Literacy: A Reader*. New York: Peter Lang, 2007, pp. 157—165.
19. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media. *European Journal of Social Psychology*, 2015. Vol.45, pp.277-278. DOI:10.1002/ejsp.2097
20. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K., with members of the EU kids online network. *EU kids online*. London: Final report. September, 2011. 54 p.
21. Markova I. *Dialogicality and social representations. The dynamics of mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 224 p.
22. Moliner P. On Serge Moscovici's 95th Anniversary: The Theory of Social Representations - History, Postulates and Dissemination. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020. Vol.17, no3, pp.524-536.
23. Moliner P. Une approche chronologique des représentations sociales. In: P. Moliner (ed.). *La dynamique des représentations sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001, pp.245-268.
24. Moliner P., Guimelli C. *Les représentations sociales*. Grenoble : Presses Universitaire de Grenoble, 2015. 139 p.
25. Moscovici S. Foreword. In: C. Herzlich (ed.). *Health and illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973, pp. ix—xiv.
26. Moscovici S. Introductory address. *Papers on Social Representations*, 1993, no 2, pp. 1—11.
27. Moscovici S. *La Psychanalyse: son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961, 652 p.
28. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: G. Duveen (ed.). *Social representations: explorations in social psychology*. N. Y.: New York University Press, 2000, pp.18-77.
29. Moscovici S. Vygotsky, le Grand Robert et la cyber-représentation. *Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 1995. Vol.28, pp.15-21.
30. Moscovici S. Why a theory of social representations?. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, pp. 18-61.
31. Moscovici S., Vignaux G. Le concept de thémata. In: C. Guimelli (ed.). *Structures et transformations des représentations sociales*. Paris: Delachaux et Niestlé, 1994, pp. 26-72.
32. Orfali B. Active minorities and social representations: two theories, one epistemology. *Journal for the theory of social behaviour*, 2002. Vol.32, pp.395-416.
33. de Rosa A.S. Mise en réseau scientifique et cartographie de la dissémination de la théorie des représentations sociales et son impact sur la culture bibliométrique. In: G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales: Théories, méthodes et applications*. Bruxelles: De Boeck Supérieur, 2016. P.51-68.
34. Salesses L. Rôle du niveau de connaissance dans le processus de structuration d'une représentation sociale. *Les cahiers internationaux de psychologie sociale*, 2005. Vol.66, pp. 25–42.
35. Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U. *EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries*. *EU Kids Online*. 2020. DOI: 10.21953/lse.47fdeqj01ofo
36. Tateo L. Représentations sociales et nouvelles technologies. In: G. Lo Monaco, S. Delouée,

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

P.Rateau (eds.). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Louvain-la-Neuve : De Boeck Supérieur, 2016, pp. 399-408.

37. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982. Vol. 33, pp.1–39.DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245

38. Vergès P. L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation. *Bulletin de psychologie*, 1992. Т. XLV (405), pp. 203—209.

39. Wagner W. Social representations and beyond: brute facts, symbolic coping and domestic worlds. *Culture and psychology*, 1998, pp.297-329.DOI:10.1177/1354067X9800400302

40. Wagner W., Duveen G., Farr R., Jovchelovitch S., Lorenzi-Cioldi F., Markova I., Rose D. Theory and method of social representations. *Asian Journal of Social Psychology*, 1999, pp. 95-125.

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Information about the authors

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Получена 10.06.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 10.06.2020
Accepted 07.09.2020

Ценностные и моральные основы правового нигилизма молодежи

Протасова И.Н.

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина (ФГБОУ ВО АГППУ имени В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Сычев О.А.

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина (ФГБОУ ВО АГППУ имени В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Аношкин И.В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (ФГБОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского), г. Симферополь, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9569-9584>, e-mail: iva105@mail.ru

Исследование психологических истоков правового нигилизма молодежи актуально в силу его существенных негативных социальных последствий. Прошлые исследования психологических основ правового нигилизма зачастую не учитывали современных теоретических подходов (таких как теория моральных оснований Дж. Хайдта) и опирались на инструментарий с неизвестными психометрическими свойствами. В данном исследовании проверялась гипотеза о ценностных и моральных основаниях правового нигилизма молодежи. Диагностика ценностей осуществлялась с помощью опросника PVQ-R2 (Ш. Шварц и др.), моральной сферы — с помощью опросника моральных оснований MFQ-Ru (О.А. Сычев и др.). Для диагностики правового нигилизма был составлен опросник, включающий две шкалы, характеризующие неверие в закон как мировоззренческую позицию (идеологический правовой нигилизм) и недоверие к правоохранительной системе как отражение правоприменительной практики (прагматический правовой нигилизм). Оправданность разведения этих конструктов в структуре правового нигилизма, несмотря на их тесную корреляцию, была показана с помощью конфирматорного факторного анализа. На выборке из 283 студентов было установлено, что правовой нигилизм в его разных аспектах поддерживают ценности открытости изменениям, включающие самостоятельность мысли и действий, гедонизм и поиск стимуляции, в то время как ценности сохранения, включающие безопасность, традицию и конформизм, ему противостоят. С помощью структурного линейного моделирования показано, что вера в закон поддерживается этикой автономии, а доверие правоохранительной системе — этикой сообщества. Результаты уточняют

полученные ранее выводы о связи правового нигилизма с ценностями и дополняют представления о роли морали как основы правосознания.

Ключевые слова: правовое сознание, правовой нигилизм, моральные основания, ценности.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00119 «Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи».

Для цитаты: *Протасова И.Н., Сычев О.А., Аношкин И.В.* Ценностные и моральные основы правового нигилизма молодежи [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 158–173. DOI:10.17759/psylaw.2020100311

Values-related and Moral Foundations of legal Nihilism of Youth

Irina N. Protasova

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Oleg A. Sychev

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Igor V. Anoshkin

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9569-9584>, e-mail: iva105@mail.ru

Researching the psychological causes of legal nihilism in young people is urgent nowadays due to the considerable negative effect which this problem has on the society. Previous studies of psychological causes of legal nihilism often didn't take into account contemporary theoretical approaches (such as Moral Foundations Theory by J. Haidt) and relied on tools with unknown psychometric characteristics. The current research checked the hypothesis of values-related and moral foundations of legal nihilism in young people. Values were diagnosed with PVQ-R2 Questionnaire (S.Schwartz et al.), moral sphere - with Moral Foundations Questionnaire MFQ-Ru (O.A.Sychev et al.). In order to diagnose legal nihilism, a questionnaire was made which includes two scales characterizing disbelief in the law either as a generalized attitude (ideological legal nihilism) or disbelief in the law enforcement system as a result of enforcement practices (pragmatic legal nihilism). By the use of the confirmatory factor analysis it was shown that the separation of these constructs within the structure of legal nihilism (despite their strong correlation) was justified. Based on a sample of 283 students we established that legal nihilism in its different aspects is supported by the values of openness to changes, including independence of thought and conduct, hedonism and seeking

stimulation, whereas it is opposed by the conservative values, including safety, tradition and conformism. Using structured linear modeling it was shown that belief in the rule of law is supported by autonomy ethics whereas trust in the law enforcement system is supported by community ethics. The results refine the conclusions previously drawn about the relationship between legal nihilism and values and add to the idea about morals as the basis of legal consciousness.

Keywords: legal consciousness, legal awareness, legal nihilism, moral foundations, values.

Funding: This work was supported by grant RFBR № 18-013-00119 «Values and moral foundations as a basis for social world view of youth».

For citation: Protasova I.N, Sychev O.A., Anoshkin I.V. Values-related and Moral Foundations of legal Nihilism of Youth. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 158–173. DOI:10.17759/psylaw.2020100311 (In Russ.).

Правовые взаимодействия людей представляют собой часть системы социальных взаимодействий, и правовое сознание является важным компонентом социального мировоззрения. С психологической стороны в правовом сознании рассматривались его структура, функции, динамика, деформации [1; 4; 5]. Негативное отношение к праву принято обозначать термином правовой нигилизм. Актуальность проблемы правового нигилизма граждан для российской государственности отмечалась многими исследователями [4; 5; 9; 12; 19]. Этнокультурная специфика негативного отношения россиян к законности и правопорядку связывалась с культурно-историческим типом русского народа [9], спецификой истории российской государственности и антиправовым морализмом как характерной чертой общественной мысли [19]. Снижение уровня правовой культуры и обострение в России проблемы правового нигилизма рассматривались как результат общественно-политических изменений в конце XX в. [4; 5; 12]. Остроту проблемы правового нигилизма в условиях российского общества показали результаты психологических исследований, демонстрирующие беспрецедентное в сравнении с зарубежными данными количество (около 70%) респондентов без уважения относящихся к законам и отрицающих их ценность по разным основаниям [15], а также утрату принципиальной особенности отечественного правосознания, выражающейся в опоре на нравственные принципы [2].

Правовой нигилизм как сложное социальное явление рассматривался в его разнообразных проявлениях и аспектах: философских, культурологических, исторических, социологических, психологических. Среди множества определений правового нигилизма, наиболее обобщенным можно считать определение Н.И. Матузова, характеризовавшего его как одну из форм мироощущения и социального поведения, сущностью которой является общее негативно-отрицательное, неуважительное отношение к праву и законам [12]. Правовой нигилизм рассматривался как самый низкий уровень развития правового сознания [121], как крайний полюс в ряду других видов негативного отношения к праву [1], как одна из деформаций правосознания [14], как проявление девиантного и деструктивного поведения в различных формах (нигилизм инфантильный, фрустрационный, мстительный, возмещающий, регрессивный) [6]. Содержательная неопределенность понятия правового нигилизма сказалась и на диагностическом уровне. В русскоязычных методиках шкалы

правового (либо нормативного) нигилизма включали в состав методик для диагностики видов правового сознания [1] и экстремизма [7]. Содержание этих и подобных им шкал [14] не вполне отражает сложную структуру правового нигилизма, сужая или расширяя это понятие, а их описание обычно не содержит полных психометрических сведений относительно надежности и валидности.

В современных исследованиях правового нигилизма обсуждался вопрос о его структуре. К структурообразующим компонентам предлагалось относить идеи, отрицающие легитимные социальные установки [6]. Об антиправовом морализме, как идеологии представляющей право второстепенным и низжестоящим по отношению к нравственности, говорил В.А. Туманов [19]. В эмпирических исследованиях показана необходимость при оценке нигилизма учитывать отношение к результату правоприменительной практики — правопорядку, представленному деятельностью государственных органов [13]. Примером структурного выделения на диагностическом уровне проявлений правового нигилизма является опросник Д. Мартина и Д. Макконела, в котором его показателями служили низкие оценки по шкалам: «Признание закона», «Необходимость закона», «Коррупционность правоохранителей», «Добросовестность правоохранителей», «Точность принятия судебных решений» [24]. Структура опросника соотносима с современными представлениями о структуре правового сознания, в котором принято выделять компоненты (тематические области), выступающие объектом правовых установок (аттитюдов): в отношении закона и сотрудников правовых институтов, преступлений, преступников и наказаний [5]. Обобщение этих данных о структуре правового нигилизма позволяет выделить два его аспекта: идеологический — негативное отношение к праву как социальному институту и прагматический — негативное отношение к реализации закона на практике (правоприменению) правоохранительными структурами.

Для определения психологических факторов отношения к праву Д.С. Безносковым было выполнено исследование различных видов такого отношения в его связи с личностными особенностями, базовыми убеждениями и ценностями [1], позволившее выявить ценностные ориентации, составляющие основу различных видов правового сознания, в том числе и негативного характера. В своем исследовании Д.С. Безносков опирался на теорию базовых ценностей Ш. Шварца (один из наиболее авторитетных теоретических подходов в этой области); вместе с тем его выводы нуждаются в проверке, поскольку диагностика отношения к праву осуществлялась с помощью авторской методики с неустановленной надежностью и валидностью.

Представление о нравственных ориентирах, понятиях о добре, зле и справедливости как основе формирования правовых взглядов выглядит настолько очевидным, что без доказательств упоминается в учебниках [например: 3], хотя на самом деле их взаимосвязь, не будучи столь однозначной, представляет существенный научный интерес. Исследования связи правового сознания и моральной сферы с использованием подхода Дж.Л. Тапп, основанного на теории морального развития Л. Колберга [25], показали, что эволюция морального сознания далеко не всегда приводит к росту правопослушности [2; 4; 15] и на разных уровнях морального развития обнаруживаются различные основания для нарушения закона, связанные с типами отношения к государству как носителю законности [4; 15]. В категориальный аппарат модели развития правового сознания Дж.Л. Тапп и Л. Колберга не включается понятие правового нигилизма, который представлен, скорее, содержательным описанием негативного отношения к институту права в форме различных типов отчуждения

от закона, поэтому выводы лишь косвенно свидетельствуют о связях правового нигилизма с моралью. Помимо этого, исследователи отмечали сложности соотнесения полученных результатов с моделью развития правового сознания Дж.Л. Тапп и Л. Колберга, связанные с ее возможной неполнотой [2; 4]. Стадиальная теория морального развития Л. Колберга, положенная в основу подхода Дж.Л. Тапп, в настоящее время подвергается критике [8].

В исследованиях морали растет популярность социально-интуитивистской теории моральных оснований Дж. Хайдта [20], неоднократно описанной в русскоязычных публикациях [8; 10; 17; 18]. Согласно теории моральных оснований, базовыми структурными элементами морали (ее основаниями, присутствующими в различных культурах) являются моральные «интуиции», эволюционно закрепленные в психике человека, составляющие основу для сознательных моральных суждений и проявляющиеся в выраженной эмоциональной реакции в отношении социальных объектов, возникающей мгновенно и спонтанно без подкрепления рациональными оценками.

На основе теоретического анализа и обобщения эмпирических данных авторами теории были описаны пять моральных оснований: забота, справедливость, лояльность группе/обществу, уважение авторитетов/власти, чистота/почитание святынь. Они образуют две категории: индивидуализирующие моральные основания (или этика автономии), включающие заботу и справедливость; и сплачивающие моральные основания (или этика сообщества), включающие лояльность, уважение и чистоту. Если первая категория моральных оснований охватывает преимущественно нормы, регулирующие индивидуальные отношения, то вторая в основном содержит нормы, регулирующие отношения человека с обществом в целом. Несмотря на распространенность теории моральных оснований в социально-психологических исследованиях, нам не удалось обнаружить сведений о ее применении для анализа моральных основ правового сознания.

Хотя ценностные и моральные основы правового сознания и правового нигилизма уже много лет привлекают внимание психологов, большая часть исследований в этой области зачастую основывалась на устаревших теоретических подходах к изучению морали и опиралась на методический инструментарий с неустановленной надежностью и валидностью.

Цель и гипотезы

Целью данного исследования стал анализ ценностных и моральных факторов правового нигилизма молодежи. В результате теоретического анализа было сформулировано предположение о том, что ценностную основу правового нигилизма составляет высокая ценность открытости изменениям и несогласие с консервативными ценностями (ценностями сохранения). Моральной основой правового нигилизма является относительно низкий уровень принятия моральных устоев. Мы предполагали также, что правовой нигилизм имеет сложную структуру, включающую идеологический и прагматический компоненты, связь которых с ценностями и моральными основаниями отличается качественным своеобразием. Одной из задач данного исследования стала разработка надежной методики диагностики правового нигилизма, позволяющей выявить его идеологический и прагматический аспекты.

Выборка и методы исследования

В исследовании приняли участие 283 студента 1—3-го курсов БТИ АлтГТУ имени И.И. Ползунова и КФУ имени Вернадского, среди них 36% мужчин. Возраст варьировался от 18 до 40 лет ($M = 23,08$; $SD = 2,92$).

Для решения задач исследования был разработан опросник, основой которого стал тест «Правовой нигилизм» Д. Мартина и Д. Макконелла, представляющий интерес в связи с выделением в нем структурных элементов правового нигилизма [24]. Необходимость создания нового опросника была обусловлена слабой разработанностью инструментария диагностики правового нигилизма. Поскольку в утверждениях теста Д. Мартина и Д. Макконелла отражены реалии правовой системы США, нами была разработана новая методика на базе этого опросника вместо его адаптации. Шкалы теста отражают отношение к праву как социальному институту (признание ценности законов и их необходимости для взаимодействия людей) и отношение к реализации закона на практике (правоприменению) правоохранительными структурами.

В соответствии с моделью правосознания О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик [5] для формулировки утверждений было составлено описание негативных правовых установок в соответствующих тематических областях. С учетом этой модели и составленных описаний из теста Д. Мартина, Д. Макконелла [24] были отобраны утверждения, содержащие идеологические (отношение к праву как социальному институту) и прагматические (отношение к правоприменительной практике) аспекты оценки правовых взаимодействий. Утверждения были переформулированы так, что в итоге они стали более обобщенными, лаконичными и безличными (текст см. в табл. 1).

Полученный в результате опросник «Правовой нигилизм» состоит из 10 пунктов, образующих две шкалы: Шкала «Идеологический правовой нигилизм» характеризует отношение к закону как таковому; шкала «Прагматический правовой нигилизм» — отношение к правоохранительной системе и ее представителям. В соответствии с инструкцией испытуемые должны были оценить меру согласия с каждым пунктом, используя следующую шкалу ответов: 1 — абсолютно не согласен; 2 — скорее не согласен; 3 — и да, и нет; 4 — скорее согласен; 5 — полностью согласен. Анализ надежности и факторной структуры нового опросника представлен далее.

Диагностика ценностей проводилась с помощью портретного ценностного опросника Ш. Шварца (PVQ-R2), основанного на его уточненной теории базовых ценностей. Эта методика позволяет измерить значимость 19 базовых ценностей [20] с помощью шкал, включающих по три утверждения. На основе 19 первичных ценностных шкал вычисляются вторичные показатели, характеризующие четыре ценностных блока: самоутверждение, самопреодоление, открытость изменениям, сохранение. Для упрощения анализа нами использовались показатели по обобщенным ценностным блокам.

Для диагностики моральной сферы использовался опросник моральных оснований Дж. Грэхема и др. [23] в адаптации О.А. Сычева, И.Н. Протасовой и К.И. Белоусова [18]. Опросник состоит из двух частей по 15 заданий, образующих пять шкал первого уровня, соответствующих моральным основаниям: «Забота», «Справедливость», «Лояльность», «Уважение», «Чистота». При обработке результатов подсчитываются средние баллы для каждого испытуемого по шкалам первого уровня, а также средние показатели по шкалам второго уровня: этики автономии и этики сообщества. Коэффициенты надежности (α

Кронбаха) приведены в табл. 2.

В ходе статистического анализа данных использовались программы Jamovi 1.0.1 и Mplus 7.

Результаты

Для исследования факторной структуры предложенного опросника правового нигилизма был проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА) с использованием метода минимальных остатков и облического вращения «Облимин» (табл. 1). О пригодности наших данных для ЭФА свидетельствуют значения соответствующих критериев (Критерий Бартлетта $\chi^2(45) = 579; p < 0,001$; КМО = 0,847).

Таблица 1

Результаты эксплораторного факторного анализа опросника правового нигилизма

№ пункта и его содержание	Фактор 1	Фактор 2
1. Во многих случаях гораздо лучше обходиться без обращения к закону	0,46	0,02
3. Человек может нарушить закон и быть прав, если люди его не осуждают	0,46	-0,12
5. Любой закон — прежде всего насилие над личностью	0,53	0,04
7. Нет смысла соблюдать такой закон, который многими нарушается	0,63	-0,06
9. Во многих сложных ситуациях обращение к закону принесет только вред	0,54	0,26
2. Закон служит богатым и сильным, а не бедным и слабым	-0,09	0,60
4. Исход дела в суде больше зависит от связей обвиняемого, чем от его виновности	0,05	0,69
6. Людям с высоким положением и материальным достатком суд не страшен	0,02	0,68
8. Для полиции важнее отчетность, а не поиск виновного	0,21	0,46
10. Судьи обычно делают все возможное для торжества справедливости	0,08	-0,44

Примечание: факторные нагрузки, превышающие 0,40, выделены жирным шрифтом.

Результаты проведенного анализа говорят о наличии в структуре опросника двух факторов, соответствующих шкалам идеологического и прагматического правового нигилизма. Корреляция между выделенными факторами составила 0,81. Далее, для подтверждения факторной структуры опросника был выполнен конфирматорный факторный анализ (КФА). Структурная модель опросника включала два латентных фактора, соответствующих указанным выше шкалам, допускалась корреляция между факторами (рис. 1). Оценка этой модели с помощью робастного алгоритма MLR показала ее отличное соответствие данным: $\chi^2 = 44,31; df = 34; p = 0,11; CFI = 0,976; TLI = 0,969; RMSEA = 0,033$; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,000-0,057; PCLOSE = 0,863; $N = 283$.

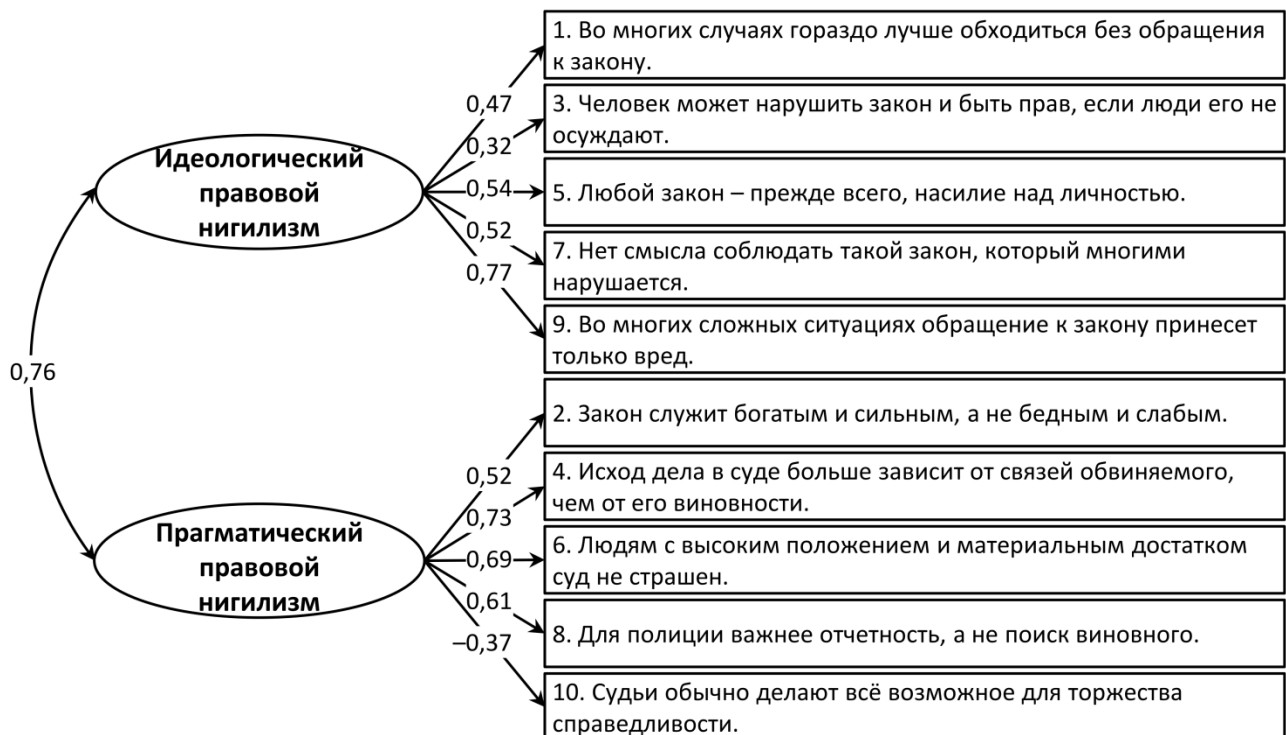

Рис. 1. Структурная модель опросника правового нигилизма (все приведенные стандартизованные коэффициенты статистически значимы при $p < 0,05$)

Итак, двухфакторная структура опросника полностью подтвердилась результатами КФА. Анализ надежности показал хорошую внутреннюю согласованность обеих шкал (см. коэффициенты α Кронбаха в табл. 2). Оценка внешней валидности представляется проблематичной ввиду отсутствия аналогичных методик с уже доказанной валидностью и надежностью. Тем не менее, представленные далее результаты анализа могут свидетельствовать в пользу конструктивной валидности шкал.

Для проверки гипотез о связи правового нигилизма молодежи с ценностями были вычислены коэффициенты корреляции между шкалами методики PVQ-R2 и опросника правового нигилизма (табл. 2).

Таблица 2

Корреляции показателей правового нигилизма и базовых ценностей

Показатели	1	2	3	4	5	6
1. Идеологический правовой нигилизм	—					
2. Прагматический правовой нигилизм	0,67***	—				
3. Самопреодоление	-0,14*	0,01	—			
4. Самоутверждение	0,13*	0,10	-0,69***	—		
5. Открытость изменениям	0,16**	0,21**	-0,18**	0,11	—	
6. Сохранение	-0,15*	-	0,09	-	-	—

		0,26***		0,45***	0,71***	
Надежность (α Кронбаха)	0,70	0,73	0,86	0,84	0,78	0,83

Примечание: Значимость коэффициентов: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Полученные корреляции свидетельствуют о том, что идеологический правовой нигилизм поддерживается ценностями открытости изменениям и самоутверждения, но при этом противостоит ценностям самопреодоления и сохранения. Прагматический правовой нигилизм показал прямую связь с ценностями открытости изменениям и обратную — с ценностями сохранения.

Для проверки гипотез о связи правового нигилизма молодежи с моральными основаниями были вычислены коэффициенты корреляции между шкалами методики MFQ-Ru и опросника правового нигилизма (табл. 3).

Таблица 3

Корреляции показателей правового нигилизма и моральных оснований

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Идеологический правовой нигилизм	—								
2. Прагматический правовой нигилизм	0,67** *	—							
3. Забота	-0,22** *	-0,02	—						
4. Справедливость	-0,16**	0,04	0,71** *	—					
5. Лояльность	-0,05	-0,10	0,39** *	0,40** *	—				
6. Уважение	-0,19**	-0,30** *	0,28** *	0,21** *	0,63** *	—			
7. Чистота	-0,17**	-0,10	0,56** *	0,54** *	0,52** *	0,55** *	—		
8. Этика автономии	-0,20** *	0,01	0,93** *	0,92** *	0,43** *	0,27** *	0,60** *	—	
9. Этика сообщества	-0,16**	-0,21** *	0,48** *	0,45** *	0,85** *	0,87** *	0,81** *	0,50** *	—
Надежность (α Кронбаха)	0,70	0,73	0,69	0,69	0,67	0,69	0,68	0,82	0,84

Примечание: Значимость коэффициентов: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Из приведенных в табл. 3 корреляций следует, что идеологический правовой нигилизм обратно связан как со шкалами этики автономии (заботой и справедливостью), так и со

шкалами этики сообщества (уважением и чистотой). При этом прагматический правовой нигилизм показал статистически значимую обратную связь только с одной шкалой — уважением. Этим данным соответствуют также корреляции показателей правового нигилизма с обобщенными шкалами: идеологический правовой нигилизм показал обратную связь, как с этикой автономии, так и с этикой сообщества, в то время как прагматический правовой нигилизм — только с этикой сообщества.

Ввиду тесной взаимосвязи шкал внутри опросников MFQ и опросника правового нигилизма парные коэффициенты корреляции могут сформировать неточное представление об отношениях между различными аспектами моральной сферы и правового сознания. Для анализа целостной системы связей была разработана структурная модель, в которой, в соответствии с гипотезой моральные основания выступали в качестве предикторов правового нигилизма. В частности, модель включала два фактора моральных оснований: этику автономии и этику сообщества, а также два фактора правового нигилизма, соответствующих шкалам опросника.

Предварительная оценка этой модели с использованием индексов модификации показала, что шкала чистоты из опросника MFQ-Ru показывает значимую нагрузку не только на фактор этики сообщества, но и на фактор этики автономии — соответствующая нагрузка была добавлена в модель. Кроме того, пути от этики автономии к фактору «прагматический правовой нигилизм», а также от этики сообщества к фактору «идеологический правовой нигилизм» оказались незначимы и были исключены из модели. Итоговая модель, представленная на рис. 2, показала хорошее соответствие данным: $\chi^2 = 139,45$; $df = 85$; $p < 0,001$; $CFI = 0,947$; $TLI = 0,934$; $RMSEA = 0,048$; 90%-ный доверительный интервал для $RMSEA$: 0,033-0,061; $PCLOSE = 0,595$; $N = 283$.

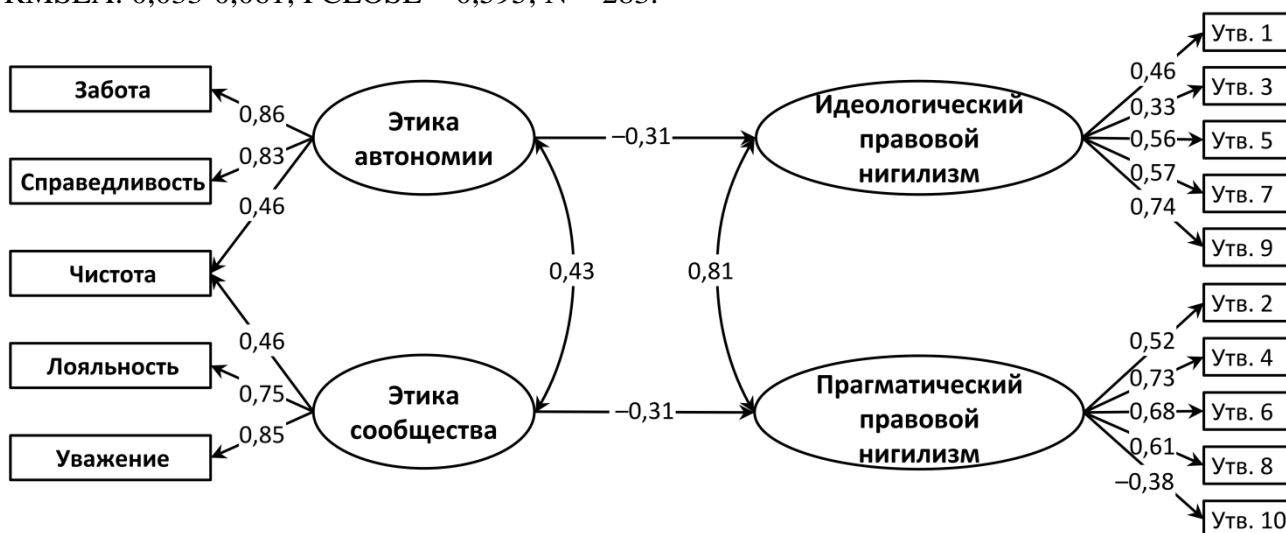

Рис. 2. Структурная модель связей правового нигилизма и моральных оснований (все приведенные стандартизованные коэффициенты статистически значимы при $p < 0,05$)

Отрицательные регрессионные коэффициенты путей от этики автономии и этики сообщества к показателям правового нигилизма позволяют сделать вывод о том, что высокая ценность этики автономии сочетается с меньшей склонностью к идеологическому правовому нигилизму, в то время как одобрение этики сообщества сочетается с меньшей склонностью к прагматическому правовому нигилизму.

Обсуждение результатов

В соответствии с предположением о неоднородной структуре правового нигилизма, включающей, как минимум, идеологический и прагматический аспекты, в данном исследовании была разработана методика «Правовой нигилизм». Соответствующие этим аспектам шкалы методики показали достаточно хорошую внутреннюю согласованность, при этом факторная структура методики была подтверждена средствами КФА. Несмотря на довольно тесную связь между идеологическим и прагматическим аспектами правового нигилизма, полученные данные свидетельствуют о целесообразности их разведения. Этот вывод согласуется с ранее высказанными предположениями о сложной структуре правового нигилизма [6; 24].

Результаты анализа ценностных основ правового нигилизма позволяют сделать вывод о том, что, в целом, правовой нигилизм поддерживается ценностями открытости изменениям, включающими самостоятельность мысли и действий, гедонизма и поиска стимуляции, в то время как ценности сохранения, включающие безопасность, традицию и конформизм, ему противостоят. Этот вывод хорошо согласуется с полученными Д.С. Безносковым результатами, свидетельствующими о связи различных видов негативного отношения к праву с ценностями [1]. Наши результаты также подкрепляют и дополняют полученные ранее выводы о наличии индивидуально-психологических основ усвоения правовых представлений и правосознательного поведения, среди которых, в частности, была выделена обратная связь поиска разнообразия и перемен (противоположного спланивающим моральным основаниям с присущим им уважением традиций и стремлением к сохранению) с правосознательным поведением [16].

Как и в нашем исследовании, правовой скептицизм в работе Д.С. Безносова показал связь с отвержением консервативных ценностей (социальной нормативности и порядка) в сочетании с высокой ценностью самостоятельности, независимости. Правовой цинизм в его исследовании, аналогично нашим результатам, был связан с высокой оценкой ценностей гедонизма и влияния. При этом правовой нигилизм, согласно выводам Д.С. Безносова, сочетается с отрицанием значимых ценностей [1]. Наши выводы также согласуются с результатами исследования личностных профилей осужденных за терроризм и экстремизм [10], в котором было выделено характерное для подобных преступников выраженное презрение к общественным нормам, обычаям и традициям и, кроме этого, зачастую неспособность учитывать опыт, даже приобретенный в результате наказания.

Анализ связи правового нигилизма с особенностями моральной сферы подтвердил предположение о том, что правовой нигилизм в любой его форме (идеологической или прагматической) сочетается с «нравственным дефицитом», проявляющемся в относительно низком принятии моральных устоев. Тем не менее, уже в результатах корреляционного анализа проявилась некоторая специфика связей разных компонентов правового нигилизма с разными моральными основаниями. Результаты структурного моделирования ярко продемонстрировали, что этика автономии, включающая нормы заботы и справедливости, противостоит лишь идеологическому правовому нигилизму, но никак не связана с прагматическим нигилизмом. При этом прагматическому правовому нигилизму противостоят моральные нормы этики сообщества (лояльности группе/обществу, уважение авторитетов и власти, чистота и почитание святых). Иными словами, вера в закон

поддерживается этикой автономии, а доверие правоохранительной системе — этикой сообщества.

Полученные выводы представляются закономерными, если вспомнить о том, что этика автономии касается регуляции индивидуальных отношений между людьми с целью обеспечения их прав, в то время как этика сообщества включает нормы, регулирующие отношения человека и общества, направленные, в основном, на защиту общественных интересов. Закон как абстрактный принцип, гарантирующий соблюдение прав каждого человека, представляется созвучным в своем предназначении нормам этики автономии, так как именно закон защищает человека и позволяет отстаивать его права. Неудивительно, что люди, высоко оценивающие значимость норм заботы и справедливости, демонстрируют также веру в закон. Этика сообщества, напротив, в большей мере сконцентрирована вокруг защиты общественных интересов и опирается на нормы уважения авторитетов/власти и лояльности группе/обществу. Лица, которые высоко оценивают значение норм лояльности и уважения, очевидно, разделяют эти нормы, а поэтому они в большей мере доверяют правоохранительной системе, как системе государственных органов, реализующих власть. Полученные выводы проливают свет на относительно новый аспект теории моральных оснований — роль моральных оснований в правосознании. Кроме того, полученные результаты имеют практическую значимость, объясняя возможный позитивный эффект нравственного воспитания в становлении правосознания.

Литература

1. Безносов Д.С. Социально-психологический анализ отношения личности к праву // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 36—46.
2. Борисова Н.В. Особенности моральной и правовой социализации молодого поколения россиян // Личность в изменяющихся социальных условиях. Красноярск, 25—26 октября 2017 года. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т имени В.П. Астафьева, 2017. С. 19—24.
3. Власов В.И. Теория государства и права. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 365 с.
4. Воловикова М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 16—23.
5. Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Правосознание и правовая социализация: аналитический обзор. М.: Международное общество имени Л.С. Выготского, 2003. 270 с.
6. Гуляихин В.Н. Психосоциальные формы правового нигилизма человека // Юридические исследования. 2012. № 3. С. 108—148. doi: 10.7256/2305-9699.2012.3.240
7. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностика диспозиции насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78—97.
8. Заикин В.А. Моральное функционирование: социально-психологический подход. Социально-интуитивистская теория Дж. Хайдта // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 32—38. doi: 10.11621/npj.2017.0104
9. Ильин И.С. Проблема негативного отношения к праву в России // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. № 1. С. 345—351.
10. Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А. Психологический профиль террориста [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 141—157. doi:10.17759/psylaw.2019090311. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n3/109355.shtml> (дата обращения: 17.03.2020).

11. Козлова М.А., Козлов А.И. Истоки морали, ориентированной на индивида и группу: социально-психологический и естественнонаучный аспекты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 60—70.
12. Матузов Н.И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Правовая культура. 2013. № 1. С. 8—18.
13. Монаков В.В. Тенденции развития правового нигилизма в среде российской молодежи (по результатам социологического исследования) // Интеграция образования. 2013. № 1. С. 77—81.
14. Муслумов Р.Р. Правовое сознание личности: учеб. пособие. Правовое сознание личности. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2013. 84 с.
15. Николаева О.П. Исследование этнопсихологических различий морально-правовых суждений // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 4. С. 79—88.
16. Носс И.Н., Булыгина В.Г., Кабанова Т.Н. Зависимость правосознания от индивидуально-психологических особенностей государственных служащих [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 33—48. doi:10.17759/psylaw.2019090403. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n4/Noss_Bulygina_Kabanova_full.shtml (дата обращения: 17.03.2020).
17. Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков / О.А. Сычев, А.М. Беспалов, М.М. Прудникова, М.С. Власов // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 85—96. doi: 10.17759/chp.2016120109.
18. Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88—115. doi: 10.21702/rpj.2018.3.5.
19. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52—58.
20. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43—70.
21. Ясюкова Л.А. Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. 2000. № 4. С. 1—13.
22. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // Psychological Review. 2001. Vol. 108(4). P. 814—834. doi: 10.1037/0033-295X.108.4.814
23. Mapping the Moral Domain / J. Graham, B.A. Nosek, J. Haidt, R. Iyer, S. Koleva, P.H. Ditto // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. P. 366—385. doi: 10.1037/a0021847
24. Martin J.D., McConnell J.P. Black militant ideology and the law. Some Indications from a Questionnaire Study // Criminology. 1972. Vol. 10(1). P. 111—116. doi: 10.1111/j.1745-9125.1972.tb00547.x
25. Tapp J.L., Kohlberg L. Developing senses of law and legal justice // Journal of Social Issues. 1971. Vol. 27(2). P. 65—91. doi: 10.1111/j.1540-4560.1971.tb00654.x

References

1. Beznosov D.S. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz otnosheniya lichnosti k pravu [Socio-psychological analysis of person's attitude to law]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2013, vol. 34, no. 4, pp. 36—46. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Borisova N.V. Osobennosti moral'noi i pravovoi sotsializatsii molodogo pokoleniya rossiiyan [Features moral and legal socialization of the younger generation of russians]. *Lichnost' v izmenyayushchikhsya sotsial'nykh usloviyakh [Personality in changing circumstances]*. Krasnoyarsk, 25—26 oktyabrya 2017 goda. Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2017, pp. 19—24. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Vlasov V.I. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of the state and law]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2002. 365 p.
4. Volovikova M.I. Nravstvenno-pravovye predstavleniya v rossiiskom mentalitete [Moral and legal ideas in russian mentality]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2004, vol. 25, no. 5, pp. 16—23. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Gulevich O.A., Golynchik E.O. Pravosoznanie i pravovaya sotsializatsiya. Analiticheskii obzor [Legal awareness and legal socialization. The analytical survey]. M.: Mezhdunarodnoe obshchestvo im. L.S. Vygotskogo, 2003. 270 p.
6. Gulyaikhin V.N. Psikhosotsial'nye formy pravovogo nigilizma cheloveka [Psychosocial forms of legal nihilism]. *Yuridicheskie issledovaniya [Legal studies]*, 2012, no. 3, pp. 108—148. doi: 10.7256/2305-9699.2012.3.240. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Davydov D.G., Khlomov K.D. Metodika diagnostika dispozitsii nasil'stvennogo ekstremizma [Diagnostics of Dispositions of Violent Extremism]. *Psikhologicheskaya diagnostika [Psychological Diagnostics]*, 2017, vol 14, no. 1, pp. 78—97. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Zaikin V.A. Moral'noe funktsionirovanie: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod. Sotsial'no-intuitivistskaya teoriya Dzh. Khaidta [Moral functioning: Socio-psychological approach. Social-intuitivist theory by J. Haidt]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*, 2017, no. 1 (25), pp. 32—38. doi: 10.11621/npj.2017.0104. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Il'in I.S. Problema negativnogo otnosheniya k pravu v Rossii [The problem of negative attitude towards law in Russia]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo [Personality. Culture. Society]*, 2009, vol. 11, no. 1, pp. 345—351.
10. Kazberov P.N., Bovin B.G., Fasolya A.A. Psikhologicheskii profil' terrorista [Elektronnyi resurs] [Terrorist's Psychological Profile]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 141—157. doi:10.17759/psylaw.2019090311. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n3/109355.shtml> (Accessed 17.03.2020) (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Kozlova M.A., Kozlov A.I. Istoki morali, orientirovannoi na individa i gruppu: sotsial'no-psikhologicheskii i estestvenno-nauchnyi aspekty [The origins of individual-oriented and group-oriented morality: social-psychological and scientific aspects]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2016, vol. 37, no. 3, pp. 60—70. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Matuzov N.I. Pravovoi idealizm kak oborotnaya storona pravovogo nigilizma [Legal idealism as a reverse side of legal nihilism]. *Pravovaya kul'tura [Legal Culture]*, 2013, no. 1, pp. 8—18. (In Russ., abstr. in Engl.).

13. Monakov V.V. Tendentsii razvitiya pravovogo nigilizma v srede rossiiskoi molodezhi (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Tendencies to Legal Negativism Among Russian Young People (based on results of a sociological survey)]. *Integratsiya obrazovaniya [Integration of Education]*, 2013, no. 1, pp. 77–81. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Muslumov R.R. Pravovoe soznanie lichnosti [Legal awareness of personality]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural, un-ta, 2013. 84 p.
15. Nikolaeva O.P. Issledovanie etnopsikhologicheskikh razlichii moral'no-pravovykh suzhenii [The study of ethnopsychological differences in moral judgments]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 1995, vol. 16, no. 4, pp. 79–88. (In Russ., abstr. in Engl.)
16. Noss I.N., Bulygina V.G., Kabanova T.N. Zavisimost' pravosoznaniya ot individual'no-psikhologicheskikh osobennostei gosudarstvennykh sluzhashchikh [Elektronnyi resurs] [Dependence of Legal Awareness on the Individual Psychological Characteristics of Public Officers]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 33–48. doi:10.17759/psyandlaw.2019090403. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n4/Noss_Bulygina_Kabanova_full.shtml (Accessed 17.03.2020) (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Sychev O.A., Bepalov A.M., Prudnikova M.M., Vlasov M.S. Osobennosti moral'nykh osnovanii u mongol'skikh, nemetskikh i rossiiskikh podrostkov [Features of Moral Foundations in Mongol, German and Russian Adolescents]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 85–96. doi: 10.17759/chp.2016120109 (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I. Diagnostika moral'nykh osnovanii: aprobatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika MFQ [Diagnosing moral foundations: Testing of the Russian version of the Moral Foundations Questionnaire]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 88–115. doi: 10.21702/rpj.2018.3.5 (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Tumanov V.A. Pravovoi nigilizm v istoriko-ideologicheskom rakurse [Legal nihilism in historical-ideological perspective]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 1993, no. 8, pp. 52–58. (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primenenie v Rossii [Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]*, 2012, vol. 9, no. 2, pp. 43–70. (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Yasyukova L.A. Pravosoznanie: diagnostika i zakonomernosti razvitiya [Legal awareness: Diagnostics and patterns of development]. *Prikladnaya psikhologiya [Applied psychology]*, 2000, no. 4, pp. 1–13. (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, vol. 101, pp. 366–385. doi: 10.1037/a0021847.
23. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological review*, 2001, vol. 108, no. 4, pp. 814–834. doi: 10.1037/0033-295X.108.4.814.
24. Martin J.D., McConnell J.P. Black militant ideology and the law. *Some Indications from a Questionnaire Study*. *Criminology*, 1972, vol. 10, no. 1, pp. 111–116. doi: 10.1111/j.1745-9125.1972.tb00547.x.

Протасова И.Н., Сычев О.А., Аношкин И.В.
Ценностные и моральные основы правового
нигилизма молодежи
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 158–173.

Protasova I.N, Sychev O.A., Anoshkin I.V.
Values-related and Moral Foundations
of legal Nihilism of Youth
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 158–173.

25. Tapp J.L., Kohlberg L. Developing senses of law and legal justice. *Journal of social issues*, 1971, vol. 27, no. 2, pp. 65—91. doi: 10.1111/j.1540-4560.1971.tb00654.x.

Информация об авторах

Протасова Ирина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина (ФГБОУ ВО АГГПУ имени В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник Управления научно-исследовательской деятельности, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина (ФГБОУ ВО АГГПУ имени В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Аношкин Игорь Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (ФГБОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского), г. Симферополь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9569-9584>, e-mail: iva105@mail.ru

Information about the authors

Irina N. Protasova, PhD in Psychology, Associate Professor Department of Pedagogy and Psychology, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Oleg A. Sychev, PhD in Psychology, Research Associate, Department of research activities, Moscow Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Igor V. Anoshkin, PhD in Psychology, Research Associate of Department of Social Psychology, Moscow Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9569-9584>, e-mail: iva105@mail.ru

Получена 23.03.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 23.03.2020
Accepted 07.09.2020

Представления подростков о девиантном поведении

Шульга Т.И.

Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatiana@gmail.com

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Статья раскрывает особенности представлений подростков разных социальных групп о девиантном поведении. По результатам исследования 80 подростков с помощью 5 методик были изучены особенности представлений о девиантном поведении. В результате выявлено, что подростки группы нормы имеют более точные представления о девиантном поведении, а подростки, состоящие на учете в ПДН (подразделении по делам несовершеннолетних), имеют неадекватное представление, приближая его к делинквентному. Выявлены внешние и внутренние причины, оказывающие негативное воздействие на представления подростков. Внешние причины играют ключевую роль в становлении подростка и его представлениях. Внутренние причины проявляются в безразличном отношении к учебе, негативном отношении к миру, отсутствии доверия к взрослым. При отсутствии осознания подростками власти со стороны взрослых, подчинение не является нормой поведения и подразумевает психическую активность, направленную на удовлетворение собственных желаний, стремлений, принадлежности группе. В силу проявления личностных особенностей подростков, таких как незавершенность формирования личности, наличие неконструктивных способов разрешения трудных ситуаций, можно отнести, эти особенности к внутренним причинам представлений о девиантном поведении и недостаточно осознанных последствий такого поведения.

Ключевые слова: девиантное поведение, представления, внешние и внутренние причины, негативное воздействие.

Для цитаты: Шульга Т.И., Дворянчиков Н.В. Представления подростков о девиантном поведении [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 174–188. DOI:10.17759/psylaw.2020100312

Adolescents' Perceptions of Deviant Behavior

Tatjana I. Shulga

Moscow State Region University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatatiana@gmail.com

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

The study reveals peculiarities of perceptions which adolescents from different social groups have about deviant behavior. From the findings obtained in the examination of 80 adolescents using 5 methods, peculiarities were studied of how deviant behavior is viewed. It was revealed that the adolescents from the "normal" group have a more accurate picture of deviant behavior, whereas adolescents who were registered at juvenile affairs departments have an inadequate ideas about it, placing it close to delinquent behavior. External and internal causes were found which have negative impact on adolescents' views. External causes play the key role in the formation of an adolescent's personality and his/her views. Internal causes manifest in indifferent attitude to his/her studies, negative attitude towards the world, lack of trust in adults. In the absence of adolescents' awareness of the authority on the part of adults, obedience isn't a behavioral norm and means mental activity aimed to satisfy their own desires, ambitions and to belong to a group. Due to adolescents' personality specifics such as incomplete personality formation, non-constructive ways of resolving difficult situations, these specifics can be rated among the internal causes of adolescents' views about deviant behavior and of insufficient understanding of the consequences which this behavior leads to.

Keywords: deviant behavior, perceptions, views, external and internal causes, negative impact.

For citation: Shulga T.I., Dvoryanchikov N.V. Adolescents' Perceptions of Deviant Behavior. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 174–188. DOI:10.17759/psylaw.2020100312 (In Russ.).

Введение

Исследователи подросткового возраста считают данный возраст фактором риска для возникновения девиантного поведения, не согласующегося с нормативным поведением. Следуя идее Л.С. Выготского, можно признать, что норма поведения представляет собой отвлеченное понятие, некоторая средняя величина с сочетанием некоторых ненормальных форм. Многие исследователи выделяют внешние и внутренние условия, влияющие на нормативное и девиантное поведение. К внешним условиям относят, прежде всего, семью и социальное окружение, а к внутренним — преобладание ряда личностных особенностей, таких как незавершенность формирования личности, наличие специфических, часто неконструктивных способов разрешения трудных ситуаций [2; 3; 9].

Говоря о причинах девиантного поведения подростков, авторы рассматривают особенности их проживания в семье (неполной, неблагополучной, находящейся в трудных жизненных условиях, полной, но не занимающейся воспитанием подростков и т. д.), а также неблагоприятное социальное окружение [4; 5; 14; 15].

Для подросткового возраста характерны неустойчивость и противоречивость, которые оказывают влияние на многие формы поведения и деятельности личности. Особенности возраста, такие как импульсивность, повышенная эмоциональность, упрямство, агрессивность, внушаемость, конфликтность, можно назвать личностными факторами девиантного поведения [14; 15; 18]. По мнению ряда авторов, наблюдается тенденция к снижению количества правонарушений несовершеннолетних. «Однако следует отметить другую тенденцию, которая вызывает серьезную озабоченность и сохраняется на протяжении ряда лет, связанную с повышением криминальной активности детей, не достигших возраста уголовной ответственности (т. е. детей до 14 лет) [8, с. 96]. Это можно объяснить отсутствием представлений у подростков о девиантном поведении и его последствиях.

Можно выделить низкий уровень общей культуры подростков с девиантным поведением: негативное отношение к социальным нормам и правилам (прогулы занятий, уход из дома, бродяжничество, ориентация на асоциальные образцы поведения, конфликты со взрослыми). «В основе антисоциально направленной креативности находятся агрессивность и психологические особенности личности, которые, взаимодействуя, влияют на поведение в определенных социальных ситуациях» [17, с. 148]. Подростков данной группы отличает наличие вредных привычек (курение, употребление алкоголя и наркотиков) [10; 11].

В исследовании А.Ф. Ремеевой и И.А. Пальчикова было обнаружено, что просоциальным подросткам свойственно когнитивное искажение — долженствование в отношении себя. Они часто, отказывая в чем-то себе, действуют на пользу другим. У девиантных подростков проявляется в большей степени склонность к катастрофизации ситуации (тенденция к негативному восприятию событий, без учета возможных положительных последствий) и долженствование по отношению к социуму [11].

Результаты исследований современных авторов указывают на необходимость разработки способов и методов профилактики девиантного поведения подростков [3; 4]. В работах авторов (Д.И. Фельдштейн, А.А. Реан, Н.А. Рождественская) подростковому возрасту отводится приоритетная роль в формировании социальных представлений «...о жизненно значимых аспектах: здоровье, будущем, семье, профессии, нравственных ориентирах и ценностях; представлениях о безопасной жизнедеятельности, рискованном и девиантном поведении» [12, с. 3]. По мнению М.П. Рябова, «Суть представлений подростков отражает нечеткость и множественность социальных норм, что приводит к размыванию границ представлений о нормативном и ненормативном, допустимом и недопустимом, опасном и безопасном в современной подростковой среде» [12, с. 3]. Теоретический анализ исследований показывает, что остаются недостаточно изученными представления о девиантном поведении в подростковом возрасте. Не описана роль личности подростка в разных условиях проживания и воспитания в формировании этих представлений. Остается неясным вопрос, каковы возможности изменения представлений подростков, роль профилактической работы по изменению их представлений о девиантном поведении [9; 10; 11; 12; 16]

Научная проблема заключается в выделении содержания представлений подростков о девиантном поведении, их смысловое понимание такого поведения, понимание соотношения

с нормами и правилами жизни в обществе и ближайшем окружении. В современных исследованиях, посвященных представлениям подростков о девиантном поведении, этот вопрос изучен неполно. Используемые в практике способы изменения девиантного поведения подростков оказываются недостаточно эффективными. Способы профилактики девиантного поведения не отражают современный уровень требований. Обусловлено это снижением представлений в обществе о нормативности, о допустимом и недопустимом в СМИ, правилах жизни, социализации подростков, о вреде девиантного поведения в обществе.

В исследованиях ряда авторов отмечается, что для подростков характерны незрелость морального самосознания, наличие внешнеобвиняющих реакций, склонность к противопоставлению собственных взглядов, суждений окружающим людям, низкий уровень чувства вины, центрация на собственных взглядах, суждениях, потребностях. Выявленные особенности проявляются в том, что подростки с девиантным поведением демонстрируют положительное отношение к проступку, так как опираются на систему ценностей асоциальной группы, у них отсутствует осознание нарушения нормы, соотнесение поступка с собственным Я [10; 11; 17; 18].

На формирование поведения подростков, их образ жизни большое влияние оказывает отношение к матери и образ матери. По мнению ряда авторов, для большинства подростков родители и особенно мать остаются наиболее значимыми и эмоционально близкими лицами [1; 11]. Так, в социально-психологическом исследовании было показано, что в проблемных ситуациях наиболее эмоционально близким, доверенным лицом для подростка прежде всего является мать, а затем, в зависимости от ситуации, в разной последовательности приоритет отдается отцу, подруге или другу [16]. В исследовании особенностей отношения подростков с девиантным поведением к матери выявлено, что «... мать глазами подростков с девиантным поведением представляет собой некомпетентного родителя, который не умеет уделять внимание, проявлять интерес и понимание, регулировать свои эмоции, устанавливать четкие и понятные правила. Мешают установлению конструктивных отношений отсутствие осознанного принятия подростковой эмансипации; неприятие собственных неконструктивных личностных и поведенческих особенностей и проекция их на подростка» [16, с. 68].

В ряде исследований показано, что в подростковом возрасте значимость родителей меняется на значимость сверстников, что приводит к предпочтению проводить свое свободное время со сверстниками, друзьями. На последнем по значимости предпочтения проводить совместно свободное время оказались родители. Подростки с девиантным поведением предпочитают узкий круг сверстников для общения общению со своими родителями. Однако, попадая в сложную жизненную ситуацию, подростки в первую очередь хотели бы посоветоваться с матерью. Таким образом, со сверстниками, друзьями приятно проводить свободное время, развлекаться, но в трудную минуту лучше обратиться к маме. Можно предположить, что это общая, нормальная тенденция поведения в подростковом возрасте, но проблема в том, что многие подростки группы риска, проявляя девиантное поведение, не имеют положительных отношений с членами семьи и нормальных родителей, к которым они могли бы обратиться в сложных, проблемных жизненных ситуациях [1; 6; 10; 11; 13; 15; 16].

Девиантные подростки воспринимают матерей чаще всего как враждебных, непоследовательных, директивных. Реже всего у них ассоциации образа матери связаны с

позитивным интересом и автономностью. Подростки воспринимают матерей чаще всего как позитивных и непоследовательных [16].

Выявлено, что поведение родителей воспринимается подростком неоднозначно. Например, подростки воспринимают своих матерей как автономных и позитивных. По-видимому, подростки с девиантным поведением считают отчужденность во взаимоотношениях с матерью снисходительным потворствованием, потаканием их прихотям, соглашательством. Образ матери, ведущей себя непоследовательно, непредсказуемо, одновременно включает как психологическое неприятие, так и позитивный интерес. По-видимому, имеет место недостаточно отчетливое осознание чередования воспитательных воздействий. Возможно, что не получая со стороны матери привычного тепла и участия, подросток считает, что к нему несправедливы. Такая противоречивая картина может свидетельствовать и о значимости воспитательного потенциала матери для социальной адаптации подростков как профилактики девиантности [15].

Сочетание противоположных характеристик в образе матери может свидетельствовать о непредсказуемом поведении матери девиантного подростка. Возможно, что подросток своим поведением создает парадоксальность ситуаций, приводящих к нестандартному, неожиданному поведению матери, и провоцирует своим поведением мать к смене позиций в отношениях к нему, вынуждая ее вести себя непривычно, нестандартно [1; 2; 3; 4; 14; 15].

Программа исследования

Цель работы — изучение представлений подростков двух групп о девиантном поведении.

Гипотеза заключалась в предположении, что представления подростков разных социальных групп о девиантном поведении могут быть обусловлены их социальным окружением, отношением к матери, негативными (вредными) привычками в семьях и их личностными особенностями.

В исследовании решались следующие **задачи**.

1. Изучить представления подростков разных социальных групп, состоящих на учете в ПДН, и подростков с нормальным поведением о девиантном поведении.
2. Выявить факторы, способствующие развитию асоциального поведения среди подростков.

Для изучения причин асоциального поведения и структуры представлений подростков о девиантном поведении использовалась авторская анкета «Представления подростков о девиантном поведении», а также следующие методики изучения личностных особенностей подростков.

- Опросник враждебности Басса—Дарки (в адаптации А.К. Осницкого) для выявления типа враждебности и агрессии у подростков двух социальных групп.

- Методика Б. Заззо «Золотой возраст» в модификации А.М. Прихожан для выявления представлений о прошлом, настоящем и будущем подростков разных социальных групп (условной нормы и состоящих на учете в ПДН — подразделении по делам несовершеннолетних).

- Для определения отношения подростков к родителям была использована методика «Цветовой тест отношений». А.М. Эткинда. Методика применялась для того, чтобы определить, какое отношение подсознательно подростки двух групп имеют к матери и отцу.

Для обработки результатов эмпирического исследования использовались статистические методы: корреляционный анализ и t-критерий Стьюдента, Пирсона.

Исследование проходило на базе школы и подразделения по делам несовершеннолетних. В исследовании приняли участие 80 подростков: 43 подростка без признаков асоциального поведения (условная норма), обучающиеся общеобразовательных организаций, и 37 подростков, состоящих на учете в органах ПДН и обучающихся в общеобразовательных организациях (девиантные). Количество мальчиков и девочек не уравнивалось. Средний возраст детей — 15 лет.

Результаты и обсуждение

Исследование включало изучение положения подростков двух социальных групп в семье и их социального окружения. Результаты позволили выявить социальное положение семей и его различие в двух группах. (табл. 1) Подростки условной нормы чаще проживают в полных семьях, образование родителей в основном высшее, большинство работают, при этом 19% матерей не работают. Иное социальное положение семей, в которых проживают подростки, состоящие на учете в ПДН. Меньшее количество полных семей, чаще неполная семья, есть и приемная семья, у родителей преобладает высшее и среднее специальное образование, в одной семье родители не имеют специального профессионального образования. Только 77% родителей работают, в двух семьях не работают, и в 17% семей временно не работают оба родителя.

Таблица 1

Социальное положение семей подростков двух групп (в %)

Характеристика семей	Подростки условной нормы	Подростки, состоящие на учете в ПДН	Различия
Полная семья	82	71	0,002*
Неполная семья	18	27	0,002*
Приемная семья	0	2	-
Высшее образование	88	69	0,002*
Среднее профессиональное образование	12	33	0,001**
Среднее образование	0	3	-
Трудоустроен	81	77	0,002*
Не трудоустроен	0	6	-
Пенсионер	0	2	-
Временно не работает	1 (Мать)	17	-
Вредные привычки (пьет)	0	60 (один или оба родителя)	0,001**
Вредные привычки (курит)	40	70	0,001**
Были приводы в полицию	3 (отец)	40 (отец)	0,001**
Члены семьи (брат) курит, пьет	30	60	0,001**

Примечание: «*» — при $P < 0,05$; «**» — при $P < 0,001$.

Такие факторы, как состав семьи, социальное положение семьи, уровень образования, играют ключевую роль в становлении личности подростка. Необходимо обратить внимание

на то, что в семьях подростков условной нормы больше полных семей, родители имеют высшее образование, большая часть трудоустроена, а мать ведет домашнее хозяйство и не работает. Анализ карт подростков в ПДН показал, что большинство из них являются членами неполных семей и их поведение имеет криминогенный (антисоциальный) характер (кража, нанесение травм средней тяжести, грабеж). Подростков характеризует безразличное отношение к учебе, негативное отношение к миру в целом, отсутствие доверия к взрослым. Девиантные поступки их поведения привели к тому, что на многих из них заведены дела досудебного разбирательства. Большая часть девиантных подростков употребляют психоактивные вещества, бродяжничают, разрушают материальные ценности.

Таким образом, семья остается главным и наиболее важным, фактором социализации личности в подростковом возрасте, что подтверждается многими исследователями. [1; 8; 10; 14]. Семью можно рассматривать в качестве модели социализации в обществе, подражая которой подростки усваивают нормы, правила, обязанности жизни в социальном окружении. Процесс социализации, с одной стороны, идет как приобретение социальных навыков в непосредственном взаимодействии с членами семьи. С другой стороны — как процесс формирования социальной компетентности, усвоения норм, правил, обязанностей, за счет наблюдения, обучения и взаимодействия со взрослыми.

Далее мы рассмотрели, как социальное окружение подростков двух социальных групп позволяет проводить свободное время. Отношение подростков к семье, ее значимости в их жизни в процессе взросления меняется. Более значимыми для подростков становятся сверстники, в результате происходит «обесценивание» родителей. Перенос центра социализации из семьи в группу ровесников приводит к ослаблению социальных, эмоциональных связей с родителями. Однако распространенное представление идеи о «замещении родителей» группой сверстников не вполне соответствует реальной картине жизни современных подростков[1].

На вопрос, где подростки проводят большую часть времени, многие ответили следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Проведение свободного времени подростками двух групп

Показатель	Подростки условной нормы	Подростки, состоящие на учете в ПДН	Различия
Дома	14%	8%	0,002*
В школе	44%	10%	0,002*
На улице (с друзьями)	18%	62%	0,002**
На секциях (хобби, досуг)	56%	20%	0,002**

Примечание: «*» — при $P < 0,05$; «**» — при $P < 0,001$.

Результаты показывают, что подростки группы условной нормы большую часть времени посвящают учебе и занятиям в секциях, где общаются со сверстниками. Данная среда положительно влияет на развитие личности подростка, так как все участники общения и совместной деятельности объединены мотивацией, схожими интересами. Асоциальные подростки, напротив, все свободное время проводят на улице с друзьями, а секции в основном включают футбол или волейбол и только 20% их посещают. Очень небольшой

процент (10%) ходят в школу. Все это приводит к асоциальному поведению и может являться причиной их постановки на учет в ПДН.

На основании представленных выше результатов можно предположить, что в семьях, где у родителей и других родственников есть время для общения с подростком, возможность поговорить с ним откровенно и доверительно, помочь ему и советом, и делом, идет формирование у подростка позитивной самооценки и уверенности в собственных силах. Если же внимания родителей не хватает, подросток начинает чувствовать себя ненужным. В будущем это может негативным образом сказаться на построении доверительных отношений с друзьями, коллегами по работе, супругом или супругой.

Поскольку подростки, состоящие на учете в ПДН (подразделении по делам несовершеннолетних), отличались девиантным поведением, при проведении свободного времени на улице с друзьями, проявляли более высокий уровень враждебности (обиды и подозрительности), а также физическую агрессию, косвенную, вербальную, а также раздражение и негативизм, то понятно, почему они оказались на учете. При сравнении двух групп — условной нормы и состоящих на учете — не выявлены значимые различия между косвенной агрессией и вербальной. Различия получены по уровню враждебности, физической агрессии, а также раздражения. Можно предположить, что именно подростки второй группы не могут контролировать себя, не ориентируются на нормы и правила в обществе, а считают себя достаточно взрослыми, чтобы вести себя так, как они хотят, и это сопряжено с их эмоциональными переживаниями (гнев, злость). Такое поведение подростков привело к проявлению социальной агрессии с антиобщественной направленностью (кражи, хулиганство, разбой, пьянство, употребление наркотиков).

Подростки с асоциальным поведением в процессе своей повседневной деятельности могут совершать как неблагоприятные поступки, так и преступления. В табл. 3 приведены основные характеристики представлений подростков об асоциальном поведении.

Таблица 3

Представления подростков о девиантном поведении (в %)

Характеристика девиантного поведения	Подростки условной нормы	Подростки, состоящие на учете в ПДН	Различия
Вредные привычки (курение, употребление алкоголя)	96	38	0,001*
Употребление ненормативной лексики	84	21	0,002**
Драки, грабежи	75	84	0,001*
Нарушение закона	46	97	0,001**

Примечание: «*» — при $P < 0,05$; «**» — при $P < 0,001$.

Данные, представленные в табл. 3, показывают разное представление подростков двух изучаемых групп о девиантном поведении. Подростки без признаков асоциального поведения характеризовали достаточно четко девиантное поведение. Например, такие вредные привычки, как курение, употребление алкоголя, подростки группы условной нормы в 96% считают проявлением девиантного, асоциального поведения, что выше, чем у подростков, состоящих на учете в ПДН. К такому поведению 84% подростков данной

группы относят употребление ненормативной лексики, что также выше, чем в группе подростков, состоящих на учете. Также 75% считают, что драки и грабежи — это девиантное поведение, и 45% относят к нему нарушение закона. В группе подростков, состоящих на учете в ПДН, 97% считают, что девиантное поведение это только драки, грабежи и 97% относят к нему нарушение закона. Таким образом, представления двух социальных групп подростков о девиантном поведении отличаются по его характеристикам. Возможно именно поэтому подростки, состоящие на учете в ПДН, и ведут себя таким образом, что считают вредные привычки и ненормативную лексику нормой, а не девиантным поведением.

Досуговая деятельность подростков выступает в качестве одного из наиболее важных средств для оптимизации той социокультурной среды, которая их окружает. Процесс осуществления досуговой деятельности можно представить с точки зрения взаимодействия и взаимопроникновения двух таких тенденций, как социализация и индивидуализация. И если социализация заключается в том, что индивид как бы «присваивает» себе социальную сущность, то индивидуализация заключается в выработке у индивида такого только ему присущего способа жизнедеятельности, благодаря которому у него есть возможности развития.

Согласно результатам анкетирования, 35% подростков с асоциальным поведением занимаются в секциях и 41% имеют хобби, при этом непонятно, какие хобби у них есть, возможно именно они и привели к постановке на учет в ПДН. (табл. № 4).

Таблица 4

Досуговая деятельность подростков (%)

Показатель	Подростки условной нормы	Подростки, состоящие на учете в ПДН	Различия
Хобби	92	41	0,001*
Музыкальная школа	41	2	0,002**
Спортивные секции	64	35	0,001*
Художественная школа	37	4	0,001**

Примечание: «*» — при $P < 0,05$; «**» — при $P < 0,001$.

В исследованиях многих авторов доказан факт, что развитие личности подростков происходит в процессе социально значимой деятельности, результатом которой является социализация подростков.

По результатам анкеты выявлено, что в представлениях подростков, состоящих на учете в ПДН, девиантное поведение характеризуется как неподчинение кому-то, а понятие «подчинение» имеет негативную окраску, вызывает агрессию, непонимание. Они не могут объяснить, зачем нужно подчиняться, кто придумал необходимость подросткам подчиняться. Подростки данной группы во многом считают себя более взрослыми, чем их анатомический возраст. Результаты, полученные по методике Р. Заззо «Золотой возраст», показали, что 50% подростков группы условной нормы определили себя более старшими по возрасту, 40% адекватно оценили себя и 10% посчитали себя меньше своего возраста. В группе подростков с девиантным поведением 70% посчитали себя более старшими, 20% оценили адекватно свой возраст, а 10% считают себя младше своего возраста. Полученные результаты позволяют описать причины девиантного поведения подростков, состоящих на учете в ПДН. Они считают себя более взрослыми, что позволяет им нарушать нормы, правила, использовать

нецензурную лексику, а также уже иметь ряд вредных привычек (пить, принимать наркотики), что и способствует дракам, хулиганским действиям.

Использование методики «Цветовой тест отношений» А.М.Эткинда позволило увидеть отношение подростков к матери и отцу в двух группах. У подростков условной нормы отношение к матери в 60% оказалось позитивным, цвета выбирались зеленый, красный и синий. Можно предположить, что это характеризует самоутверждение, самоуверенность, стремление к руководству, некоторому превосходству и наличию власти над другими, символизируют взаимосвязь, привязанность, прочные отношения с матерью. По отношению к отцу только 40% группы условной нормы выбрали цвета, отражающие позитивное отношение. Это свидетельствует о более позитивных отношениях данной группы к матери, по сравнению с отношением к отцу. У подростков, состоящих на учете в ПДН, по отношению к матери выбирались в 70% контрастные цвета — коричневый, красный, фиолетовый и черный, что может свидетельствовать об импульсивном, спонтанном поведении матери. Отношение к отцу в 75% представлено выбором черного, зеленого, фиолетового и серого цветов, что указывает на подавляющее доминирование отца. Серый цвет демонстрирует наличие в семье дистанции, непонимания и безразличия в отношениях между членами семьи.

Это позволяет предположить, что отношение к матери у подростков, состоящих на учете в ПДН, отличается признанием собственного бессилия, подсознательным перекладыванием вины на других, проявлением ненависти к окружающим. Как компенсация у подростков проявляются нарушение норм, правил, девиантное поведение, непослушание. Данная методика позволила выявить неадекватное соотношение вербального и бессознательного уровней межличностных отношений в семьях подростков.

Таким образом, результаты исследования показывают, что подростки 15 лет имеют достаточно четкое представление об асоциальном поведении, но представления у двух групп отличаются по количеству характеристик девиантного поведения. Следует отметить, что только подростки, состоящие на учете в ПДН, считают, что их девиантное поведение проявляется в нарушении закона и участии в драках и грабежах. Это подтверждается и причинами их постановки на учет в ПДН.

Характерным для подростков, состоящих на учете в ПДН, является их негативное отношение к необходимости подчинения требованиям, нормам, правилам. В психологии подчинение (submission) зачастую используется в значении «покорность». Выделение видов подчинения, предложенное в отечественной психологии, рассматривает «подчинение/повиновение, как внешнюю и внутреннюю неконформность, внушаемость» [13, с. 176], а также «коллективистическое самоопределение (сознательная солидарность личности с коллективом, принятие и активное отстаивание его ценностей, норм и стандартов, убеждений, идеалов и установок)» [13, с. 163]. Исследователи выделяют осознанное, пассивное и вынужденное (по необходимости) подчинение [14].

В случае, когда воздействие со стороны взрослых осознается подростком как некая власть, например, в представлениях группы условной нормы, подчинение приобретает характер личностного выбора и подразумевает психическую активность, направленную на выполнение долга, обязанности, норм, правил и т. д. При отсутствии осознания подростками данной власти со стороны взрослых подчинение не является нормой поведения и подразумевает психическую активность, направленную на удовлетворение собственных желаний, стремлений, принадлежности группе, что приводит к противоправному или асоциальному поведению.

В силу проявления личностных особенностей подростков: незавершенность формирования личности, наличие специфических, часто неконструктивных способов разрешения трудных ситуаций, которые чаще проявляются у тех, кто состоит в ПДН, можно отнести эти особенности к внутренним причинам понимания представлений о девиантном поведении и недостаточном осознании последствий такого поведения.

Выводы

1. Изучены представления о девиантном поведении подростков двух разных социальных групп — подростков условной нормы (без признаков асоциального поведения) и подростков, состоящих на учете в ПДН. Представления двух групп подростков 15 лет отличаются конкретными характеристиками девиантного поведения. Подростки группы условной нормы и подростки, состоящие на учете в ПДН, выделили в представлениях об асоциальном поведении вредные привычки, нецензурную лексику, драки, грабежи и нарушения закона.

2. Оказалось, что подростки с нормальным поведением выделяют менее сложные проявления девиантного поведения (вредные привычки, нецензурную лексику), тогда как подростки, состоящие на учете в ПДН, связывают его с драками, грабежами и нарушением закона. Их представления более схожи с представлениями и характеристиками делинквентного поведения, а не девиантного.

3. Выявлены социальные факторы, определяющие развитие асоциального поведения у подростков, состоящих на учете в ПДН. К ним относятся следующие: вседозволенность либо заброшенность; излишний или недостаточный контроль со стороны взрослых; плохие взаимоотношения с близкими, особенно негативное отношение к матери; конфликты в школе, пренебрежение со стороны сверстников.

4. Окружение подростков состоит в основном из более взрослых ровесников с похожими поведенческими проблемами, которым подростки доверяют; их отличает неорганизованность отдыха и досуга. При этом отрицательное отношение подростков, состоящих на учете в ПДН, к подчинению, может провоцировать нарушения норм и правил и приводить к девиантному поведению.

Литература

1. Коновалова А.М. Особенности уважения к родителям в младшем и старшем подростковом возрастах // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 1. doi: 10.18384/2224-0209-2017-1-794
2. Кондратьев М.Д. Социальные представления об успешности подростков с разным интрагрупповым статусом и разным уровнем интеллектуальной успешности // Социальная психология и общество. 2017. Том 8. № 2. С. 116—130. doi:10.17759/sps.2017080208
3. Кибирев А.А. Деятельность социального педагога по сопровождению семьи, находящейся в социально опасном положении // Педагогические аспекты профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних: сб. методических рекомендаций. Хабаровск: ХК ИРО, 2018. С. 23—38.
4. Кибирев А.А. Эскалаторы успеха: учебно-методическое пособие по организации деятельности педагогов с детьми из социально-неблагополучных семей. Хабаровск: ХК ИРО, 2013. 75с.

5. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». 2012. 256 с.
6. Лаврешкин Н.В. Групповой тренинг как метод развития профессионального самоопределения юридического психолога // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 216. 339 с.
7. Методические рекомендации органам исполнительной власти субъектов РФ, органам опеки и попечительства по реформированию организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и совершенствованию сети служб сопровождения замещающих семей. М. 2013. 115 с.
8. Пимонов В.А., Делибалт В.В., Дворянчиков Н.В., Малкин Д.А. К вопросу о нормативно-правовом регулировании организации деятельности психолого-медико-педагогических комиссий в контексте профилактики правонарушений несовершеннолетних. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 1. С. 95—109. doi: 10.17759/psylaw.2018080107
9. Проект Пион-регион. «Общая информационно-технологическая платформа для оценки социальных результатов». Сборник кейсов. М.: АНО «Эволюция и филантропия». 2018. 125 с.
10. Райкус Дж., Хьюз Р., Социально-психологическая помощь семьям и детям групп риска: практическое пособие: в 4 т. Т 4: Размещение и стабильные условия жизни. М.: Эксмо, 2009. 416 с.
11. Ремеева А.Ф., Пальчиков И.А. Особенности иррациональных установок девиантных подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61028.shtml> (дата обращения: 29.09.2019).
12. Рябов М.П. Представления подростков о последствиях употребления наркотиков: автореф. ... дисс. канд. психол. наук. М., 2016. 26 с.
13. Раскумандрина М.Е. Типология индивидуальных стилей подчинения и их диагностика: дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2005. 231 с.
14. Стандарт доказательности практик в сфере детства. МГППУ. Версия № 2. 31 августа 2018 года.
15. Шульга Т.И., Татаренко Д.Д. Психологические особенности подростков-сирот, не имеющих опыта социализации в семье [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. psyedu.ru. 2013. № 2. С. 203—213. URL: http://psyedu.ru/jornal/2013/2/Shulga_Tatarenko.phtml (дата обращения: 27.07.2016).
16. Шульга Т.И., Филатов А.В. Особенности отношения девиантных подростков к матерям. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 3. С. 57—72.
17. Meshkova N.V., Debolsky M.G., Enikolopov S.N., Maslenkov A.A. Features of creativity in social interaction among convicts who have committed self-serving and aggressively violent crimes [Электронный ресурс] // Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]. 2018(8). № 1. P. 147—163. doi: 10.17759/psylaw.2018080111
18. Shulga T. Social and Psychological Problems of Orphanage Graduates and Children Left Without Parental Care // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 3. С. 68—75.

References

1. Konovalova A.M. Osobennosti uvajeniay k roditelaym v mladshem i starshem podrozkovom vozrastax. [Features of respect for parents in the younger and older teenage years]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow state regional University], 2017, no. 1, p.5
2. Kondrat'ev M.D. Sotsial'nye predstavleniy ob uspehnost'y u podrozkov s raznum intragruppovum statusom i raznum urovnem intellektual'noy uspehnosti.[Social ideas about the success of adolescents with different intragroup status and different levels of intellectual success].*Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2017. Vol.8, no. 2, pp. 116-130.doi:10.17759/sps.2017080208
3. Kibirev A.A. Deaytel'nost soshialnogo pedagoga po soprovogdenij semij, naxodaysheysay v sochio —opasnom pologenii [Activity of the social teacher on support of the family which is in socially dangerous position]. *Pedagogicheskie aspekti profilaktiki destruktivnogo povedeniay nesovershennoletnix: sb. metodisheskix rekomendazi.* [Pedagogical aspects of prevention of destructive behavior of minors: collection of methodological recommendation.].Xabarovsk: XK IRO, 2018. P. 23-38.
4. Kibirev A.A. Eskalator yuspexa: uchebno-metodicheskoe posobie po organizachii deaytelnosti pedagogov s detmi iz sochialno- neblagopoluchnix semey.[Escalators of success: educational and methodical manual on the organization of teachers ' activities with children from socially disadvantaged families].Xabarovsk: XK IRO, 2013. 75p.
5. Konovalov A.Y. Shkolnay slugba primereniy i vosstanovitelnay: kultura vzaimootnoshenij: prakticheskoe rukovodstvo [School service of reconciliation and restorative culture of relationships]. Karnozova L.M. (ed.). Moscow: MOO Chentr «Sudebno-pravovayreforma», 2012. 256p.
6. Lavreshkin N.V. Gruppovoi trening kak metod razvitiya professional'nogo samoopredeleniya yuridicheskogo psikhologa // Kochenovskie chteniya «Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii». Sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem. Moscow: MGPPU, 216. 339 p.
7. Metodicheskie rekomendachii organam ispolnitelnoiy vlasti subektov RF, Organam opeki i popechitel'stva po reformirovanij organizachiy dl ydetey-sirot i detey, ostavshixsay bez popecheniay roditel'ey i sovershenstvovaniy seti slugb soprovogdeniej zameshajshix semey[Methodological recommendations to the Executive authorities of the subjects of the Russian Federation, guardianship and guardianship authorities on reforming organizations for orphans and children left without parental care and improving the network of support services for substitute families]. Moscow, 2013. 115p.
8. Pimonov V.A., Delibalt V.V., Dvoryanchikov N.V., Malkin D.A. On legal regulation of activities of psychological, medical and educational committees in the context of crime prevention among minors. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.95-109. doi: 10.17759/psylaw.2018080107
9. Proekt Pion-region «Obshay informazionno-texnologicheskay platforva dlay ozenki sozialiay rezultatov». Sbornik keysov [The project Peony-region. "A common information-technology

platform for the assessment of social outcomes"]. Moscow: ANO «Evoluziay I filantropiay, 2018.125с.

10. Raykus Dg., X'uyz R. Sozial'no-psixologicheskay pomosh' sem'aym i detaym grupp riska:prakticheskoe posobie: v 4-x t[Socio-psychological assistance to families and children at risk: a practical guide: in 4 t.] T. 4: Accommodation and stable living conditions T.4: *Razmeshenie i stabilnue usloviay jizni*. Moscow: Eksma, 2009. 416p.

11. Remeeva A.F., Pal'chikov I.A. Osobennosti irracional'nyh ustanovok deviantnyh podroستkov.[Peculiarities of irrational attitudes of deviant adolescents]. *Psixologiya i pravo*, [Psychology and law], 2013, no. 2, pp. 72—88. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61028.shtml> (Accesed 29.09.2019). (In Russ. Abstr. in Engl.).

12. Raybov M.P. Predstavleniy podroستkov o posledstviayx upotrebleniay narkotikov [Representations of teenagers about the consequences of drug use]. Avtoref. ...k.psiхol. n. Moscow, 2016. 26 p.

13. Raskumandrina M.E. Tipologiy individual'nux stiley podchineniy i ih diagnostika. [Typology of individual styles of command and their diagnostics] Diss....k.psiхol.n.. Yaroslavl', 2005. 231p.

14. Standart dokazatel'nosti praktik v sfere detstva [Standard of proof of practices in the field of childhood].MGPPU.Versiy №2, 31 avgusta. 2018 goda.32p.

15. Shul'ga T.I., Filatov A.V. Osobennosti otnosheniay deviantnux podroستkov k materaym.[Features of the relation of deviant teenagers to mothers].*Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psixologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow state regional University for the Humanities. Series: Psychological science], 2017, no. 3,pp. 57-72.

16. Shul'ga T.I., Tatarenko D.D. Psixologicheskie osobennosti podroستkov-sirot, ne imeyushhih opyta socializacii v sem'ye [Psychological features of teenagers-orphans who do not have experience of socialization in the family]. *Psixologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological science and education PSYEDU.ru], 2013, no. 2, pp. 203—213. Available at http://psyedu.ru/2013/2/Shulga_Tatarenko/phtml (Accessed 27.07.2016)

17. Meshkova N.V., Debolsky M.G., Enikolopov S.N., Maslenkov A.A. Features of creativity in social interaction among convicts who have committed self-serving and aggressively violent crimes. [Elektronnyiresurs]. *Psixologia i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.147-163. doi: 10.17759/psylaw.2018080111

18. Shul'ga T. Social And Psychological Problems Of Orphanage Graduates And Children Left Without Parental Care [Social and psychological problems of orphanage graduates and children left without parental care]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psixologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow state regional University for the Humanities. Series: Psychological science], 2013, no. 3, pp. 68—75.

Информация об авторах

Шульга Татьяна Ивановна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии, ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной

Шульга Т.И., Дворянчиков Н.В.
Представления подростков о девиантном поведении
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 174–188.

Shulga T.I., Dvoryanchikov N.V.
Adolescents' Perceptions of Deviant Behavior
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 174–188.

университет», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatiana@gmail.com

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Information about the authors

Tatjana I. Shulga, Doctor of Psychology, Professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Moscow State Region University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatiana@gmail.com

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Получена 25.05.2020

Принята в печать 07.09.2020

Received 25.05.2020

Accepted 07.09.2020

Психологические особенности молодых людей, вовлеченных в религиозные и культовые организации через интернет пространство

Миронова О.И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, связанного с проблемой вовлечения современной молодежи в религиозные и культовые организации через интернет-пространство. В гипотезе исследования предполагается, что успех данного процесса во многом обусловлен выраженностью определенных личностных характеристик у молодых людей. В качестве респондентов выступили 60 человек, из которых: 30 — не вовлечены в религиозные и культовые организации и 30 — участники закрытых религиозных групп в социальных сетях, 17 мужчин и 43 женщины в возрасте 20—28 лет, а также в исследовании приняли участие 50 экспертов, работающих в учреждениях, занимающихся религиоведческими проблемами и вопросами сектантства. Применялись специально разработанная авторская анкета, а также стандартизированные методики. Выявлено, что молодой человек, вовлеченный в религиозные организации, стремится к людям, быть членом социальной группы, для него характерны: низкие самооценка, уровень критического мышления, степень защиты от манипуляций, а так же склонность к зависимому поведению.

Ключевые слова: вовлечение в религиозные организации, психологические особенности молодого возраста, личностные характеристики, условия вовлечения.

Для цитаты: *Миронова О.И.* Психологические особенности молодых людей, вовлеченных в религиозные и культовые организации через интернет пространство [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 189–210. DOI:10.17759/psylaw.2020100313

Psychological Characteristics of Young People Involved in Religious and Cult Organizations via the Internet Space

Oksana I. Mironova

Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia,
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

The results of an empirical study related to the problem of involving modern youth in religious and religious organizations through the Internet space are presented in the article. It is assumed in the hypothesis that the success of this process is largely due to the severity of certain personal characteristics in young people. 60 people acted as respondents, of which: 30 - not involved in religious and cult organizations and 30 - participants in closed religious groups on social networks, 17 men and 43 women aged 20-28 years, as well as 50 experts working in institutions dealing with religious studies and sectarianism, took part in the study. A specially developed author's questionnaire was used, as well as standardized methods. It was revealed that a young man involved in religious organizations aspires to people, to be a member of a social group, he is characterized by low self-esteem, a level of critical thinking, a degree of protection against manipulation, as well as a tendency to dependent behavior.

Keywords: involvement in religious organizations, psychological characteristics of a young age, personal characteristics, conditions of involvement.

For citation: Mironova O.I. Psychological Characteristics of Young People Involved in Religious and Cult Organizations via the Internet Space. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 189–210. DOI:10.17759/psylaw.2020100313 (In Russ.).

Введение

После распада Советского государства в обществе образовался духовный вакуум, заполнить который оказалось не так просто. За последние десятилетия в стране возникло множество религиозных и культовых организаций, чья деятельность самым активным образом связана с вербовкой молодежи в свои ряды. Известным фактом в психологии является то, что как раз для молодого возраста характерно осуществление поиска жизненного пути, сензитивность к новым, порой радикальным, идеям, увлечение духовными ценностями. До сих пор в образовательных институтах страны не проводится политика религиозного просвещения, следствием чего обнаруживается низкий уровень религиозной культуры у молодежи. Молодому человеку порой трудно разобраться, какие организации можно отнести к деструктивным религиозным группам. Тем более что данные организации в своей работе проявляют большую изощренность, используя самые различные манипулятивные средства в работе с потенциальными членами группы, хорошо разбираясь в возрастных особенностях, обстоятельствах жизни вербуемых в свои ряды adeptов. Также активно ими используется интернет-пространство, что немаловажно при

работе именно с молодежью. Поэтому актуальной на сегодняшний день становится проблема психологических особенностей молодых людей, вовлеченных в религиозные и культовые организации через интернет-пространство.

Зарубежные ученые рассматривают религиозные организации в контексте двух позиций. Первый подход представляют Д.Д. Коутс, М. Кленк, Г. Беккер, которые при определении типа религиозной организации используют термин «новое религиозное движение» [10; 11; 12]. Второй подход представляет Дж. Лолич, который выделяет понятие «культ» [13]. В отечественной науке можно выделить две современные типологии: В.Г. Крысько (церковь, деноминация, секта) и Б.А. Исаева (церковь, деноминация, секта, культ). Ученые Д.С. Сухов, В.М. Целуйко, А.В. Романова исследуют понятие «секта»; А.В. Кузьмин, М.Г. Яковлева выделяли понятие «деструктивная секта»; В.Ф. Елкин, В.В. Горохова, В.В. Комарова, Т.В. Штыркова, О.В. Куропаткина поддерживали зарубежный коллег и выделяли термин «новое религиозное движение»; А.В. Романова исследовала понятие «культ».

Рассматривая вопрос вовлечения в религиозные и культовые организации, Р. Лифтон разработал теорию «промывания мозгов». Методика состоит из восьми критериев реформирования мышления сект [4].

Д.Д. Коутс выделял две модели вовлечения — «социальный дрейф» и «промывание мозгов» [10]. Во второй модели особая роль отводится трудным жизненным обстоятельствам человека, в которых он оказался. Попадая в секту, человек получает своего рода терапию в виде позитивного общения, принятия, как следствие повышается его самооценка, он лучше начинает контролировать свою жизнь [10; 11].

В отечественной науке существует множество исследований, посвященных изучению механизмов вовлечения, где можно выделить следующих авторов Е.В. Ильюк, В.А. Монастырский, В.И. Семенова, Т.К. Мухина, Ю.В. Власова, Е.Н. Волков, Е.С. Лиманских, М. Г. Яковлева [2; 3; 5; 6; 9].

Изучая приемы вовлечения и удержания адептов в секте В.А. Монастырский, Ж.В. Садовникова разделили их на три большие группы: приемы психологического воздействия, средства физического воздействия, средства эмоционально-психологического воздействия [5].

В нашей работе мы основываемся на подходе Ж.В. Садовниковой, в соответствии с которым процесс вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации связывается с использованием различных социальных и индивидуально-психологических инструментов, направленных на обман молодых людей и, таким образом, вовлечение их в секты [8].

Изучением причин вовлечения в религиозные организации в зарубежной психологии занимались Д.К. Росс и М.Д. Лангон, А. Верма и др. [15]. В отечественной психологии данной проблемой занимались И.А. Савиченко, В.М. Целуйко, Ю.В. Власова, Т.К. Мухина, В.А. Монастырский и др. Отечественный ученый А.В. Романов, изучая причины вовлечения в секты, выделил 7 факторов: возраст, неудачи в семейной жизни и пр. [7]. При поиске новых адептов вербуют практически все возрастные группы от школьников до пенсионеров, но наиболее уязвимыми считаются молодые люди.

Среди различных причин значимым условием в процессе вербовки в религиозные и

Миронова О.И.
Психологические особенности молодых людей,
вовлеченных в религиозные и культовые
организации через интернет пространство
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 189–
210.

Mironova O.I.
Psychological Characteristics of Young People Involved in
Religious and Cult Organizations via the Internet Space
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 189–210.

культовые организации выступают характеристики самой личности молодого человека.

Цель исследования — выявить психологические особенности молодых людей, вовлеченных в религиозные и культовые организации через интернет пространство.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что выраженность определенных личностных характеристик у молодых людей (подверженность манипуляциям, виктимность, зависимое поведение и др.) обуславливает их вовлечение в религиозные и культовые организации через интернет-пространство.

Методика

Исследование, обработка его результатов проводились совместно с В.В. Акимовой и является продолжением ряда опубликованных ранее совместных работ [1; 14].

Исследование включало в себя два этапа. На **первом этапе** была организована экспертная оценка психологических особенностей молодых людей как условия вовлечения их в религиозные и культовые организации.

Исследование проводилось путем сбора данных через интернет-рассылки «Google формы». В нем приняли участие 50 экспертов, работающих в учреждениях, представленных в табл. 1.

Таблица 1

Распределение организаций экспертов

Название учреждений	Количество человек	Проценты
Общественный центр «Просвет-инфо» (Уфа)	6	12%
Центр религиоведческих исследований (Саратов)	6	12%
Информационно-консультативный центр по вопросам сектантства (Кемерово)	5	10%
Информационно-консультационный центр по вопросам тоталитарных сект (Ставрополь)	7	14%
Центр по проблемам сект и оккультизма (Томск)	5	10%
Сахалинский информационно-консультационный центр религиоведческих исследований	7	14%
Международный научный журнал Российского исламского института «Мусульманский мир» (Казань)	1	2%
Социальная группа пострадавших от тоталитарных сект и психокультив «Тоталитарные секты и психокульти» (Москва)	6	12%
Социальная группа «Сектоведение. Изучение сект» (Москва)	7	14%

Была разработана авторская анкета «Психологические особенности молодежи как условия вовлечения в религиозные и культовые организации через интернет-пространство». Методика состоит из 15 утверждений, предполагающих 6 вариантов ответов, и включает оценку влияния разных личностных характеристик (выявлены при теоретическом анализе) на вовлечение молодежи в религиозные и культовые организации через интернет-пространство.

Миронова О.И.
 Психологические особенности молодых людей,
 вовлеченных в религиозные и культовые
 организации через интернет пространство
 Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 189–
 210.

Mironova O.I.
 Psychological Characteristics of Young People Involved in
 Religious and Cult Organizations via the Internet Space
 Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 189–210.

На втором этапе исследования с помощью стандартизированных методик выявлялись психологические характеристики личности, обозначенные экспертами, и проводился, с помощью U-критерия Манна—Уинти, сравнительный анализ полученных результатов у молодых людей, вовлеченных и не вовлеченных в религиозные организации.

В качестве *респондентов* выступили 60 человек, из которых — 30 студентов и 30 участников закрытых религиозных групп в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook», представленных в табл. 2.

Таблица 2

Распределение социальных групп испытуемых

Название группы	Количество человек	Проценты
Тантра-Сангха	3	10%
Кундалини-Тантра-Йога	4	13,3%
Сахаджа йога	7	23,4%
Международное Общество Сознания Кришны	6	20%
Учение Виссариона	4	13,3%
Великое Всемирное Белое Братство	3	10%
Харе Кришна	3	10%

Среди испытуемых — 17 мужчин и 43 женщины в возрасте от 20—28 лет. Возрастное распределение испытуемых представлено в табл. 3.

Таблица 3

Распределение возрастных показателей испытуемых

Возраст	Количество человек	Проценты
20	3	5%
21	5	8,3%
22	4	6,7%
23	6	10%
24	11	18,3%
25	13	21,7%
26	11	18,3%
27	7	11,7%

Таким образом, средний возраст испытуемых — 23,5; среди них больше всего испытуемых, которым исполнилось 25 лет (21,7%) и меньше всего — в возрасте 20 лет (5%). Среди испытуемых 47 (78,3%) испытуемых имеют высшее образование, 9 человек закончили колледж (15%) и 4 человека бросили обучение в университете или колледже (6,7%).

На основании биографического анализа людей, их социального статуса, уровня образованности, возрастных характеристик репрезентативную выборку можно считать однородной.

Использованные методики:

1. Авторская анкета «Вовлечение в религиозные организации через интернет-пространство». Цель — выявить влияние интернет-пространства на вовлечение в религиозные организации. Методика состоит из 13 вопросов и 4 блоков: «Официальные сайты и группы в социальных сетях»; «Онлайн-вебинары и тренинги»; «Псевдонаука и парапсихология»; «Отношение к религиозной рекламе».

2. Тест «Подверженность манипуляциям». Автор — Е.А. Тарасов. Цель — выявить уровень незащищенности от манипулирования. Методика состоит из 14 вопросов и представлена одной шкалой.

3. Опросник «Изучение общей самооценки». Автор — Г.Н. Казанцева. Цель — выявить уровень самооценки. Методика состоит из 20 вопросов и представлена одной шкалой.

4. Методика «Склонность к виктимному поведению». Автор — О.О. Андронникова. Цель — выявить предрасположенности личности к виктимному поведению. Методика состоит из 86 вопросов и представлена 7 шкалами.

5. Тест «Критическое мышление». Автор — Л. Старки. Цель — диагностика навыков критического мышления. Методика состоит из 10 вопросов и представлена одной шкалой.

6. Опросник «Аффилиация». Автор — А. Мехрабиана. Цель — выявить уровень стремления к людям. Методика состоит из 62 вопросов и представлена 2 шкалами.

7. Методика «Тест “Межличностные отношения”». Автор — Т. Лири. Цель — выявить уровень представлений субъекта о себе. Методика состоит из 128 утверждений и представлена 8 шкалами.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования с помощью экспертной оценки доминирующие позиции в качестве условий вовлечения в религиозные и культовые организации через интернет-пространство заняли следующие психологические особенности молодых людей: низкая самооценка, манипулятивная незащищенность, виктимность, низкий уровень критичного мышления, потребность к принадлежности к социальной группе, зависимое поведение.

На втором этапе, по результатам авторской анкеты «Вовлечение в религиозные организации через интернет-пространство», были получены следующие результаты. Рассмотрим вопросы *первого блока* методики «Официальные сайты и группы в социальных сетях», которые представлены на рис. 1 и 2.

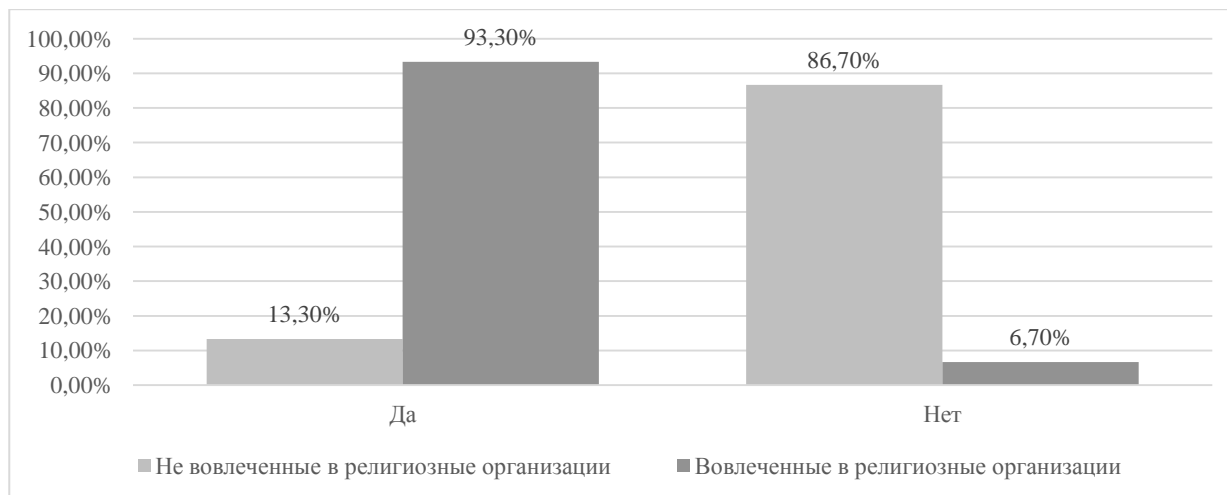

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Являетесь ли Вы участником какого-либо религиозного сообщества в социальных сетях?»

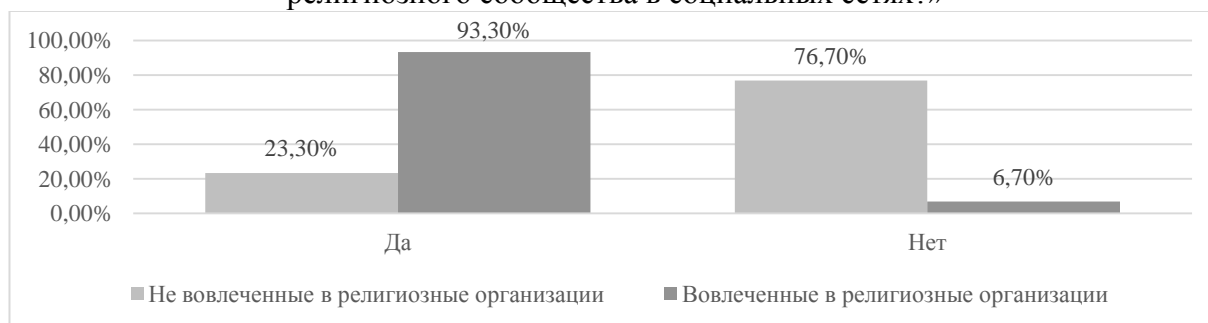

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Знаете ли Вы официальные сайты религиозных организаций?»

Таким образом, большая часть испытуемых, вовлеченных в религиозные организации, являются участниками какой-либо религиозной социальной группы и знают официальные сайты религиозных организаций (93,3%). Молодые люди, не вовлеченные в религиозные организации, в большей степени не являются и участниками религиозных групп в социальной сети (86,7%) и мало знают сайты религиозных организаций (23,3%).

Вопросы *второго блока* методики «Онлайн вебинары и тренинги» представлены на рис. 3—7.

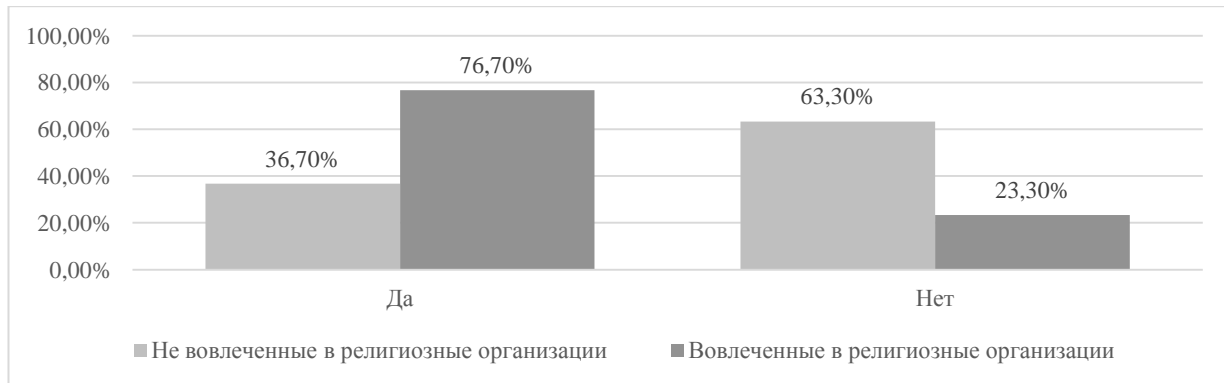

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Видели ли Вы рекламу религиозных сообществ, вебинаров или тренингов в Интернете?»

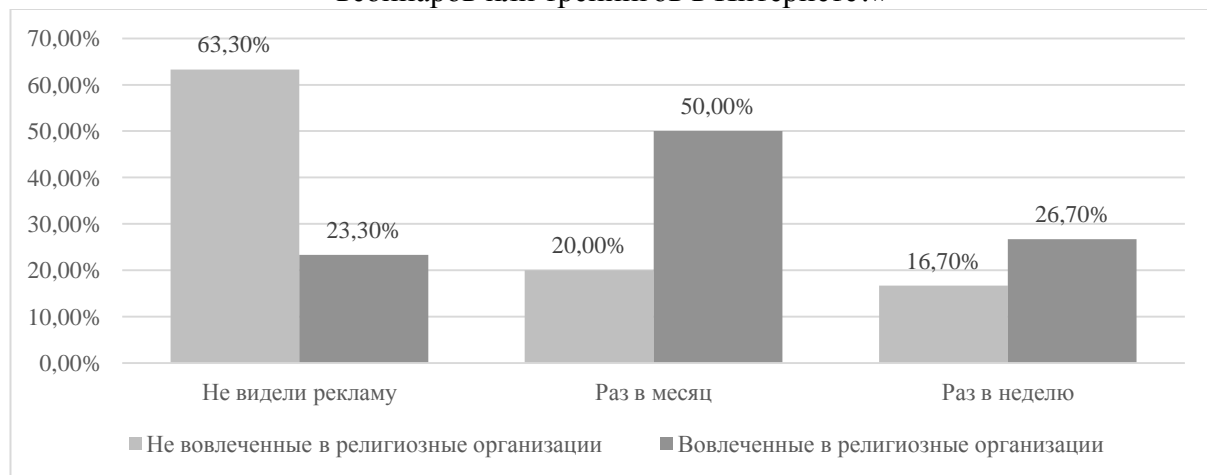

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы видели рекламу религиозных сообществ, вебинаров или тренингов в Интернете?»

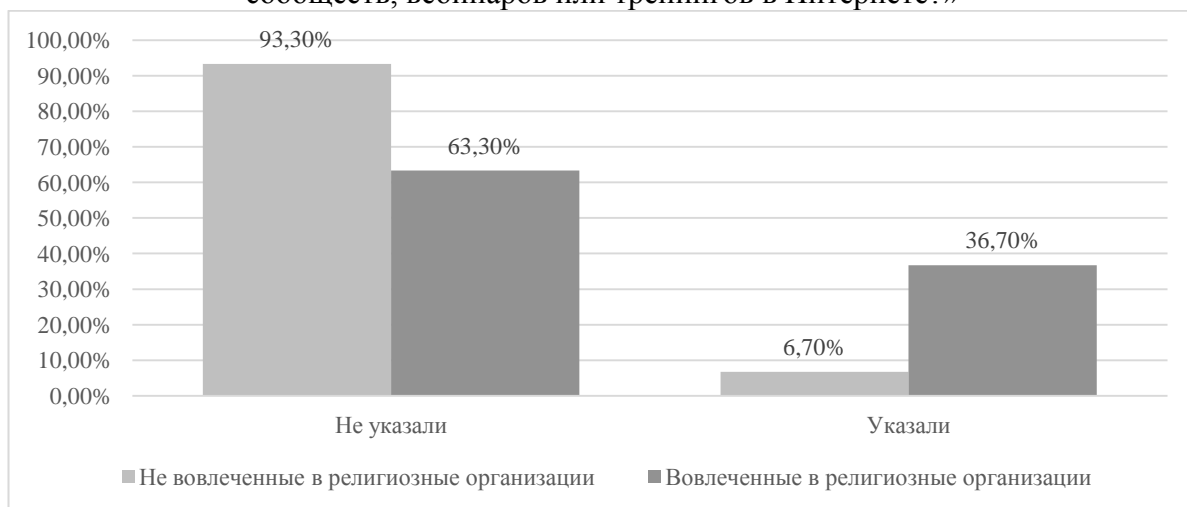

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Какую рекламу религиозных сообществ, вебинаров или тренингов в Интернете Вы помните?»

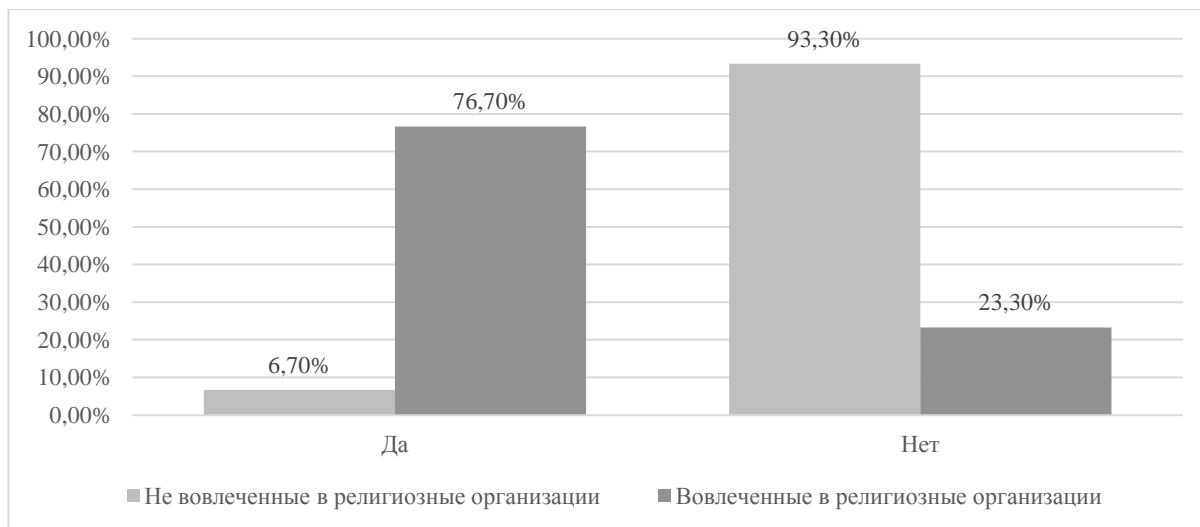

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Посещали ли Вы рекламируемые в Интернете духовно-ориентируемые тренинги или вебинары?»

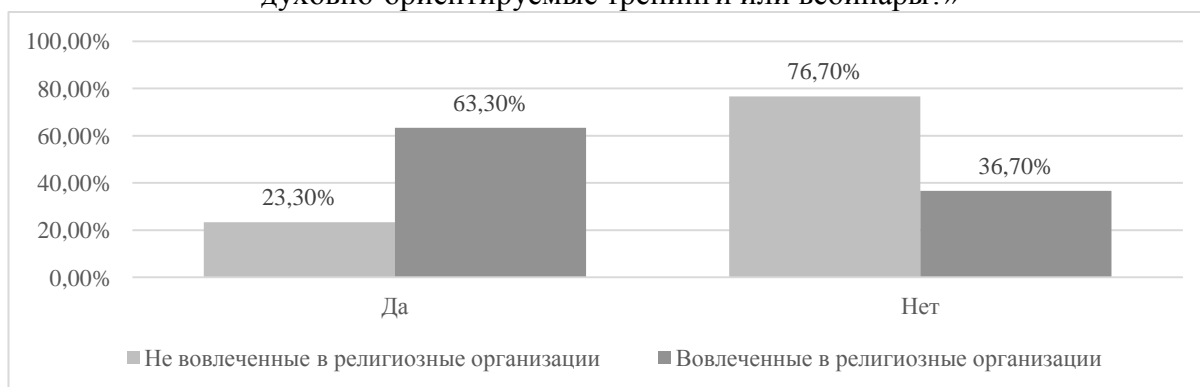

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Приглашали ли Вас посетить духовно-ориентированные вебинары или тренинги?»

Таким образом, молодые люди, вовлеченные в религиозные организации, видят религиозную рекламу раз в месяц (50%), что в 2 раза больше, чем молодые люди, не вовлеченные в религиозные организации (20%). Большинство испытуемых двух групп не указали рекламу, которую встречали в Интернете. Среди указанных рекламных объявлений выделяются следующие: «Хочешь поговорить с Богом?», «Библейский миллионер», «Философские основы Тантры», «Лекции Шри Матаджи», «Трансляции классов по Шримад Бхагаватам из Шри Маяпур Дхамы», «Духовная практика для женщин», «Вебинар «Формула веры»».

Среди официальных сайтов молодые люди выделяют: <http://slovo.vissarion.ru> и <http://vissarion.name/> (Церковь Последнего Завета), <http://iskcon.org> (Общество Сознания Кришны), <http://www.prosveta.ru/> (Белое Братство).

Молодых людей, вовлеченных в религиозные организации, чаще приглашают посетить религиозные онлайн-вебинары и тренинги (63,3%) в связи с чем они чаще посещают данные мероприятия (76,7%) по сравнению с молодыми людьми, не вовлеченными в

религиозные организации (23,3% и 6,7%).

Вопросы *третьего* блока «Псевдонаука и парапсихология» представлены на рис. 8—10.

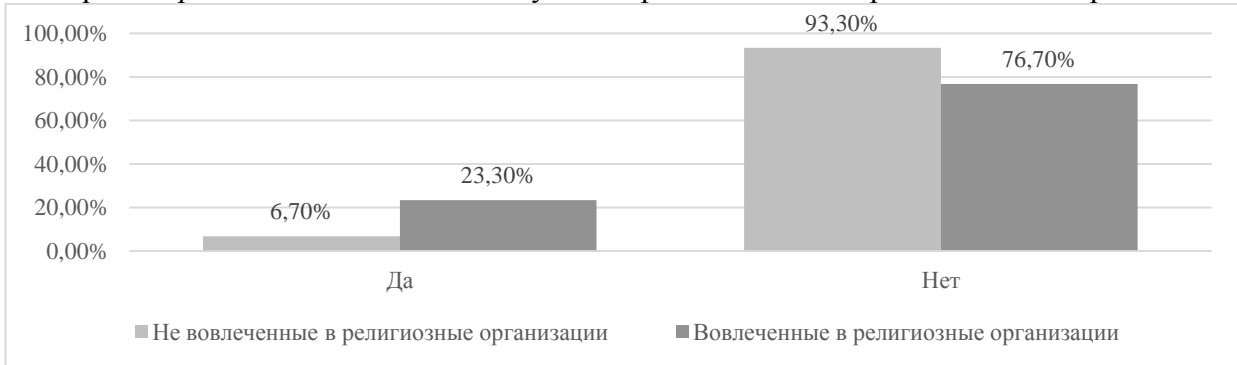

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Интересует ли Вас тема, поднимаемая на канале “ТВ-3”?»

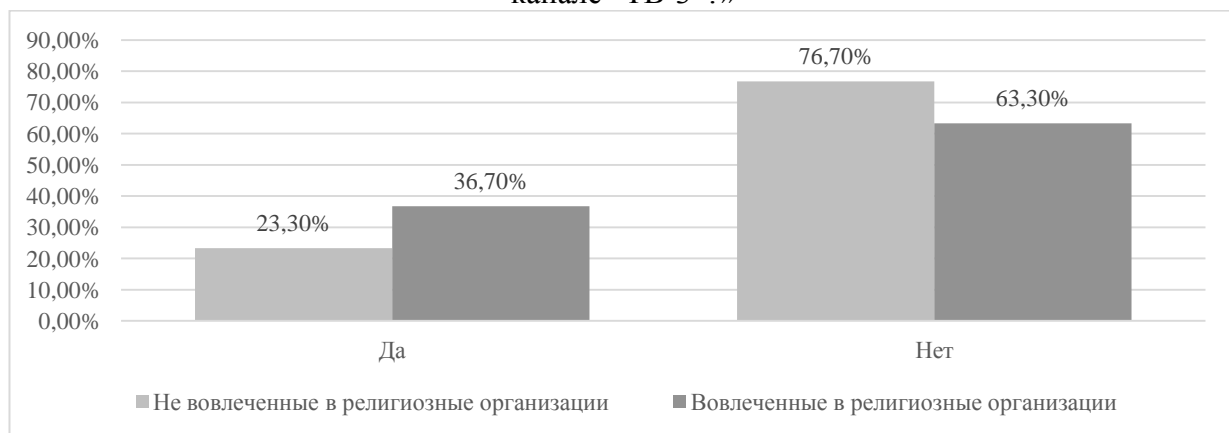

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Интересует ли Вас тема, поднимаемая в телепередаче “Битва экстрасенсов”?»

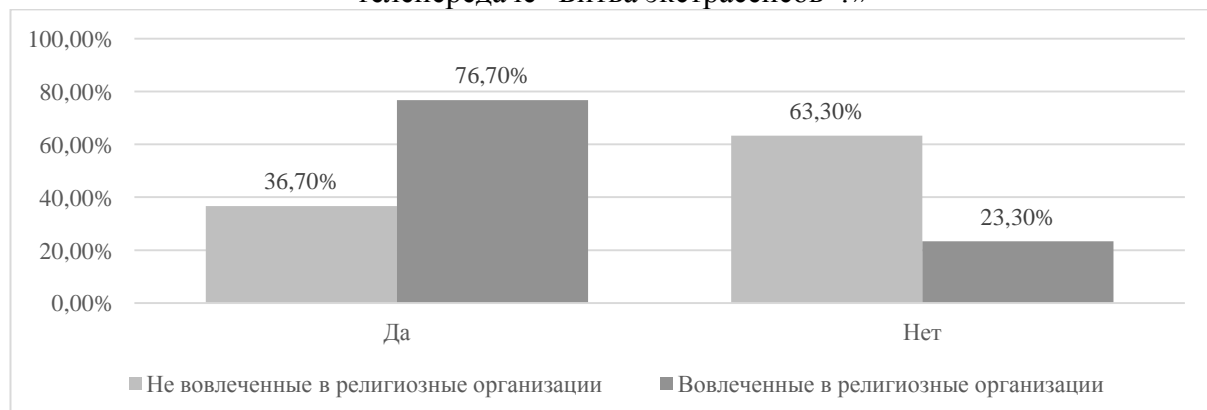

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос «Прислушиваетесь ли Вы к астрологическим прогнозам в Интернете?»

Таким образом, молодые люди, вовлеченные в религиозные организации, имеют низкий интерес к мистическим темам (23,3% и 36,7%) также, как и молодые люди, не вовлеченные

в религиозные организации (6,7% и 23,3%). У религиозных испытуемых наблюдается более высокая тенденция прислушиваться к астрологическим прогнозам (76,6%) по сравнению с нерелигиозными сверстниками (36,7%).

Вопросы четвертого блока «Отношение к религиозной рекламе» представлены на рис. 11—13.

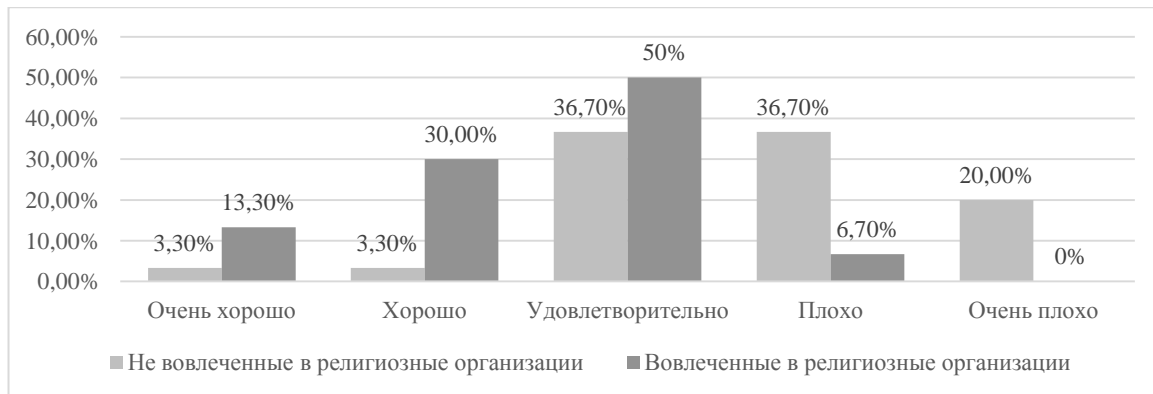

Рис. 11. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к рекламе религиозных сообществ, вебинаров или тренингов в Интернете и на телевидение?»

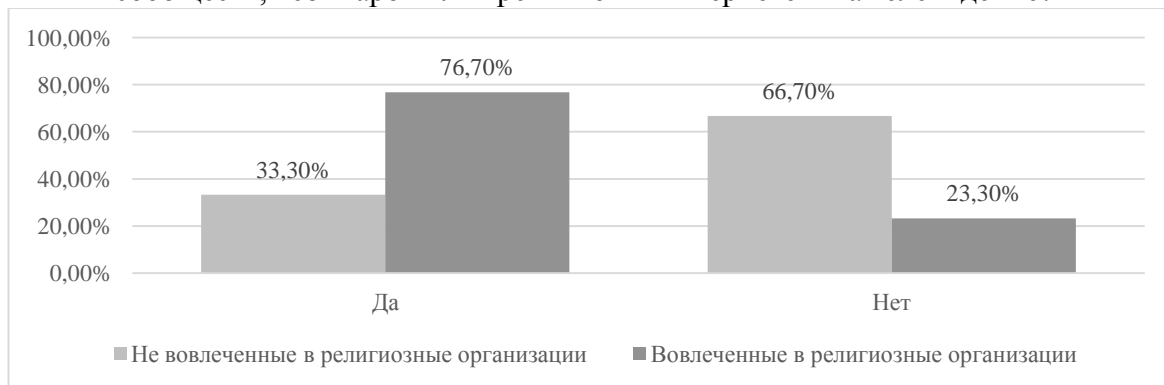

Рис. 12. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, эффективны ли духовно-ориентированные онлайн-тренинги или вебинары?»

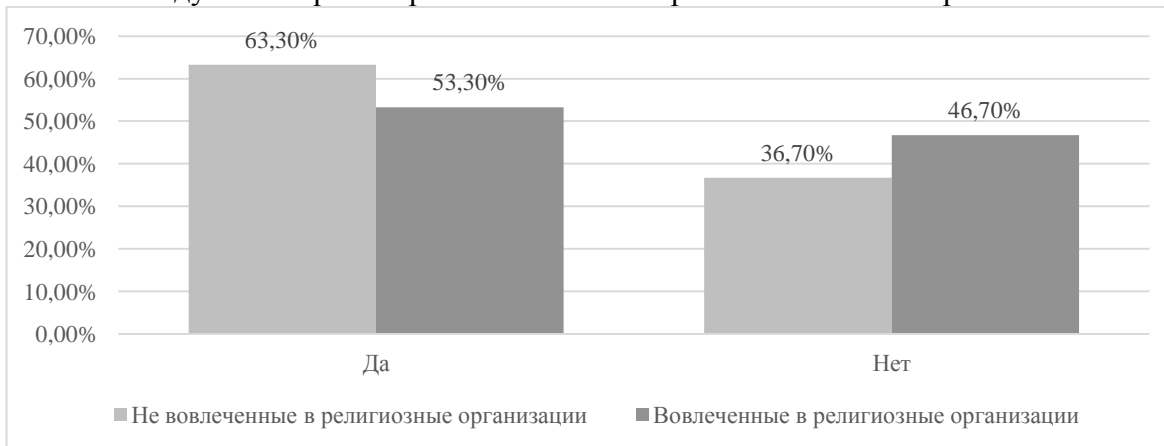

Рис. 13. Распределение ответов на вопрос «Против ли Вы популяризации религии в

Интернете?»

Таким образом, молодые люди, вовлеченные в религиозные организации, склонны относиться к рекламе религиозных сообществ в Интернете хорошо (30%) и удовлетворительно (50%). Молодые люди, не вовлеченные в религиозные организации, относятся к рекламе религиозных сообществ удовлетворительно (36,6%) и плохо (36,6%). Религиозные испытуемые в 2 раза больше считают эффективными религиозные тренинги (76,7%) по сравнению с нерелигиозными испытуемыми (33,3%), при этом большинство испытуемых двух групп выступают против рекламы религиозных сообществ в Интернете.

Данные, полученные по методике «Изучение общей самооценки» Г.Н. Казанцевой позволяют говорить о том, что большее количество нерелигиозных испытуемых имеют средний уровень самооценки (63,3%). Религиозные молодые люди чаще имеют заниженную самооценку (50%).

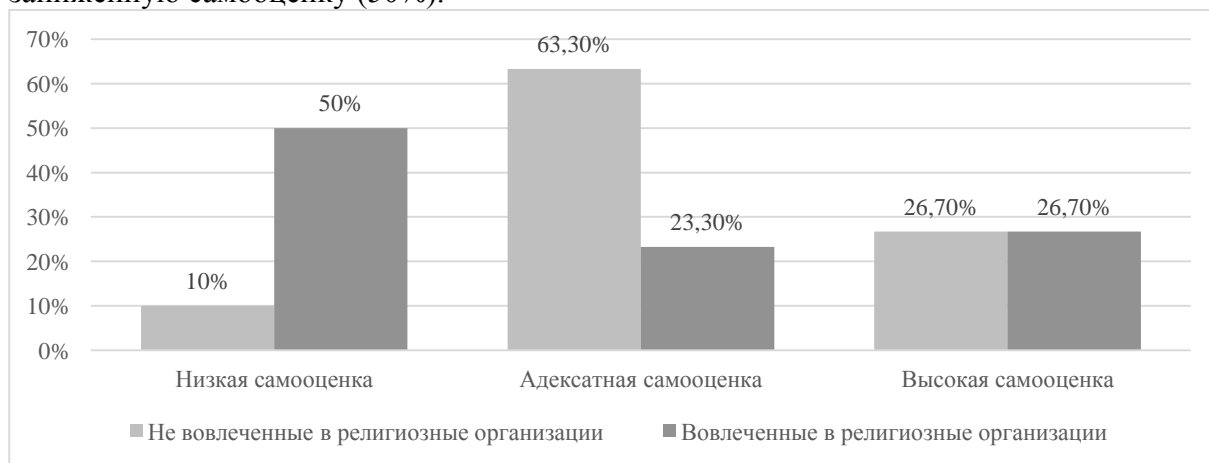

Рис. 14. Результаты методики «Изучение общей самооценки» Г.Н. Казанцевой

Таким образом, из рис. 14 видно, что среди вовлеченных в религиозные организации в 5 раз больше испытуемых с низкой самооценкой (50%) по сравнению с молодыми людьми, не вовлеченными в религиозные организации (10%).

По результатам методики «Степень Вашей незащищенности от манипуляций» Е.А. Тарасова, 15 нерелигиозных испытуемых имеют высокий уровень защищенности от манипуляций (50%). 13 религиозных испытуемых имеют низкий уровень защиты от манипуляций (43,7%).

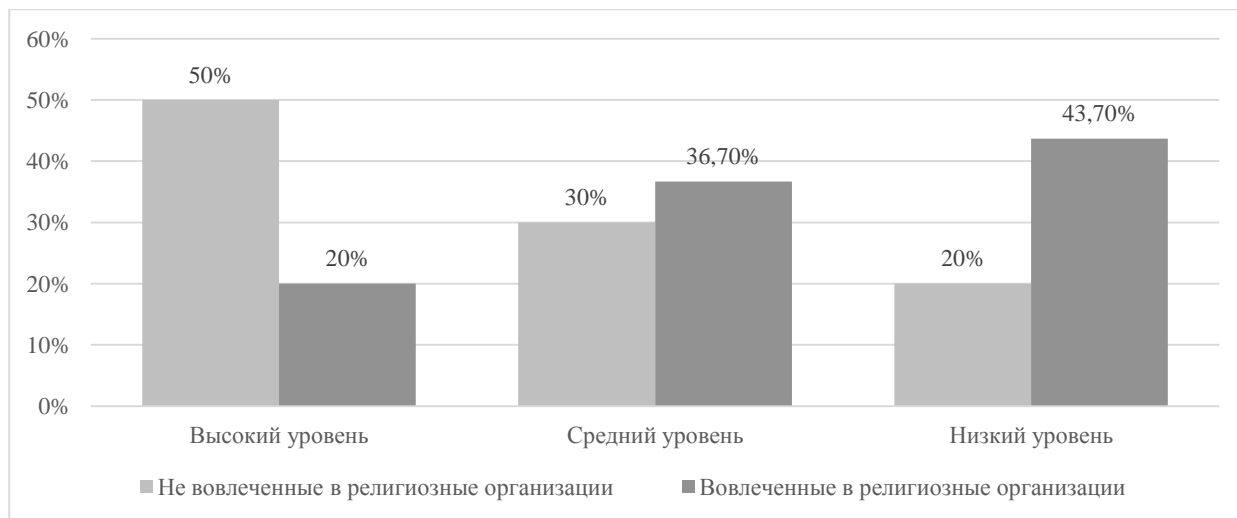

Рис. 15. Результаты методики «Степень Вашей незащищенности от манипуляций» Е.А. Тарасова

Таким образом, ориентируясь на рис. 15, видно, что вовлеченные в религиозные организации молодые люди в 2 раза больше (43,7%) имеют низкий уровень защиты от манипуляций по сравнению с не вовлеченными в религиозные организации испытуемыми (20%). Не вовлеченные в религиозные организации молодые люди почти в два раза больше имеют высокий уровень защиты от манипуляций (50%) по сравнению с молодыми людьми, вовлеченными в религиозные организации (20%). Для вовлеченных в религиозные организации молодых людей характерно при контактах с манипулятором стать его жертвой и поступить в интересах манипулятора в ущерб своим.

В ходе проведения методики «Склонность к виктимному поведению» О.О. Андронниковой были получены следующие результаты. Обработка данных начинается со шкалы социальной желательности, у которой максимально возможная сумма — 10 баллов. Данный показатель применяется для оценки достоверности ответов. Если испытуемый получает от 8 и более баллов, то использовать полученные результаты не рекомендуется, так как испытуемый стремится представить себя в наилучшем свете при ответе на вопросы теста. На рис. 16 показано распределение ответов испытуемых двух групп: испытуемых, вовлеченных в религиозные или культовые организации, и испытуемых, не вовлеченных в религиозные и культовые организации, — относительно максимальных и минимальных значений.

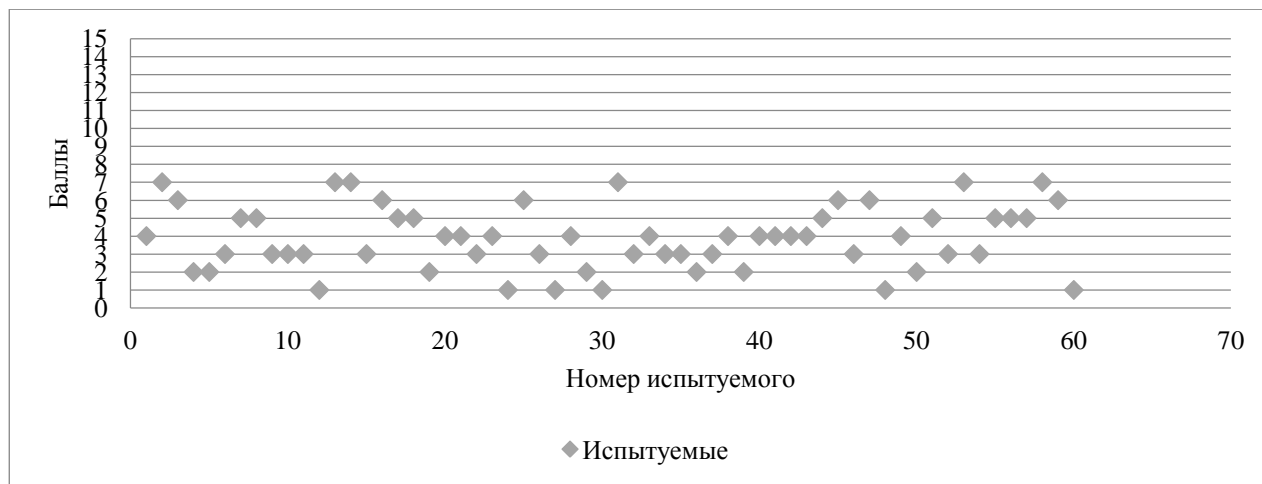

Рис. 16. Распределение ответов испытуемых по шкале социальная желательность

На рис. 16 видно, что набранные испытуемыми баллы по шкале «Социальная желательность» находятся в диапазоне от 0 до 7 и не пересекают отметку 8. Таким образом, данные испытуемых являются достоверными.

При анализе других шкал методики были получены следующие результаты, представленные на рис. 17 и 18. У не вовлеченных испытуемых все шкалы, кроме «Некритичное поведение», показатели находятся в норме. Максимальный показатель по уровню выше нормы имеет шкала «Зависимое поведение» (26,7%). Максимальный показатель по уровню ниже нормы имеет шкала «Агрессивное поведение» (26,7%).

У вовлеченных испытуемых по всем шкалам, кроме «Зависимое поведение», показатели находятся в норме. Максимальный показатель по уровню выше нормы имеют шкалы «Гиперсоциальное поведение» и «Некритичное поведение» (26,7%). Максимальный показатель по уровню ниже нормы имеет шкала «Зависимое поведение» (50%).

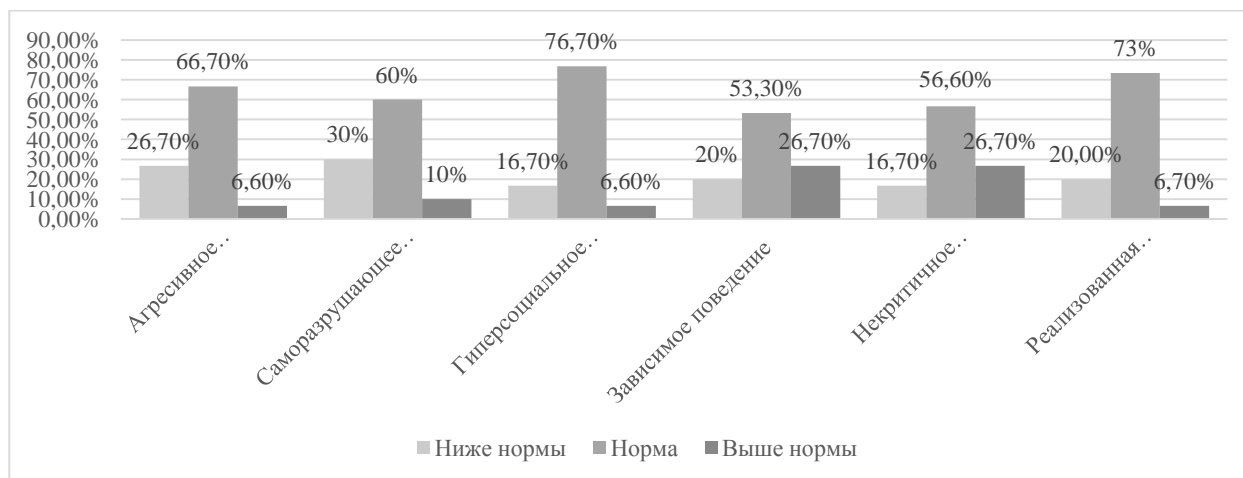

Рис. 17. Результаты методики «Склонность к виктимному поведению» О.О. Андронниковой не вовлеченных в религиозные организации

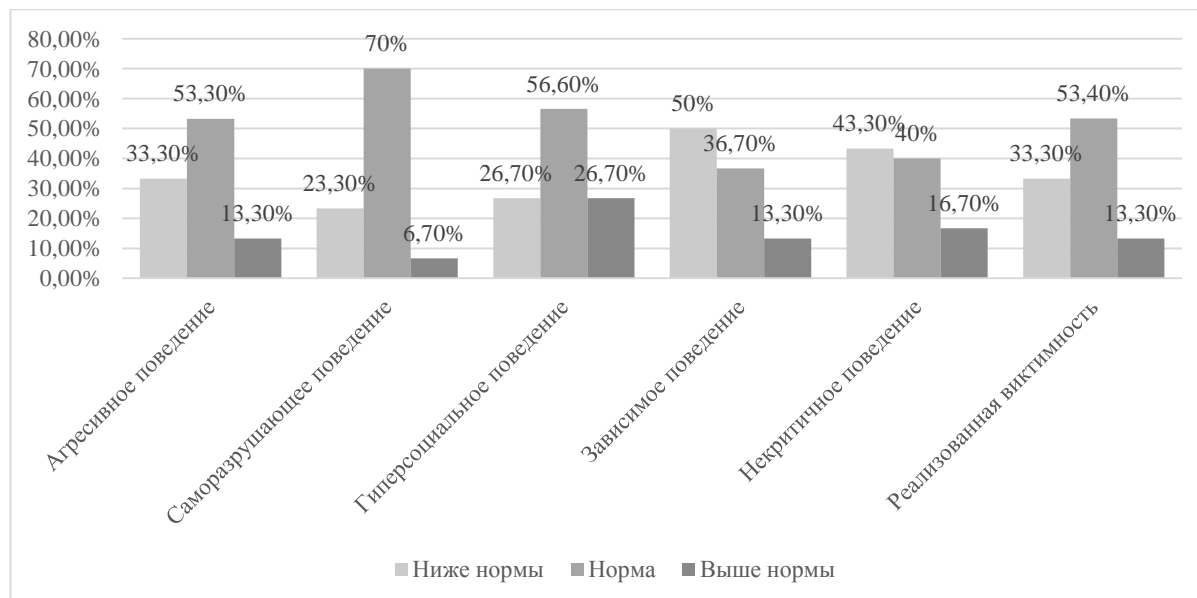

Рис. 18. Результаты методики «Склонность к вictimному поведению» О.О. Андронниковой вовлеченных в религиозные организации

Таким образом, у испытуемых, вовлеченных в религиозные организации, в 2 раза больше выражено зависимое поведение (50%) и некритичное поведение (43,3%), чем у молодых людей, не вовлеченных в религиозные и культовые организации (20% и 16,7%).

По результатам методики «Критическое мышление» Л. Старки, 22 человека, вовлеченных в религиозные организации, имеют высокий уровень критического мышления (73,3%), а 26 испытуемых, не вовлеченных в религиозные организации, имеют высокий уровень критического мышления (86,7%).

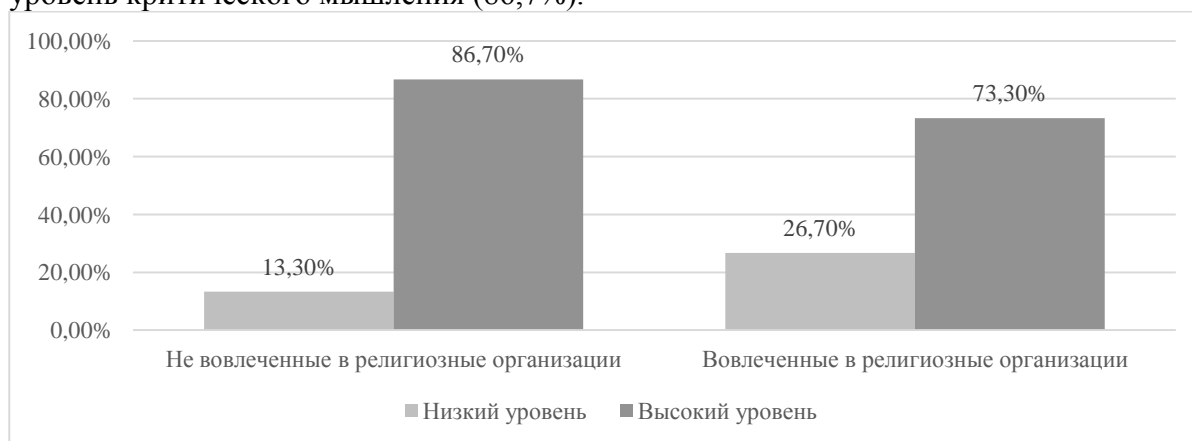

Рис. 19. Результаты методики «Критическое мышление» Л. Старки

Таким образом, из рис. 24 видно, что среди испытуемых, вовлеченных в религиозные организации, в 2 раза больше молодых людей с низким уровнем критического мышления (26,6%), по сравнению с молодыми людьми, не вовлеченными в религиозные организации

(13,3%).

Методика «Опросник аффилиации» А. Мехрабиана показала, что у не вовлеченных в религиозные организации испытуемых мотив стремления к людям у большинства испытуемых находится в норме (43,3%), тогда как у вовлеченных в религиозные организации испытуемых мотив стремления к людям имеет высокий уровень. Результаты представлены на рис. 20 и 21.

У не вовлеченных в религиозные организации испытуемых мотив боязни быть отвергнутым находится в пределах среднего уровня (63,4%). У вовлеченных в религиозные организации испытуемых так же, как и у не вовлеченных в религиозные организации испытуемых страх быть отвергнутым находится в пределах нормы (43,3%).

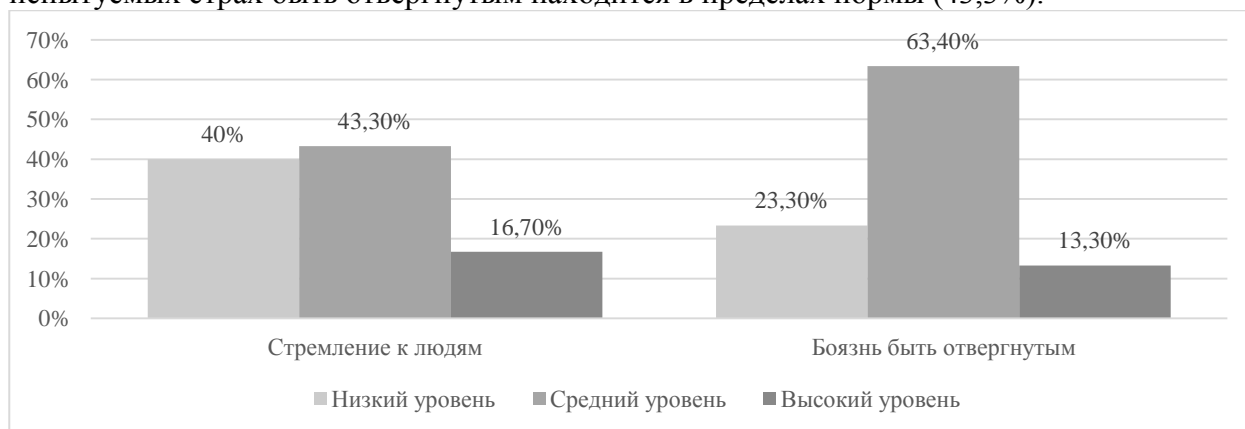

Рис. 20. Результаты методики «Опросник аффилиации» А. Мехрабиана не вовлеченных в религиозные организации

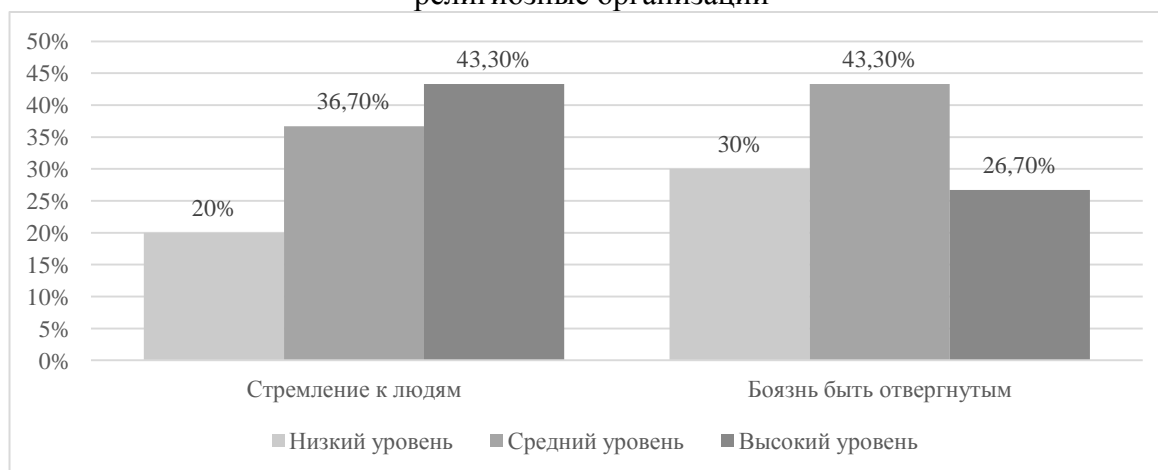

Рис. 21. Результаты методики «Опросник аффилиации» А. Мехрабиана вовлеченных в религиозные организации

Таким образом, у молодых людей, вовлеченных религиозные и культовые организации, в 2 раза выше мотивы стремления к людям и боязнь быть отвергнутыми (43,3% и 26,7%), по сравнению с испытуемыми, не являющимися участниками религиозных сообществ (16,7% и 13,3%).

По результатам методики «Тест межличностных отношений» Т. Лири были получены следующие результаты, представленные на рисунках 22 и 23. У не вовлеченных в религиозные организации испытуемых отмечается высокий уровень по шкалам «Авторитарный» (43,3%), «Эгоистичный» (36,7%), низкий уровень — по шкале «Альтруистический» (30%). У вовлеченных в религиозные организации испытуемых отмечается высокий уровень по шкалам «Агрессивный» (43,3%), «Зависимый» (43,3%). Низкий — по шкалам «Дружелюбный» (36,7%), «Эгоистичный» (30%).

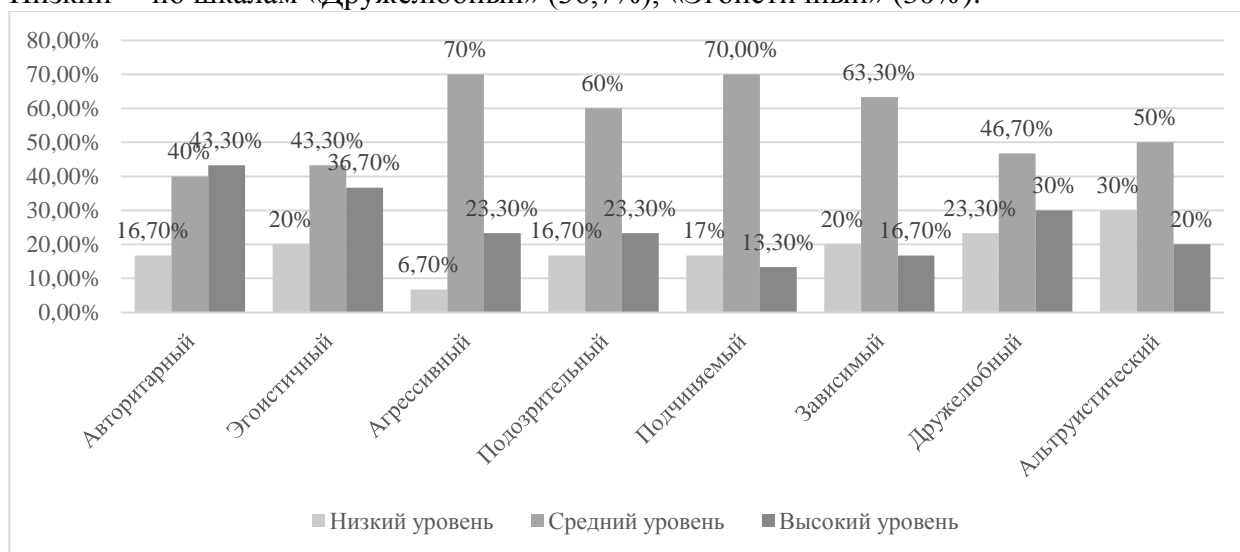

Рис. 22. Результаты методики «Тест межличностных отношений» Т. Лири не вовлеченных в религиозные организации

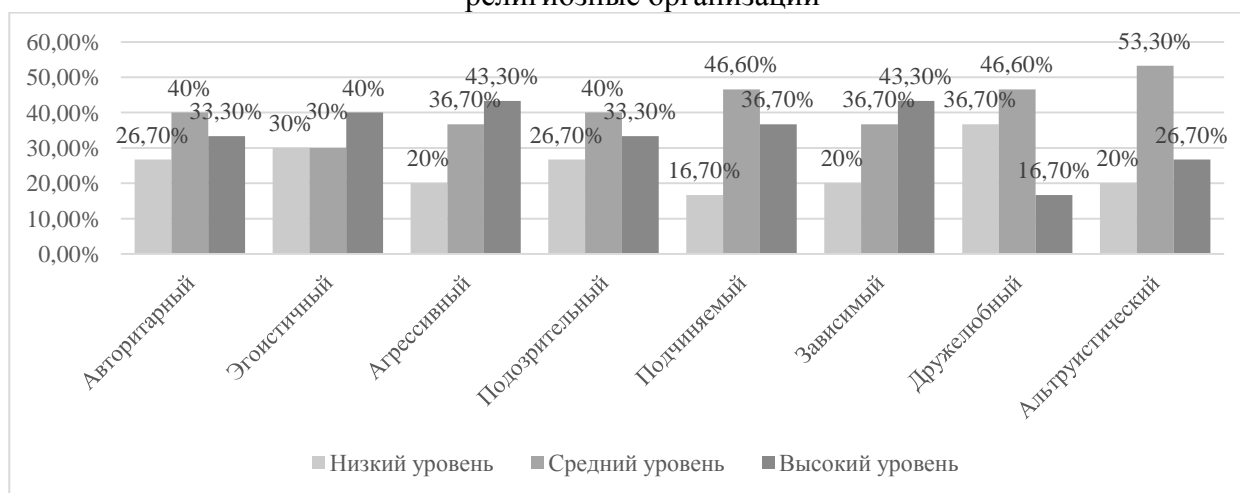

Рис. 23. Результаты методики «Тест межличностных отношений» Т. Лири вовлеченных в религиозные организации

Таким образом, среди испытуемых, вовлеченных в религиозные организации, в 2 раза больше молодых людей с высоким уровнем агрессивности (43,3%), подчиняемости (36,7%) и зависимости (43,3%), по сравнению с молодыми людьми, не вовлеченными в религиозные

организации (23,3%, 13,3% и 16,7%).

На основании полученных данных после анализа и интерпретации результатов исследования был осуществлен количественный анализ. Для выявления различий между группами вовлеченных и не вовлеченных в религиозные организации был использован U-критерий Манна—Уитни. В табл. 4 представлены значения значимых различий.

Таблица 4

Результаты расчета статистически значимых между молодыми людьми, вовлеченными в религиозные организации, и молодыми людьми, не вовлеченными в религиозные организации

Шкалы	$U_{эмп}$	Уровень статистической значимости (p)
Самооценка	279.5	0,011959
Критическое мышление	286.5	0,015959
Степень незащищенности от манипуляций	289.5	0,018006
Склонность к зависимому и беспомощному поведению	289	0,017650
Склонность к некритичному поведению	283.5	0,014120
Стремление к людям	291	0,019113
Зависимость	292	0,019884

По результатам количественного анализа, представленного в табл. 4, по шкале «Самооценка» существуют статистические различия между испытуемыми, вовлеченными и не вовлеченными в религиозные организации ($U_{эмп}=279,5$). Таким образом, у членов религиозных организаций чаще заниженная самооценка.

По шкале «Критическое мышление» существует значимое различие между испытуемыми, являющимися и не являющимися членами религиозных организаций ($U_{эмп}=286,5$). Таким образом, среди молодежи, вовлеченной в религиозные организации, более низкий уровень критического мышления по сравнению с не вовлеченными в религиозных организациях сверстниками. Данное условие подтверждает также шкала «Склонность к некритичному поведению», по которой также получилось значимое различие между двумя группами ($U_{эмп}=283,5$).

По шкале «Степень защиты от манипуляций» существует статистически значимое различие между испытуемыми, вовлеченными и не вовлеченными в религиозные организации ($U_{эмп}=289,5$). Таким образом, у членов религиозных организаций ниже степень защищенности от манипуляций, чем у молодых людей, не вовлеченных в религиозные организации.

По шкале «Склонность к зависимому и беспомощному поведению» существует значимое различие между испытуемыми, являющимися и не являющимися членами религиозных организаций ($U_{эмп}=289$). Таким образом, молодые участники религиозных организаций склонны к зависимому поведению. Данное условие подтверждает также шкала «Зависимость», по которой также получилось значимое различие между двумя группами

($U_{\text{эмп}}=292$).

По шкале «Стремление к людям» существует статистически значимое различие между испытуемыми, вовлеченными и не вовлеченными в религиозные организации ($U_{\text{эмп}}=291$). Таким образом, вовлеченные в религиозные организации испытуемые имеют более выраженную потребность принадлежности к социальной группе, нежели молодые люди, не являющиеся участниками религиозных организаций.

Выводы

По результатам проведенного эмпирического исследования были сделаны следующие выводы:

1. Молодые люди, вовлеченные в религиозные или культовые организации, являются членами религиозных интернет-сообществ, посещают религиозные онлайн-тренинги или вебинары и удовлетворительно относятся к рекламе в Интернете. Молодой человек, являющийся членом религиозной или культовой организации, чаще имеет заниженную самооценку и склонен к зависимому поведению, а также легко подвергается манипуляциям извне, стремится быть участником какой-либо социальной группы. Для него характерно проявлять неосмотрительность, что выражается также в низком уровне критического мышления.

2. Молодые люди, не вовлеченные в религиозные или культовые организации, не интересуются религиозными интернет-сообществами, духовно ориентируемыми онлайн-вебинарами и тренингами. Чаще всего не одобряют рекламу религиозных сообществ в Интернете. У молодых людей, не вовлеченных в религиозные или культовые организации, преобладает средний уровень самооценки и выражена потребность в стремлении к людям. Виктимные показатели испытуемых данной группы находятся в норме. У молодого человека, не вовлеченного в религиозные или культовые организации высокий уровень критического мышления, что способствует высокой защите от манипуляций.

Литература

1. Акимова В.В., Миронова О.И. Факторы вовлечения в религиозные организации и особенности индивидуальной структуры религиозности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2018. Т. 17. № 4(149). С. 46—55. DOI: 10.17922/2071-5323-2018-17-4-46-55
2. Ильюк Е.В. Деструктивная секта как «психологическая» тюрьма (методы вовлечения и изменения сознания в деструктивных сектах) // Виктимология. 2018. № 1(15). С. 50—57.
3. Лиманских Е.С. Механизмы воздействия на личность и последствия вовлечения в деструктивные религиозные организации // Материалы Всероссийской конференции с международным участием «Юридические клиники в системе оказания бесплатной юридической помощи РФ» (г. Шадринск, 08 декабря 2018). Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет, 2018. С. 105—112.
4. Лифтон Р. Технология «промывки мозгов». Психология тоталитаризма. М., 2005. 118 с.

5. *Монастырский В.А., Садовникова Ж.В.* Причины ухода, приемы заманивания и особенности психологического воздействия на молодежь в сектах // Вопросы воспитания. 2008. № 13. С. 107—121.
6. *Мухина Т.К.* Педагогическая профилактика вовлечения учащихся в деструктивные религиозные организации в общеобразовательных учреждениях. Владимир: Владимирский государственный университет, 2016. 72 с.
7. *Романов А.В.* Причины вовлечения в культовые религиозные группы // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 2(46). С. 137—142.
8. *Садовникова Ж.В.* Подготовка будущих социальных педагогов к профилактике вовлечения молодежи в религиозные секты: дисс. ... канд. пед. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2004. 193 с.
9. *Яковлева М.Г.* О теоретических основах педагогической профилактики вовлечения американской молодежи в деструктивные секты // Инновационные проекты и программы в образовании. 2016 № 6. С. 64—68.
10. *Coates D.D.* «Cult Commitment» from the Perspective of Former Members: Direct Rewards of Membership versus Dependency Inducing Practices // Deviant Behavior. 2012. № 33. P. 168—184.
11. *Coates D.D.* Counselling former members of charismatic groups: considering pre-involvement variables, reasons for joining the group and corresponding values // Mental Health, Religion and Culture. 2011. № 3. P. 191—207.
12. *Klenk M.* New Religious Movements in Global Perspective // Religionswissenschaft. 2012. № 7. P. 1—16.
13. *Lalich J.* Bounded Choice: True Believers and Charismatic Cults. London: University of California Press, 2004. 353 p.
14. *Mironova O., Akimova V., Ivanova O., Polyakova O.* Social and psychological factors of youth involvement in religious and cult organizations through the Internet / Proceedings 1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (Volgograd, July 2019) // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 331. P. 481—487.
15. *Verma A., Verma M., Rahul T.M., Khurana S., Rai A.* Measuring accessibility of various facilities by walking in world's largest mass religious gathering — Kumbh Mela // Sustainable Cities and Society. 2019. № 45. P. 79—86.

References

1. Akimova V. V., Mironova O. I. Faktory vovlecheniya v religioznye organizacii i osobennosti individual'noj struktury religioznosti [Factors of involvement in religious organizations and features of the individual structure of religiosity]. Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta [Scientific Notes of the Russian State Social University], 2018, vol. 17, no. 4 (149), pp. 46-55. DOI: 10.17922/2071-5323-2018-17-4-46-55
2. Il'yuk E.V. Destruktivnaya sekta kak «psihologicheskaya» tyur'ma (metody vovlecheniya i izmeneniya soznaniya v destruktivnyh sektah) [Destructive sect as a "psychological" prison (methods of involving and changing consciousness in destructive sects)]. Viktimologiya [Victimology], 2018, no. 1 (15), pp. 50-57.
3. Limanskiy E.S. Mekhanizmy vozdejstviya na lichnost' i posledstviya vovlecheniya v

destruktivnye religioznye organizacii [Mechanisms of influence on the personality and the consequences of involvement in destructive religious organizations]. *Materialy Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «YUridicheskie kliniki v sisteme okazaniya besplatnoj yuridicheskoy pomoshchi RF»* (g. SHadrinsk, 08 dekabrya 2018g.) [Proceedings of the All-Russian conference with international participation "Legal clinics in the system of providing free legal aid to the Russian Federation"]. SHadrinsk: SHadrinskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. 2018, pp. 105-112.

4. Lifton R. *Tekhnologiya «promyvki mozgov». Psihologiya totalitarizma* [Technology "brainwashing". The psychology of totalitarianism.]. Moscow, 2005, pp. 118.

5. Monastyrskij V.A., Sadovnikova ZH.V. *Prichiny uhoda, priemy zamanivaniya i osobennosti psihologicheskogo vozdejstviya na molodezh' v sektah* [Reasons for leaving, methods of luring and peculiarities of psychological impact on young people in sects]. *Voprosy vospitaniya* [Issues of education], 2008, no. 13, pp. 107-121.

6. Muhina T.K. *Pedagogicheskaya profilaktika vovlecheniya uchashchihsya v destruktivnye religioznye organizacii v obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdeniyah* [Pedagogical prevention of the involvement of students in destructive religious organizations in educational institutions]. Vladimir: Vladimirskij Gosudarstvennyj Universitet, 2016. 72 p.

7. Romanov A.V. *Prichiny vovlecheniya v kul'tovye religioznye gruppy* [Reasons for involvement in cult religious groups]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [News of the Ural State Economic University.], 2013, no. 2 (46), pp. 137-142.

8. Sadovnikova ZH.V. *Podgotovka budushchih social'nyh pedagogov k profilaktike vovlecheniya molodezhi v religioznye sekty* [Preparation of future social educators for the prevention of youth involvement in religious sects]. Diss. ... kand. ped. nauk. Tambov: Tambovskij gosudarstvennyj universitet imen G.R. Derzhavina, 2004. 193 p.

9. Yakovleva M.G. *O teoreticheskikh osnovah pedagogicheskoy profilaktiki vovlecheniya amerikanskoy molodyozhi v destruktivnye sekty* [On the theoretical foundations of pedagogical prevention of the involvement of American youth in destructive sects]. *Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii* [Innovative projects and programs in education], 2016, no. 6, pp. 64-68.

10. Coates D.D. «Cult Commitment» from the Perspective of Former Members: Direct Rewards of Membership versus Dependency Inducing Practices [«Cult Commitment» from the Perspective of Former Members: Direct Rewards of Membership versus Dependency Inducing Practices]. *Deviant Behavior* [Deviant Behavior], 2012, no. 33, pp. 168-184.

11. Coates D.D. *Counselling former members of charismatic groups: considering pre-involvement variables, reasons for joining the group and corresponding values* [Counselling former members of charismatic groups: considering pre-involvement variables, reasons for joining the group and corresponding values]. *Mental Health, Religion and Culture* [Mental Health, Religion and Culture], 2011, no. 3, pp. 191-207.

12. Klenk M. *New Religious Movements in Global Perspective* [New Religious Movements in Global Perspective]. *Religionswissenschaft* [Religionswissenschaft], 2012, no. 7, pp. 1-16.

13. Lalich J. *Bounded Choice: True Believers and Charismatic Cults* [Bounded Choice: True Believers and Charismatic Cults]. London: University of California Press, 2004. 353 p.

14. Mironova O., Akimova V., Ivanova O., Polyakova O. *Social and psychological factors of youth involvement in religious and cult organizations through the Internet* [Social and

Миронова О.И.

Психологические особенности молодых людей, вовлеченных в религиозные и культовые организации через интернет пространство Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 189–210.

Mironova O.I.

Psychological Characteristics of Young People Involved in Religious and Cult Organizations via the Internet Space Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 189–210.

psychological factors of youth involvement in religious and cult organizations through the Internet]. Proceedings 1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" [Social and psychological factors of youth involvement in religious and cult organizations through the Internet]. (g. Volgograd, July 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research [Advances in Social Science, Education and Humanities Research], 2019, vol. 331, pp. 481-487.

15. Verma A., Verma M., Rahul T.M., Khurana S., Rai A. Measuring accessibility of various facilities by walking in world's largest mass religious gathering — Kumbh Mela [Measuring accessibility of various facilities by walking in world's largest mass religious gathering — Kumbh Mela]. Sustainable Cities and Society [Sustainable Cities and Society], 2019, no. 45, p. 79-86.

Информация об авторах

Миронова Оксана Ивановна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Information about the authors

Oksana I. Mironova, Doctor of Psychology, Professor of department of psychology, faculty of social sciences, Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Получена 15.05.2020

Принята в печать 07.09.2020

Received 15.05.2020

Accepted 07.09.2020

Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и рисков употребления психоактивных веществ у подростков

Григорьева А.А.

Национальный научный центр наркологии – филиал ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБУ НМИЦ ПН им. В.П. Сербского), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5204-4887>, e-mail: alexandrina_gr@mail.ru

Усова Л.Е.

Национальный научный центр наркологии – филиал ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБУ НМИЦ ПН им. В.П. Сербского), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4478-2927>, e-mail: lubovusova24@gmail.com

Работа направлена на изучение склонности подростков к виктимному поведению и рисков употребления психоактивных веществ. Представлены материалы эмпирического исследования, полученного на выборке учащихся общеобразовательных школ (n=153, возраст 12-16 лет, 44% были женского пола). Исследование включало два этапа: первый – выявление взаимосвязи между предрасположенностью к употреблению подростками ПАВ и склонностью к виктимному поведению, второй – выявление различий в личностных профилях, определяющих предрасположенность к аддиктивному поведению у подростков с разным уровнем виктимности. Использовались методика исследования склонности к виктимному поведению, психодиагностический опросник «Наркориск». Выявлено, что повышение предрасположенности к употреблению ПАВ у подростков с личностными чертами, соответствующими асоциальному и конформному профилям, сопровождается увеличением рисков формирования агрессивного и аутоагрессивного типов виктимного поведения. Отмечается значимость полученных данных для усовершенствования психопрофилактических мероприятий, направленных как на снижение рисков употребления ПАВ, так и на предотвращение формирования виктимного поведения подростков.

Ключевые слова: виктимное поведение, психоактивные вещества, склонность к употреблению, личностный профиль, подростковый возраст.

Благодарности: Авторы благодарят содействие в проведении научного исследования научного руководителя проекта В.Г. Булыгину.

Григорьева А.А., Усова Л.Е.
Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и
рисков употребления психоактивных веществ у
подростков
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 211–223.

Grigoryeva A.A., Usova L.E.
Relationship between propensity to victim behavior and
the risks of substance use in adolescents
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 211–223.

Для цитаты: Григорьева А.А., Усова Л.Е. Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и рисков употребления психоактивных веществ у подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 211–223. DOI:10.17759/psylaw.2020100314

Relationship between propensity to victim behavior and the risks of substance use in adolescents

Alexandrina A. Grigoryeva

Federal State Budgetary Institution “V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5204-4887>, e-mail: alexandrina_gr@mail.ru

Lubovj E. Usova

Federal State Budgetary Institution “V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4478-2927>, e-mail: lubovusova24@gmail.com

The work is aimed at studying the propensity of adolescents to victim behavior and the risks of substance use. The materials of an empirical study obtained on a sample of secondary school students (n=153, age 12-16 years, 44% were female) are presented. The study included two stages: the first –to identify the relationship between the predisposition to the use of surfactants by adolescents and the propensity to victim behavior, and the second –to identify differences in personal profiles that determine the predisposition to addictive behavior in adolescents with different levels of victimization. The methodology of the study the tendency to victimization behavior, psychodiagnostic questionnaire "Narcotic". It was found that an increase in the predisposition to the use of surfactants in adolescents with personality traits corresponding to antisocial and conformal profiles is accompanied by an increase in the risks of forming aggressive and autoaggressive types of victim behavior. The significance of the data obtained for improving psychoprophylactic measures aimed at both reducing the risks of using surfactants and preventing the formation of victim behavior in adolescents is noted.

Keywords: victim behavior, psychoactive substances, propensity to use, personal profile, adolescence.

Acknowledgements: The authors are grateful V. G. Bulygina for assistance in conducting the research.

For citation: Grigoryeva A.A., Usova L.E. Relationship between propensity to victim behavior and the risks of substance use in adolescents. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 211–223. DOI:10.17759/psylaw.2020100314 (In Russ.).

Введение

В период подросткового возраста формирующаяся личность сталкивается с интенсивными личностными, психическими, физическими и социальными преобразованиями, влияющими на ее адаптационные процессы. Психологическое

содержание подросткового возраста ряд исследователей связывают с появлением виктимного поведения, которое определяют как отклонение от норм безопасного поведения [1], или как процесс и результат становления индивидуума жертвой преступления [10; 13].

Стремление к провоцирующему поведению, социальному вызову, характерное для подросткового возраста во многом является предпосылкой повышенной виктимности. Об актуальности проблемы подростковой виктимизации в России, и за ее пределами, свидетельствуют статистические данные. В Российской Федерации в период с 2012 по 2017 гг. число несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений, увеличилось на 18,3% [6]. В Соединённых Штатах Америки на протяжении с 2015 по 2018 годы сохранялись высокие показатели виктимизации лиц подросткового возраста 9 % [15].

В основе отечественных исследований, посвященных изучению виктимного поведения подростков, лежат представления криминальной виктимологии. Предметом данной области является изучение особенностей индивидуумов, попавших в ситуации общественно опасного деяния. Основное внимание в исследованиях уделяется изучению психических, личностных коррелятов виктимности [14; 16; 17].

Среди личностных предпосылок подростковой виктимизации отмечают противоречивость ценностных ориентиров, трудности в согласовании нормативных и личностных ценностей [4]; несформированность способности занимать собственную позицию с соответствию со смыслами и ценностями [7]; субъективное переживание неблагополучия, неудовлетворённость происходящими жизненными событиями, трудности самопонимания, самопринятия, самоуважения, чувство собственной нереализованности, неактуализированности [2; 3]; трудности эмоциональной регуляции, неустойчивая личностная позиция и др. [5].

Помимо личностных причин виктимизации целесообразно выделить такой фактор, как употребление психоактивных веществ. Состояние алкогольной или наркотической интоксикации повышает риск виктимного поведения [9].

По материалам уголовных дел в РФ, в состоянии алкогольного опьянения пребывали 60% жертв умышленного причинения вреда здоровью, 58% жертв убийств, 44% жертв изнасилований, 44% жертв грабежей, 19% жертв краж, 16% жертв мошенничества [8]. Имеются также данные отдельных исследований на подростковой выборке (n=4187), подтверждающие взаимосвязь употребления ПАВ с виктимизацией. Подростки, находясь в состоянии алкогольной интоксикации, становились жертвами таких ситуаций как «удар другого человека» (oddsratio (OR) 6.62), «участие в драке» (OR 2.10) [18]

Результаты лонгитюдного исследования, проведенного в США, показали, что профилактика употребления алкоголя среди подростков, позволяет минимизировать краткосрочный риск виктимизации и долгосрочный риск употребления алкоголя в молодом возрасте. [19]

Таким образом, изучение взаимосвязи личностных особенностей подростков, приводящих к повышению рисков употребления ПАВ, а также склонности к разным видам виктимного поведения представляет актуальную область исследований, так как позволяет усовершенствовать имеющиеся подходы в профилактике как виктимного поведения, так и употребления психоактивных веществ.

Программа исследования

Целью исследования было изучение взаимосвязи личностных предикторов употребления ПАВ и виктимного поведения подростков.

Гипотеза исследования: повышение личностных рисков употребления психоактивных веществ у подростков сопровождается повышением предрасположенности к виктимному поведению.

Выборку исследования составили 153 человека, обучающихся в общеобразовательных школах, средний возраст $14,7 \pm 1,5$. Гендерный состав участников исследования: 69 (45%) - мальчики, 68 (44%) – девочки, 16 (11%) - пол не указали.

Основанием для включения в группу было добровольное согласие подростков и их родителей на участие в психологическом обследовании. Психодиагностические мероприятия проводились клиническими психологами очно в формате групповой диагностики. Подросткам предлагалось ответить на вопросы двух опросников, направленных на изучение виктимного поведения и склонности к употреблению ПАВ.

Для исследования склонности к виктимному поведению был использован опросник «Методика исследования склонности к виктимному поведению» [1]. В методику входят психодиагностические шкалы, позволяющие измерять предрасположенность к виктимизации. Методика включает набор специализированных психодиагностических шкал, направленных на измерение предрасположенности к реализации отдельных форм виктимного поведения. Тест стандартизирован в пилотном исследовании, на выборке учащихся общеобразовательных школ ($n=195$). Коэффициент валидности по разным шкалам составил от 0,6 до 0,8. Полученные данные свидетельствуют о валидности и надежности данного диагностического инструмента. Методика включает 6 шкал, измеряющих предрасположенность к агрессивному, самоповреждающему (саморазрушающему), гиперсоциальному, некритическому, зависимому и беспомощному видам виктимного поведения у подростков. Степень возможной реализации данных поведенческих реакций оценивается по шкале реализованной виктимности. Первичные оценки по каждой шкале преобразуются в стандартные оценки (стенны), где высокие значения от 8 до 10 стенов является показателем выше нормы, а от 1-3 стенов – ниже нормы. Результаты в пределах 4-7 стенов оцениваются как находящиеся в рамках нормы.

Для диагностики рисков формирования наркозависимого поведения подростков применялся «Психодиагностический опросник (ПДО) «Наркориск»» разработанный Л.Д. Сыркиным, А.А. Зуйковой, А.И. Сафроновым, А.С. Ляпиным [11]. Данная методика разработана в форме опросника, цель которой – раннее выявление нарушений в развитии личности, свойственных для формирования наркозависимого поведения подростков. Апробация ПДО проводилась на выборке учащихся школ ($n=330$), включая 30 подростков, употреблявших психоактивные вещества и проходивших специальное лечение и реабилитацию. При оценке надежности шкал методики коэффициент альфа-Кронбаха составил по прямым утверждениям - 0,8 и по обратным утверждениям - и 0,8. ПДО позволяет измерять личностные особенности по следующим шкалам: мотивационно-потребностная, эмоционально-волевая, нормативно-поведенческая регуляция, социальные риски, ценностно-смысловая сфера. Профиль личности считается рискометрически нейтральным, если показатели по шкалам не превышают 9-ти баллов. Высокие баллы (10-15) по одной или нескольким шкалам позволяют отнести результат к одному из рискогенных

Григорьева А.А., Усова Л.Е.
Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и
рисков употребления психоактивных веществ у
подростков
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 211–223.

Grigoryeva A.A., Usova L.E.
Relationship between propensity to victim behavior and
the risks of substance use in adolescents
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 211–223.

профилей.

Методика позволяет диагностировать пять личностных профилей, формирующие потенциальные риски возникновения аддиктивного поведения подростков, связанных с нарушением в одной из сфер личности:

- эмоционально-волевая сфера - абулистический профиль личности;
- мотивационно-потребностной сфера - гедонистический профиль;
- нормативно-поведенческая регуляция - асоциальный личностный профиль;
- социальные риски – конформный профиль;
- ценностно-смысловая сфера - когнитивно-деструктивный профиль личности.

На первом этапе исследования изучалась взаимосвязь между показателями склонности к разным видам виктимного поведения (в соответствии с типологией, предложенной О.О. Андронниковой) и показателями рисков наркозависимого поведения подростков (ПДО «Наркориск»).

На втором этапе исследования были выделены по 3 группы подростков с показателями нормативными (от 4 до 7 стенов), выше нормы (от 8 до 10 стенов) и ниже нормы (от 1 до 3 стенов). Группы подразделялись на основании результатов по шкалам склонности к виктимному поведению: агрессивному, самоповреждающему, гиперсоциальному, зависимому, не критичному.

Статистический анализ данных осуществлялся при помощи описательной статистики, коэффициента ранговой корреляции Спирмена, однофакторного дисперсионного анализа. Использовались статистические пакеты IBM SPSS Statistics 23.0, Microsoft Office Excel 2007.

Обсуждение результатов

Теоретическую основу представлений о виктимности составляла концепция, предложенная О.О. Андронниковой. Отклонение в поведении, обуславливающее потенциальную или реальную возможность человека становиться жертвой, основанное на психологических, социальных биологических и моральных предикторах определяется как виктимное. Высокий уровень виктимности связан со специфическими свойствами личности, повышающими ее уязвимость.

На первом этапе исследования выявлены статистически значимые взаимосвязи между показателями склонности к разным видам виктимного поведения и показателями личностных рисков наркозависимого поведения подростков с использованием коэффициента корреляции Спирмена (табл. 1)

Таблица 1

Значения корреляций по Спирмену между показателями личностных рисков употребления ПАВ и склонности к виктимизации

		Шкалы ПДО				
		Мотивационно-потребностная	Эмоционально-волевая с	Нормативно-поведенческая регуляция	Социальные риски	Ценностно-смысловая сфера
Агрессивное виктимное поведение	r	,251**	,279**	,478**	,366**	,169*
	p	,002	,000	,000	,000	,037
Самоповреждающее поведение	r	,281**	,130	,454**	,347**	,246**
	p	,000	,108	,000	,000	,002
Гиперсоциальное виктимное поведение	r	-,159*	-,269**	-,249**	-,233**	-,331**
	p	,049	,001	,002	,004	,000
Зависимое и беспомощное поведение	r	,240**	,416**	,229**	,236**	-,047
	p	,003	,000	,004	,003	,565
Некритичное поведение	r	,323**	,253**	,398**	,207*	,126
	p	,000	,002	,000	,010	,119
Реализованная виктимность	r	,337**	,443**	,348**	,270**	,034
	p	,000	,000	,000	,001	,676

*p<0,05

**p<0,01

Значимые положительные взаимосвязи получены по следующим шкалам:

- показатели шкалы склонности к агрессивному виктимному поведению значимо связаны со шкалами психодиагностического опросника «Наркориск» (ПДО): «сфера нормативно поведенческой регуляции» ($r = 0,478$; $p = 0,000$) и «шкала социальных рисков» ($r = 0,366$; $p = 0,000$);

- показатели шкалы склонности к самоповреждающему поведению значимо связаны со шкалами ПДО: «сфера нормативно поведенческой регуляции» ($r = 0,454$; $p = 0,000$) и «шкала социальных рисков» ($r = 0,347$; $p = 0,000$);

- показатели шкалы «склонность к зависимому поведению» значимо связаны со шкалой ПДО «эмоционально-волевая сфера» ($r = 0,416$; $p = 0,000$);

- показатели шкалы склонности к некритичному поведению значимо связаны со шкалой ПДО «сфера нормативно поведенческой регуляции» ($r = 0,398$; $p = 0,000$);

- показатели шкалы реализованной виктимности значимо связаны со шкалами ПДО: «эмоционально-волевая сфера» ($r = 0,443$; $p = 0,000$) и «сфера нормативно поведенческой регуляции» ($r = 0,348$; $p = 0,000$).

Полученные результаты позволяют предположить, что в формировании разных типов виктимного поведения значимую роль играет личностная предрасположенность к употреблению ПАВ, прежде всего проявляющаяся в сочетании черт, свойственных для асоциального, конформного и абулистического личностных профилей.

Увеличение рисков употребление ПАВ при сочетании черт, характерных для асоциального и конформного профилей личности сопровождается повышением рисков агрессивного и аутоагрессивного (самоповреждающее поведение) типов виктимизации у подростков.

Возрастание рисков употребления психоактивных веществ при абулистическом профиле сопровождаются развитием пассивной виктимизации. Некритичный тип - связан с асоциальным личностным профилем.

При увеличении рисков употребления ПАВ при когнитивно-деструктивном и гедонистическом профилях личности взаимосвязи с возрастанием предрасположенности к виктимному поведению не выявлено.

На втором этапе исследования с помощью однофакторного дисперсионного анализа были выделены значимые различия по шкалам ПДО Наркориск в 3-х группах подростков с разной степенью предрасположенности к виктимному поведению: 1) нормативными показателями (от 4 до 7 стен), 2) показателями выше нормы (от 8 до 10 стен); 3) показателями ниже нормы (от 1 до 3 стен) (табл. 2).

Таблица 2

Различия в проявлении риска наркозависимого поведения в группах подростков с разным уровнем склонности к виктимному поведению

		Агрессивный тип виктимного поведения				
		Выше нормы	Норма	Ниже нормы	p	
		N=9	N=74	N=70	p	
Шкалы ПДО «Наркориск»	Мотивационно-потребностная	6,67	6,34	4,83	P<0,01	
	Нормативно поведенческая регуляция	8,11	5,73	2,97	P =0,000	
	Социальные риски	5	3,76	2,09	P =0,000	
	Эмоционально-волевая сфера	9,78	6	4,66	P =0,000	
	Самоповреждающий и саморазрушающий тип виктимного поведения					
			N=27	N=75	N=51	
	Мотивационно-потребностная сфера	6,81	5,81	4,82	P<0,01	
	Сфера нормативно поведенческой регуляции	7,04	4,87	2,94	P =0,000	
	Ценностно-смысловая сфера	6,33	4,17	4,06	P<0,01	
	Шкала социальных рисков	4,19	3,39	2	P =0,000	
	Гиперсоциальное виктимное поведение					
			N=51	N=61	N=41	
	Ценностно-смысловая сфера	3,18	4,61	6,05	P =0,000	
	Эмоционально-волевая сфера	4,53	5,41	7,24	P<0,01	
	Пассивный тип виктимного поведения					

		N=5	N=86	N=62	
	Эмоционально-волевая сфера	9,8	6,24	4,39	P =0,000
	Некритичное виктимное поведение				
		N=11	N=74	N=68	
	Сфера нормативно поведенческой регуляции	8,18	5,27	3,31	P =0,000

У подростков с высоким показателем уровня склонности к агрессивному типу виктимного поведения (n=9) значения шкал ПДО «Наркориск» мотивационно-потребностная (p=0,004), нормативно-поведенческая регуляция (p=0,000), социальные риски (p=0,001) и эмоционально-волевой сферы (p=0,000) значительно выше, чем в группе с низким уровнем (n=70).

Подростки с высоким (n=51) и низким (n=41) уровнем по шкале гиперсоциального типа виктимного поведения различаются в проявлениях ценностно-смысловой и эмоционально-волевой сфер личности (p=0,000).

В группе подростков с высокими показателями саморазрушающего типа виктимного поведения (n=27) значения по показателям шкал ПДО «Наркориск» мотивационно-потребностной сферы (p=0,009), сферы нормативно поведенческой регуляции (p=0,000), ценностно-смысловой сферы (p=0,005) и шкалы социальных рисков (p=0,003) значительно выше, чем у лиц с низкими показателями (n=51).

Значимые различия между группами подростков с низкими значениями (n=62) показателя пассивного типа виктимного поведения и выше среднего (n=91), выявлены только по шкале эмоционально-волевой сферы (p=0,000) (ПДО «Наркориск»).

В группе подростков с высокой склонностью к некритичному типу виктимного поведения (n=11), выявлены преимущественно высокие показатели шкалы нормативно-поведенческой регуляции (p=0,000), в отличие от группы, имеющей показатели виктимности ниже нормы (n=68).

Полученные результаты позволяют предположить, что риски употребления ПАВ, обусловленные комбинацией «заостренных» личностных черт (мотивационных, регуляторных, эмоционально-волевых, ценностно-смысловых, социально-коммуникативных) в большей степени выражены при агрессивном и аутоагрессивном (самоповреждающем) типах виктимного поведения.

Обсуждение

Стоит обратить внимание, что данные этого этапа исследования носят больше вероятностный характер, основанный на определении рисков возникновения употребления психоактивных веществ в рамках склонности к виктимному поведению. Выборка формировалась из респондентов условной нормы, учащихся общеобразовательных школ, что объясняет отсутствие значений выше нормы для шкалы реализованной виктимности. Так как факты употребления ПАВ и проявлений виктимного поведения подростков в рамках данного исследования не устанавливались, существует ряд ограничений относительно выводов рисков употребления ПАВ подростками склонным к виктимному поведению. Это также обуславливается спецификой диагностического материала: методика «Наркориск», как личностный опросник, предназначена для оценки рисков аддиктивного поведения на ранней стадии. Методика О.О. Андронниковой в свою очередь оценивает потенциальную

предрасположенность к реализации отдельных форм виктимного поведения. Таким образом, мы можем предполагать, что у подростков, обладающих определенной комбинацией рискогенных личностных черт, свойственных им при употреблении ПАВ, предрасположенность к виктимному поведению будет повышаться.

Заключение

Повышение предрасположенности к употреблению психоактивных веществ у подростков с личностными чертами, соответствующими асоциальному и конформному профилям, сопровождается увеличением рисков формирования агрессивного и аутоагрессивного (самоповреждающего) типов виктимного поведения.

Подростки с высокой склонностью к агрессивному и аутоагрессивному типам виктимного поведения характеризуются целым комплексом личностных черт, соответствующих высоким рискам употребления ПАВ: стремлением получить быстрое удовольствие, затруднениями при усвоении норм и правил, принятых в социуме, зависимостью от мнения окружающих.

Специфическими личностными чертами свойственными аутоагрессивному (самоповреждающему) виктимному поведению являются отсутствие собственной системы ценностей и критического мышления.

Полученные данные позволяют усовершенствовать профилактические меры, направленные на снижение рисков употребления подростками психоактивных веществ, так и связанных с ними рисков формирования определённых типов виктимного поведения.

Литература

1. Андронникова О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосиб., 2005. 16 с.
2. Андронникова О.О. Взаимосвязь переживания детства с формированием Я-концепции виктимного типа // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 1. С. 276–279
3. Андронникова О.О., Ветерок Е.В. Психологическое благополучие и здоровье как актуальная потребность современного человека в рамках девиктимизации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1. С. 72-76.
4. Баширова Т.Н. Ценностные ориентации студентов со склонностью к виктимности //Казанский педагогический журнал. 2013. № 5. С. 6-8.
5. Григорьева А.А., Гавриченко А.А. Употребление подростками психоактивных веществ при разных видах аутоагрессивного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020, Т. 10. № 1. С. 116–122. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2020/n1/112938_full.shtml (дата обращения: 13.08.2020)
6. Евсеев А.В., Радимушкина О.В. Криминологическая характеристика и тенденции криминальной виктимизации в Российской Федерации // Виктимология. 2018. № 1. С. 13-24.
7. Левина Н.А., Дубовицкая М.Г. Психологическая профилактика виктимного поведения подростков в условиях, содействующих развитию личностного потенциала // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 5. С. 280-287.
8. Муллахметова Н.Е. Состояние опьянения жертвы преступления: правовые и виктимологические аспекты //Виктимология. 2018. № 1. С. 58-64.
9. Мусийчук М.В., Яценко Т.В. Виктимность как фактор риска аддиктивного поведения

Григорьева А.А., Усова Л.Е.
Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и
рисков употребления психоактивных веществ у
подростков
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 211–223.

Grigoryeva A.A., Usova L.E.
Relationship between propensity to victim behavior and
the risks of substance use in adolescents
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 211–223.

подростков на основе выявления предикторов зависимостей // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimnost-kak-faktor-riska-addiktivnogo-povedeniya-podrostkov-na-osnove-vyyavleniya-prediktorov-zavisimostey> (дата обращения: 27.06.2020). DOI: 10.24158/spp.2020.1.5

10. Ривман Д.В. О некоторых понятиях криминальной виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Сборник научных трудов. Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1982. С. 15-24.

11. Сыркин Л.Д., Ляпин А.С., Зуйкова А.А., Сафронов А.И. Использование методики «Психодиагностический опросник «Наркориск» в социально-психологическом тестировании в образовательных организациях [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки». 2016, Т. 4. № 1. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/20PSMN116.pdf> (дата обращения: 15.09.2020)

12. Федорова Н.Н. Эпидемиологическое исследование вредных привычек у студенческой молодежи [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Вестник АГТУ». 2007. №1. С. 200–202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epidemiologicheskoe-issledovanie-vrednyh-privyчек-u-studencheskoj-molodezhi>. (дата обращения: 27.06.2020).

13. Франк Л.В. Виктимология и виктимность (Об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью): Учебное пособие для студентов юридического факультета. Отв. ред.: Муллаев М.М.. Душанбе, 1972. 113 с.

14. Яценко Т.Е. Психологическая сущность категории "Виктимное поведение" с позиции субъектно-средового подхода // Вестник БарГУ. Сер. Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки. 2019. № 7. С. 127-134.

15. Morgan R.E., Kena G. Criminal victimization, 2016 // Bureau of Justice Statistics. NCJ, 2017. Vol. 251150. P. 1-36

16. Nasheeda A., Hassan, N.C., Hassan, S.A. Relationships between bullies, victims and mental health issues among adolescents // Maldives National Journal of Research. 2017. №.5. P. 23-44.

17. Shannon R. Reviewing the Association between Early Attachment Style and Bystander Behavior in Instances of Bullying during Childhood and Adolescence // UC Merced Undergraduate Research Journal. 2018. Vol. 10, №. 2. P.1-29

18. Shepherd J.P., Sutherland I., Newcombe R. G. Relations between alcohol, violence and victimization in adolescence // Journal of Adolescence. 2006. Vol. 29. №4. P. 539-553. DOI: 10.1016/j.adolescence.2006.06.005

19. Thompson M.P. et al. Longitudinal associations between problem alcohol use and violent victimization in a national sample of adolescents // Journal of Adolescent Health. 2008. Vol. 42. № 1. P. 21-27. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2007.07.003

References

1. Andronnikova O.O. Psikhologicheskie faktory vozniknoveniya viktimnogo povedeniya podrostkov: Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk. [Psychological factors in the emergence of victim behavior in adolescents. Ph. D. (Psychology) Thesis] Novosibirsk, 2005. 16 p. (In Russ.).

2. Andronnikova O.O. Vzaimosvyaz' perezhivaniya detstva s formirovaniem Ya-kontseptsii viktimnogo tipa [The relationship between childhood experience and the formation of the self-concept of the victim type]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture, education*, 2014, no. 1, pp. 276–279. (In Russ.).

Григорьева А.А., Усова Л.Е.
Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и
рисков употребления психоактивных веществ у
подростков
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 211–223.

Grigoryeva A.A., Usova L.E.
Relationship between propensity to victim behavior and
the risks of substance use in adolescents
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 211–223.

3. Andronnikova O.O., Veterok E.V. Psikhologicheskoe blagopoluchie i zdorov'e kak aktual'naya potrebnost' sovremennogo cheloveka v ramkakh deviktimizatsii [Psychological well-being and health as an urgent need of a modern person within the framework of devictimization]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kemerovo State University*, 2016, no. 1, pp. 72-76. (In Russ.).
4. Bashirova T.N. Tsennostnye orientatsii studentov so sklonnost'yu k viktimnosti [Value orientations of students with a tendency to victimization]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2013, no. 5, pp. 6-8. (In Russ.).
5. Grigor'eva A.A., Gavrichenkova A.A. Upotreblenie podrostkami psihoaktivnykh veshchestv pri raznykh vidakh autoagressivnogo povedeniya [Adolescents' use of psychoactive substances in various types of autoaggressive behavior]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and law*, 2020. Vol. 10, no.1, pp.116-122. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2020/n1/112938_full.shtml (Accessed: 13.08.2020). DOI: 10.17759/psylaw.2020100110 (In Russ.).
6. Evseev A.V., Radimushkina O.V. Kriminologicheskaya kharakteristika i tendentsii kriminal'noi viktimizatsii v Rossiiskoi Federatsii [Criminological characteristics and tendencies of criminal victimization in the Russian Federation]. *Viktimologiya = Victimology*, 2018, no. 1, pp. 13-24. (In Russ.).
7. Levina N.A., Dubovitskaya M.G. Psikhologicheskaya profilaktika viktimnogo povedeniya podrostkov v usloviyakh, sodeistvuyushchikh razvitiyu lichnostnogo potentsiala [Psychological prevention of victim behavior in adolescents in conditions that contribute to the development of personal potential]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-economic phenomena and processes*, 2013, no. 5, pp. 280-287.
8. Mullakhmetova N.E. Sostoyanie op'yaneniya zhertvy prestupleniya: pravovye i viktimologicheskie aspekty [The state of intoxication of the victim of a crime: legal and victimological aspects]. *Viktimologiya = Victimology*, 2018, no. 1, pp. 58-64. (In Russ.).
9. Musiichuk M.V., Yatsenko T.V. Viktimnost' kak faktor riska addiktivnogo povedeniya podrostkov na osnove vyyavleniya prediktorov zavisimostei [Victimism as a risk factor for addictive behavior in adolescents based on identifying predictors of addiction]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2020, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimnost-kak-faktor-riska-addiktivnogo-povedeniya-podrostkov-na-osnove-vyyavleniya-prediktorov-zavisimostey> (Accessed: 27.06.2020). DOI: 10.24158/spp.2020.1.5 (In Russ.).
10. Rivman D.V. O nekotorykh ponyatiyakh kriminal'noi viktimologii [On some concepts of criminal victimology]. *Viktimologicheskie problemy bor'by s prestupnost'yu. Sbornik nauchnykh trudov = Victimological problems of combating crime. Collection of scientific papers*, Irkutsk: Irkutsk University publ., 1982, pp. 15-24. (In Russ.).
11. Syrkin L.D., Lyapin A.S., Zuikova A.A., Safronov A.I. Ispol'zovanie metodiki «Psikhodiagnosticheskii oprosnik «Narkorisk» v sotsial'no-psikhologicheskom testirovanii v obrazovatel'nykh organizatsiyakh [Elektronnyi resurs] [Using the methodology "Psychodiagnostic questionnaire" Narkorisk "in socio-psychological testing in educational organizations]. *Internet-zhurnal «Mir nauki» = Internet journal "World of Science "*, 2016. Vol. 4, no. 1. URL:<http://mir-nauki.com/PDF/20PSMN116.pdf> (Accessed: 15.09.2020). (In Russ.).
12. Fedorova N.N. Epidemiologicheskoe issledovanie vrednykh privyчек u studencheskoi molodezhi [Elektronnyi resurs] [Epidemiological study of bad habits among student youth].

Григорьева А.А., Усова Л.Е.
Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и
рисков употребления психоактивных веществ у
подростков
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 211–223.

Grigoryeva A.A., Usova L.E.
Relationship between propensity to victim behavior and
the risks of substance use in adolescents
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 211–223.

Internet-zhurnal « Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta» = Bulletin of the Astrakhan State Technical University, 2007, no. 1, pp. 200–202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epidemiologicheskoe-issledovanie-vrednyh-privyчек-u-studencheskoy-molodezhi>. (Accessed: 27.06.2020). (In Russ.).

13. Frank L.V. Viktimologiya i viktimnost': (Ob odnom novom napravlenii v teorii i praktike bor'by s prestupnost'yu): Uchebnoe posobie dlya studentov yuridicheskogo fakul'teta [Victimology and victimization: (On one new direction in the theory and practice of combating crime): A textbook for law students.]. In Mullaev M.M (ed.). Dushanbe, 1972, 113 p. (In Russ.).

14. Yatsenko T.E. Psikhologicheskaya sushchnost' kategorii "Viktimnoe povedenie" s pozitsii sub"ektno-sredovogo podkhoda [the psychological essence of the category "Victim behavior" from the position of the subject-environmental approach]. *Vestnik BarGU. Ser. Pedagogicheskie nauki. Psikhologicheskie nauki. Filologicheskie nauki = Pedagogical sciences. Psychological sciences. Philological sciences*, 2019, no. 7, pp. 127-134. (In Russ.).

15. Morgan R.E., Kena G. Criminal victimization, 2016 //Bureau of Justice Statistics. NCJ, 2017. Vol. 251150, pp.1-36.

16. Nasheeda A., Hassan, N.C., Hassan, S.A. Relationships between bullies, victims and mental health issues among adolescents. *Maldives National Journal of Research*, 2017, no. 5, pp. 23-44.

17. Shannon R. Reviewing the Association between Early Attachment Style and Bystander Behavior in Instances of Bullying during Childhood and Adolescence. *UC Merced Undergraduate Research Journal*, 2018. Vol. 10, no. 2, pp.1-29.

18. Shepherd J.P., Sutherland I., Newcombe R. G. Relations between alcohol, violence and victimization in adolescence. *Journal of Adolescence*, 2006, Vol. 29, no. 4, pp. 539-553. DOI: 10.1016/j.adolescence.2006.06.005

19. Thompson M.P. et al. Longitudinal associations between problem alcohol use and violent victimization in a national sample of adolescents. *Journal of Adolescent Health*, 2008, Vol. 42, no. 1, pp. 21-27. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2007.07.003

Информация об авторах

Григорьева Александрина Андреевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отделения организации профилактической помощи в наркологии, Национальный научный центр наркологии – филиал ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5204-4887>, e-mail: alexandrina_gr@mail.ru.

Усова Любовь Евгеньевна, лаборант-исследователь отделения организации профилактической помощи в наркологии, Национальный научный центр наркологии – филиал ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4478-2927>, e-mail: lubovusova24@gmail.com.

Information about the authors

Grigorieva Alexandrina Andreevna, Phd in sychology, senior researcher of the Department of Preventive Care in Narcology in the Scientific Research Institute of Narcology filial of Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID:

Григорьева А.А., Усова Л.Е.
Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и
рисков употребления психоактивных веществ у
подростков
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 211–223.

Grigoryeva A.A., Usova L.E.
Relationship between propensity to victim behavior and
the risks of substance use in adolescents
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 211–223.

<https://orcid.org/0000-0002-5204-4887>, e-mail: alexandrina_gr@mail.ru

Usova Lubovj Evgenjevna, research assistant of the Department of Preventive Care in Narcology in the Scientific Research Institute of Narcology filial of Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4478-2927>, lubovusova24@gmail.com

Получена 01.07.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 01.07.2020
Accepted 07.09.2020

Исследование особенностей молодежного вандализма и выработка инструментария его профилактики

Николаева Ю.В.

ФГБОУ ВО "Финансовый университет при Правительстве РФ", г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-8328>, e-mail: uvarnike@rambler.ru

Гребенников В.В.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8968-8339>, e-mail: grebval@yandex.ru

Федякин А.В.

ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-3846>, e-mail: avf2010@yandex.ru

Ростокинский А.В.

ГАОУ ВО "Московский городской педагогический университет", г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3600-0294>; e-mail: _arostokinskiy@yandex.ru

Калиновская В.С.

АННИО «МИИГУ имени П.А. Столыпина», НОЦ «Правовые исследования», ФГАОУ ВО «Российского университета дружбы народов», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2356-9104>, e-mail: vi.arhipova@yandex.ru

Вандализм в молодежной среде является одной из актуальных проблем в рамках изучения девиантного поведения молодежи. Вандальная активность возникает в результате деформации социального взаимодействия, которая становится фиксированной и превращается в деструктивные действия людей, пытающихся посредством этой формы деятельности понять себя в социальном пространстве. Статья направлена на исследование генезиса поведения вандалов, а также социально-психологические и индивидуальные личностные факторы в формировании готовности к уничтожению общественной собственности и собственности частных лиц. Авторами рассматривается специфика и интенсивность вандальной активности подростков и молодых людей в контексте их окружения, а также индивидуальные характеристики, способствующие девиантному поведению.

Ключевые слова: вандализм, девиантное поведение, вандальная активность, правонарушение, противодействие вандализму.

*Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В.,
Ростокинский А.В., Калиновская В.С.*
Исследование особенностей молодежного вандализма
в выработка инструментария его профилактики
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234.

*Nikolaeva Y.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V.,
Rostokinskiy A. V., Kalinovskaya V.S.*
Research of Features Of Youth Vandalism And
Development of Its Prevention Tools.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234.

Для цитаты: *Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В., Ростокинский А.В., Калиновская В.С.*. Исследование особенностей молодежного вандализма в выработка инструментария его профилактики [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234. DOI:10.17759/psylaw.2020100315

Research of Features Of Youth Vandalism And Development of Its Prevention Tools

Yulia V. Nikolaeva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-8328>, e-mail: uvarnike@rambler.ru

Valery V. Grebennikov

RUDN University, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8968-8339>, e-mail: grebval@yandex.ru

Aleksey _ V. Fedyakin

Russian University of Transport, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-3846>, e-mail: avf2010@yandex.ru

Alexandr V. Rostokinskiy

Moscow city pedagogical University, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3600-0294>, e-mail: arostokinskiy@yandex.ru

Viktoriya S. Kalinovskaya

Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, Legal Studies Center
the PFUR University, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2356-9104>, e-mail: vi.arhipova@yandex.ru

Vandalism among young people is one of the urgent problems in the study of youth deviant behavior. Vandal activity arises as a result of the deformation of social interaction, which becomes fixed and turns into destructive actions of people trying to understand themselves in social space through this form of activity. The article is aimed at exploring the genesis of the behavior of vandals, as well as socio-psychological and individual personality factors in the formation of readiness for the destruction of public property and the property of others. The authors examine the specificity and intensity of vandal activity of adolescents and young people in the context of their environment, as well as individual characteristics that contribute to deviant behavior.

Keywords: vandalism, deviant behavior, vandal activity, offense, counteraction to vandalism.

Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В.,
Ростокинский А.В., Калиновская В.С.
Исследование особенностей молодежного вандализма
в выработка инструментария его профилактики
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234.

Nikolaeva Y.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V.,
Rostokinskiy A. V., Kalinovskaya V.S.
Research of Features Of Youth Vandalism And
Development of Its Prevention Tools.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234.

For citation: Nikolaeva Y.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V., Rostokinskiy A. V., Kalinovskaya V.S. Research of Features Of Youth Vandalism And Development of Its Prevention Tools. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234. DOI:10.17759/psylaw.2020100315 (In Russ.).

Литература содержит многочисленные примеры и показывает длительность истории такого правонарушения как вандализм. Уничтожение гробниц египетских фараонов с целью найти ценные вещи, лозунги, написанные на руинах Помпеи в юго-восточном городе Неаполе - свидетельствуют о вандализме. Термин «вандализм» происходит от слова «вандал», который является названием германского племени Узало, когда-то жившего на землях, расположенных между двумя великими реками Одер и Висла. Во времена правления короля Заанстрика, который правил с 428 по 477 год нашей эры. В течение нескольких лет они занимали широкую территорию от Карфагена до Средиземноморья, по своей сущности были варварами? - кровожадными и жестокими людьми, часто захватывали земли, насиловали, грабили, разрушали и сжигали собственность везде, где они проходили. Историческая репутация и деконструктивный дух этого племени привели к тому, что все формы насильственного уничтожения собственности, а также разрушение общественных активов, предметов и произведений искусства, вражда с наукой, техникой и цивилизацией были названы вандализмом. Вандализм же в его новой форме возник с развитием современных обществ [1]. В 1974 году епископ Генрих Грегори сравнил неизбирательное разрушение во время Французской революции художественных и культурных ценностей с разграблением римских монастырских библиотек и произведений религиозного искусства в 455 году нашей эры, что было сделано вандалами, и, таким образом, родился термин вандализм. Вандалы - это группа, которая совершает акты насилия и агрессии, чтобы реализовать свое чувство угнетения, несправедливости, являющиеся двумя важными мотивами агрессивного поведения и разрушительного вандализма. Вандалы варьируются от самых спокойных граждан до самых приземленных, которые совершают преступления без каких-либо финансовых стимулов. Тяжелые случаи вандализма - это массовый, совокупный или групповой вандализм, в рамках которого члены группы подвергаются влиянию друг друга [25].

Вандализм или саботаж являются одной из дилемм и проблем городского роста и городских сообществ, которые идут в ногу с быстрым развитием города и городской культурой различных общин. Городской вандализм - это отклонение, которое в определенной мере можно отнести к социальным потрясениям, в которых люди не могут общаться через систему общих правил и обращаются к ненормальным эмоциям и внутренним чувствам и поведению [3]. ПатрисДжануран в своей работе определяет вандализм как «болезненный дух», который разрушает общественные объекты [22].

В настоящее время в уголовно-правовой литературе существует множество определений понятия «вандализм». Однако они, как правило, учитывают лишь уголовно-правовой аспект и трактуют мотив как факультативный признак субъективной стороны состава преступления, который отражает социально-психологическую природу понятия мотива, поскольку в качестве побуждающих факторов помимо сознания могут выступать потребности, интересы, убеждения, идеалы. В большинстве случаев акты вандализма совершаются несовершеннолетними и реже в более зрелом возрасте, что в основном связывают с политическими мотивами [17]. Анализ статистических данных показывает снижение общего

*Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В.,
Ростокинский А.В., Калиновская В.С.*
Исследование особенностей молодежного вандализма
в выработка инструментария его профилактики
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234.

*Nikolaeva Y.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V.,
Rostokinskiy A. V., Kalinovskaya V.S.*
Research of Features Of Youth Vandalism And
Development of Its Prevention Tools.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234.

числа актов вандализма в РФ. Так, в 1997 г. в России было зарегистрировано 354 акта вандализма (это минимум за 20 лет), в 1998 г. - 392, в 1999 г. - 419, в 2000 г. - 609, в 2001 г. - 600, в 2002 г. - 656, в 2003 г. - 905, в 2004 г. - 1400, в 2005 г. - 5110, максимум в 2006 г. - 6044, в 2007 г. - 3962. Далее наблюдается понижающаяся динамика. В 2016 г. зарегистрировано и вынесено приговоров по наиболее крупным делам – 893 [11].

Трудно выявить и проанализировать мотивы вандализма, потому что они часто неосознаваемы или не сразу очевидны: такое поведение также может быть, на первый взгляд, нелогичным результатом ряда противоречивых мотивов. Проще говоря, можно сказать, что желание понять мотивы, стоящие за вандалистским поведением, и желание объяснить его усиление коренятся не только в научных соображениях, но и в необходимости практического применения таких знаний [2]. В этой области было проведено большое количество исследований, проектных работ и мониторинга проектов. Цель данной статьи проанализировать ряд уже проведенных исследований и оценить каким образом можно снизить проявление актов вандализма.

Вандализм традиционно описывается как абсурдное, необоснованное или даже патологическое поведение, поскольку оно не дает никаких преимуществ своему исполнителю и даже оказывает на него негативное воздействие, снижая качество среды, в которой он живет или работает. Следовательно, вандализм часто относят к бессмысленному поведению. Традиционно выделяется три гипотезы для объяснения актов вандализма. Клинические психологи придерживаются мнения, что иррациональное поведение такого типа является патологическим, что вандалы являются типичными правонарушителями и что они, вероятно, не сильно отличаются в плане своей личности и социального происхождения от несовершеннолетних преступников.

Социологи подчеркивают тот факт, что вандализм является социальным поведением, поскольку он чаще совершается группами, чем отдельными лицами, действующими в одиночку, и так же он представляет собой выражение бунта против взрослой и институциональной власти. Фактом является то, что вандализм представляется более серьезным и более распространенным в районах, где проживают смешанные социальные классы, где местные жители часто отказываются принимать новоприбывших. В таких обстоятельствах банды подростков формируют и развивают субкультуру, которая оправдывает агрессию против физических и социальных рамок, которыми они как бы «ограничиваются». Кроме того, вандализм, как отмечалось, имеет более глубокие корни в тех случаях, когда способность семей удовлетворять потребности своих членов ограничена: это особенно верно в случае низких социально-экономических стандартов, наличия безработицы и увеличения числа иммигрантов [16].

Другой подход к анализу причин вандализма был предложен Оскаром Ньюманом, который указал, что вандализированная среда более хрупкая, чем другие. «Хрупкий» в этом случае относится не только к разрушительной природе используемых строительных материалов, но также, прежде всего, к трудностям охраны таких сред из-за их архитектурного дизайна и социального стиля жизни, к которому это приводит [19]. Большие коммунальные анонимные зоны, используемые всеми жителями некоторых крупных жилищных комплексов, представляют собой «бесплодные» районы, за которыми невозможно следить и которые жители не идентифицируют, поскольку они не владеют ими и

*Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В.,
Ростокинский А.В., Калиновская В.С.*
Исследование особенностей молодежного вандализма
в выработка инструментария его профилактики
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234.

*Nikolaeva Y.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V.,
Rostokinskiy A. V., Kalinovskaya V.S.*
Research of Features Of Youth Vandalism And
Development of Its Prevention Tools.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234.

не имеют к ним отношения [25]. Такие зоны чаще всего и являются объектами выбора для вандалов.

Согласно социологии структуры, организации, социальные и культурные институты рассматриваются как социальная реальность, стоящая за поведением человека, а правонарушения, как известно, являются следствием социальных и культурных структур. Теория социального контроля утверждает, что отклонения и искажения связаны со слабостью и раздробленностью принадлежности к сообществу в результате отсутствия контроля [12]. Социальный контроль - это непрерывный процесс социализации, социализация вызывает соответствие, что означает, что социализация является типом добровольного соответствия, но когда оно не осуществляется человеком добровольно, используются механизмы социального контроля для передачи и реализации социальных норм и ожиданий. Дюркгейм, как один из предшественников теории общественного контроля, считает, что, если в обществе сильная социальная сплоченность, члены общества сочувственно соблюдают социальные нормы и ценности, но если в обществе слабая социальная сплоченность, поведение людей может стать «преступным». Теория дифференциального компаньона Эдвина Сазерленда основана на предположении, что девиантное поведение, как и другие социальные формы поведения, реализуется через общение и связь с другими [4]. Он считал, что преступник в течение своей жизни изучает отклоняющиеся мотивации, тенденции и отклоняющееся поведение через общение с другими. По его словам, девиантное поведение не является психологическим или наследственным, но люди в компании в процессе социализации и взаимодействия с другими учатся бунтовать, нарушать нормы и становятся склонны к девиантному поведению [24]. Эта теория подчеркивает, что девиантное поведение формируется через общение с друзьями из «группы риска». Эта теория скорее подчеркивает культурное обучение, в котором формируется девиантное поведение и рассматривает модели поведения с точки зрения развития личности. Наиболее упорядоченная и эффективная работа над теорией культурной передачи сделана в Чикагской школе социологии. Эти ученые обнаружили, основываясь на исследованиях в США, что наиболее важным фактором являются товарищи по играм и сверстники, которые передают склонность к правонарушениям, знания и традиции [24]. Теория делинквентных и девиантных субкультур Коэна представляет собой сочетание теорий преступности и девиации при культурной передаче и аномалии Мертона [21]. Основополагающее предположение Коэна состоит в том, что отклоняющиеся и правонарушители приняли идеалы и цели общественного признания, но из-за отсутствия адекватных возможностей для достижения социально приемлемых и желаемых целей они заменяют идеалы успеха, общие цели и общепринятые нормы в обществе с другими ценностями и нормами для достижения достоинства и престижа, и, следовательно, создается некоторая криминальная культура. Тем самым люди пытаются преодолеть свои проблемы [26].

Вандализм или разрушение общественной собственности является одним из самых сложных видов человеческого поведения. Трудно решить, что такое вандализм, а что нет. Реакция на уничтожение государственной собственности может варьироваться в зависимости от различных социальных обстоятельств. По мнению ученых в области социологии и психологии, человек, становящийся вандалом, может быть подвержен

*Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В.,
Ростокинский А.В., Калиновская В.С.*
Исследование особенностей молодежного вандализма
в выработка инструментария его профилактики
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234.

*Nikolaeva Y.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V.,
Rostokinskiy A. V., Kalinovskaya V.S.*
Research of Features Of Youth Vandalism And
Development of Its Prevention Tools.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234.

различным социальным и психологическим факторам, наиболее важными из которых являются семья, учебное заведение и социальная среда, в которой человек живет.

Большинство усилий, направленных на то, чтобы понять и уменьшить агрессивное поведение человека - по отношению к другим людям или к собственности - сосредоточены на правонарушителе. Независимо от того, являются ли лица, предпринимающие эти усилия, специалистами или представителями общественности: учителя, психологи, социологи или криминологи: теоретики, исследователи или практики или лица, занимающиеся прогнозированием, предотвращением, реабилитацией или государственной политикой, лицо или лица, фактически совершающие агрессивные действия, почти всегда являются основной целью(ми) их внимания. Кто он или она, соответствующие фоновые переживания человека, история схожего поведения, настроение и рациональность во время совершения акта, и связанные внутрииндивидуальные вопросы - типичные проблемы, к которым обращаются. Воспитание обидчика, ранний темперамент правонарушителя, личностные качества правонарушителя и другие персональные маркеры устанавливаются, проверяются и считаются основными факторами, влияющими на девиантное поведение, проявляющиеся в том числе в актах вандализма [5]. В большинстве попыток объяснить агрессию, данное явление рассматривается со стороны правонарушителя. Однако есть и иной подход к пониманию и прогнозированию поведения человека, который утверждает, что определение агрессии должно отражать как индивидуальные качества, так и соответствующие характеристики индивидуальной среды. К индивидуальной среде при этом относятся окружающие люди и конкретные места, в которых проходит большая часть жизни конкретного человека. При этом, в данном случае оценивается прежде всего качественные характеристики окружающих людей и мест. Именно такой подход позволяет провести наиболее качественные исследования в области вандализма, результаты которых могут оказать положительное влияние на снижение частоты данного правонарушения [10] [11].

Проведенные исследования показывают, что с точки зрения тенденции к вандализму, девочки демонстрируют большую склонность, чем мальчики, но частота совершения вандальных действий была выше среди мальчиков, чем среди девочек [20] [22]. Этого следовало ожидать, потому что у мальчика больше свободы действий, чем у девочек, и его меньше осуждают за подобные действия. Другими словами, мужчины считают свою физическую форму привилегией. Таким образом, хотя тенденция к вандализму среди девочек больше, чем у мальчиков, но девочки обычно более успешно контролируют свой гнев - кроме того, на практике они более ограничены в своем поведении, чем мальчики. Это означает, что мальчики больше, чем девочки, склонны участвовать в вандальной деятельности [13] [14]. В другом исследовании проводился анализ взаимосвязи вандализма среди подростков и их социального положения. Социально-экономический статус измерялся такими показателями, как уровень образования родителей, семейный доход, род занятий, и результаты показали, что социально-экономический статус имел существенную связь с вандализмом. Подростки с более низким социально-экономическим статусом имели большую склонность к вандализму [6]. Результаты проведенного исследования подтверждают итоги ранее проведенных аналогичных исследований о взаимосвязи между социально-экономическим статусом и девиантным поведением [24] [26]. В современном исследовании чувство бессилия, социальная изоляция, чувство бессмысленности и ненависть к себе были индикаторами для измерения уровня «отчужденности» подростков. Кажется, что

девиантное поведение не может быть объяснено просто социологическими переменными и, возможно, социальная психология более компетентна в объяснении данных отклонений. В литературе меньше внимания уделялось этим переменным, и большинство из них были сосредоточены на социально-психологических переменных. Таким образом, описанное современное исследование, несмотря на недостатки, может проложить путь к лучшему объяснению проблемы в будущих исследованиях. В случае, если в семье подростков происходят регулярные конфликты между родителями можно так же говорить о существенном влиянии на склонность к отклонениям и преступным действиям. Для большинства семья - это место, где происходит подростковая социализация, и если семья не может стать безопасным местом для психо-эмоционального роста подростка, то это зачастую приводит к повышению склонности к девиантному поведению. Чем выше непоследовательность родителей, тем чаще дети совершают правонарушения, в том числе акты вандализма. Так же исследование, проведенное в 2005 году, показывает, что подростки, у которых средний балл ниже, более склонны к саботажу и вандализму. Что касается общения с друзьями из группы риска, то можно сказать, что между переменной вандализма и переменной общения с плохими друзьями существует прямая и значимая связь. Это означает, что молодые люди, имеющие друзей-правонарушителей, более склонны к деструктивной деятельности. Наказание в школе и отчуждение являются наиболее важными переменными в прогнозировании тенденции совершать акты вандализма [7]. Согласно результатам исследований, для уменьшения вандализма рекомендуется целый перечень действий, направленных как на работу с объектами, чаще всего подвергающимися вандализму, так и с вандалами или склонными к данному поведению людьми. К таким действиям можно отнести реконструкцию, модификацию и ремонт (немедленный ремонт вышедших из строя сооружений). Никакой подход к воспитанию и повышению социальной ответственности не сможет полностью предотвратить акты вандализма. Поэтому имущество должно быть спроектировано и построено с использованием материалов, которые способствуют простоте обслуживания и быстрой уборке. Объекты, которые трудно очистить, и оборудование, для которого может потребоваться трудно получить запасные части, гораздо более подвержены вандализму [18]. В качестве примера конструктивных особенностей, которые подавляют вандализм, можно назвать: использование материалов с шероховатой текстурой и темными поверхностями для предотвращения граффити, альтернативой является использование гладких твердых поверхностей, которые легко очищаются, замена разбитых окон, повышение высоты уличных знаков для уменьшения ущерба и краж, использование ночного освещения для уменьшения незаметной активности и улучшения внешнего вида объекта. Исследования показали, что акты вандализма со стороны людей всех возрастов усиливаются, когда существует чувство отчуждения от сообщества. Поэтому участие в общественной деятельности может способствовать развитию чувства гордости и принадлежности. Склонность к порче или повреждению имущества в сообществе, с которым индивид сильно отождествлен, будет очень низкой [15]. Поскольку подростки и молодые люди в первую очередь являются участниками вандальных действий, следует предпринять усилия для обеспечения деятельности, способствующей развитию чувства причастности к сообществу в дополнение к усилению личного развития. Спортивные программы могут предоставляться как во время летних каникул, так и в течение учебного года. Перенаправление молодежной деятельности на достижение конструктивных и достойных

*Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В.,
Ростокинский А.В., Калиновская В.С.*
Исследование особенностей молодежного вандализма
в выработка инструментария его профилактики
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234.

*Nikolaeva Y.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V.,
Rostokinskiy A. V., Kalinovskaya V.S.*
Research of Features Of Youth Vandalism And
Development of Its Prevention Tools.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234.

целей способствует развитию чувства гордости и ответственности [8]. Повышение ответственности подростков, концентрация на их потребностях и нуждах со стороны должностных лиц семьи и школы. Необходимо так же уделять больше внимания критике, жалобам и комментариям учеников о школе, обучающей и публичной информации о вандализме, создать основания для увеличения социальной сплоченности. Необходимо проводить дальнейшие исследования в рамках данной сферы с целью выработки наиболее эффективных превентивных мер способствующих снижению актов вандализма.

Литература

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология: учебное пособие для студ. вузов / Г.С. Абрамова. 4-е изд., стереотип. Москва: Академия, 1999. 672 с.
2. Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности / К.А. Абульханова-Славская. Москва, 1973. 288 с.
3. Агапов А.Ф. Криминология / А.Ф. Агапов, В.Д. Малков. Москва: Юстицинформ, 2006. 542 с.
4. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений/ Г.М. Андреева. Москва: Аспект Пресс, 1999. 375 с.
5. Балашова В.А. Адаптационные механизмы в деловом общении. Новое в психолого-педагогических исследованиях // Теоретические и практические проблемы психологии и педагогики. 2017. № 2 (46). С. 80-88.
6. Дзюндарьян И. А. О месте потребностей, эмоций и чувств в мотивации личности // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 148-149.
7. Петелин Б. Я. Мотивация преступного поведения // Сов. государство и право. 1980. № 4. С. 106-113
8. Лунеев В. В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980. 137 с.
9. Карпец И. К, Ратинов А. Р. Правосознание и причины преступности // Сов. государство и право. 1968. № 12. С. 15-18.
10. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок/Ч.Х. Кули. М.: Идея Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. 312 с.
11. Кузько В.В. Проблемы предупреждения вандализма // Молодежь XXI века: шаг в будущее. Материалы XVIII региональной научно-практической конференции. Издательство: Благовещенский государственный педагогический университет (Благовещенск). 2017. С. 1310-1311
12. Марьин М.И., Ефимкина Н.В. Искажение служебной информации в деятельности сотрудников органов внутренних дел: профессиональные и личностные факторы // Психология и право. 2017. Том 7. № 4. С. 127-136. DOI: 10.17759/psylaw.2017070410
13. Паркинсон С. Ваше преуспевание - в ваших руках. М.: Республика, 1993. 447 с.
14. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко. М., 1996. 440 с.
15. Сахаров А. Б. Об антисоциальных чертах личности // Сов. государство и право. 1970. № 16. С. 113.
16. Самохина Л.М. Предупреждение подросткового вандализма // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 2(80). С. 108-113
17. Фрейд З. Я и ОНО / З. Фрейд. М.: ЭКСМО - Пресс, 1999. С. 1-39.

Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В.,
Ростокинский А.В., Калиновская В.С.
Исследование особенностей молодежного вандализма
в выработка инструментария его профилактики
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234.

Nikolaeva Y.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V.,
Rostokinskiy A. V., Kalinovskaya V.S.
Research of Features Of Youth Vandalism And
Development of Its Prevention Tools.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234.

18. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон. - Обнинск: Обь, 1993. 243 с.
19. Bourns W., Wright, W. D. A study of church vulnerability to violence: implications for law enforcement // *Journal of Criminal Justice*. 2004. Vol. 32(1). P. 151-157.
20. Jalili M. Factors affecting crime, vandalism in Shiraz Adolescents. Master Thesis: University of Shiraz, the planning and sociology, 2011.
21. Januran P. Vandalism, Universal disease of vandalism. Trans // *Tehran: Scientist Magazine*. 1988. Vol. 299. P. 28-50.
22. Price V., Sidebottom A., Tilley N. Understanding and preventing lead theft from churches: a script analysis. In L. Grove (ed.), *Heritage Crime*. New York, NY: McMillan, 2014.
23. Sotudeh H. *Social pathology: sociology of deviance*. Tehran: Avaye Noor, 2006.
24. Shulman E.P., Steinberg L.D., Piquero, A.R. The age-crime curve in adolescence and early adulthood is not due to age differences in economic status // *Journal of Youth and Adolescence*. 2013. Vol. 42. P. 848-860. doi:10.1007/s10964-013-9950-4
25. Sundell K., Plenty, S. Students who are tagging and painting illegal graffiti – a longitudinal study of students in grades 7 to 9. Stockholm: Socialstyrelsen, 2014.
26. Torkaman M., Saei I. Factors affecting the incidence of vandalism among high school students in Tehran, district 5 Hezekiah // *International journal of humanities and cultural studies*. 2016. Vol. 1. P. 1357-13691.

References

1. Abramova G.S. *Vozrastnayapsihologiya: uchebnoeposobiedlya stud. vuzov* [Age Psychology: A Study Guide for Stud. universities] /G.S. Abramova. 4-e izd.,stereotip. Moscow: Akademiya, 1999. 672 p.
2. Abul'hanova-Slavskaya K.A. O sub"ektepsihicheskoydeyatelnosti [About the subject of mental activity] /K.A. Abul'hanova-Slavskaya. Moscow, 1973. 288 p.
3. Agapov A.F. *Kriminologiya* [Criminology] /A.F. Agapov, V.D. Malkov. Moscow: YUsticinform, 2006. 542 p.
4. Andreeva G.M. *Social'nayapsihologiya: uchebnikdlyavysshihuchebnyhzavedenij* [Social psychology: a textbook for higher education] / G.M. Andreeva. Moscow: Aspekt Press, 1999. 375 p.
5. Balashova V.A. *Adaptacionnyemekhanizmy v delovomobshchenii. Novoe v psihologo-pedagogicheskikhissledovaniyah* [Adaptation mechanisms in business communication. New in psychological and pedagogical research] // *Teoreticheskieiprakticheskieproblemypsihologiiipedagogiki* [Theoretical and practical problems of psychology and pedagogy]. 2017. no. 2 (46), pp. 80-88.
6. Deyuidar'yan I. A. O mestepotrebnostej, emocijichuvstv v motivaciilichnosti [On the place of needs, emotions and feelings in the motivation of personality] // *Teoreticheskieproblemypsihologiiilichnosti* [Theoretical problems of personality psychology]. Moscow, 1974, pp. 148-149.
7. Petelin B. YA. *Motivaciyaprestupnogopovedeniya* [Motivation of criminal behavior] // *Sov. gosudarstvoipravo*. 1980. no 4. pp. 106-113.
8. Luneev V. V. *Prestupnoepovedenie: motivaciya, prognozirovanie, profilaktika* [Crime behavior: motivation, forecasting, prevention]. Moscow, 1980. 137 p.
9. Karpec I. K, Ratinov A. R. *Pravosoznanieiprichinyprestupnosti II Sov. gosudarstvoipravo* [Legal consciousness and the causes of crime II Sov. state and law.]. 1968. no. 12, pp. 15-18.

Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В.,
Ростокинский А.В., Калиновская В.С.
Исследование особенностей молодежного вандализма
в выработка инструментария его профилактики
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234.

Nikolaeva Y.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V.,
Rostokinskiy A. V., Kalinovskaya V.S.
Research of Features Of Youth Vandalism And
Development of Its Prevention Tools.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234.

10. Kuli CH.H. CHelovecheskayaprirodaisocial'nyjpyryadok [Human nature and social order] /CH.H. Kuli. - Moscow: Ideya Press: Dom intellektual'nojknigi, 2000. 312 p.
11. Kuz'ko V.V. Problemypreduprezhdeniyavandalizma [Problems of preventing vandalism] // Molodezh' XXI veka: shag v budushchee. Materialy XVIII regional'nojnauchno-prakticheskoykonferencii. Izdatel'stvo: Blagoveshchenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet (Blagoveshchensk). 2017, pp. 1310-1311.
12. Mar'in M.I., Efimkina N.V. Iskazheniesluzhebnojinformacii v deyatelnostisotrudnikovorganovnutrennihdel: professional'nyeilichnostnyefactory [Distortion of official information in the activities of employees of law enforcement bodies: professional and personality factors] //Psihologiyaipravo [Psychology and Law]. 2017. no. 4, pp. 127-136 DOI: 10.17759/psylaw.2017070410
13. Parkinson, S. Vashepreuspevanie - v vashihrukah [Your excellence is in your hands]. Moscow: Respublika, 1993. 447 p.
14. Psihologicheskij slovar' [Psychological Dictionary]/ pod red. V.P. Zinchenko. Moscow, 1996 - 440 p.
15. Saharov A. B. Ob antisocial'nyhchertahlichnosti [On antisocial personality traits] // Sov. gosudarstvoipravo [Sov. state and law.]. 1970, no. 16, pp. 113.
16. Samohina L.M. Preduprezhdeniepodrostkovogovandalizma [Prevention of teenage vandalism] // VestnikCHelyabinskogogosudarstvennogouniversiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2007. no. 2(80), pp. 108-113
17. Frejd Z. YA i ONO [I and IT] / Z. Frejd. - Moscow: EKSMO - Press, 1999, pp. 1-39.
18. Erikson, E. Detstvoiobshchestvo / E. Erikson. - Obninsk: Ob', 1993. - 243 p.
19. Bourns W., Wright, W. D. A study of church vulnerability to violence: implications for law enforcement // Journal of Criminal Justice, 2004, no. 32(1), pp. 151-157.
20. Jalili M. Factors affecting crime, vandalism in Shiraz Adolescents. Master Thesis: University of Shiraz, the planning and sociology, 2011.
21. Januran P. Vandalism, Universal disease of vandalism. Trans // Tehran: Scientist Magazine. 1988, no. 299, pp. 28-50.
22. Price V., Sidebottom A., Tilley N. Understanding and preventing lead theft from churches: a script analysis. In L. Grove (ed.), Heritage Crime. New York, NY: McMillan, 2014.
23. Sotudeh H. Social pathology: sociology of deviance. Tehran: Avaye Noor, 2006.
24. Shulman E.P., Steinberg L.D., Piquero, A.R. The age-crime curve in adolescence and early adulthood is not due to age differences in economic status // Journal of Youth and Adolescence. 2013. Vol. 42. P. 848-860. doi:10.1007/s10964-013-9950-4.
25. Sundell K., Plenty, S. Students who are tagging and painting illegal graffiti – a longitudinal study of students in grades 7 to 9. Stockholm: Socialstyrelsen, 2014.
26. Torkaman M., Saei I. Factors affecting the incidence of vandalism among high school students in Tehran, district 5 Hezekiah // International journal of humanities and cultural studies. 2016, no. 1. pp. 1357-1369.

Информация об авторах

Николаева Юлия Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО "Финансовый университет при Правительстве РФ", г. Москва, Российская Федерация,

*Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В.,
Ростокинский А.В., Калиновская В.С.*
Исследование особенностей молодежного вандализма
в выработка инструментария его профилактики
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234.

*Nikolaeva Y.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V.,
Rostokinskiy A. V., Kalinovskaya V.S.*
Research of Features Of Youth Vandalism And
Development of Its Prevention Tools.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-8328>, e-mail: uvarnike@rambler.ru

Гребенников Валерий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8968-8339>, e-mail: grebval@yandex.ru

Федякин Алексей Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «История» ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-3846>, e-mail: avf2010@yandex.ru

Ростокинский Александр Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ГАОУ ВО "Московский городской педагогический университет", г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3600-0294>; e-mail: arostokinskiy@andex.ru

Калиновская Виктория Сергеевна, ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин АННИО «МИИГУ имени П.А. Столыпина»; научный сотрудник НОЦ «Правовые исследования», ФГАОУ ВО «Российского университета дружбы народов», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2356-9104>, e-mail: vi.arhipova@yandex.ru

Information about the authors

Yulia V. Nikolaeva, Doctor in Law, professor, professor of the department of legal regulation of economic activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8655-8328>, e-mail: uvarnike@rambler.ru

Valery V. Grebennikov, Doctor in Law, professor, head of the department of judicial authority, law enforcement and human rights activities RUDN University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8968-8339>, e-mail: grebval@yandex.ru

Aleksey V. Fedyakin, Doctor in Political Science, professor, head of department of history of the Russian University of Transport, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-3846>, e-mail: avf2010@yandex.ru

Alexandr V. Rostokinskiy, Doctor in Law, Associate professor, head of the department of criminal law disciplines of the Moscow city pedagogical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3600-0294>; e-mail: arostokinskiy@yandex.ru

Viktoriya S. Kalinovskaya, Assistant of the Department of State and Legal Disciplines of the Stolypin Inter-national Institute of Informatization and Public Administration, Researcher of the Legal Studies Center the PFUR University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2356-9104>, e-mail: vi.arhipova@yandex.ru

Получена 03.06.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 03.06.2020
Accepted 07.09.2020

Последствия сексуального насилия и злоупотребления в отношении несовершеннолетних: гендерная специфика

Нуцкова Е.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБОУ «НИМЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Бадмаева В.Д.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБОУ «НИМЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: badmaeva.v@serbsky.ru

В статье представлены результаты комплексного психолого-психиатрического исследования 155 несовершеннолетних потерпевших – жертв сексуального насилия и злоупотребления. Выделены наиболее часто встречающиеся психологические последствия пережитого сексуального насилия и злоупотребления в разных сферах психической деятельности в группах мальчиков и девочек. Количественные и качественные характеристики данных признаков имеют статистически значимые различия в группах потерпевших в зависимости от психического состояния и гендерной принадлежности. Было обнаружено, что общие симптомы проявляются в эмоционально-волевой, смысловой и поведенческих сферах. Гендерная специфика последствий сексуального насилия и злоупотребления состоит в том, что девочки в большей степени демонстрируют их интернальные формы (чувство вины, трудности установления социальных контактов, негативное отношение к мужским ролевым образцам, близким отношениям), в то время как у мальчиков преобладают экстернальные (повышенная возбудимость, реакции агрессии, оппозиции и негативизм, сексуализированное поведение, гипермаскулинная компенсация) наряду с повышенным психическим напряжением, чувством стыда, нарушением полоролевой идентичности, жалобами на неблагополучие в соматической сфере и снижение школьной продуктивности.

Ключевые слова: сексуальное насилие и злоупотребление, последствия сексуального насилия в отношении детей, мальчики и девочки - жертвы сексуального насилия, жестокое обращение, гендерный аспект.

Нуцкова Е.В., Бадмаева В.Д.
Последствия сексуального насилия и
злоупотребления в отношении
несовершеннолетних: гендерная специфика
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 235–
247.

Nuckova E.V., Badmaeva V.D.
Consequences of Sexual Violence and Abuse On Minors:
Gender Specifics
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 235–247.

Для цитаты: Нуцкова Е.В., Бадмаева В.Д. Последствия сексуального насилия и злоупотребления в отношении несовершеннолетних: гендерная специфика [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 235–247. DOI:10.17759/psylaw.2020100316

Consequences of Sexual Violence and Abuse On Minors: Gender Specifics

Elena V. Nuckova

V. Serbsky NMRCPN, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Valentina D. Badmaeva

V. Serbsky NMRCPN, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: badmaeva.v@serbsky.ru

The article presents the results of a comprehensive psychological and psychiatric study of 155 juvenile victims of sexual violence and abuse. The article states the most common psychological consequences of experienced sexual violence and abuse in various spheres of mental activity among groups of boys and girls. The quantitative and qualitative characteristics of these consequences have significant differences in the groups of victims, depending on the mental condition and gender. It was found that common symptoms are manifested in the emotional-volitional, semantic and behavioral spheres. The gender specifics of the consequences of sexual violence and abuse among girls mostly appear in internal forms (feelings of guilt, difficulties in establishing social contacts, negative attitude to male role models, close relationships). While external forms of that consequences prevail among boys (increased excitability, reactions aggression, opposition and negativism, sexualized behavior, hypermasculine compensation) alongside increased mental stress, sense of shame, violation of gender-role identity, complaints of disturbance in the somatic sphere and a decrease of productivity in school.

Keywords: sexual violence and abuse, consequences of sexual violence against children, boys and girls victims of sexual violence, cruel treatment, gender aspect.

For citation: Nuckova E.V., Badmaeva V.D. Consequences of Sexual Violence and Abuse On Minors: Gender Specifics. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 235–247. DOI:10.17759/psylaw.2020100316 (In Russ.).

Введение в проблему

Проблема сексуального насилия и злоупотребления (СНЗ) в отношении

несовершеннолетних остается одной из самых актуальных на протяжении всего периода ее изучения. Несмотря на совместные усилия работников правоохранительных органов, социальных и медицинских служб, число преступлений против половой неприкосновенности детей и подростков неуклонно растет. Так по официальным данным в РФ в 2019 г. было совершено подобных деяний в отношении несовершеннолетних 14755, что существенно превысило показатели последних 3-х лет (в 2015 г. зафиксировано 12353 преступлений)¹.

Традиционно внимание исследователей обращено на изучение последствий сексуального насилия в отношении девочек и женщин. Однако жертвами сексуального посягательства нередко становятся и лица мужского пола. D.Finkelhor (1994) оценивая международную распространенность сексуального насилия над детьми отмечал, что в разных странах среди женщин риск стать жертвой в детстве колеблется от 7 до 36%, а среди мужчин – от 3 до 29%. Многие авторы отмечают, что число мальчиков-потерпевших от действий подобного характера выше, чем принято думать. Sawson et al. (2000), Putnam (2003) называют цифры в 26% по общей выборке и 36% - в клинической [17; 12; 28].

Считается, что типичной жертвой СНЗ является девочка моложе 14 лет, типичный посягатель - мужчина в возрасте от 25 до 40 лет [1; 6; 8]. Однако в ряде работ [15; 25; 30] было выдвинуто предположение, что дети сами могут выступать насильниками по отношению к другим детям. Данные зарубежной статистики показывают рост сексуальной агрессии подростков (Служба юридической помощи и предотвращения правонарушений среди подростков (ОJJDP). Приблизительно в половине случаев жертвами таких подростков являются их братья и сестры [15; 20; 27]. По разным данным от 65 до 70% изнасилований мальчиков совершаются именно подростками [27].

Нередко причиной замалчивания несовершеннолетними, о том, что они стали жертвами сексуального посягательства являются чувства вины и страха, давление авторитета насильника (особенно, если это близкий родственник или знакомый), а также опасение, что им не поверят. Гендерно специфическим фактором, затрудняющим процесс раскрытия тайны насилия называется боязнь мальчиков получить кроме ярлыка «жертвы» еще и ярлык «гомосексуала» [3; 10; 16].

Последствия СНЗ в отношении несовершеннолетних различаются в зависимости от возраста жертвы, длительности и обстоятельств совершения преступления [2; 7; 11; 13; 29]. Пол потерпевшего так же оказывает влияние [14; 18; 23; 26; 28]. Большинство авторов сходятся во мнении, что для девочек характерными являются интернальные реакции (тревога, депрессия, самоповреждающее поведение), для мальчиков - экстернальные (гипермаскулинная компенсация в форме агрессии, антисоциального поведения, насилия по отношению к другим, гомофобного поведения). Кроме того, у девочек чаще проявляются расстройства пищевого поведения, также они гораздо чаще находятся в конфликтных семейных отношениях, в то же время, демонстрируя трудности сепарации от родителей, совершающих насилие. Для мальчиков более характерны трудности в школе, злоупотребление психоактивными веществами, делинквентное и рискованное сексуальное поведение. В исследовании D.A. Hines и E.M. Douglas (2014) было выявлено, что мужчины, потерпевшие от сексуального посягательства, обнаруживают депрессивные симптомы, посттравматическое стрессовое расстройство, проблемы с физическим здоровьем. Они заметно чаще жаловались на проблемы со сном, повышенную усталость, неприятные

¹ Росстат, 2020

Нуцкова Е.В., Бадмаева В.Д.
Последствия сексуального насилия и
злоупотребления в отношении
несовершеннолетних: гендерная специфика
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 235–
247.

Nuckova E.V., Badmaeva V.D.
Consequences of Sexual Violence and Abuse On Minors:
Gender Specifics
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 235–247.

ощущения в теле и боли различной локализации [22]. Сексуальное насилие у мальчиков, по мнению многих авторов, имеет значение для интегративной модели формирования криминального сексуального поведения в подростковом возрасте и становлении в последующем серийных убийц [4; 5; 9; 23; 24]. При сравнении последствий СНЗ в подростковом возрасте между мальчиками и девочками было установлено, что перенесенное сексуальное насилие имеет более серьезные последствия для мальчиков, чем для девочек, по таким параметрам, как употребление психоактивных веществ, агрессивное преступное поведение, прогулы в школе, а также суицидальные мысли и поведение [19; 21; 27; 31]. Результаты исследования СНЗ в отношении мальчиков и девочек свидетельствуют о том, что их последствия имеют серьезное значение как для здоровья и развития несовершеннолетних жертв, так и для благополучия общества в целом.

Программа исследования

В качестве испытуемых выступили 155 несовершеннолетних-потерпевших от СНЗ, проходившие комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ) в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. Все подэкспертные находились в возрастном интервале от 3 до 17 лет. По гендерной принадлежности потерпевшие распределились следующим образом: 108 девочки (69,7%, средний возраст $12,3 \pm 4,2$) и 47 мальчиков (30,3%, средний возраст $11,9 \pm 3,9$).

Для выявления особенностей психического состояния и негативных психологических признаков пережитого детьми и подростками СНЗ использовалась батарея методов и методик, включающая анализ материалов уголовного дела (медицинской документации, опросы потерпевших, их родственников и знакомых, характеризующие сведения из учебных заведений), клинико-психопатологическое исследование, анализ рассказа потерпевшего о ситуации насилия, методику исследования качества жизни (опросник «PedsQL» для оценки качества жизни ребенка), карты оценки степени выраженности школьной дезадаптации, совокупность патопсихологических методик, используемых при производстве КСППЭ.

Выделялись наиболее часто встречающиеся в группе несовершеннолетних потерпевших психологические последствия СНЗ. В последующем сравнивались частота встречаемости этих признаков в группах мальчиков и девочек, и определялся уровень статистической значимости различий по критерию Фишера.

Результаты исследования

На первом этапе изучалось распределение несовершеннолетних по психическому состоянию. Из общей выборки потерпевших, у 26,5% детей и подростков были диагностированы психогенные психические расстройства, состоявшие в причинно-следственной связи с совершенным в отношении них правонарушением. Из них у более половины (55% испытуемых) было квалифицировано «Расстройство адаптации» (по Международной классификации болезней 10 пересмотра (МКБ-10): F43.2), у 18% «Посттравматическое стрессовое расстройство» (по МКБ-10: F43.1), еще у 18% «Смешанное тревожно-депрессивное расстройство» (по МКБ-10: F41.2), и в 9% психические расстройства в форме «Невротических расстройств» (по МКБ-10: F48). В группах мальчиков и девочек по психическому состоянию потерпевшие распределялись сравнительно равным образом, однако с некоторым преобладанием лиц мужского пола (34% мальчиков и 32,6% девочек был поставлен диагноз психического расстройства, вследствие совершенных в отношении

них противоправных действий).

На втором этапе исследования сравнивались выраженность и характер проявления негативных признаков последствий СНЗ в группах здоровых потерпевших и потерпевших с диагностированными психогенными расстройствами. Для этого было выделено 29 психологических негативных признаков последствий СНЗ, которые были объединены в 6 сфер психической деятельности (рис. 1).

Рис. 1. Распределение негативных психологических признаков СНЗ по основным сферам психической деятельности и поведения

Для изучения выраженности последствий СНЗ в группах мальчиков и девочек было подсчитано среднее количество негативных психологических признаков в различных сферах (табл.1).

Таблица 1

Среднее число психологических признаков в различных сферах в группах мальчиков и девочек-жертв СНЗ

	Эмоционально-волевая сфера	Сфера отношений и смыслов	Поведенческая сфера	Сфера самосознания	Психосоматическая сфера	Психосексуальная сфера
Психически здоровые девочки	1,3	0,44	0,3	0,19	0,21	0,13
Девочки с психогенным расстройством	6,75	5,81	2,71	1,95	1,35	0,97
Психически здоровые мальчики	1,94	0,93	0,64	0,21	0,29	0,29
Мальчики с психогенным расстройством	7,5	4,5	3,5	0,5	2,5	1

Сравнительный анализ частоты встречаемости клиничко-психологических нарушений в фиксируемых сферах и их представленность в каждой сфере в группах девочек и мальчиков с диагностированным психогенным психическим расстройством и психически здоровыми потерпевшими показал статистически значимые различия ($p < 0,01$) в выраженности негативных признаков во всех сферах (табл. 1). У потерпевших, имеющих последствия на клиническом уровне, психологические признаки СНЗ наблюдаются во всех сферах. Потерпевшие, обнаруживающие последствия, не превышающие психологического уровня, демонстрируют отдельные немногочисленные признаки в нескольких сферах (как правило, в эмоционально-волевой и сфере отношений и смыслов).

При сравнении характера проявления психологических последствий СНЗ среди мальчиков и девочек выявлено, что мальчики значимо чаще демонстрируют такие особенности, как повышенная возбудимость, реакции агрессии, оппозиции и негативизм, повышенное психическое напряжение, чувство стыда. В психосексуальной сфере чаще, чем у девочек отмечается сексуализированное поведение ($p < 0,01$ по критерию Фишера) нарушения полоролевой идентичности ($p < 0,05$), гипермаскулинная компенсация ($p < 0,01$). Кроме того, мальчики чаще жалуются на неблагополучие в соматической сфере ($p < 0,01$) и снижение продуктивности ($p < 0,01$). В то же время девочки достоверно чаще испытывают чувство вины ($p < 0,05$), трудности установления социальных контактов ($p < 0,05$), демонстрируют негативное отношение к мужским ролевым образцам ($p < 0,05$), близким отношениям ($p < 0,05$) (рис.2).

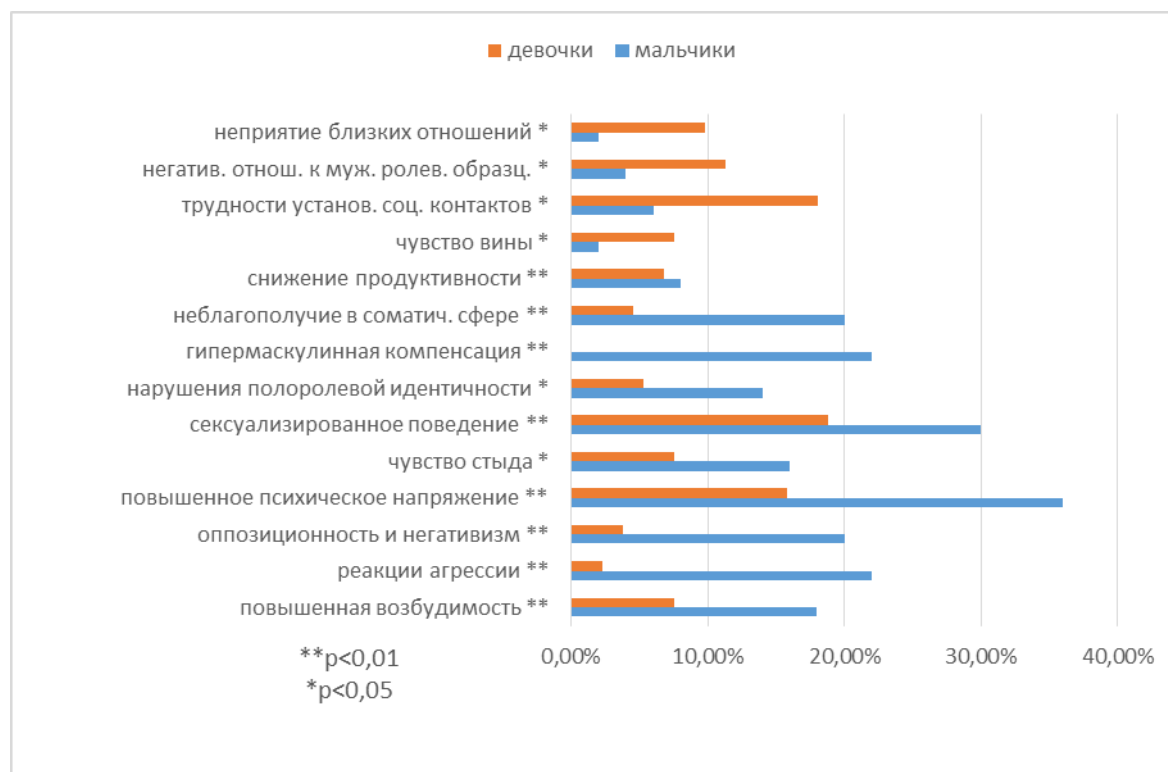

Рис.2. Выраженность психологических последствий сексуального насилия, в зависимости от гендерной принадлежности потерпевшего.

Обсуждение результатов исследования

Распределение мальчиков и девочек - потерпевших от СНЗ по психическому состоянию показывает, что несовершеннолетние, вне зависимости от гендерной принадлежности, одинаково склонны к формированию психогенных психических расстройств в ответ на пережитый опыт насилия.

Изучение психологических проявлений пережитого СНЗ демонстрирует сложность и системность данного феномена. Структурными единицами которого являются признаки психологических последствий, относящиеся к различным сферам психической деятельности. Оценка последствий СНЗ проводится по качественным (содержание признаков и соответствующих сфер психической деятельности), количественным (число признаков, охват различных сфер, выраженность нарушений) и структурным (уровни, взаимосвязи признаков) параметрам. В соответствии с качественными (содержательными) характеристиками признаки последствий СНЗ у несовершеннолетних относятся к основным сферам психической деятельности и поведения: эмоционально-волевой, мотивационно-смысловой, самосознания, психосексуальной, психосоматической и поведенческой.

Психологические последствия СНЗ у мальчиков и девочек проявляются как на психологическом, так и на клиническом уровне. Количественные и качественные характеристики данных признаков имеют статистически значимые различия в группах потерпевших в зависимости от психического состояния и гендерной принадлежности. Таким образом, доказано, что мальчики подвержены негативному влиянию СНЗ наряду с девочками, и демонстрируют как схожие, так и специфические формы психогенного

реагирования.

Гендерная специфика последствий СНЗ состоит в том, что девочки в большей степени демонстрируют такие признаки как чувство вины, трудности установления социальных контактов, негативное отношение к мужским ролевым образцам, близким отношениям, в то время как у мальчиков преобладает повышенная возбудимость, реакции агрессии, оппозиции и негативизм, сексуализированное поведение, гипермаскулинная компенсация, наряду с повышенным психическим напряжением, чувством стыда, нарушением полоролевой идентичности, жалобами на неблагополучие в соматической сфере и снижение школьной продуктивности. Полученные результаты подтверждают данные других авторов о том, что девочки в большей степени склонны демонстрировать интернальные формы реагирования на пережитый опыт насилия, в то время как у мальчиков преобладают экстернальные способы реагирования. Кроме того, представляют интерес нарушения, возникающие у мальчиков в психосексуальной сфере. Сексуализированное поведение и гипермаскулинная компенсация наряду с высоким уровнем агрессии может провоцировать делинквентные формы поведения, в будущем, такие потерпевшие нередко сами склонны становиться посягателями.

Как показывает исследование, специфичными для группы мальчиков-потерпевших также оказались психосоматические расстройства. Несовершеннолетние мужского пола сообщали о беспокоящих их болях различной локализации, понижения общего уровня активности, повышенной утомляемости, проблемах с соматическим здоровьем (частые простудные заболевания, обострение хронических болезней и т.д.). Можно сделать предположение о том, что пережитое сексуальное насилие оказывает влияние на общее состояние мальчиков, оставляя последствия на телесном уровне. Данное предположение требует в дальнейшем более прицельного изучения, а именно связи психосоматических нарушений у мальчиков с насильственными сексуальными действиями, так называемым «проникающим» характером насилия.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие **выводы**:

1. Последствия СНЗ являются сложным системным психологическим феноменом с разными формами и содержанием. Структурными единицами этого феномена являются признаки, относящиеся к различным сферам психической деятельности.

2. Общие (наблюдающиеся у всех потерпевших) симптомы проявляются в эмоционально-волевой, смысловой и поведенческих сферах. В эмоционально-волевой сфере обнаруживаются высокий уровень тревожности и психического напряжения, повышенная раздражительность и возбудимость, пониженный фон настроения, эмоциональная неустойчивость, охваченность ситуацией СНЗ, проекция травматических переживаний в экспериментальных заданиях и играх, чувство вины, безысходности, утомляемость, снижение концентрации внимания и пониженная работоспособность. Смысловая сфера характеризуется амбивалентным отношением к происшедшему и обвиняемому, негативным проявлением к мужским ролевым образцам (у девочек). В поведении отмечаются избегание социальных контактов, реакции агрессии, оппозиции, негативизм.

3. Гендерная специфика последствий СНЗ состоит в том, что девочки в большей степени демонстрируют их интернальные формы (чувство вины, трудности установления социальных контактов, негативное отношение к мужским ролевым образцам, близким отношениям), в то время как у мальчиков преобладают экстернальные (повышенная

Нуцкова Е.В., Бадмаева В.Д.
Последствия сексуального насилия и
злоупотребления в отношении
несовершеннолетних: гендерная специфика
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 235–
247.

Nuckova E.V., Badmaeva V.D.
Consequences of Sexual Violence and Abuse On Minors:
Gender Specifics
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 235–247.

возбудимость, реакции агрессии, оппозиции и негативизм, сексуализированное поведение, гипермаскулинная компенсация) наряду с повышенным психическим напряжением, чувством стыда, нарушением полоролевой идентичности, жалобами на неблагополучие в соматической сфере и снижение школьной продуктивности.

Полученные данные подтверждают результаты других исследований и предположение о том, что последствия СНЗ в отношении несовершеннолетних имеют высокую значимость как для их психического, так и для соматического здоровья. Несмотря на статистические данные, которые показывают, что мальчики становятся жертвами СНЗ в 1,5-2 раза реже, чем девочки, очевидным является факт, что их последствия в отношении лиц мужского пола имеют более серьезные отдаленные последствия для их благополучия в целом. Мальчики-потерпевшие реже попадают в поле зрения специалистов, соответственно они не получают своевременную помощь, что может приводить к медицинским и социальным проблемам в будущем. Таким образом, дальнейшая разработка данного направления исследования представляет несомненный научный интерес. Перспективным видится углубленное изучение клинических последствий (краткосрочных и долгосрочных) СНЗ у лиц мужского пола, а также в сравнительном аспекте групп мальчиков потерпевших от физического и сексуального видов насилия в ходе дальнейшего научного поиска.

Литература

1. *Асанова Н.К.* Руководство по предупреждению насилия над детьми: Учебное издание для психологов, детских психиатров, психотерапевтов, студентов педагогических ВУЗОВ. - М.: Издательский гуманитарный центр ВЛАДОС, 1997. 512 с.
2. *Бадмаева В.Д.* Клиника и судебно–психиатрическое значение психогенных расстройств у детей и подростков – жертв сексуального насилия: Автореф. дисс. ...канд. мед. наук. М., 2002. 28 с.
3. *Максимов А.М.* Психологические исследования мужской гомосексуальной проституции // Консультативная психология и психотерапия. 2011. № 1. С. 137–155.
4. *Максимов А.М., Холмогорова А.Б.* Социальные и психологические аспекты феномена мужской проституции в современной культуре // Культурно-историческая психология. 2011. № 1. С. 80–89.
5. *Михайлова О.Ю., Бухановский А.О.* Механизмы формирования патологической функциональной системы (феномен «Чикатило») // Психологический вестник Ростовского государственного университета. 1996. Т. 1. №1. С. 76-98.
6. *Морозова Н.Б.* Психические расстройства у несовершеннолетних – жертв сексуального насилия (клиника, возрастные особенности, судебно-психиатрическое значение): Автореф. дисс. ...доктор. мед. наук. М., 1999. 48 с.
7. *Печерникова Т.П., Морозова Н.Б., Смирнова Т.А., Литвиненко И.В.* Психогенные состояния у несовершеннолетних потерпевших (клиника, диагностика, судебно-психиатрическая оценка). Методические рекомендации. М., 1993. 25 с.
8. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
9. *Ткаченко А.А., Каменсков М.Ю.* Психические расстройства у несовершеннолетних жертв сексуального насилия // Психическое здоровье. 2014. №11. С. 33-38.

Нуцкова Е.В., Бадмаева В.Д.
Последствия сексуального насилия и
злоупотребления в отношении
несовершеннолетних: гендерная специфика
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 235–
247.

Nuckova E.V., Badmaeva V.D.
Consequences of Sexual Violence and Abuse On Minors:
Gender Specifics
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 235–247.

10. Alaggia R. Self psychology and male child sexual abuse: healing relation betrayal. *Clinical social work journal*. 2013. Doi 10.007/s10615-013-0453-2
11. Banyard V. Childhood maltreatment and the mental health of low-income women. // *American Journal of Orthopsychiatry*. 1999. Vol. 69. P. 161-171.
12. Cawson P., Wattam C., Brooker S., Kelly G. *Child Maltreatment in the United Kingdom: A Study of the Prevalence of Child Abuse and Neglect*. 2000. London: NSPCC. 123 p.
13. Chandy J.M., Blum R.W., Naimark B. Gender-specific outcomes for sexually abused adolescent. // *Child Abuse and Neglect*. 1996. Vol. 20. P. 1219-1231.
14. Daignault I., Herbert M. Profiles of school adaptation: Social, behavioural and academic functioning in sexually abused girls. // *Child Abuse and Neglect*. 2009. Vol. 33. P. 102-115.
15. Dykman R. A., McPherson B., Ackerman P. T. et al. Internalizing and externalizing characteristics of sexually and/or physically abused children // *Integrative Physiological and Behavioral Science*. 1997. Vol. 32. P. 62-74.
16. Easton Scott D., Leone-Sheehan D.M., Sophis E., Willis D.G. “From that moment on my life changed”. Turning points in the healing process for men recovering from child sexual abuse // *Journal of child sexual abuse*. 2015. P. 152-173. Doi 10.1080/10538712.2015.997413
17. Finkelhor D. The international epidemiology of child sexual abuse // *Child Abuse And Neglect*. 1994. Vol. 18. no. 5. P. 409-417.
18. Garnefski N., Diekstra R. F. Child sexual abuse and emotional and behavioral problems in adolescence: Gender differences // *Journal of American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 1997. Vol. 36. P. 323-329.
19. Garnefski N., Arends E. Sexual abuse and adolescent maladjustment: Differences between male and female victims // *Journal of Adolescence*. 1998. Vol. 21. P. 99-107.
20. Gayer-Anderson Ch., Fisher H.L., Fearson P. et. al. Gender differences in the association between childhood physical and sexual abuse, social support and psychosis // *Social Psychiatry*. 2015. Doi 10.1007/s00127-015-1058-6
21. Gonca Gul Celik, Aysegul Yolga, Tahiroglu et. al. Sexual abuse in a classroom of ten male students: a group victimization // *Journal of child sexual abuse*. 2012. Vol. 2. P. 543-552.
22. Hines D. A., Douglas E. M. Sexual aggression experiences among male victims of physical partner violence: prevalence, severity, and health correlates for male victims and their children. *Archives of sexual behavior the official publication of the international academy of sex research*. Springer. New York. 2014. 315 p.
23. Holmes W., Slap G. Sexual abuse of boys: definition, prevalence, correlates, sequelae and management. // *Journal of the American Medical Association*, 1998. Vol. 280. P.1855-1862.
24. Lisak D. The psychological impact of sexual abuse: Content analysis of interviews with male survivors. // *Journal of Traumatic Stress*. 1994. Vol. 7. P.525-548.
25. Lisak, D., Luster, L. Educational, occupational, and relationship histories of men who were sexually and/or physically abused as children // *Journal of Traumatic Stress*. 1994. Vol. 7. P. 507-523.
26. Mannarino A.P., Cohen J.A. Gregor M. Emotional and behavioral difficulties in sexually abused girls. // *Journal of Interpersonal Violence*. 1989. Vol. 4. P. 437-451.
27. O’Learly P., Easton S.P., Gould N. The effect of child sexual abuse on men: toward a male sensitive measure // *Journal of interpersonal violence*. 2015. P. 1-23. Doi 10.1177/0886260515586362

Нуцкова Е.В., Бадмаева В.Д.
Последствия сексуального насилия и
злоупотребления в отношении
несовершеннолетних: гендерная специфика
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 235–
247.

Nuckova E.V., Badmaeva V.D.
Consequences of Sexual Violence and Abuse On Minors:
Gender Specifics
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 235–247.

28. Putnam F. Ten year research update review: child sexual abuse // *Journal of the American Academy of Child Adolescent Psychiatry*. 2003. Vol. 42. P. 269–278.
29. Tanaka M., Afifi T.O., Wathem C.N. et. al. Evaluation of sex differences in health-related quality of life outcomes associated with child abuse. Results from the Ontario child health study // *Epidemiology and psychiatric sciences*. 2014. P. 1-11.
30. Watkins B., Bentovim, A. The sexual abuse of male children and adolescents: A review of current research // *Journal of Child Psychology & Psychiatry*. 1992. Vol. 33. P. 197-248.
31. Young R. E., Bergandi T. A., Titus T. G. Comparison of the effects of sexual abuse on male and female latency-aged children // *Journal of Interpersonal Violence*. 1994. Vol. 9. P. 291-306.

References

1. Asanova N.K. Rukovodstvo po preduprezhdeniju nasilija nad det'mi: Uchebnoe izdanie dlja psihologov, detskih psihiatrov, psihoterapevtov, studentov pedagogicheskikh VUZOV [Guide to the prevention of violence against children: educational publication for psychologists, child psychiatrists, psychotherapists, students of pedagogical UNIVERSITIES]. Moscow. Publ. Izdatel'skij gumanitarnyj centr VLADOS, 1997. 512 p.
2. Badmaeva V.D. Klinika i sudebno–psihiatricheskoe znachenie psihogennyh rasstrojstv u detej i podrostkov – zhertv seksual'nogo nasilija. Avtopef. diss. kand. med. nauk [Clinic and forensic psychiatric significance of psychogenic disorders in children and adolescents who are victims of sexual violence. Ph. D. (Medicine) Thesis]. Moscow, 2002. 28 p.
3. Maksimov A.M. Psychological studies of male homosexual prostitution. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2011. Vol. 19, no. 1, pp. 137–155. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Maksimov A.M., Kholmogorova A.B. Social and Psychological Aspects of the Phenomenon of Male Prostitution in the Modern Culture. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2011. Vol. 7, no. 1, pp. 80–89. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Mihajlova O.Ju., Buhanovskij A.O. Mehanizmy formirovanija patologicheskoj funkcional'noj sistemy (fenomen «Chikatilo») [Mechanisms of formation of the pathological functional system (the phenomenon of "Chikatilo")] // *Psihologicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta [Psychological Bulletin of the Rostov state University]*. 1996. Vol. 1. no.1. pp. 76-98.
6. Morozova N.B. Psihicheskie rasstrojstva u nesovershennoletnih – zhertv seksual'nogo nasilija (klinika, vozrastnye osobennosti, sudebno-psihiatricheskoe znachenie). Avtoref. diss. ...doktor. med. nauk [Mental disorders in minors – victims of sexual violence (clinic, age characteristics, forensic psychiatric significance) Ph.D. (Medicine) Thesis]. M., 1999. 48 p.
7. Pechernikova T.P., Morozova N.B., Smirnova T.A., Litvinenko I.V. Psihogennye sostojanija u nesovershennoletnih poterpevshih (klinika, diagnostika, sudebno-psihiatricheskaja ocenka) [Psychogenic States in minor victims (clinic, diagnostics, forensic psychiatric assessment)]. Metodicheskie rekomendacii. Moscow, 1993. 25 p.
8. Tarabrina N.V. Praktikum po psihologii posttravmaticheskogo stressa [Practicum on psychology of posttraumatic stress]. Saint-Petersbourg. Publ. Piter, 2001. 272 p.
9. Tkachenko A.A., Kamenskov M.Ju. Psihicheskie rasstrojstva u nesovershennoletnih zhertv seksual'nogo nasilija [Mental disorders in minor victims of sexual violence] // *Psihicheskoe zdorov'e [Mental health]*. 2014. no.11. pp. 33-38.
10. Alaggia R. Self psychology and male child sexual abuse: healing relation betrayal. *Clinical*

social work journal. 2013. Doi 10.007/s10615-013-0453-2

11. Banyard V. Childhood maltreatment and the mental health of low-income women. //American Journal of Orthopsychiatry. 1999. Vol. 69. P. 161-171.
12. Cawson P., Wattam C., Brooker S., Kelly G. Child Maltreatment in the United Kingdom: A Study of the Prevalence of Child Abuse and Neglect. 2000. London: NSPCC. 123 p.
13. Chandy J.M., Blum R.W., Naimark B. Gender-specific outcomes for sexually abused adolescent. // Child Abuse and Neglect. 1996. Vol. 20. P. 1219-1231.
14. Daignault I., Herbert M. Profiles of school adaptation: Social, behavioural and academic functioning in sexually abused girls. //Child Abuse and Neglect. 2009. Vol. 33. P. 102-115.
15. Dykman R. A., McPherson B., Ackerman P. T. et al. Internalizing and externalizing characteristics of sexually and/or physically abused children // Integrative Physiological and Behavioral Science. 1997. Vol. 32. P. 62-74.
16. Easton Scott D., Leone-Sheehan D.M., Sophis E., Willis D.G. “From that moment on my life changed”. Turning points in the healing process for men recovering from child sexual abuse // Journal of child sexual abuse. 2015. P. 152-173. Doi 10.1080/10538712.2015.997413
17. Finkelhor D. The international epidemiology of child sexual abuse // Child Abuse And Neglect. 1994. Vol. 18. no. 5. P. 409-417.
18. Garnefski N., Diekstra R. F. Child sexual abuse and emotional and behavioral problems in adolescence: Gender differences // Journal of American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 1997. Vol. 36. P. 323-329.
19. Garnefski N., Arends E. Sexual abuse and adolescent maladjustment: Differences between male and female victims // Journal of Adolescence. 1998. Vol. 21. P. 99-107.
20. Gayer-Anderson Ch., Fisher H.L., Fearson P. et. al. Gender differences in the association between childhood physical and sexual abuse, social support and psychosis // Social Psychiatry. 2015. Doi 10.1007/s00127-015-1058-6
21. Gonca Gul Celik, Aysegul Yolga, Tahiroglu et. al. Sexual abuse in a classroom of ten male students: a group victimization // Journal of child sexual abuse. 2012. Vol. 2. P. 543-552.
22. Hines D. A., Douglas E. M. Sexual aggression experiences among male victims of physical partner violence: prevalence, severity, and health correlates for male victims and their children. Archives of sexual behavior the official publication of the international academy of sex research. Springer. New York. 2014. 315 p.
23. Holmes W., Slap G. Sexual abuse of boys: definition, prevalence, correlates, sequelae and management. //Journal of the American Medical Association, 1998. Vol. 280. P.1855-1862.
24. Lisak D. The psychological impact of sexual abuse: Content analysis of interviews with male survivors. //Journal of Traumatic Stress. 1994. Vol. 7. P.525-548.
25. Lisak, D., Luster, L. Educational, occupational, and relationship histories of men who were sexually and/or physically abused as children // Journal of Traumatic Stress. 1994. Vol. 7. P. 507-523.
26. Mannarino A.P., Cohen J.A. Gregor M. Emotional and behavioral difficulties in sexually abused girls. //Journal of Interpersonal Violence. 1989. Vol. 4. P. 437-451.
27. O’Learly P., Easton S.P., Gould N. The effect of child sexual abuse on men: toward a male sensitive measure // Journal of interpersonal violence. 2015. P. 1-23. Doi 10.1177/0886260515586362
28. Putnam F. Ten year research update review: child sexual abuse // Journal of the American

Нуцкова Е.В., Бадмаева В.Д.
Последствия сексуального насилия и
злоупотребления в отношении
несовершеннолетних: гендерная специфика
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 235–
247.

Nuckova E.V., Badmaeva V.D.
Consequences of Sexual Violence and Abuse On Minors:
Gender Specifics
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 235–247.

Academy of Child Adolescent Psychiatry. 2003. Vol. 42. P. 269–278.

29. Tanaka M., Afifi T.O., Wathem C.N. et. al. Evaluation of sex differences in health-related quality of life outcomes associated with child abuse. Results from the Ontario child health study // Epidemiology and psychiatric sciences. 2014. P. 1-11.

30. Watkins B., Bentovim, A. The sexual abuse of male children and adolescents: A review of current research // Journal of Child Psychology & Psychiatry. 1992. Vol. 33. P. 197-248.

31. Young R. E., Bergandi T. A., Titus T. G. Comparison of the effects of sexual abuse on male and female latency-aged children // Journal of Interpersonal Violence. 1994. Vol. 9. P. 291-306.

Информация об авторах

Нуцкова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБОУ «НИМЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Бадмаева Валентина Дорджиевна, доктор медицинских наук, руководитель отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБОУ «НИМЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: badmaeva.v@serbsky.ru

Information about the authors

Elena V. Nuckova, PhD in Psychology, Researcher, V. Serbsky NMRCPN, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Valentina D. Badmaeva, Doctor in Medicine, Head of the Department of Social and Forensic Psychiatric Problems of Minors, V. Serbsky NMRCPN, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: badmaeva.v@serbsky.ru

Получена 28.04.2020

Принята в печать 07.09.2020

Received 28.04.2020

Accepted 07.09.2020

Психологический анализ в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о самоубийстве несовершеннолетних: алгоритм, факторы, основные элементы

Сыроквашина К.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrovkashina@mail.ru

В статье раскрывается актуальная проблематика проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по факту самоубийства несовершеннолетних. Перечислены и подробно описаны необходимые для экспертного исследования факторы, внешние и внутренние. Представлен алгоритм психологического анализа факторов, которые могли повлиять на психическое состояние, предшествовавшее смерти несовершеннолетнего, а также схема решения вопроса о причинно-следственной связи между действиями конкретного лица и возникновением и развитием такого психического состояния. Предложенные шаги способствуют возможно полному и взвешенному решению экспертных вопросов.

Ключевые слова: суицид, несовершеннолетние, посмертная комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза.

Благодарности: Автор благодарит за плодотворное сотрудничество проф. Дозорцеву Е.Г.

Для цитаты: Сыроквашина К.В. Психологический анализ в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о самоубийстве несовершеннолетних: алгоритм, факторы, основные элементы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 248–259. DOI:10.17759/psylaw.2020100317

Сыроковашина К.В.

Психологический анализ в рамках комплексной
судебной психолого-психиатрической экспертизы по
делам о самоубийстве несовершеннолетних: алгоритм,
факторы, основные элементы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 248–259.

Syrokvashina K.V.

Psychological analysis in the framework of the
comprehensive forensic psychological and psychiatric
examination in cases of juvenile suicide: algorithm,
factors, main elements
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 248–259.

Psychological analysis in the framework of the comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in cases of juvenile suicide: algorithm, factors, main elements

Kseniya V. Syrokvashina

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky»
of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrokvashina@mail.ru

The article reveals actual problems of conducting comprehensive forensic psychological and psychiatric examinations of juvenile suicide. The external and internal factors, necessary for expert research, are listed and described in detail. An algorithm for the psychological analysis of factors that could affect the mental state that preceded the death of a minor is presented, as well as a scheme for solving the issue of a causal relationship between the actions of a particular person and the emergence and development of such a mental state. The proposed steps contribute to the most complete and balanced solution of expert questions.

Keywords: suicide, minors, posthumous comprehensive forensic psychological and psychiatric examination.

Acknowledgements: The author are grateful for productive cooperation prof. Dozortseva E.G.

For citation: Syrokvashina K.V. Psychological analysis in the framework of the comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in cases of juvenile suicide: algorithm, factors, main elements. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 248–259. DOI:10.17759/psylaw.2020100317(In Russ.).

За последние годы мы стали свидетелями значительных трансформаций отношения социума к суицидам у подростков. Вслед за взрывом интереса со стороны общества и правоохранительных органов были законодательно расширены правовые нормы, регулирующие уголовную ответственность за действия, которые могут привести к самоубийству несовершеннолетнего. Это время стало переломным и для экспертов-психологов, осуществляющих экспертизы несовершеннолетних: количество посмертных психолого-психиатрических экспертиз по делам о суицидах несовершеннолетних колоссально возросло. Существующая методология посмертных экспертиз не выделяет экспертизы по делам о самоубийстве несовершеннолетних в отдельную группу, в то время как современное законодательство ставит перед экспертами новые задачи. Практика проведения экспертных исследований и анализ заключений посмертных экспертиз, проводимых как в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского», так и коллективами экспертных отделений в регионах страны, позволяет сформулировать и предложить основные алгоритмы

Сыроквашина К.В.

Психологический анализ в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о самоубийстве несовершеннолетних: алгоритм, факторы, основные элементы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 248–259.

Syrokvashina K.V.

Psychological analysis in the framework of the comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in cases of juvenile suicide: algorithm, factors, main elements
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 248–259.

судебно-психологической оценки психических состояний, предшествующих суициду у несовершеннолетних.

Для проведения адекватного психологического исследования необходимо проанализировать и уточнить терминологию экспертизы и стоящие за ней психологические феномены. Предметом анализа эксперта психолога в рамках КСППЭ по делам, возбужденным в связи с самоубийством (ст.110 УК РФ), является психическое (эмоциональное) состояние несовершеннолетнего в период, предшествовавший смерти, и причинно-следственная связь этого состояния с действиями обвиняемого [2, 3, 5]. Актуальная практика показывает, что к выявлению и описанию указанных феноменов при экспертизе несовершеннолетних присоединяется выяснение связи состояния подростка не только с действиями обвиняемого, но и с другими факторами, которые могли способствовать его возникновению. Достаточно часто в качестве одного из таких факторов следствие интересуют индивидуально-психологические особенности несовершеннолетнего. Кроме того, нередко КСППЭ используется следствием как своего рода аналитический инструмент, помогающий прояснить ситуацию суицида в целом [6]. Все это определяет характер задаваемых экспертам психологам вопросов.

Основной вопрос, который ставится перед экспертом психологом, - каким было психическое (эмоциональное) состояние несовершеннолетнего в период, предшествовавший смерти. Принципиальное юридическое значение этот вопрос имеет в ситуации определения причинно-следственной связи такого состояния и действий обвиняемого. При этом зачастую конкретных обвиняемых лиц в уголовных делах и, соответственно, в постановлениях о назначении экспертизы, нет, и эксперт, обосновывая причинно-следственные связи при формировании психического (эмоционального) состояния суицидента, указывает основные значимые для развития состояния факторы. Категорию «психическое (эмоциональное) состояние» следует рассматривать как экспертное понятие, которому должно быть дано психологическое толкование, позволяющее операционализировать его и наполнить психологическим содержанием. Возможно, подсказка дается эксперту словом «эмоциональное состояние», которое помогает отличить «психическое состояние» как предмет исследования судебного психиатра от аналогичного предмета психологического анализа. Однако акцент только на эмоциональной составляющей сужает и обедняет психологический феномен состояния подростка перед совершением суицида, так как лишает его когнитивного компонента и, в целом, смыслового содержания. С нашей точки зрения, за этим понятием должна стоять субъективная сфера подростка, включающая не просто эмоциональное состояние, а целостное переживание с его когнитивными, эмоциональными, или смысловыми компонентами (рис. 1). В рамках этого феномена можно выделить такие эмоционально окрашенные и связанные между собой явления, как осмысление подростком сложившейся ситуации, смысловое восприятие самого себя и понимание смысла смерти. Все они имеют непосредственное отношение к эмоциональному состоянию несовершеннолетнего в период перед смертью. В материалах дела не всегда имеется полная информация для описания этих характеристик, однако в большинстве случаев о них можно составить представление на основании свидетельских показаний о высказываниях подростков, либо их собственных дневниковых записей или переписки [4].

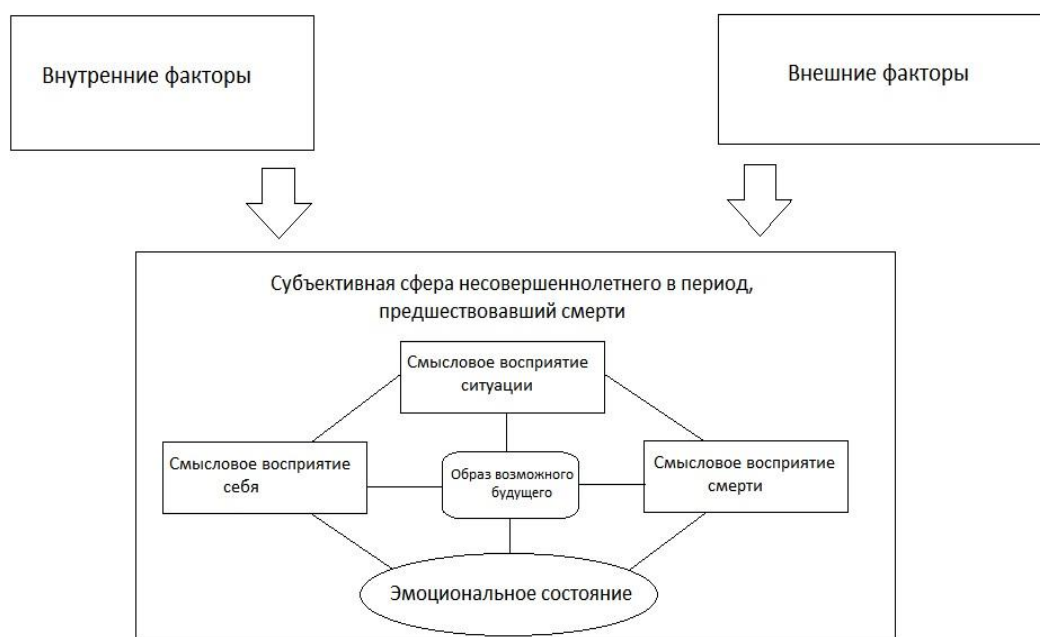

Рис. 1. Алгоритм психологического анализа факторов, которые могли повлиять на психическое (эмоциональное) состояние, предшествующее смерти несовершеннолетнего

Характеристика психического состояния, предшествовавшего смерти несовершеннолетнего, является результатом психологического исследования и формулируется на его финальной стадии. Для составления такой характеристики необходим анализ факторов, обусловивших формирование этого состояния или оказавших на него существенное влияние. Естественно, что в качестве главного фактора при этом должны рассматриваться действия обвиняемого по ст. 110 и 110.1 УК РФ. Однако, как уже указывалось, не всегда это лицо конкретно обозначено. В этом случае задачей психолога эксперта становится анализ возможных факторов, повлиявших на психическое состояние несовершеннолетнего в период перед суицидом.

В алгоритме анализа психолога-эксперта можно выделить несколько этапов, которые, при условии достаточного количества материалов, позволяют прийти к экспертным решениям и ответам на вопросы следствия. В рамках предварительного анализа экспертом рассматриваются основные факторы развития подростка, которые оказывают влияние на его интеллектуальное становление, формирование индивидуально-психологических особенностей, формирование личности в целом. В целях такого анализа всю совокупность факторов уместно разделить на внешние и внутренние, в зависимости от того, исходит ли

влияние от внешней среды или от самого подростка, и рассмотреть отдельные источники такого влияния в рамках данных категорий (рис. 1). Исследуется информация, характеризующая общее психическое развитие, включая его ранние периоды. Как правило, ценным источником оказываются свидетельства родителей и данные из образовательных учреждений, позволяющие выстроить траекторию развития несовершеннолетнего.

Решение о совершении самоубийства по определению является осознанным выбором личности. Следовательно, важным внутренним фактором для совершения суицида служат личностные особенности несовершеннолетнего. В связи с этим следствие часто задает эксперту вопрос, каковы индивидуально-психологические особенности подростка и каким образом они повлияли на его психическое состояние, предшествовавшее самоубийству. Эту формулировку также следует рассматривать как экспертную и требующую перевода в профессиональную психологическую терминологию. Не имея собственного юридического значения, вопрос об индивидуально-психологических особенностях является важным элементом в экспертном анализе, являясь базисом не только для диагностики эмоционального состояния, но и для анализа взаимодействия личности и ситуации, которая развивается на протяжении формирования этого эмоционального состояния. Индивидуально-психологические особенности не исчерпывают личностных характеристик человека. В контексте КСПЭ помимо типологических черт необходимо анализировать мотивационно-смысловую сферу несовершеннолетнего: систему его интересов и увлечений, желаний и планов, представлений о себе, о других, о мире в целом, о правилах и нормах общения и жизни в обществе в целом, о том, что в жизни важно и неважно и т.п. Индивидуально-психологические особенности подростка фиксируют повторяющиеся устойчивые формы реализации его основных мотивов и смыслов. Материалы уголовного дела, как правило, содержат свидетельские показания и документы, позволяющие составить относительно полное представление о личности подростка. Из показаний родителей, сверстников, соучеников, а также материалов собственной продукции подростка экспертом выстраивается структура его личностных характеристик, особенностей самосознания и мотивационно-смысловой сферы, а также системы его социальных связей и поддержки. Особое внимание при этом следует обратить на те характеристики несовершеннолетнего, которые свидетельствуют о его психологической уязвимости (например, эмоциональной нестабильности, импульсивности, ранимости и т.п.), а также склонности к дезадаптивным формам поведения: рискованному, аутоагрессивному, в том числе суицидальному, поведению. Полезно также выяснить, каков стиль поведения свойственен подростку в субъективно сложных ситуациях. Одной из проблемных и конфликтных областей смысловой сферы подростков является их неустойчивое отношение к себе на фоне формирующегося самосознания.

В качестве значимого внутреннего фактора выступают возрастные психологические характеристики: возрастной период, в котором находился несовершеннолетний, соответствие психического развития возрастным нормативам или отклонение от норм. Для подростков важным обстоятельством является кризисный характер подросткового возраста и свойственные ему особенности: колебания эмоций, несовершенство регуляции поведения, полярность оценок, неуверенность в себе и стремление к самоутверждению, трудности прогнозирования, склонность к риску и другие, что при неблагоприятных условиях

повышает вероятность необдуманных поступков, в том числе аутоагрессивного характера.

Наконец, следует учитывать такой нередко встречающийся внутренний фактор, как наличие у несовершеннолетнего психического расстройства, которое в психологическом плане выступает в качестве патопсихологических особенностей или патопсихологического синдрома. Их влияние на поведение подростка также может быть значительным и облегчать проявление склонности к суицидальному поведению.

Перечисленные внутренние факторы в их сочетании и различных соотношениях могут быть рассмотрены более подробно и дифференцированно, однако в данном контексте мы лишь обозначаем направления экспертного психологического исследования.

В области внешних факторов можно выделить несколько основных компонентов. Наиболее общий – социальная ситуация развития несовершеннолетнего, под которой, вслед за Л.С. Выготским, мы понимаем «специфическую для каждого возраста систему отношений ребёнка с окружающим миром» [1]. Таким образом, это не просто окружающая ребенка, подростка, социальная среда, а именно система его отношений с окружением в широком смысле слова. Окружение ребенка имеет ряд уровней, которые демонстрирует схема, предложенная У. Бронфенбреннером в рамках созданной им теории экологических систем [7].

Рис. 2. Многоуровневая система социального окружения

К микросистеме относятся люди, имеющие с ребенком наиболее близкий контакт – семья. Мезосистема включает в себя также непосредственный круг общения - школу, друзей и сверстников, соседей. В экзосистему входят другие люди и организации (дальние родственники, работа родителей, различные юридические и социальные службы, СМИ). Наконец, макросистема несет в себе установки и идеологию данной системы. Все

подсистемы имеют гибкие прямые и обратные связи, подвижны и изменчивы. Процессы воспитания, обучения, общения включены в функционирование описанной системы (рис.2). В силу актуальных изменений последних десятилетий важным дополнением в схеме, не предусмотренной автором, является проникновение в современную жизнь цифровых технологий, сети Интернет и социальных сетей, которые существенно модифицировали структуру деятельности и общения людей XXI века, особенно молодежи, и создали новый широкий круг их взаимодействия и потребления информации. Этот феномен также при необходимости может быть вписан в предложенную систему социального окружения ребенка в качестве нового экологического звена. Взаимодействие с каждым из этих звеньев формирует личность ребенка и подростка, развивая его сильные и слабые стороны. Обращение к описанной схеме может облегчить рассмотрение процессов социального и психологического развития несовершеннолетнего подэкспертного.

Анализ социальной ситуации развития несовершеннолетнего в рамках КСППЭ следует проводить в динамике онтогенеза и описывать изменения, происходящие с ребенком в разные возрастные периоды. При этом необходимо отмечать в том или ином периоде присутствие разного рода неблагоприятных событий и влияний, которые могли оказывать негативное воздействие на формирование личности подростка. Рекомендуется уделять внимание психотравмирующим событиям, в особенности – случаям суицидов в ближайшем окружении несовершеннолетнего, которые существенно повышают риск суицидального поведения самих подростков. Важно зафиксировать при анализе случаи жестокого обращения с ребенком в прошлом.

Внешним фактором, имеющим большое значение для КСППЭ, является актуальная ситуация несовершеннолетнего, сложившаяся незадолго до его самоубийства. Как правило, самоубийству подростка предшествует обострение прежних неблагоприятных условий либо возникновение новых трудноразрешимых проблем и конфликтов, с которыми ему не удается справиться. Такие проблемы могут возникать в различных сферах – в семье, школе, в общении со сверстниками, а порой, как это можно было наблюдать у старших подростков и юношей, в разных сферах одновременно. В сочетании с личностной уязвимостью и возрастной незрелостью это может привести к отказу адаптационных возможностей несовершеннолетнего.

Принципиально важным шагом предварительного анализа выступает рассмотрение динамики состояний подростка во временной перспективе. В случае обнаружения эпизодов дисрегуляции эмоциональных переживаний несовершеннолетнего, в них стоит выделить, с одной стороны, ситуативные обстоятельства, вызывающие эмоциональную реакцию (характеристики ситуации, включая степень ее травматичности, субъективной оценки со стороны подростка), с другой стороны, особенности их проживания (длительность переживания, степень его вовлеченности, способы совладания со стрессовой ситуацией). Также эксперты обращают внимание на межличностные конфликты, которые являются ключевыми в контексте социальной ситуации развития или оцениваются подростком как значимые. Существенным элементом анализа изменений состояний подростка является учет аутоагрессивного и суицидального поведения, которые служат маркерами тяжести переживания и особых эмоциональных состояний, а также дисфункциональности выбираемых поведенческих стратегий. Такой анализ позволяет прийти к определению

одного из вариантов эмоциональных состояний, которые можно зафиксировать в периоде, предшествующем суицидальному поступку. Среди основных состояний, квалифицируемых экспертами-психологами, выделяются эмоциональное напряжение, эмоциональное возбуждение и подавленность. Сформировавшееся состояние, как правило, выступает наряду с особым восприятием ситуации ухода из жизни: искаженным (самоубийство воспринимается в качестве допустимого или даже оптимального варианта разрешения проблемы, либо реализации нереалистичных представлений о результате поступка) или незрелым (в виде недооценки значения и непонимания окончательности суицида).

Особое значение при анализе актуальной ситуации имеет выявление жестокого обращения, угроз, систематического унижения по отношению к несовершеннолетнему (предусмотренных в диспозиции ст. 110 УК РФ). Установление причинно-следственной связи между подобными действиями определенного лица, даже если оно не выступает в качестве официального обвиняемого, и психическим состоянием несовершеннолетнего в период, предшествующий суициду, дает существенные основания правоохранительным органам соответствующим образом юридически квалифицировать такие действия. Вместе с тем, на чрезмерно широко поставленные вопросы или не относящиеся к его компетенции, такие, например, как выявление в материалах уголовного дела признаков воздействия на несовершеннолетнего со стороны каких-либо лиц, психолог-эксперт не отвечает. Даже описывая различные воздействующие на подростка факторы, эксперт не берет на себя функции судебно-следственных органов по расследованию конкретных обстоятельств преступления.

В неблагоприятной актуальной ситуации подросток стремится найти психологическую поддержку близких и значимых для него лиц. Во многих случаях такая поддержка способна противостоять риску суицидального поведения. Однако поддержка, которую ищет несовершеннолетний, может иметь и негативный характер. Она может быть получена от друга, также имеющего суицидальные склонности, либо со стороны единомышленников на сайтах с суицидальным содержанием, которые повысят для него субъективную ценность смерти как способа разрешения проблем. Оценка влияния близкого для несовершеннолетнего человека важна для понимания динамики и смысла суицидального поведения подростка. Если от такого партнера исходят предложения или советы, направленные на мотивирование несовершеннолетнего к совершению самоубийства, то эксперту важно отразить это в заключении, так как установление причинно-следственной связи между такими предложениями и советами также дает основание следствию для юридической квалификации преступления.

Наконец, внешним агентом может стать влияние алкоголя и психоактивных веществ на сознание несовершеннолетнего. Оно облегчает совершение суицида, так как искажает восприятие подростком происходящего и снимает внутренние барьеры перед совершением самоубийства.

Все перечисленные внутренние и внешние факторы могут иметь значение для смысловой переработки несовершеннолетним восприятия ситуации, образа «Я» и смерти. При этом ситуация понимается в широком смысле, в нее включается не только актуальный конфликт или проблема, но и социальное окружение на разных уровнях, а также прогноз событий и образ будущего. Анализ осмысления смерти имеет особое значение именно в случае

подростков, так как у них в силу возрастной незрелости может быть недостаточно развито представление о смерти как окончательной и безвозвратной. Опосредующим элементом между обозначенными смысловыми структурами и эмоциональным состоянием служит образ возможного будущего. В нем отражается восприятие себя в рамках сложившейся ситуации, а также образ смерти, как возможного исхода. Специфика картины будущего зависит от всех указанных элементов, а эмоциональное состояние несовершеннолетнего в пресуицидальной ситуации можно рассматривать как общий результат такой смысловой работы. В каждом конкретном случае роль влияния отдельных описанных выше внешних и внутренних факторов на формирование смыслов подростка будет разной, однако решающее значение будет иметь один или несколько взаимодействующих факторов. Это позволит сделать заключительный экспертный вывод об их причинно-следственной связи с психическим состоянием несовершеннолетнего, предшествовавшим самоубийству (рис. 1).

Фактически, для принятия решения о причинно-следственной связи между действиями конкретного лица и возникновением и развитием психического состояния, предшествовавшего суициду, необходима оценка качества взаимодействующих факторов и их содержания. Также необходимо указание со стороны следствия на конкретные действия лица, которое обвиняется в доведении до самоубийства. В случае, если единственный или доминирующий фактор формирования пресуицидального эмоционального состояния совпадает с идентифицированными в уголовном деле действиями обвиняемого – эксперт вправе сделать вывод о наличии причинно-следственной связи между ними (рис.3).

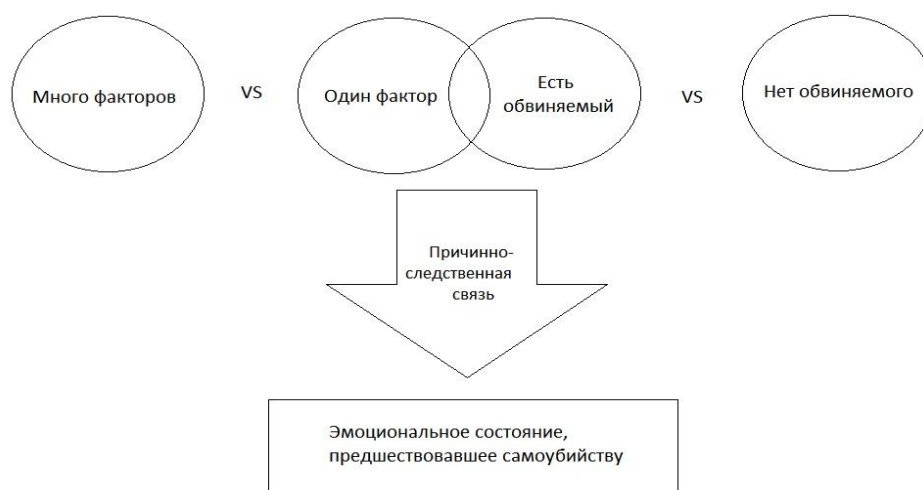

Рис.3. Схема решения вопроса о причинно-следственной связи между действиями конкретного лица и возникновением и развитием психического состояния, предшествовавшего суициду

Материалы уголовного дела, как правило, позволяют провести описанный выше анализ и подготовить ответы на вопросы следствия. Однако заключение эксперта должно иметь доказательное значение, в связи с чем рекомендуется строить его в определенной последовательности, сходной с уже описанной логикой анализа (рис.4).

Рис.4. Основные элементы заключения эксперта-психолога в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по факту самоубийства несовершеннолетних

Структура и содержание резюмирующей части заключения и ответов на вопросы следственных органов зависят от характера выявленного состояния в период, предшествовавший суициду, основных факторов, оказавших влияние на формирование этого состояния, возможности выделить из указанных факторов основной, и наличия конкретного обвиняемого лица, совершившего действия, связанные с формированием исследуемого состояния (в том числе посредством сети Интернет). В случае, если выделение доминирующего фактора объясняет наличие причинно-следственной связи действий конкретного лица с формированием эмоционального состояния у несовершеннолетнего, то данный вывод будет иметь юридическую значимость.

Доказательный характер заключения определяется также опорой на материалы уголовного дела. Каждое положение должно быть снабжено ссылкой на свидетельские показания или документы, содержащиеся в уголовном деле. Ответы на вопросы формулируются в

Сыроквашина К.В.
Психологический анализ в рамках комплексной
судебной психолого-психиатрической экспертизы по
делам о самоубийстве несовершеннолетних: алгоритм,
факторы, основные элементы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 248–259.

Syrokvashina K.V.
Psychological analysis in the framework of the
comprehensive forensic psychological and psychiatric
examination in cases of juvenile suicide: algorithm,
factors, main elements
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 248–259.

терминах, в которых они были поставлены, при этом в аналитической и резюмирующей части используется психологическая терминология, которая должна быть понятна или разъяснена неспециалистам.

В представленном алгоритме проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по факту самоубийства несовершеннолетних нами перечислены необходимые для исследования факторы и предложены шаги, предпочтительные для полного и взвешенного решения экспертных вопросов. Экспертная работа в соответствии с предложенным алгоритмом позволит соблюсти структуру судебно-психологического анализа и наполнить доказательную базу заключения содержательно значимыми элементами, позволяющими осмыслить суицидальный поступок подростка и сделать последовательные и качественные выводы.

Литература

1. *Выготский Л. С.* Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
2. *Горинов В.В.* Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза в уголовном процессе // Руководство по судебной психиатрии / Под ред. А.А.Ткаченко. 2-е изд. М.: Юрайт, 2013. 966 с.
3. *Кудрявцев И.А.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Изд-во МГУ, 1999. 497 с.
4. *Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Шишков С.Н., Полубинская С.В.* Подготовка материалов следователями для производства посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, окончивших жизнь самоубийством (статья 110 УК РФ). Методические рекомендации. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2018. 20 с.
5. *Сафуанов Ф.С.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза лица, окончившего жизнь самоубийством // Медицинская и судебная психология. Курс лекций. 4-е изд. М.: Генезис, 2016. 658 с.
6. *Сыроквашина К.В.* «Психологическая аутопсия» при суициде: история вопроса и современное состояние // Суицидология. 2018; 9 (3): 80-86. doi: [https://doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-03\(32\)-80-86](https://doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-03(32)-80-86)
7. *Bronfenbrenner U.* The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 330 p.

References

1. *Vygotskii L. S.* Psikhologiya razvitiya cheloveka [Human developmental psychology] M.: Izd-vo Smysl; Eksmo, 2005. 1136 p.
2. *Gorinov V.V.* Posmertnaya sudebno-psikhiatricheskaya ekspertiza v ugovolnom protsesse [Posthumous forensic psychiatric examination in criminal proceedings]. *Rukovodstvo po sudebnoi psikhiatrii [Forensic Psychiatry Guide]*. Pod red. A.A.Tkachenko. 2-e izd. - M.: Yurait, 2013. - 966 p.
3. *Kudryavtsev I.A.* Kompleksnaya sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza [Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination]. M.: Izd-vo MGU, 1999. 497

Сыроквашина К.В.

Психологический анализ в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о самоубийстве несовершеннолетних: алгоритм, факторы, основные элементы
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 248–259.

Syrovkashina K.V.

Psychological analysis in the framework of the comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in cases of juvenile suicide: algorithm, factors, main elements
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 248–259.

р.

4. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Shishkov S.N., Polubinskaya S.V. Podgotovka materialov sledovatelyami dlya proizvodstva posmertnoi kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy nesovershennoletnikh, okonchivshikh zhizn' samoubiistvom (stat'ya 110 UK RF). Metodicheskie rekomendatsii [Preparation of materials by investigators for the production of a posthumous complex forensic psychological and psychiatric examination of minors who committed suicide (Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation). Guidelines]. M.: FGBU «NMITs PN im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2018. 20

р.

5. Safuanov F.S. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo–psikhiatricheskaya ekspertiza litsa, okonchivshogo zhizn' samoubiistvom [Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of a person who committed suicide]. *Meditinskaya i sudebnaya psikhologiya. Kurs lektsii [Medical and forensic psychology. Lecture course]*. 4–e izd. M.: Genezis, 2016. 658 p.

6. Syrovkashina K.V. «Psikhologicheskaya autopsiya» pri suitside: istoriya voprosa i sovremennoe sostoyanie ["Psychological autopsy" for suicide: history and current status]. *Suitsidologiya [Suicidology]*. 2018; 9 (3): 80-86. doi: [https://doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-03\(32\)-80-86](https://doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-03(32)-80-86)

7. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 330 p.

Информация об авторах

Сыроквашина Ксения Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrovkashina@mail.ru

Information about the authors

Kseniya V. Syrovkashina, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Senior Researcher, The Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrovkashina@mail.ru

Получена 03.06.2020

Принята в печать 07.09.2020

Received 03.06.2020

Accepted 07.09.2020